

744
854

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВГУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 14

Витебск 2012

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2012 • Том 14

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 20.12.2012 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Солодков (*главный редактор*),
И.М. Прищепа (*зам. главного редактора*),
В.Ю. Боровко, Л.М. Вардомацкий, С.В. Голубев, Е.В. Давлятова, А.П. Косов,
О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов,
А.А. Нестеренко, В.И. Нестерович, В.Н. Поклонская, Э.И. Рудковский,
А.В. Русецкий, М.А. Слемнев, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (*Польша*), Зина Гимпелевич (*Канада*), И.А. Королева (*Россия*),
А.А. Михайлов (*Россия*), В.Н. Никитин (*Россия*), Эрик Екабсонс (*Латвия*), Т.А. Яценко (*Украина*)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
В54 Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2012. – Т. 14. – 241 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2012

Оглавление

Contents

История

Мандрик И.В. Социальная политика в Республике Беларусь в период 1991–2010 гг.: модель, этапы формирования, проблемы

5

Гребень Е.А. Проблема медицинского обслуживания в период нацистской оккупации Беларуси ...

23

Мезга Н.Н. Рижский договор 1921 г. в работах советских историков межвоенного времени

31

Уваров И.Ю. Увеличение роли торгового капитала в экономике Великого княжества Литовского в конце XV – XVI в.

38

Острога В.А. Кафедра истории Витебского государственного педагогического института в 1918–1955 гг. ...

45

Тимофеев Р.В. Состояние и совершенствование технической оснащённости белорусского транспорта (конец 1943 – 1991 год)

53

Павлов Л.Ю. Гурты порционного скота и их роль в обеспечении мясным довольствием войск Северо-Западного (Западного) фронта российской армии в годы Первой мировой войны

79

Яковлева Г.Н. Последствия левозэсеровского мятежа 6 июля 1918 года на локальном уровне (на примере Витебщины)

90

Апанович К.О. Контакты Восточных патриархатов с православной церковью на восточнославянских землях Речи Посполитой (1596–1632 гг.)

98

Цинкевич А.А. Последствия

111

History

Mandrik I.V. Social policy in the Republic of Belarus between 1991–2010: model, stages, problems

5

Hreben Y.A. Problem of medical service during the Nazi period in Belarus

23

Mezga N.N. Riga 1921 treaty in works of Soviet historians of interwar time

31

Uvarov I.Y. Strengthening of the role of trading capital in the economy of Grand Duchy of Lithuania in the late XVth – XVIth centuries

38

Astroha V.A. Department of History of Vitebsk State Pedagogical Institute in 1918–1955

45

Timofeev R.V. Condition and improvement of the technical provision of Belarusian transport in late 1943 – 1991

53

Pavlov L.Y. Groups of portion cattle and their role in meat provision of the North-Western (Western) front line forces of the Russian army during World War I

79

Yakovleva G.N. Consequences of the Left Socialist Revolutionary riot of July 6, 1918 on the local level (on the example of Vitebsk Region)

90

Apanovich C.O. The relations between the Eastern Patriarchates and the Kiev Metropolitanate (1596–1632)

98

Tsynkevich A.A. Consequences of

111

войны 1812 г. для православной церкви в Беларуси

Косов А.П. Внешняя политика США в отношении КНР в 1949–1969 гг.

118

Философия

Романов О.А. Проблема начала русской философии: методология и источники

129

Гончаров Д.Н. Образование понятий естественного и гражданского состояния

140

Филология

Дзядова А.С. Канцэпт “слова” ў парэміялагічных адзінках беларускай мовы

147

Скребнева Т.В. Логико-философские взгляды на личное имя

156

Падстаўленка В.Ф. Філасофскія канцэпцыі *антыэстэтыкі вайны і амбівалентнасці Быцця* ў нацеле “Госць прыходзіць на золкім світанні” У. Караткевіча

163

Пісарэнка А.М. Лінгвастылістычны аналіз эскіза Івана Пташнікава “Ірга каласістая”

170

Ефимчик О.Е. Языковые предпочтения туркменских студентов, обучающихся в Беларуси

177

Лапушинская Н.О. Символические значения компонента *глаз* во фразеологизмах

185

Гладкова Г.А. Літаратурнае наследаванне як творчая манера Ігнація Быкоўскага

194

Пасютина Ю.Н. Персоноцентрическая валентность: особый модус художественности

203

Кулик О.П. Эссеистическое и новеллистическое наследие Г.Дж.

209

the 1812 War for the Orthodox Church in Belarus

Kosov A.P. The US foreign policy towards CPR in 1949–1969

118

Philosophy

Romanau A.A. The issue of the beginning of Russian philosophy: methodology and sources

129

Goncharov D.N. The formation of concepts of state of nature and civil status

140

Philology

Dsyadova A.S. The concept of word in paremiological units of the Belarusian language

147

Skrebneva T.V. Logical and philosophical views on the personal name

156

Podstavlenko V.F. Philosophic concepts of *antiesthetics of war and ambivalence of being* in the novel “Guest comes in chilly sunrise” by U. Karatkevich

163

Pisarenka A.M. Linguo-stylistic analysis of Ivan Ptashnikov’s sketch “Irga kolosistaya”

170

Yefimchik O.E. Language preference of Turkmen students studying in Belarus

177

Lapushynskaya N.A. Symbolic meanings of the component of *eye* in phraseological units

185

Gladkova A.A. Literary imitation as the creative manner of Ignaty Bykouski

194

Pasiutsina Y.N. Personality centered valence: a special literary mode

203

Kulik O.P. Essayistic and novelistic heritage of H.G. Wells

209

Уэллса

Новикова Л.П. Двухязычие и фонетическая интерференция в публичной речи билингвов 217

.....
Галковская Ю.М.
Партиципальная характеристика номинативной ситуации в приграничье: роль субъектов-номинаторов в вопросах присвоения имени 224

.....
Шумко В.В. Русское и белорусское фантастование 231

Novikova L.P. Bilingualism and phonetic interference in public speech of bilinguals 217

.....
Galkovskaya Y.M. The participational characteristic of the nominative situation in the border zone: the role of nominators in name giving process 224

.....
Shumko V.V. Russian and Belarusian fantasy studies 231

УДК 94/476

Социальная политика в Республике Беларусь в период 1991–2010 гг.: модель, этапы формирования, проблемы

Мандрик И.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Разработанное и представленное исследование является логическим продолжением напечатанной ранее в данном издании (Т. 12, с. 49–62) статьи: «Переход к рыночной экономике в Республике Беларусь: проблемы формирования социально ориентированного государства (1991–2010 гг.)». Обе работы являются составной частью государственной программы научных исследований на 2011–2015 годы «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии», которую ведет кафедра истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

В данной статье рассматриваются основные направления государственной социальной политики в Республике Беларусь после обретения ею независимости. Исследуется процесс поиска оптимального варианта социальной политики в республике во время перехода к новой социально-экономической системе. Особое внимание в работе уделяется возникающим проблемам при осуществлении курса на эффективную социальную политику в белорусской модификации.

***Ключевые слова:** социальная политика, либеральная модель, патерналистская модель, белорусская модель, уровень благосостояния, социальная защита населения.*

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 5–22)

Social policy in the Republic of Belarus between 1991–2010: model, stages, problems

Mandryk I.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The developed and presented study is logical continuation of the earlier published by this periodical (Vol. 12, p. 49–62) article “Transition to market economy in the Republic of Belarus: issues of building socially oriented state (1991–2010)”. Both the works are compound parts of the state programme of scientific research in the years of 2011–2015 “Humanitarian sciences as a factor of the development of Belarusian society and state ideology”, which is being carried out by the Belarusian History department of Vitebsk State Masherov University. The article considers main directions of state social policy in the Republic of Belarus after acquiring independence. The main directions of the state social policy in the Republic of Belarus since its independence are discussed in this article. It is studied the process of finding the optimal variant of social policy in the Republic during the transition to the new socio-economic system. Special attention is paid to the problems encountered in the implementation of the policy of effective social policies in the Belarusian modification times.

***Key words:** social policy, liberal model, paternalistic model, Belarusian model, welfare level, social security of population.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 5–22)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – И.В. Мандрик

Интерес ученых к государственной социальной политике очень высок.

Их внимание сосредоточено на создании и развитии стратегической концепции по управлению социальной сферой общества. Определенный вклад в теоретическую разработку и практическое воплощение социальной политики в повседневную жизнь внесли ученые многих стран. Отметим здесь Лоренса фон Штейна, который на основе концепции английского экономиста Дж. Кейнса разработал теорию социального государства. Смелые и обоснованные идеи превращения буржуазных государств в государства всеобщего благоденствия (*welfare state*) внесли ученые – Л. Штейн, А. Вагнер, Г. Геллер, Т. Маршалл и др.

Целенаправленно ведутся сегодня научные исследования по данной проблеме в России. Для координации научной, практической и законодательской деятельности по проблеме «Социальное государство в XXI веке» здесь создан Межведомственный творческий коллектив. Комплексное исследование по разработке и реализации социальной политики на современном этапе ведет профессорско-преподавательский состав МГУ им. М.В. Ломоносова, Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, Академии труда и социальных отношений (АТиСО, Москва). Силами ученых (в основном этих высших учебных заведений) подготовлена концепция социального аудита и система индикаторов для оценки результатов социальной деятельности государственных и общественных систем.

На белорусскую модель социальной политики существуют различные точки зрения. Отечественные и большинство российских ученых характеризуют нашу модель положительно. Считают, что постепенный эволюционный путь преобразований, осуществляемый в республике, при переходе от планово-директивной к рыночной экономике, оказался более оптимальным, чем в других постсоветских странах. В работах отмечается, что за относительно

небольшой период в республике преодолен послекризисный спад уровня жизни населения, осуществлен ряд важных шагов в области социальной политики, в том числе по реализации приоритетных национальных проектов в сфере здравоохранения, образования, демографической политики, агропромышленного комплекса.

Некоторые западные ученые указывают на низкую, по сравнению с высокоразвитыми странами, эффективность осуществляемой в Беларуси социальной политики из-за ее патерналистского характера. Подчеркивают чрезмерное вмешательство государственных структур в социальную составляющую. Отдельные из них указывают на нарушения правительством Республики Беларусь конвенций и рекомендаций Международной организации труда (МОТ) в части свободного объединения граждан в национальные организации для защиты своих экономических и социальных интересов.

Все это говорит об актуальности и востребованности комплексного исследования социальной политики в Республике Беларусь на данном этапе (1991–2010 гг.).

Цель статьи – анализ содержания социальной политики в Республике Беларусь в период формирования рыночных отношений.

В соответствии с поставленной целью автор решает в данной работе следующие основные задачи:

- выявить различия между либеральной и патерналистской моделью социальной политики;
- раскрыть этапы формирования и становления государств с рыночной экономикой и эффективной социальной политикой;
- охарактеризовать белорусскую модель социальной политики, проследить этапы ее формирования;
- выявить и объяснить причины глобального социального кризиса в республике в процессе перехода от планово-

административной к рыночной экономике (1991–1994 гг.);

– объяснить обусловленность, рациональность и результативность принятого в середине 1990-х годов решения об усилении государственного регулирования в экономическом и социальном развитии;

– раскрыть противоречия, имеющиеся в социальной сфере республики, показать возможные пути их устранения.

Материал и методы. Источниковедческой базой исследования является научная литература зарубежных и отечественных авторов разных эпох, избравших для изучения важнейшую для человечества проблему – «поднятия низших обездоленных классов до уровня богатых и сильных». Особое внимание проявлялось к тем источникам, в которых изложен практический опыт обеспечения качества жизни по высоким стандартам.

Использованы официальные государственные документы, принятые в Республике Беларусь в 1990–2012 годах. Изучены статистические показатели, характеризующие благосостояние белорусского народа. Рассмотрена модель социальной политики, реализуемой в стране, этапы ее формирования.

В исследовании применялись принципы объективности и системности, а также следующие методы: историко-системный, анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. Анализируя публикации известных зарубежных и отечественных экономистов, историков, социологов и политологов, которые рассматривали проблемы формирования и становления социальных государств раннего периода, а также тех, чье внимание сосредоточено на этой проблематике сегодня (Ф. Фукуяма, П. Бурдьё, Н. Ромашевская, В. Чичканов, В.Ф. Ушаков, Б.В. Ракитский, Н.А. Волгин, Т.С. Сулимова, В.Н. Шимов, А.А. Быков, Л.М. Крюков, Е.В. Ванкович и др.), можно отметить, что, несмотря на отдельные расхождения, их объединяет общий подход. Социальную политику они характеризуют как деятельность по управлению со-

циальной сферой общества, обеспечению материальных и культурных потребностей его членов, регулированию процессов социальной дифференциации общества, в том числе доходов экономически активного населения и нетрудоспособных граждан.

Их мнение сходится и в том, что наиболее результативна та социальная политика, которая позволяет каждому члену общества реализовать его важнейшие социально-экономические права и, прежде всего, право на уровень качества жизни, необходимый для нормального воспроизводства и развития личности [1].

Эти и другие авторы, освещающие в научной литературе разнообразные аспекты социальных отношений, рассматривают социальную политику в узком и широком значениях.

В узком плане социальная политика рассматривается как деятельность государства, политических и общественных институтов, направленная на прогрессивное развитие социальной сферы общества, совершенствование условий, образа и качества жизни людей, обеспечение их жизненных потребностей, оказание гражданам необходимой социальной поддержки, помощи и защиты с использованием для этого имеющегося финансового и иного общественного потенциала.

В широком понимании социальная политика определяется как совокупность теоретических положений и практических мер, вырабатываемых и реализуемых государственными и негосударственными органами, организациями, направленными на создание необходимых условий жизнедеятельности, удовлетворение возрастающих социальных и духовных потребностей населения, создание в обществе благоприятного социального климата.

В соответствии с национальными проектами социальная политика реализуется в странах мира через, как они классифицируются учеными, либеральную или патерналистскую модель.

Либеральное направление социальной политики предусматривает оказание социальной помощи и поддержки нуждающимся слоям населения, но основную массу трудящихся оно ставит в условия причастности и ответственности за результаты труда, что позволяет им самим определять свой социальный статус через участие на всех уровнях власти и управления в выработке и экспертизе социальной политики. Такое направление делает человека субъектом в определении своего социального статуса, формирует у него стимулы к высоко производительному труду, личную ответственность при решении приоритетных для себя жизненных проблем и обеспечения своего благосостояния.

Патерналистское направление в социальной политике предусматривает полную ответственность государственных структур за все, что происходит в отраслях социальной сферы, снижая таким образом чувства ответственности самих граждан за конечные результаты, в том числе за состояние экономики страны, которое и является основным звеном при выборе направления социальной политики. При патерналистской модели осуществляется адресная социальная поддержка фундаментальной науки, обороны, отдельных социальных слоев населения (пенсионеры), отдельных лиц (инвалиды, временно нетрудоспособные) и других категорий, которым трудно или невозможно вписаться в механизм рыночных отношений.

Анализ показывает, что чисто либеральной или патерналистской модели не существует. Каждая страна имеет собственную модификацию социального развития, которая отличается своими механизмами и уровнем эффективности. В Германии, Швеции, Японии, США, других странах-членах организации экономического сотрудничества и развития успехи в реализации социальной политики, которых они добились в конце XX века, связывают больше с либеральной моделью. Проводимая в этих странах социальная политика имеет не только собственное название – «немецкая модель»,

«шведская модель», «японская модель», «американская модель», но и собственную модификацию со специфическими оттенками (социал-демократическая, консервативная, собственно-либеральная), что обусловлено становлением определенных систем социально-экономических отношений в рамках формирования рыночных отношений. Естественно, что к сложившейся национально-либеральной модели социальной политики эти государства шли постепенно, по-разному, учитывая свои исторические и природно-экономические особенности. В настоящее время вышеназванные и подобные им страны с высоко развитой экономикой ориентируются в большей степени на самостоятельное решение большинством граждан своих социальных проблем, оказывая социальную помощь и поддержку уязвимым слоям населения. Социальная компонента здесь изначально обеспечивает реальное ощущение населением связи улучшения своего благосостояния с результатами экономических преобразований. Для трудоспособного населения здесь создаются экономические и юридические условия, позволяющие гражданам за счет собственных доходов иметь более высокий уровень социального потребления, включая комфортное жилье, лучшее качество услуг в сфере образования и здравоохранения, достойный уровень жизни в пожилом возрасте. При выходе на пенсию, в случае болезни, потери работы, а также при несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваниях человек имеет практически полную обеспеченность за счет фондов социальной защиты.

Исходя из названных выше двух моделей социальной политики, социальную политику белорусского государства на этапе 1991–2010 гг. нельзя охарактеризовать однозначно – либеральной или патерналистской. Здесь рыночная экономика, а вместе с ней и социальная политика формировались постепенно, шел поиск более эффективной модели. Но в целом белорусская модель социальной политики в рассматриваемый период

была близка к той, которую принято называть патерналистской. Разрабатывая и воплощая среднесрочные и долгосрочные планы социально-экономического развития страны, белорусское государство рассматривало себя в качестве всемогущего субъекта. Властные структуры, в силу сложившихся обстоятельств, несли в это время полную ответственность за все происходящее в экономике и в отраслях социальной сферы.

В то же время можно отметить, что на отдельных этапах (1991–1995 гг. и 2001–2008 гг.) независимого развития республики у руководителей страны было стремление приблизить социальную политику к либеральной модели. Так уже в 1990 г., в принятой правительством В. Кебича программе перехода к рыночной экономике, предпочтение отдавалось Западной модели хозяйствования, при которой заработная плата определяется только общественно полезными действиями человека. Задача на ближайшую перспективу, как она выражена в программе, состояла в упразднении административно-плановой экономики.

Однако, видя опасность возрастания социального напряжения в обществе, руководство республики не могло в это время отказаться от датируемой социально направленной практики советского периода, когда государство гарантировало обязательные социальные параметры для населения (что особенно ярко проявлялось и, как известно, не без успеха, в сфере образования, здравоохранения, культуре). Поэтому было решено сохранить ранее сложившуюся, насколько возможно было в тех условиях, гарантированную социальную защищенность людей. Допуская создание частных форм собственности в социальной сфере (платные общеобразовательные школы, вузы, медицинская помощь и другие услуги), преимущество отдавалось сохранению сложившейся в прежние годы государственной системы социального обеспечения, образования, здравоохранения, жилищного и коммунального хозяйства, сельского хозяйства, социально-бытового обслуживания населения [2, с.

535–538]. Для предприятий и организаций всех форм собственности устанавливался обязательный минимум оплаты труда, населению частично компенсировались расходы от инфляции, создан фонд социальной защиты населения.

Предполагалось, что отход от советских механизмов в решении социальных проблем общества можно будет сделать не ранее чем через два–три года, когда сформируется новая социально-экономическая система, способная обеспечить динамичное развитие хозяйственного комплекса республики. Расчеты строились на том, что рыночная экономика, в которой все участники производства станут принимать непосредственное заинтересованное участие в социально-экономических преобразованиях, сама по себе отрегулирует производство и потребление, и на этой основе трудоспособное население без государственных социальных дотаций достигнет более высокого, чем на предыдущем, советском этапе, уровня жизни.

Большие надежды возлагались на проводимую приватизацию государственной собственности через именные чеки «Маёмасць». Но в силу объективных (коренные перемены общественного строя не могут быть осуществлены в короткой исторический период) и субъективных причин (недоверие к капиталистическому способу производства у руководителей и работников предприятий) смена форм собственности в республике на первоначальном этапе (1991–1994 гг.) происходила во многом стихийно. Не было прочной правовой базы, отсутствовала продуманная концепция и методика. Не оправдались ожидания и надежды владельцев акций стать собственниками части ранее созданного ими богатства в стране.

Объективности ради, все же следует отметить, что торопливости в демонтаже ранее существовавшей экономической системы, как это происходило в других республиках, в Беларуси не было. К концу 1993 г. приватизировано только несколько сот мелких и средних предприятий (около 3%), крупные и прибыльные

предприятия оставались в госуправлении [3, с. 27]. Однако разрушение экономического единства республик привело к тому, что белорусские промышленные и сельскохозяйственные предприятия работали гораздо менее эффективно по сравнению с советским периодом. Вместо стабилизации в ведущих отраслях производства произошло его заметное падение. К 1995 г. в станкостроении, машиностроении, тракторостроении падение производства составило до двух третей [4, с. 318, 319].

Подобный процесс происходил и на транспорте. Объемы перевозок грузов в 1995 г. (по сравнению с 1990 г.) всеми видами транспортного конвейера уменьшились с 1127,5 до 398,3 млн тонн. Ведущий вид транспорта республики – железнодорожный – снизил перевозки грузов на 74,4 млн тонн, или более чем на 38% [4, с. 425]. Интенсивно снижалось производство других видов промышленной продукции и продукции, предназначенной для удовлетворения личных интересов населения. Приходило в упадок сельское хозяйство. С 1990 по 1995 г. существенно сократилась численность занятых в колхозах и совхозах (с 602 до 499 тыс. чел. в колхозах; с 313 до 182 тыс. чел. в совхозах). Производство сельскохозяйственной продукции снизилось более чем в два раза. Производство мяса в 1995 г. составило 380,3 тыс. тонн (против 889,1 тыс. тонн в 1990 г.). Огромные потери наблюдались в производстве масла, сахара, других продуктов [4, с. 330–335]. Пришлось наладить массовый импорт товаров широкого потребления и продовольствия, что определило их неизмеримо высокую, по сравнению с зарплатой, цену. К середине 1990-х гг. ВВП в Республике Беларусь составил около 63% от уровня 1991 года [5, с. 17].

Поскольку доходы населения зависят от реального сектора экономики, по материальному благосостоянию народ в 1991–1995 гг. находился на грани бедности. Реальные денежные доходы населения в 1995 г. (по отношению к 1990 г., по

официальным данным) составляли 64% [6, с. 12]. Правительство в это время приняло несколько решений о поддержании стабильного роста зарплаты для всех категорий занятого населения, но галопирующий рост цен на продовольственные и промышленные товары (на старте реформ они были освобождены), на оплату коммунально-бытовых услуг привел к резкому падению уровня жизни. У многих категорий населения заработная плата не достигала прожиточного минимума. К этим категориям относились работники образования, здравоохранения, культуры. К тому же на многих предприятиях имела место задержка заработной платы.

Беларусь затронуло забытое с 1931 г. явление: в стране появились безработные. На протяжении 1991 г. в службу занятости обратились 67 тыс. человек. В большей мере безработными оказались молодежь и женщины. В 1991 г. около 80% от общего количества безработных составляли женщины [7, с. 111, 520]. И хотя в дальнейшем эта проблема была локализована, вопросы трудоустройства для многих специалистов по-прежнему были актуальными. Выделяемые денежные средства на поддержку безработных были довольно скудными. Около 50% безработных республики в 1995 г. денежную помощь не получали. В 2009 г. официально зарегистрированных безработных в Республике Беларусь было менее 1% (37 тыс. безработных при 57 тыс. вакансий в стране) [8, с. 6]. Однако на ряде предприятий наблюдалась неполная занятость, отъезд квалифицированных работников в другие страны. Особенно усилился отток квалифицированных работников после девальвации национальной валюты (2009–2010 гг.).

Серьезной проблемой независимого белорусского государства стало обеспечение жильем нуждающихся семей. Из-за слабости приходной части госбюджета в республике произошло резкое сокращение строительства и ввода жилья. В 1995 г. (по отношению к 1990 г.) построе-

но лишь 37% жилой площади. Если в 1990 г. получили новые квартиры или улучшили свои жилищные условия 89 тыс., то в 1995 г. – только 32 тыс. семей [9, с. 217, 532].

В тяжелом положении оказалась научная элита общества. За 1991–1996 гг. финансирование научно-технического комплекса сократилось в 4–5 раз. Количество занятых в научной сфере уменьшилось более чем в 2 раза (с 107,2 тыс. в 1990 г. до 39,3 тыс. в 1995 г.) [10, с. 50]. Это не только размывало данную социальную категорию белорусского общества, но и наносило экономический ущерб стране

(в современном мире 2/3 валового продукта производится за счет интеллектуального труда). К этому добавились демографические проблемы, наблюдалась депопуляция белорусского населения. Выросла смертность: в расчете на 1 тыс. населения в 1990 г. умерло 10,7 человека, в 1995 г. – 13,0 [9, с. 73]. Люди стали хуже питаться. В 1995 г. у более чем 60% населения доходы были ниже минимального потребительского бюджета. Увеличился разрыв в доходах 10% наименее обеспеченного населения и 10% наиболее богатых. Дифференциация здесь доходила, по разным оценкам, – 1:15, 1:17 (в развитых странах, где средний класс очень широк, максимум – 1:5). В обществе шла деградация и нравственное оскуднение. Возрастало число пьяниц и наркоманов. Такое положение нарушало социальную стабильность, вызывало недоверие к власти.

Как видно, фундаментальные изменения в стране (отказ от прежней системы хозяйствования, распад единого экономического пространства, конверсия промышленности) привели население республики к огромным социальным потерям. В Беларуси, входившей до этого в состав объединенных в СССР республик и прочно стоявшей на социалистических принципах развития производства, с положительной тенденцией состояния интегральных показателей социальной безопасности (рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, социальное

расслоение, уровень потребления духовных благ, миграция, другие слагаемые), с 1991 г. наступил период резкого спада производства, а за ним – благосостояния населения.

Социальная часть программы перехода к рынку при негативном состоянии экономики оставалась не более чем декларацией. В каждом принятом документе, выступлениях руководителей высшего эшелона власти говорилось о стабилизации и о скором и существенном повышении жизненного уровня населения, а в реальной жизни наблюдалось углубление бедственного положения людей. Достичь планируемых и утвержденных в программе, даже по остаточному принципу, показателей социального развития не удавалось. Различие в декларациях и жизненных реалиях, как известно из исторического опыта, не ведет к укреплению имиджа власти. К 1994 году в стране сложилась тяжелая ситуация, шло постоянное и подспудное накопление социальных противоречий.

Однако, изучая исторический путь нашей страны на этапе 1991–1995 гг. и сравнивая его с опытом других государств постсоветского пространства (Киргизии, Грузии, Молдовы и др.), нельзя не отметить: в Беларуси демонтаж советской системы проходил хотя далеко не по оптимальному варианту, но он осуществлялся мягче, с меньшими потерями в социальной сфере, с меньшим социальным напряжением. В этом видится заслуга не только политического руководства страны, но и народа Беларуси, который по характеру и менталитету высоко духовен, справедлив, великодушен и терпелив. Этот переход в республике проходил без серьезных волнений и забастовок. Население оставалось в состоянии ожидания.

Отдельные ученые ставят на первое место в типичных чертах белорусов терпимость, пластичность, тем самым подчеркивая, что у белорусов большая, чем у других народов, выдержка к различным негативным явлениям. С этим можно согласиться: трудолюбивый создатель материальных и духовных цен-

ностей, белорусский народ, пережил в своей истории много невзгод, тем самым приспособился и к тяжелым периодам.

После распада СССР, как и после Великой Отечественной войны, белорусы считали свое трудное положение временным, проходящим, ожидали изменений, верили в перемены к лучшему, надеялись на приход к руководству профессионалов. На выборах Президента страны население проголосовало за А.Г. Лукашенко. В первом туре его кандидатуру поддержали около 45%, во втором – 80,34%, принявших участие в выборах избирателей [11, с. 30]. Выступая в качестве кандидата на пост Президента, а затем и после избрания А.Г. Лукашенко назвал главным направлением в своей деятельности достижение консолидации общества и укрепление государства, борьбу с бедностью и обеспечение устойчивого роста благосостояния населения. После избрания Президента политика носила наступательный характер. Проанализировав состояние экономики и определив причины разочарования людей, Президент учел их мотивы о необходимости возвысить государственную власть над частными интересами, навести в стране порядок.

В соответствии с новой редакцией Конституции республики Президент получил широкие полномочия, он занялся укреплением вертикали власти. В стране формировалась строго централизованная система государственного управления. Главе государства были подчинены центральные и местные исполнительные и распорядительные органы власти. Понимание того, что преобразование следует проводить в соответствии с интересами трудящихся и реальными возможностями страны и что для изменения сознания людей потребуются время, привело главу государства к принятию решения о реформировании старой системы постепенно: внедряя новые рыночные подходы, не отбрасывать оправдавших себя социалистических приемов и методов эффективного управления и хозяйствования. Тем более, что в республике для этого были предпосылки, сло-

жившиеся еще в советское время: конструктивные силы в партийном и советском аппарате, достаточно динамичное экономическое развитие, мощная промышленность (сборочный цех СССР), научный и образовательный потенциал, средневропейский уровень развития агропромышленного сектора.

Как подтвердил позднее (в 1999 г.) в своем выступлении в Москве в Государственной Думе А.Г. Лукашенко, в Беларуси эти факторы были учтены: «Мы изначально отказались от революционной ломки, предпочитая ей постепенное реформирование экономики, перенимая все лучшее, что может предложить мировой опыт» [12, с. 1].

С этого времени социально-экономическое развитие белорусского общества пошло по пути программно-целевого регулирования. Развиваясь в рыночном направлении, социально-экономические отношения с 1996 по 2010 г. постоянно корректировались государством. То есть государственная власть, не полагаясь на стихию рынка, не уходила из экономической и социальной жизни в стране. В программе неотложных мер по выходу республики из кризиса (разработана и утверждена 30.09.1994 г.) по-новому поставлен целый ряд вопросов. Определено, что главной целью программы является строительство социально ориентированной рыночной экономики. Социальная часть программы предусматривала уменьшение инфляции, недопущение дальнейшего падения жизненного уровня населения [2, с. 535].

В 1995 г. удалось остановить катастрофический обвал производства. Этот год стал последним, когда в Республике Беларусь наблюдалось падение основных производственных показателей. С 1997 по 2000 г. объемы производства увеличивались с 10 до 18% ежегодно (в 2000 г. – 7,8%) [7, с. 283]. Рыночные отношения с этого времени приняли режим постепенных социальных реформ.

Программа социально-экономического развития республики на период 1996–

2000 г., принятая в октябре 1996 г. (с ее принятием положено начало постсоветским пятилеткам), предложила более эффективные механизмы проведения приватизации, новые сроки децентрализации и разгосударствления. Тогда же разработана и утверждена «Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2010 года». В этом документе обозначен курс на проведение в стране сильной и эффективной социальной политики, повышения уровня и качества жизни населения и сокращения малообеспеченности. Разумеется, речь шла о разумном соотношении обеспечения населения социальными благами и экономическими возможностями страны.

Следует отметить, что с принятием этих документов у людей появилась уверенность в будущем и стремление к производительному труду. Большинство ведущих отраслей стали стабильными в работе. Усилия трудящихся республики привели к тому, что промышленное и сельскохозяйственное производство на завершении этой пятилетки превзошло показатели 1991 года. Рост ВВП в 1997 г. составил более 11%, в 1998 – 8,4%. В 2000 г. экономический рост ускорился: прирост ВВП составил 8%, превысив уровень докризисного и самого успешного для советской Беларуси 1990 г. В целом, по большинству показателей, первый пятилетний план был выполнен. ВВП за период 1996–2000 гг. вырос на 36% [3, с. 8].

По мере укрепления экономики складывались условия и предпосылки для целенаправленной деятельности по реализации целей и задач социального государства. Социальная политика независимого белорусского государства в это время была нацелена на создание необходимых условий жизнедеятельности человека, на удовлетворение возрастающих социальных и духовных потребностей населения, создания в обществе благоприятного социального климата. Реальная зарплата, занятых в сфере производства, увеличилась на 10%. Ежегодный ввод жилья в республике составлял 3,5 млн кв. м [3,

с. 9]. В стране обеспечена продовольственная безопасность. С этого времени остановлен процесс социального расслоения населения.

Сегодня, по прошествии небольшого периода, исторической науке еще не хватает материалов для того, чтобы объективно и научно осмыслить происходящее, сделать обоснованные, доказательные выводы и рекомендации. Однако нельзя не отметить, что внутриполитический курс Беларуси в 1994 году был продиктован жизненной необходимостью, избран с учетом исторических традиций и реальных на то время возможностей. В действительности он импонировал большинству народа, особенно старшему и среднему поколениям. Переход к управляемой рыночной экономике с высокой степенью защиты населения со стороны государства в той ситуации альтернативы не имел.

В принятой на втором Всебелорусском собрании (2001 г.) программе социально-экономического развития на 2001–2005 гг. указывалось на необходимость увеличения ВВП страны на 40%, а уровня благосостояния народа – в 1,8 раза. Намечался выход на эффективную работу главных экспортно ориентированных предприятий страны (Минского тракторного и автомобильного заводов, Солигорского калийного комбината, Новополоцкого и Мозырского нефтеперерабатывающих заводов и др.). При этом социальная составляющая ориентировалась на экономическое мышление трудящихся, на достижение их высокой обеспеченности за счет собственных усилий. Прогрессивное развитие предполагало обеспечить только за счет роста производительности труда и внедрения новых технологий и новых методов совершенствования производства и управления.

Анализ конечных результатов этого периода показывает, что программные установки на эффективную социальную политику в Республике Беларусь, провозгласившей себя социально ориентированным государством, при широкомасштабном государственном вмеша-

тельстве в экономику и социальную политику успешно реализовывались. На данном этапе стабильно наращивался потенциал национальной экономики, соответственно, и база для проведения эффективной государственной социальной политики.

В докладе А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском собрании «Об итогах выполнения Программы развития страны на 2001–2005 гг. и о новой программе социально-экономического развития на период 2006–2010 гг.» было сказано, что выработанный курс развития страны оказался правильным. Выпуск промышленной продукции за пять лет увеличился на 52%, сельскохозяйственной – на 26%. Ежегодный прирост ВВП составил более 7,5%, против 3,5% среднемирового [13, с. 15]. Результаты такого уровня могут быть сравнимы только с лучшими периодами советской эпохи. В числе передовых предприятий в эти годы находились коллективы ПО «Минский тракторный завод», «БелАЗ», БелАвтоМАЗа, белорусское унитарное предприятие «Белорусский металлургический завод», большинство предприятий нефтеперерабатывающей промышленности. Здесь смогли в короткие сроки наладить выпуск новой продукции, которая имела спрос на внешних рынках.

Сложившиеся благоприятные финансово-экономические условия и адаптация к специфике рыночной экономики позволили государству, его управленческим структурам отойти от применявшейся ранее патерналистской модели социальной политики, приблизив ее к либеральной. Фактор эффективности производства стал важнейшим в социальной политике. Трудящимся республики были предоставлены возможности в большей мере самим определять свой статус и свое благосостояние. Основную роль в подъеме благосостояния населения стала играть заработная плата. Она имела тенденцию к постоянному росту. За пять лет среднемесячная заработная плата в среднегодовом исчислении выросла (в пересчете на американскую ва-

люту) до 260 дол. Наиболее значительное увеличение ее в сравнении с предыдущим годом произошло в 2001 г. – на 30%. Средний размер пенсий за это время (с учетом компенсационных выплат) составил 104 дол. В 2005 году в стране зафиксирован самый низкий уровень инфляции – 8% за весь год. По совокупности наиболее важных показателей социального развития Республика Беларусь вышла на первое место среди постсоветских республик, оставив позади Казахстан и Российскую Федерацию [3, с. 10]. При низких белорусских ценах Республика Беларусь еще больше опережала страны, входившие в СНГ, по покупательной способности населения. Удельный вес малообеспеченного населения в общем количестве жителей республики снизился с 41,9 до 12,7% [14, с. 520].

Значительное продвижение вперед в реализации социальной политики в довольно короткий период после ее глубокого кризиса является подтверждением того, что белорусская модель социально ориентированного рынка в тех условиях оказалась жизнеспособной. Произошла консолидация общества, наметился устойчивый рост благосостояния всех групп населения. Обоснованные возрастающие потребности человека определялись на данном этапе в большей мере в зависимости от количества и качества работы. Наиболее умелые, трудолюбивые получали преимущество.

Государство создало относительно высокий уровень социальной защиты населения. Размер пенсий вполне обеспечивал материальное благополучие пенсионеров, которые к тому же пользовались бесплатной медицинской помощью, путевками по льготному тарифу в дома отдыха и санатории, невысокими расходами на коммунальные услуги.

Наиболее рельефно социальная направленность белорусской модели социально-экономического развития определялась в программе развития страны на 2006–2010 гг. Реальные денежные доходы, в том числе и зарплату, планировалось поднять на 50–55%, приблизить

уровень жизни населения Беларуси к средневропейскому.

Первый год третьей пятилетки оказался очень успешным: почти по всем показателям социально-экономического развития план года был перевыполнен. ВВП увеличился на 9,9%. При этом объем производства промышленной продукции увеличился на 11,3%. В сельском хозяйстве прирост составил 6,1%. Инвестирование средств в промышленность группы «Б» позволило удовлетворить спрос населения на дефицитные товары и продукты питания. Возросли возможности населения в накоплении семейных сбережений, в приобретении квартир. Впервые за все постсоветское время в течение одного года возведено более 4 млн кв. м жилья. Производство потребительских товаров, без учета промышленных, увеличилось почти на 10%. Потребительских товаров (холодильники, телевизоры, ткани и обувь) в Беларуси в расчете на душу населения производилось больше, чем в других странах СНГ. Реальная зарплата в бюджетной сфере выросла более чем на 20% (планировалось 6–7%). Розничный товароборот увеличился за 2006 год на 17% [3, с. 21].

В дальнейшем наблюдалось такое же довольно устойчивое повышение уровня жизни населения. Подтверждается это, прежде всего, ростом реальной заработной платы, возросшими возможностями населения в приобретении значимых бытовых, промышленных товаров и высококалорийных продуктов. Население приобрело за это время значительное количество автомобилей. В 2008 г. в республике находилось в личном пользовании почти 3 млн транспортных средств.

Приоритетным направлением социальной политики на эту пятилетку стало развитие социальной структуры села. Выполняя Государственную программу возрождения и развития села (принята в марте 2005 г.), на базе центральных усадеб хозяйств или центров сельских Советов созданы агрогородки. Только за 2005–2007 гг. в 253 агрогородках были завершены работы по созданию важнейших объектов инфраструктуры.

Обеспеченность населения учреждениями коммунально-бытового и социально-культурного назначения здесь мало чем отличалась от тех, что имеются в крупных городах [15, с. 228, 234].

На протяжении всех лет государство прилагало огромные усилия по привлечению населения к здоровому образу жизни. С бюджета ежегодно выделялись значительные средства на строительство и реконструкцию спортивных и культурно-просветительных объектов. Благодаря этому в 2010 году около 16% населения республики было приобщено к регулярным занятиям физической культурой и спортом [16, с. 6].

Демографическая ситуация на это время пока имела результат со знаком минус. Режим депопуляции, в котором страна находилась с 1994 года, привел к довольно значительному сокращению населения республики. Особую тревогу вызывали социо-демографические показатели рождаемости и смертности. Если в 1999 г. детей в возрасте до 15 лет в общем количестве населения республики было 21,2%, то в 2005 г. – только 17,7% [17, с. 50]. За шесть лет с 2001 по 2006 год население Витебской области сократилось за счет собственной убыли (превышение смертности над рождаемостью) на 64508 человек [18, с. 8].

Но и здесь удалось переломить негативную тенденцию. В 2005 году коэффициент детской смертности в стране (на 1000 рождений) уменьшился по сравнению с 2000 годом с 11,3 до 6,4% [19, с. 63]. В 2007 г. наблюдалась самая высокая рождаемость за все предыдущие 25 лет. Число родившихся за этот год выросло на 7%, детская смертность снизилась на 15, материнская – на 2,7, послеоперационная летальность при экстренной хирургической патологии – на 16% [20, с. 2].

Как видно, белорусская модель рыночной экономики с прямыми методами ее регулирования привела к позитивным изменениям в решении социальных задач для населения республики. С 2000 по 2008 г. наблюдался поступательный рост покупательной способности за счет

повышения заработной платы. В 2008 году среднемесячная заработная плата работников, занятых в хозяйственном комплексе, выросла до 500 американских долларов. На относительно пристойном уровне находилось пенсионное обеспечение. Поскольку рыночные отношения в социальной политике стали более ощутимы, возросли расходы самих граждан на важнейшие виды услуг, где ранее имелись значительные дотации государства. Так, оплата коммунальных услуг без дотаций государства достигла 50 и даже 70% [8, с. 6]. У государства появилась возможность выделять и использовать бюджетные средства на другие направления, в том числе и на пенсионные выплаты.

Более сложным оказался 2007 г., когда произошло значительное повышение мировых цен на нефть и газ. Однако и тогда социальные программы рассматривались в государстве в качестве приоритетных.

В государственной политике намечалось даже усиление социальной составляющей. Реальные денежные доходы населения за этот год возросли на 14,9%, а реальная заработная плата – на 9,5%. Пенсии за два года этой пятилетки увеличились на 40%. Среднемесячная пенсия в конце 2008 г. в пересчете на американскую валюту составляла – 177 дол. (в России – 154 дол.). В этом году в эксплуатацию введено 5,15 млн кв. м жилья [3, с. 16]. Реализована обширная программа по улучшению социальных условий для жителей села. За этим последовало закрепление людей в сельскохозяйственном производстве. В результате республика по эффективному использованию производительных сил переместилась в число передовых стран.

Существенные изменения в положительную тенденцию успешного решения социальных вопросов населения республики привнес 2009 год. Разразившийся в мире с середины 2008 года глобальный финансовый кризис внес коррективы в планы социально-экономического развития страны. Этот год показал, что социальная политика есть производный про-

дукт внутренней и внешней политики государства. Стабильное и прогрессивное повышение благосостояния населения страны, реализация планов по созданию достойных условий жизни и творческого развития человека зависят также от внешнего влияния, от состояния экономики и поведения соседних стран.

Влияние внешних факторов на экономику республики негативно отразилось на выполнении прогнозируемых показателей социальной сферы. Девальвация белорусского рубля, рост цен привели к снижению покупательной способности населения. Реальная заработная плата (в среднем 500 долларов) после 2008 г. стала ниже прежней. Трудовые пенсии отставали от уровня зарплат. При этом цены на продовольственные социально значимые товары стали плавающими. Наблюдалась высокая инфляция и снижение уровня жизни населения. В этих условиях государство вынуждено было искать новые, нестандартные подходы. Оно вновь прибегло к усилению своего влияния на развитие социальной сферы путем внедрения чисто патерналистской модели социальной политики. За счет субсидий государство стало поддерживать приемлемые для населения цены на потребительские товары, услуги ЖКХ, общественный транспорт. Государственные дотации на оплату коммунальных услуг населению выросли в 2010 г. до 66%, что в денежном выражении составляет более 1 млрд долларов США [8, с. 6].

В сентябре 2010 г. Президент республики А.Г. Лукашенко, называя эти цифры, сделал вывод, что такой подход был вынужденной и временной мерой. В дальнейшем политика государства будет направлена на либерализацию в области оплаты труда в зависимости от эффективности хозяйствования [8, с. 6]. Как видно в стратегическом плане, население Республики Беларусь ожидает переход к белорусской, ближе к либеральной модели социальной политики. Она предполагает общественную самоорганизацию, то есть большую ответственность самих граждан за устойчивое раз-

витие экономики, за планирование и осуществление принципов государственной социальной политики.

Из вышеизложенного видно, что исследование событий последних 20–30 лет – чрезмерно трудная для исторической науки задача. Научный анализ исторических событий, более достоверные выводы требуют определенной временной составляющей. Исторический опыт подсказывает, что более объективную оценку белорусской модели социальной политики можно будет сделать позднее, когда, с учетом воздействия внутренних и внешних факторов, станут устойчиво проявляться ее неизбежные позитивные (или негативные) последствия.

Сегодня, анализируя и обобщая суть проблемы, можно отметить, что социальной политике научная общественность уделяет огромное внимание. Изложенные в научных трудах зарубежных и отечественных авторов устоявшиеся идеи, которые приобрели общественное признание, происходящие события в окружающих нашу республику странах, статистические показатели уровня и качества жизни белорусского населения выводят автора данного исследования на следующие собственные выводы:

– во-первых, как видно, развитие социальной сферы находится в числе первостепенных функций всех социальных государств. Приоритетное развитие социальной сферы считается выгодным инвестированием в человеческий потенциал и главным индикатором цивилизованности, демократичности и стабильности общества. Теперь в экономически развитых странах успешно реализуется сложившаяся на протяжении длительного времени, ранее упоминаемая в статье, условно называемая, либеральная модель социальной политики, которая представляет собой достаточно структурированную систему, включающую не только отрасли социальной сферы, но и политику в области демографии, труда и трудовых отношений.

Практика строительства социальных государств в условиях рыночной экономики в странах, которые сегодня можно

отнести к таковым (Швеция, Швейцария, Германия, Финляндия, Израиль) показала, что становление и развитие социальных государств там происходило последовательно, по времени, даже по историческим меркам, продолжительно, через три этапа. На первом (начальном) этапе (10–15 лет) шло создание концепции и обновление правовой основы. На этом этапе вырабатывались основные направления экономической и социальной политики, шла подготовка кадрового состава, формирование институтов рыночной структуры на всех уровнях власти. Вторым этапом (переходным) занимал в среднем от 15 до 20 лет. На данном этапе шло совершенствование всех составляющих рыночного механизма в государстве. Происходило перераспределение трудовых ресурсов и капитала в пользу сегментов экономики с высокой производительностью. Широкое развитие получил частный сектор и сектор услуг. И только на третьем этапе, включающем в себя не менее 40–50 лет, осуществлены прогрессивные социальные реформы в интересах широких слоев населения, постепенно наступало стабильное функционирование экономической и политической системы, которая могла обеспечить высокие стандарты в жизнедеятельности человека.

Социально ориентированное рыночное хозяйство в развитых странах держится и укрепляется благодаря хорошо отлаженному механизму согласованных интересов государственных и общественных институтов. Социальная политика здесь формировалась через много-субъектность. Ее субъектами выступали политические партии, профсоюзы, неправительственные организации, объединения работодателей, церковь и население. Согласно конституционному положению, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина первейшая обязанность государства, поэтому социальная политика в этих странах находится в перечне самых актуальных и неизменно важных проблем. Она составляет стержневую основу внутренней государственной политики. В особые пе-

риоды (во время восстановления после кризисов) почти все государства усиливали свои распорядительные функции в социальной политике;

– во-вторых, социальная политика в современной белорусской модификации начала складываться с 1991 года, с того время, когда Республика Беларусь обрела свою независимость. На протяжении более 20 лет шел и до сих пор продолжается трудный поиск ее оптимального варианта. Такое положение считается естественным: как свидетельствует исторический опыт других стран, где он успешен, переход на новую систему экономических и общественных отношений ни в одной из них не проходил в короткое время и гладко (в отдельных странах возникала социальная напряженность).

До 1995 года (на переходном этапе) социальная политика в белорусском государстве носила сложный, противоречивый характер, имела большие издержки. Первые шаги к рыночной экономике пришлось делать в то время, когда в стране в силу объективных и субъективных причин наблюдалась тяжелая ситуация в экономике, по этим же причинам – в социальной сфере. Произошло резкое сокращение ВВП, имелась высокая инфляция, деградация социальной сферы, падение уровня жизни и значительный разрыв в доходах. Разбалансированная политическая элита республики тогда не смогла учесть всего комплекса исторических, политических, экономических, культурных и идеологических факторов текущего времени. Процесс трансформации происходил в направлении к Западной модели общественного развития. Участие государства в управлении экономикой и социальной сферой в это время было минимизировано. Реализация социальной политики осуществлялась по смещенной модели, приближаясь к либеральной, к которой население республики не было подготовлено.

В середине 90-х гг. XX ст. стало очевидным, что в вариант принятой в 1991 г. программы перехода к рынку и особенно в раздел, где декларировалась ее социальная часть, необходимо внести

изменения. Уточняя ее основные положения, следовало учесть, что переход к новой социально-экономической системе является историческим поворотом. Для того, чтобы изменить глубоко укоренившуюся в сознании людей мысль о преваляющей роли государства в их жизни, потребуется более продолжительное время.

С избранием в 1994 году А.Г. Лукашенко первым Президентом Республики Беларусь роль государства в социально-экономическом развитии страны резко возросла. Выполняя политические установки своей предвыборной программы и учитывая востребованность граждан, адаптированных к советской системе, внутренняя политика страны стала осмысленно направленной на сохранение преемственности с политикой советского периода. При внедрении рыночных подходов не отбрасывались ранее оправдавшие себя социалистические приемы и методы хозяйственно-управленческой системы. Реформирование старой системы проводилось постепенно. Белорусская модель социально-экономического развития с 1995 года приняла довольно жестко централизованные методы управления экономикой и сильной регулирующей ролью государства в социальной сфере. Она стала носить, в большей мере, патерналистский характер. Относительно складывающейся обстановки такой подход демонстрировал на этом этапе свою живучесть. Он оживил производственную деятельность, давал возможность более целенаправленно решать возникающие проблемы по социальной защите трудящихся. До 2000 года кризисное состояние в социальной сфере преодолено, социальное положение населения республики стало выправляться;

– в-третьих, проводимую в 2000–2010 годах государственную социальную политику в Республике Беларусь можно в целом признать рациональной. За это время республика достигла двукратного роста реального ВВП. Размер ВВП на душу населения по паритету покупательной способности на душу населения

с 2000 по 2010 год увеличился в 2,6 раза – с 5083 до 13864 дол. Доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума за шесть лет (2002–2008 гг.) снизилась более чем в шесть раз [21, с. 129–132].

Поэтому к внедрению с середины 90-х годов белорусской модели социальной политики по такому варианту следует отнести как к продуманному и взвешенному для того времени решению. Оно было обусловлено сутью и принципами социального государства, создание которого до этого было декларировано в Конституции Республики Беларусь. Реализация конституционной цели по созданию социального государства с сильной государственной социальной политикой являлась не просто желаемым, предпочтительным, но, скорее, единственно возможным и безальтернативным вариантом для Беларуси на этом этапе. Это обусловлено совокупностью национальных традиций, культурой и ментальностью белорусов, а также внешними причинами – необходимостью гармонизации и сближения социальной практики со странами СНГ, созданием союзного государства, налаживанием сотрудничества с европейскими странами:

– в четвертых, реальная оценка достижений и ошибок, которые имелись в Республике Беларусь на этапе 1991–2010 годов, дает основание для вывода, что становление рыночной экономики и социальной политики в республике в это время находилось еще на раннем этапе. Модель социальной политики, применяемую здесь для снижения степени социального расслоения населения, которая, в большей степени, носила патерналистский характер, нельзя идеализировать. О том, что она не способствовала усилению роли заработной платы как главного фактора, стимулирующего экономическое развитие и повышение эффективности экономики, не один раз отмечали в своих выступлениях глава государства, другие высокопоставленные лица. На высокую инфляцию последних двух лет третьей пятилетки, связанную с опережением темпов роста заработной

платы над темпом роста производительности труда, указывают и экономисты [22, с. 46].

Существенный спад в 2009–2010 годах показателей, характеризующих социальное положение населения республики, свидетельствует, что в Беларуси в исследуемом периоде внешние факторы, отрицательно влияющие на стабильное повышение уровня жизни, дополнялись и внутренними. Из социальных таким фактором следует признать недостаточно глубокую теоретическую проработку проблемы развития акционерной собственности работников. Ее практическая реализация, как она осуществлялась в республике, вызывала у населения лишь негативный отзыв. Получив чеки «Маё-масць», работник так и не стал совладельцем предприятия, не почувствовал наступления социальной справедливости.

С переходом к рынку качественные характеристики социальной защищенности человека, по сравнению с прежними показателями, устойчивости не приобрели. По этой причине не преодолены трудности с формированием у работников основ добросовестного труда, что проявлялось в недостаточно высокой его производительности.

Большие издержки несло белорусское общество из-за недостаточного внимания к внедрению общественных начал в управление производством. Экономический прагматизм, сведенный к рублю, привнес (даже по отношению к советскому периоду) отчуждение в общественное самоуправление трудящихся.

Значительной социальной проблемой оставалось резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни, ухудшение здоровья людей, подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства. Слабость государственной социальной политики проявлялась в недостаточном обеспечении уровня жизни многодетных семей: среди семей, имеющих трое и более детей в возрасте до 18 лет, доля малообеспеченных в 2009 году была еще довольно высокой (32,8%) [21, с. 130].

Несмотря на частую (по отношению к советскому этапу) реорганизацию образовательной системы, здесь было много слабых мест. В республике имелась (не изменилась и после 2010 года) широкая сеть высших и средних специальных учебных заведений. В вузах в конце первого десятилетия XXI столетия получали образование более четырехсот тысяч студентов. Такая массовость имела в изучаемом периоде существенные противоречия. С одной стороны, платное обучение в высшей и средне-специальной школе приносило значительные поступления в бюджет (что теперь является благом), с другой – массовый прием в учебные заведения молодых людей, слабо успевающих в средней школе, с низкоквалитетными сертификатами в процессе тестирования, серьезно пошатнул качество образования. Оно резко снизилось, что в перспективе может негативно отразиться на социально-экономическом развитии страны.

Большое число выпускников уже в исследуемом периоде не были востребованы на рынке труда, не смогли реализовать себя с пользой для семьи и общества. В то же время остро встала проблема подготовки представителей рабочего класса. В 2008–2009 гг. в республике с ПТУ выпущено 49,5 тыс. квалифицированных рабочих, что не покрывало даже их естественной убыли [23, с. 1]. Как результат – деквалификация наемного рабочего персонала (эта тема в пределах государственной социальной политики требует особого рассмотрения). Накапливались противоречия и в других социальных сферах.

Заключение. Таким образом, для своевременного разрешения существующих противоречий необходимы объективная оценка реального положения дел в стране и ее регионах, постоянный научный анализ как успехов, так и неудач, извлечение уроков из недалекого прошлого и осознание вызовов будущего. Задача эта, хотя и сложная, но, при сохранившемся в стране кадровом потенциале, решаемая. Гарантией формирования в республике более производи-

тельного и эффективного социально-экономического уклада станет обоснованная, базирующаяся на научной основе, передовом отечественном и зарубежном опыте, стратегическая концепция развития страны как социального государства, при реализации которой белорусское общество сможет теснее сплотить все свои силы на выполнение главной цели – повышение благосостояния и качества жизни своих граждан.

Литература

1. Fukuyama, F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity / F. Fukuyama. – Penguin Books. – 1995; Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. – М.: Социологос, 1993; Социальная политика государства / под ред. В.Ф. Ушакова. – М., 1997; Ракитский, Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе / Б.В. Ракитский // Трудовая демократия. – М., 1997. – Ч. 1: Социальная политика; Социальная политика в регионах России. – М., 1998; Социальная политика: энциклопедия / под ред. Н.А. Волгина и Т.С. Сулимовой. – М.: «Альфа-Пресс», 2006; Шимов, В.Н. Национальная экономика: теоретико-методологические вопросы формирования и развития / В.Н. Шимов, А.А. Быков, Л.М. Крюков // Белорус. экон. журнал. – 2012. – № 1; Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. – М.: НИСП, 2007 и др.
2. Сборник законов БССР. – 1990. – № 29.
3. Медведев, Р.Н. Белорусская крепость / Р.Н. Медведев // Беларус. думка. – 2009. – № 12.
4. Народное хозяйство Республики Беларусь, 1995 г. – Минск, 1996.
5. Дачковский, А.А. Экономический рост в Республике Беларусь: состояние, проблемы, перспективы / А.А. Дачковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2011. – № 1.
6. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск, 2000.
7. Белорусский экономический журнал. – 2006. – № 2.
8. См.: А.Г. Лукашенко. Наша цель – создать обновленный облик Беларуси. Выступление Президента Республики Беларусь

- А.Г. Лукашенко на VI съезде Федерации профсоюзов Беларуси // Беларусь сегодня. – 2010. – 18 сент.
9. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск, 2001.
 10. Развитие науки Беларуси в 1996 г. (аналит. докл.). – Минск, 1997.
 11. Первые президентские выборы в Республике Беларусь: основные итоги. – Минск, 1994.
 12. Выступление А.Г. Лукашенко в Госдуме Российской Федерации // Советская Россия. – 1999. – 31 окт.
 13. Устремленность в будущее: Беларусь, 1995–2008.
 14. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск, 2001.
 15. Сакович, В.С. Сельское хозяйство Республики Беларусь в 1980–2007 гг.: тенденции развития / В.С. Сакович. – Минск, 2008.
 16. Первый год новой пятилетки: основные ориентиры социально-экономического развития страны в 2011 г. – Минск, 2011.
 17. Республика Беларусь / Энциклопедия. – Минск: Беларус. энцыкл., 2005. – Т. 1.
 18. Мандрик, И.В. Социальная безопасность и роль профсоюзов в ее обеспечении / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – № 2(20).
 19. Республика Беларусь в цифрах. – 2006.
 20. Медицинский вестник. – 2008. – 7 февр.
 21. Сечко, Н.Н. Малообеспеченность белорусского населения как социальная проблема / Н.Н. Сечко // Социальное знание и белорусское общество. – Минск: Право и экономика, 2009.
 22. Корап, В.У. Манеторны індыкатар стану беларускай эканомікі / В.У. Корап // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. – 2011. – № 4.
 23. Ключко, А. Сістэма адукацыі выканалала ўсе сацыяльныя паказчыкі / А. Ключко // Настаўніцкая газета. – 2008. – 29 студз.

Поступила в редакцию 31.08.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 947.6

Проблема медицинского обслуживания в период нацистской оккупации Беларуси

Гребень Е.А.

*Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный
технический университет», Минск*

В статье на основе широкой базы источников, хранящихся в государственных областных архивах Республики Беларусь, автор реконструировал систему медицинского обслуживания в Беларуси в период нацистской оккупации.

Отмечается, что в начальный период оккупации в рамках местной вспомогательной администрации были созданы подразделения здравоохранения. На примере ряда нормативных актов приводятся стоимость медицинских услуг для гражданского населения, а также статистические данные относительно заболеваний на примере конкретных административных единиц. Исключения в вопросе оплаты оккупационные власти делали для заболевших рабочих, чье выздоровление было необходимо для милитаризованной экономики, а также для граждан, заболевших острыми инфекционными заболеваниями, поскольку массовые эпидемии могли бы затронуть оккупационную администрацию и немецкие воинские части. Автор констатирует, что следствием высокой стоимости медицинских услуг, дефицита медицинских работников и медикаментов стала высокая смертность среди гражданского населения, и даже госпитализация не давала гарантии выздоровления.

Ключевые слова: нацистская оккупация, медицина, заболевания, эпидемии.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 23–30)

Problem of medical service during the Nazi period in Belarus

Hreben Y.A.

Educational establishment “Belarusian State Agrarian Technical University”, Minsk

The author reconstructed the system of medical service in Belarus during the Nazi period on the basis of a variety of sources from the state regional archives of the Republic of Belarus.

It is pointed out that in the early period of the Nazi occupation the local ancillary authority founded the subdivisions of health service. The article draws light on the cost of medical service for the citizens according to some normative acts, gives statistics about diseases of concrete administrative units. The occupation authorities made salary exceptions for the sick workers if their labor was necessary for the militarized economy and also for the citizens with the cases of infectious diseases, because mass epidemics could infect the occupation authorities and German military units. The author states the high prices of medical service, lack of doctors and medicine increased the death rate among citizens and even the hospitalization couldn't guarantee their recovery.

Key words: the Nazi occupation, medicine, diseases, epidemic.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 23–30)

Адрес для корреспонденции: e-mail: greben.evgenij@gmail.com – Е.А. Гребень

Несмотря на высокую степень работанности проблемы нацистского оккупационного режима, в настоящее время имеется ряд ее аспектов, нуждающихся в детализированном исследовании, особенно учитывая имеющуюся в распоряжении историков обширную базу источников. В советский период в центре внимания историков традиционно находились нацистская политика геноцида, партизанская и подпольная борьба, однако ряд вопросов, в частности проблема медицинского обслуживания, не получили должного освещения. В постсоветский период некоторые исследователи обращались к данной проблеме, но она рассматривалась или схематически, или на локальном уровне, или в рамках узкой проблематики [1, 2, 3], комплексное исследование отсутствует. В этой связи введение в научный оборот новых архивных материалов способствует объективному изучению обозначенной проблемы. Цель статьи – анализ состояния медицинского обслуживания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси.

Материал и методы. В статье использованы материалы служебной документации коллаборационной и немецкой оккупационной администрации по вопросам медицинского обслуживания, хранящиеся в государственных архивах Брестской, Витебской, Гомельской, Минской и Могилевской областей, введение которых в научный оборот позволило реконструировать систему медицинского обслуживания в период оккупации. Используются общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-системный) методы.

Результаты и их обсуждение. Немецкие власти осознавали опасность распространения эпидемий на оккупированной территории Беларуси, поскольку болезни среди местного населения могли бы перекидываться на дислоцированные здесь немецкие воинские части и оккупационную администрацию, поэтому уже в первые месяцы оккупации в составе колла-

борационной администрации были созданы медицинские подразделения, деятельность которых курировалась санитарными офицерами немецкой оккупационной администрации. Например, в Могилеве медико-санитарный отдел городского управления начал работу 1.08.1941 г. Осенью 1942 г. медико-санитарному отделу подчинялись поликлиника, молочная кухня, туберкулезный и венерологический диспансеры, Луполовская амбулатория, медпункт шелковой фабрики, детский дом, ясли, дезинфекционная станция, санитарно-бактериологическая лаборатория и городская больница. Общий штат медико-санитарного отдела насчитывал 345 чел. Городская больница имела в своем составе пропускник, хирургическое, терапевтическое, акушерское, детское, глазное и лор-отделение, рентген-кабинет, тифозное отделение, аптеку и лабораторию [4, л. 47, 25–26].

На территории тыловой зоны группы армий «Центр» 18.11.1942 г. была введена в действие «Такса обслуживания населения». Прием в амбулатории специалистом стоил 10 руб., каждый последующий – 5 руб., врачом – 5 и 3 руб., фельдшером – 3 и 2 руб. соответственно. Посещение больного на дому специалистом оценивалось в 20 руб., врачом – 8 руб., фельдшером – 5 руб. Помощь врача во время родов стоила 40 руб., акушерки – 25 руб. Услуги стоматолога варьировались от 4 руб. (удаление зуба без анестезии) до 20 руб. (протезирование). Оплата за питание в больнице составляла 5 руб. в день. Особо подчеркивалось, что медработникам запрещалось бесплатно оказывать медицинскую помощь, за исключением случаев инфекционных заболеваний.

Уменьшение или отмена оплаты за лечение находилась в компетенции глав коллаборационной администрации [5, л. 656, 656 об.].

В Могилеве оплата больным за лечение устанавливалась в размере 12,5 руб. в городе и 8,1 руб. в больницах вне города. В оплату входили врачебные услуги, уход, медикаменты и перевязоч-

ный материал. Основные медицинские услуги: первый прием врачом в амбулатории или у себя на дому – 5 руб., последующий – 3, первое посещение больного на дому – 8–10, последующее – 6–8, осмотр специалистом – 10, консилиум специалистов – 20, прием фельдшером – 2, посещение фельдшером на дому – 5, перевязка – 3–20, услуги акушерки при родах – 25, кесарево – 100, анализы – 5–15, инъекции – 5, пункция – 15–30, наркоз – 10–20, местная анестезия – 5–15, вправление сустава – 15–30, выписывание очков и малые глазные операции – 5–10, сложные глазные операции – 50, удаление зуба без анестезии – 5, с анестезией – 10, пломбирование зуба – 7, протезирование – 35, рентген – 20–30. При посещении больного ночью взималась двойная оплата, за использование врачом собственного экипажа взималась оплата по тарифам, принятым в данном районе. Оплачивалось время, потраченное врачом на дорогу в размере 1 руб. за километр, а ночью по двойному тарифу [4, ф. 259, оп. 1, д. 46, л. 5–10].

В вопросе оплаты исключение делалось для граждан, чей труд для оккупационных властей имел ценность. Так, 8.02.1942 г. вышло распоряжение генерального комиссара Беларуси относительно выплаты денежной помощи рабочим и служащим в случае болезни. Помощь по болезни для неженатых и незамужних граждан предусматривалась в размере 40% от недельного заработка накануне болезни, для женатых (замужних) – 60%, для работающих на условии аккордной оплаты за основу брался средний заработок за последние 6 месяцев. Посobie неженатым (незамужним) гражданам выплачивалось в течение двух недель, женатым – в течение 4 недель. Руководитель предприятия мог увеличить срок выплаты на две недели, если работник добросовестно исполнял свои обязанности. Помощь выплачивалась, если заболевший в течение трех дней сообщал руководителю предприятия о своей болезни и предоставлял справку от врача, после чего каждую неделю пре-

доставлялась новая справка. Евреи права на пособие не имели [6, л. 6].

Носители наиболее заразных заболеваний (тиф, бешенство, туберкулез, венерические инфекции, скарлатина) подлежали обязательной госпитализации, в случае отказа отправлялись на лечение в принудительном порядке. Врачам в амбулаториях запрещалось лечить больных венерическими заболеваниями, такие больные подлежали стационарному лечению. В случае обнаружения врачом указанных заболеваний или появления подозрения предписывалось в 24-часовой срок сообщить об этом районному врачу, провести обязательный осмотр заболевшего, привлекая при необходимости полицию, а также организовать дезинфекцию помещения [7, л. 63]. В Гомельском округе за отказ инфекционных больных от госпитализации угрожал штраф до 1000 руб. Установление диагноза и лечение инфекционных больных было бесплатным [8, л. 4].

Получение гражданами более тщательного обследования или лечения было ограничено. Так, 18.03.1944 г. житель Друи получил справку, что в результате произошедшей аварии у него началось легочное кровотечение, что, скорее всего, является следствием надрыва легкого, для выяснения чего необходимо рентгенологическое исследование [7, ф. 2848, оп. 1, д. 130, л. 45]. Только в исключительных случаях, когда бесспорно была нарушена жевательная функция, разрешалось ставить местным жителям зубные протезы. Зубные техники имели право изготавливать зубные протезы только по предписанию стоматолога, санкционированного гебитскомиссаром [4, ф. 2848, оп. 1, д. 59, л. 25]. Регламентировался порядок производства абортов. Например, в марте 1943 г. до сведения населения Лепельского округа доводилась информация, что аборты производятся только по медицинским или социальным показаниям по решению специальной медицинской комиссии. Аборты женщинам, не состоявшим в зарегистрированном браке, не разрешались [7, ф. 2088, оп. 2, д. 2, д. 261].

Граждане, желающие вступить в брак, должны были проходить обязательный медицинский осмотр в терапевтическом и венерологическом кабинетах, причем осмотр венеролога был основным. Осматриваемые лица должны были сдавать мазок на гонорею, исключение делалось только для женщин, не живших половой жизнью. Заведующий амбулаторией выдавал гражданам справку следующего содержания: «По данным медицинского освидетельствования гражданин в настоящее время не страдает болезнями, препятствующими вступлению в брак» [4, ф. 858, оп. 3, д. 4, л. 16].

Дефицит медикаментов для гражданских медицинских учреждений предлагалось компенсировать за счет использования лекарственных растений. Медицинский реферат генерального комиссариата Беларуси, рекомендовавший аптекарям самим заняться обеспечением сырьем, и распространил инструкцию, в которой описывались свойства лекарственных растений и оптимальные сроки их сбора [5, ф. 681, оп. 1, д. 4, л. 95–98]. Дефицит лекарств приводил к злоупотреблению аптекарей своими служебными обязанностями (спекуляция медикаментами) [7, ф. 2848, оп. 1, д. 245, л. 61].

Регламентировалась работа аптек. Выдача медикаментов и перевязочных материалов медицинским работникам разрешалась только по специальным справкам за подписью и печатью бургомистра. Надбавка к стоимости медикаментов разрешалась до 100%, чтобы не было разрыва между спросом на медикаменты и их наличием в аптеках (по логике немецких властей, граждане не могли бы скупать дешевые медикаменты). Вырученные аптеками деньги зачислялись на особый счет в банке и могли расходоваться только с разрешения полевой комендатуры. Надписи на упаковках препаратов разрешалось производить только на латинском языке. Наркотические средства могли храниться только в замкнутом помещении под надзором аптекаря. В аптеке должны были

вестись книга учета наркотических средств и ядов и рецептурная книга с фамилией пациента, названием выданного лекарства, его ценой и фамилией врача, выписавшего лекарство, все рецепты требовалось сохранять. Жесткая регламентация должна была поставить под контроль оборот медикаментов и перевязочных средств, препятствуя попаданию их в руки партизан. Тем не менее, подобные меры не были эффективны. Санитарный офицер Осиповичского округа в письме к районным врачам отмечал факты передачи медработниками медикаментов и перевязочных материалов партизанам, поэтому выдача медикаментов врачам и фельдшерам производилась строго лимитированно, с письменного разрешения районного врача. В амбулаториях, больницах и дома у медработников предписывалось завести книги, где бы фиксировался расход медикаментов и перевязочного материала и которые ежемесячно нужно было предоставлять районному врачу для проверки. Ответственность за расход медикаментов возлагалась на заведующих клиниками, медикаменты и перевязочные материалы надлежало хранить под замком, о недостачах сообщалось санитарному офицеру. Находящиеся на руках у медработников медикаменты сверх установленной нормы требовалось сдать в аптеки. Санитарный офицер высказывал «сожаление» по поводу необходимости применения таких жестких мер и предлагал винить медработников, помогавших партизанам [4, ф. 847, оп. 2, д. 2, л. 7, 8, 8 об.].

Лечебные учреждения могли располагаться в непригодных помещениях, а санитарное состояние могло вызывать нарекания. Например, в январе 1943 г. в Бобруйске по итогам двукратного обследования неудовлетворительным было признано санитарное состояние городской больницы, в которой царил холод. Исключение составляло гинекологическое отделение, в котором, как было сказано в отчете, «чувствуется действительно больничная, а не казарменная обстановка»

[4, ф. 858, оп. 33, д. 89, л. 8 об.]. Бургомистр Осиповичей в апреле 1944 г. отмечал, что больница размещалась в строении, которое по своей планировке и размерам не отвечало нуждам клиники, количество мест для госпитализации было недостаточным, особенно в инфекционном отделении. Больница была обеспечена постельным бельем на 15–20% от необходимого количества [4, ф. 845, оп. 2, д. 1, л. 44]. Местная администрация была не в состоянии обеспечивать больницы всем необходимым, поэтому обеспечение больных необходимыми предметами обихода возлагалось на граждан. Начальник Мядельского района в январе 1943 г. в письме к волостным бургомистрам отмечал, что, в связи с расширением эпидемии сыпного тифа, необходимо обращать внимание на чистоту тела, в частности менять белье, которого в Мядельском госпитале и самом городе недостаточно. Волостным бургомистрам было приказано через деревенских старост собрать в каждой общине 2 простыни, 2 наволочки, 2 полотенца, 1 подушку, 1 матрац [5, ф. 4223, оп. 1, д. 15, л. 7].

Относительно частной медицинской практики у оккупационной администрации не было единого подхода. В одних административно-территориальных единицах она существовала, в других, как, например, в Могилеве в начале 1942 г., – не разрешалась. Очевидно, разрешение частной медицинской практики было связано с наличием или дефицитом медицинских кадров в конкретном регионе. Тем не менее, в Могилеве допускалась возможность оказания медицинских услуг на дому. Каждое посещение фиксировалось в специальной книге, а полученные деньги передавались городскому управлению [4, ф. 259, оп. 1, д. 46, л. 5]. То есть, речь шла не о частной медицинской практике, при которой предприниматель платил налоги, а скорее о перенесении оказания медицинских услуг из медицинского учреждения в место жительства медработника. Попытки запрета частной медицинской

практики объяснялись дефицитом персонала в медицинских учреждениях. В то же время некоторые медики предпочитали частную практику, дававшую возможность получать более высокий доход. Минский гебитскомиссар 4.03.1943 г. сообщал начальнику Узденского района, что, несмотря на соответствующее распоряжение генерального комиссара Беларуси, в Узде имеется частнопрактикующий фельдшер, который не желает занимать государственной должности, и требовал воздействовать на него. Начальник района дал распоряжение районному врачу, который уведомил фельдшера о запрете частной практики. Несмотря на имеющийся дефицит медицинских кадров в медицинских учреждениях, безработные медики фиксировались в Беларуси даже в 1943 г. В январе 1943 г. на учете Узденской районной управы состояли 14 чел. медработников (2 стоматолога, 5 фельдшеров, помощник санитарного врача, акушерка и 5 медсестер).

К апрелю того же года они по-прежнему значились как безработные [5, ф. 628, оп. 1, д. 72, л. 2, 2 об., 9, 12, 12 об.].

Нехватка специалистов-медиков вынуждала местную администрацию использовать медиков-евреев, причем даже после уничтожения гетто в Восточной Беларуси. В частности, еврейские специалисты работали в аптеках Браславского района, получая половину оклада христианского населения [7, л. 11]. Еврей-аптекари были в Шарковщинском районе в сентябре 1942 г. В центральной поликлинике Витебска в апреле 1942 г. еврей работал врачом-гинекологом [7, ф. 2844, оп. 1, д. 2, л. 31; ф. 2073, оп. 1, д. 75, л. 2]. В медицинских учреждениях работали также отпущенные военнопленные-медики, которые заработной платы не получали, но обеспечивались жильем, продовольствием, одеждой и карманными деньгами [4, ф. 59, оп. 1, д. 6, л. 5].

От врачей требовалось незамедлительно сообщать на ближайший немецкий жандармский пост или пост местной полиции о лицах, поступивших в клинику с огне-

стрельными или колотыми ранениями, с указанием анкетных данных и места жительства пострадавшего, поскольку они рассматривались немцами как потенциальные партизаны [7, ф. 2848, оп. 1, д. 130, л. 3].

Получение медицинской помощи могло также затрудняться практикой обслуживания врачом только своего района, и нарушение территориального принципа работы не поощрялось местной администрацией, что видно из заявления врача на имя начальника Мядельского района от 27.01.1943 г. В своем заявлении врач указывал, что выезд его в одну из деревень был необходим для проведения срочной операции (перфорация головки плода), без которой женщина умерла бы от разрыва матки и последующего кровотечения в течение нескольких часов, и врача бы «мучила совесть». Он отмечал, что не знал, что деревня находится в другом районе, и просил официально запретить ему выезды, так как отказывать просителям не может [5, ф. 4223, оп. 1, д. 15, л. 23].

Срез заболеваний можно увидеть на примере г. Бобруйска. По состоянию на 25.12.1941 г. в городе работали городская больница, венерический диспансер, городская амбулатория, амбулатория Березинского форштадта, зубоветеринарная амбулатория и пять медпунктов при предприятиях. В декабре 1941 г. в больнице находилось 1125 чел. В инфекционном отделении находилось 52 больных, из них 5 больных скарлатиной, 25 – сыпным тифом, 8 – брюшным тифом, 13 – дизентерией, 1 – в тифозном состоянии. За предыдущий месяц в терапевтическом отделении умерло 4 больных (2 от воспаления легких, 1 от рака и 1 от малокровия), в инфекционном отделении умерло 19 пациентов (все военнопленные, болевшие дизентерией), в хирургическом отделении – 8 чел. (причины не указаны) и в гинекологическом – 2 чел. (от заражения крови вследствие самовольного аборта). В венерическом диспансере на стационарном лечении находилось 18

чел. (16 больных гонореей и 2 больных сифилисом), среднее время пребывания больного в стационаре составило 40 дней. С августа 1941 г. под врачебным наблюдением находилось 45 больных гонореей. С 1 по 25 декабря через городскую амбулаторию прошло 4631 чел. и 593 чел. через амбулаторию Березинского форштадта. Зубоветеринарная амбулатория обслужила до 1000 чел. [4, ф. 858, оп. 1, д. 2, л. 11].

Венерические заболевания являлись значительной проблемой (распространение венерических болезней влияло на трудоспособность местной рабочей силы), вынудившей оккупационную администрацию издавать специальные нормативные акты. Так, 25.02.1942 г. вышло распоряжение рейхскомиссара Украины «О борьбе с венерическими болезнями местного населения», согласно которому венерические больные подлежали принудительному лечению. Каждый заболевший или знающий про заболевание другого лица, например, родители, опекуны несовершеннолетних, были обязаны обратиться к врачу. Гебитскомиссар или районный врач могли подвергнуть граждан принудительному врачебному осмотру и лечению, при необходимости прибегнув к помощи полиции. Медработник обязывался безотлагательно сообщать гебитскомиссару о факте венерического заболевания под угрозой наказания в виде лишения свободы, денежного штрафа, временного или постоянного запрета заниматься медицинской практикой. Тюремное заключение угрожало заболевшим, которые знали о болезни и заражали половым путем других лиц (в случае заражения немцев – смертная казнь); заболевшим, которые предоставляли ложные сведения относительно источника заболевания; гражданам, отказавшимся от лечения; родственникам или опекунам, которые не проконтролировали обращение больных за помощью [6, ф. 201, оп. 1, д. 132, л. 3 об.].

В результате нехватки специалистов и медикаментов смертность населения в

годы оккупации была значительной. Сохранились сведения о заболеваниях в разрезе отдельных городов и районов за определенные временные промежутки. Например, за июль 1942 г. в г. Витебске умерло 82 чел., из которых 17 – от сердечных заболеваний, 15 – от легочных, 12 – от кишечных болезней, 6 – от тифа и 6 чел. от истощения [7, ф. 2073, оп. 1, д. 181, л. 6–7]. За декабрь 1943 г. в Брагском районе было зафиксировано 8 смертей: от заражения крови, крупа, тифа (2 чел.), желудочного заболевания, дифтерии, туберкулеза и коклюша. Возраст заболевших колебался от 11 месяцев до 69 лет [7, л. 42, 45, 47]. Имели место случаи смерти детей, находившихся на стационарном лечении. В ряде случаев к уже имеющемуся заболеванию могло добавиться другое. Так, в сентябре 1941 г. в Узденской районной больнице умерли от дифтерии двое детей 1 и 6 лет, один из которых поступил в клинику с пневмонией, но во время госпитализации заболел дифтерией [5, ф. 628, оп. 1, д. 14, л. 19].

Заключение. Воссозданные в начальный период оккупации медицинские учреждения испытывали дефицит персонала, медикаментов и предметов первой необходимости, высокая стоимость медицинских услуг существенно ограничивала возможность для абсолютного большинства жителей оккупированной Беларуси получить медицинскую помощь. Исключение было сделано для лиц, болевших инфекционными заболеваниями, как вынужденная мера по локализации эпидемий, а также для работающих горожан, чей труд использовался на благо военной экономики. Следствием

сложившейся в сфере медицины ситуации стала высокая смертность среди гражданского населения, в том числе детей, причем даже госпитализация больных не гарантировала выздоровления, что вполне соответствовало содержанию политики геноцида.

Литература

1. Беляев, А.В. Медико-санитарные и социальные мероприятия местной оккупационной администрации в Белоруссии (1941–1944 гг.) / А.В. Беляев // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: матэрыялы навука-тэарэт. канф., 4–5 мая 2000 г.: у 2 ч. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2000. – Ч. 1. – С. 94–97.
2. Пушкина, Т.И. Деятельность медицинских учреждений в Могилеве во время оккупации (1941–1944 гг.) / Т.И. Пушкина // Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы междунар. науч. конф., Минск, 28–29 апреля 2005 г.: в 2 т. / отв. ред. А.М. Литвин. – Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2006. – Т. 2. – С. 124–127.
3. Бездзель, В.Я. Стан і праблемы медыка-санітарнага абслугоўвання дзяцей на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944) / В.Я. Бездзель // Весн. Полацк. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітарныя навукі. – 2008. – № 7. – С. 70–74.
4. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 29.
5. Государственный архив Минской области. – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Государственный архив Брестской области. – Фонд 684. – Оп. 1. – Д. 6.
7. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 245.
8. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 10.

Поступила в редакцию 20.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 930:327(470+571)“1921”

Рижский договор 1921 г. в работах советских историков межвоенного времени

Мезга Н.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

В статье подвергнута анализу советская межвоенная историография по проблеме Рижского мирного договора 1921 г. На основе изучения широкого комплекса работ советских историков той эпохи выявлены основные вопросы данной исследовательской проблемы, ставшие предметом изучения: причины, обусловившие начало переговоров, их ход и позиции сторон, оценка исторического значения Рижского договора. Установлено, что в советской историографии 1920-х – 1930-х годов преобладает точка зрения, что победы Красной армии принудили Польшу к началу мирных переговоров. В ходе их советская сторона проявила готовность к компромиссу, чтобы обеспечить достижение мира. Рижский мир оценивается в целом как успех советской дипломатии, так как согласно ему Польша получила значительно меньшие территории, чем ей предлагались советской стороной весной 1920 г., и советская Россия сохранилась как центр мировой революции.

Ключевые слова: историография, Рижский договор, польско-российская война, переговоры, вопрос границы, компромисс, советская Россия, Польша, межвоенный период.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 31–37)

Riga 1921 treaty in works of Soviet historians of interwar time

Mezga N.N.

Educational establishment “Gomel State Francisk Skorina University”, Gomel

Soviet interwar historiography on the problem of Riga peace 1921 treaty is analyzed in the article. On the basis of wide complex study of Soviet historians' works of that epoch fundamental issues of the given research problem have been revealed and the following have become the subjects to study: motives that provided conditions for parley beginning, its course and position of the parties, evaluation of the historical significance of Riga treaty. It has been found out that in Soviet historiography of the 1920–1930s the following viewpoint predominates: the victory of the Red Army forced Poland to start peace negotiations. During the negotiations the Soviet party showed all set to compromise to secure peace achievement. Riga treaty is regarded in general as success of Soviet diplomacy, as according to it Poland got much less territory than it had been offered by the Soviet party in the spring of 1920 and Soviet Russia survived as the center of world revolution.

Key words: historiography, Riga treaty, Polish-Russian war, negotiations, the boarder question, compromise, Soviet Russia, Poland, interwar period.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 31–37)

Адрес для корреспонденции: e-mail: nmezga@gsu.by – Н.Н. Мезга

Рижский мирный договор явился одной из самых трагических страниц в истории белорусского народа, установив его раздел на ближайшие двадцать лет. Кроме того, он во многом предопределил характер польско-советских отношений на протяжении всего межвоенного периода и оказывал существенное влияние на ситуацию в Центрально-Восточной Европе в целом. Высокая степень значимости данного исторического события привлекла к нему большой научный интерес исследователей, в результате чего сформировалась обширная историография Рижского договора. В этой статье мы рассмотрим начальный этап становления историографии по данной проблематике в России и СССР, охватывающий межвоенное время.

В исследованиях советских и постсоветских историков при изучении историографии советско-польских отношений в 1918–1939 гг. основной упор делался на исследование ее послевоенного этапа. Как отмечает российский историк Е.П. Аксенова, история «отечественного славяноведения» межвоенного периода «изучена гораздо слабее» по сравнению с другими периодами. Данный автор пытается восполнить указанный пробел, но при этом сразу же оговаривается, что она не рассматривает славяноведение на Украине и в Беларуси [1, с. 3, 5]. Точка зрения о слабом исследовании советско-польских отношений в советской межвоенной историографии четко звучит и в фундаментальном издании «Очерки истории исторической науки в СССР». При этом справедливо отмечается, что работы, изданные в межвоенные годы, носили более популярный и публицистический, нежели научный характер [2, с. 512]. Белорусский исследователь В.А. Острога в своей статье подчеркивает, что, в частности, в советской белорусской межвоенной историографии советско-польские отношения исследовались очень слабо и отмечает только статью В. Пичеты, посвященную советско-польским мирным переговорам в Риге [3, с. 161].

Несколько иную точку зрения по этой проблеме высказывает российский ис-

следователь Р.Г. Пихоя. По его мнению, советская власть, в особенности с 1930-х годов, считала нужным активно использовать историческую науку для обоснования своего исторического права на место в истории России. Историческая наука с конца 1920-х годов должна была обосновывать преемственность политики царской России и России советской, в том числе и политики внешней [4, с. 41]. Это неизбежно должно было вести к активизации исследования советско-польских отношений, так как именно они являлись центральным элементом политики по восстановлению прежних позиций России в Восточной и Центральной Европе. Влияние политического фактора на развитие советской историографии сказывалось и на том, что для советских историков той эпохи «было характерно изучение внешней политики, в основе которого лежало стремление разоблачить политику внешних врагов СССР» [2, с. 514].

Цель данной статьи – анализ советской межвоенной историографии проблемы Рижского мирного договора 1921 года. Задачи: установить степень изученности советскими исследователями данного периода, выявить разработанные ими концепции и оценки этого события, определить влияние на исследования политического фактора.

Материал и методы. Статья написана на основе изучения целого ряда исторических трудов, появившихся в советской историографии в межвоенный период. В процессе работы использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический) методы исследования, которые позволили проанализировать взгляды и выводы советских авторов по проблеме заключения Рижского мирного договора 1921 г.

Результаты и их обсуждение. К числу первых исследователей Рижского договора в советской России мы имеем основания отнести В.И. Ленина. В ленинских работах отмечается, что Рижский договор был для советской

России тяжелым, но его условия все же более выгодные, чем те, которые советское правительство предлагало Польше весной 1920 г. [5, с. 18]. Стремление к быстрейшему заключению мира с советской стороны В.И. Ленин объясняет желанием избежать еще одной зимней военной кампании, которая была бы очень тяжелой для рабочих и крестьян России. Ради этого, по его мнению, «стоит получить меньшую территорию Белоруссии и иметь возможность меньшее количество белорусских крестьян вырвать из-под гнета буржуазии» [6, с. 363]. При этом последующие советские историки не обратили должного внимания на то, что еще 24 сентября 1920 г. В.И. Ленин говорил о границе с Польшей, которая должна была пройти значительно западнее той, которая будет установлена Рижским договором, а именно, по линии река Щара, Агинский канал, реки Ясельда и Стырь [7, с. 285–286]. Положения, изложенные в этих ленинских работах, а также в работах других советских политических деятелей, легли в основу подходов и концепций советской историографии при изучении отношений между советской Россией и Польшей на многие годы.

Советские историки межвоенного времени при изучении Рижского договора стремились прежде всего установить причины, которые привели стороны за стол переговоров. При этом они указывают на желание обеих сторон прекратить войну в тот момент. Тезис о том, что и Польша стремилась к миру осенью 1920 г., звучит в исследованиях К. Радека. Он говорит о разочаровании поляков той ничтожной помощью, которую они получили от Франции как о факторе, подтолкнувшем их к переговорам. У советской России, по его мнению, было достаточно сил для продолжения войны, но она предпочла переговоры и компромисс с Польшей [8, с. 64]. Он отмечает, что главной преградой на пути к миру была «украинская» авантюра поляков. Но уже на начальном этапе переговоров в Минске они от нее отказались, что открывало путь к мирному

урегулированию польско-советского конфликта [8, с. 64]. Далее К. Радек делает вывод о причинах, в силу которых советское правительство согласилось пойти на компромисс и сделало большие территориальные уступки Польше. Главное заключалось в том, что советская Россия сохранялась как центр мировой революции, которая вскоре освободит всех угнетенных. По мнению К. Радека, в лесах и болотах Беларуси не заключалось никаких жизненных интересов советской России. Следовательно, эти территории можно было уступить. В то же время обладание Западной Беларусью только затруднит экономическое положение польской буржуазии [8, с. 64]. Получается, что, с точки зрения ослабления капиталистической Польши и подготовки в ней революции, было даже выгодно уступить ей Западную Беларусь, а раз так, то территориальные требования Польши не могли стать препятствием на пути к заключению мира.

В середине 1920-х годов советские историки начинают указывать на военное поражение Польши как фактор, принудивший ее к переговорам. В. Пичета добавляет еще одну причину, подтолкнувшую Польшу на путь переговоров: на польское правительство было оказано давление со стороны западноевропейских государств, ведь их буржуазия была очень встревожена удачным наступлением Красной армии и с помощью мирных переговоров хотела предотвратить разгром

Польши [9, № 5, с. 91]. Хотя в то же время В. Пичета отмечает неоднозначность французской позиции. С одной стороны, французское правительство считало целесообразным продолжение польско-советской войны, чтобы спасти армию Врангеля. С другой – оно признавало, что Польша не может вести войну «вследствие угрозы социального взрыва» [9, № 6, с. 128].

Если в 1920-е годы советская историография больше говорила о взаимной усталости от войны как факторе, подтолкнувшем Россию и Польшу к мирным переговорам, то в следующее 10-летие акценты меняются. На первый план выходит тезис о военном поражении Польши, что и вынудило ее пойти на мир. Л. Ломов в этой связи пишет: «Разбив армию польских интервентов, советское государство добилось разрешения всех основных задач: мира с Польшей, условия для уничтожения последнего ставленника империалистов – Врангеля, и возможности приступить к социалистическому строительству» [10, с. 13]. В работе «Фашистская Польша в тупике», вышедшей в 1936 г., уже вообще не упоминается о поражении Красной армии под Варшавой, отмечается, что она отбросила поляков далеко в глубь Польши, аж до Варшавы, и «в результате этого поражения Польша вынуждена была подписать с Советской Россией мирный договор» [11, с. 10].

И.Ф. Лочмель основную причину согласия Польши на начало мирных переговоров также видит в ее военной слабости. По его мнению, Польша не имела сил продолжить войну, с тревогой ожидала контрудара Красной армии и вынуждена была пойти на мирные переговоры [12, с. 44–45]. Ф. Попов выделяет две основные причины, по каким Польша пошла на мирные переговоры: страх перед новым наступлением Красной армии и революционный подъем внутри страны [13, с. 58].

При изучении хода мирных переговоров в Минске и Риге советская историография отмечает грабительский характер требований, предъявленных Польшей. М.П. Павлович еще в 1920 г. писал по этому поводу, что «польские требования дышат такой наглостью, и настолько чудовищны, что даже условия Брестского и Версальского мирных договоров совершенно бледнеют перед условиями этого нам навязываемого Польского мира» [14, с. 7].

Наиболее детально ход советско-польских мирных переговоров в исследованиях межвоенного времени был изложен В.И. Пичетой. Он отмечает, что на первом этапе переговоров польская делегация активно применяла тактику затягивания времени. Автор связывает это с тем, что начала меняться в пользу Польши ситуация на фронте под Варшавой, и значительно активизировала свои действия армия Врангеля [9, № 5, с. 95]. С успехами польских армий В.И. Пичета связывает и то, что польская делегация решительно отклонила первоначальные советские условия мира, хотя они, по его мнению, были одобрены английским правительством [9, № 5, с. 99–100]. Он рассматривает позиции польских партий в связи с мирными переговорами в Минске и Риге. В.И. Пичета отмечает, что польские национал-демократы, которые определяли позицию польской делегации на переговорах, видели будущее Польши на море и исходили из целесообразности заключить мир с советской Россией на умеренных условиях, чтобы сконцентрировать усилия на борьбе с Германией. Но при этом даже они считали необходимым «провести границу около Минска или немного за Минском» [9, № 6, с. 128]. Постановление ВЦИК РСФСР от 23 сентября 1920 г. содержало новые советские предложения относительно мира с Польшей, которые коренным образом изменяли прежнюю позицию РСФСР [9, № 6, с. 131–132].

В.И. Пичета подчеркивает, что советская

делегация готова была пойти на значительные уступки, чтобы быстрее достигнуть соглашения о прелиминарном мире, а обмен мнениями между делегациями свидетельствовал о взаимном желании достигнуть мирного соглашения. Наиболее сложным оказался вопрос о границе. Но и тут в конечном итоге советская сторона проявила склонность к уступкам, чтобы ускорить заключение мира. Другим спорным вопросом стала передача Польше части российского золотого фонда [9, № 6, с. 133, 138–139, 142].

В «Истории гражданской войны 1918–1921» также отмечается, что путь для подписания мирного договора с Польшей был открыт решением ВЦИК от 23 сентября 1920 г., которое значительно смягчило советские условия мира и содержало готовность к значительным территориальным уступкам. Авторы этого издания считают, что советская сторона руководствовалась при этом желанием избежать еще одной зимней кампании, которая была бы очень тяжелою для рабочих как России, так и Польши [15, с. 468].

Советская историография обратилась и к проблеме определения значения Рижского договора как документа, подытожившего результаты польско-русской войны. Главный итог войны виделся советским историкам в том, как отмечал

Ю. Мархлевский, что Польша вынуждена была все же согласиться на мирные переговоры. Важным результатом войны, по его мнению, стало и то, что поляки по Рижскому договору получили значительно меньшие территории, чем советское правительство соглашалось им отдать весной 1920 г. [16, с. 37–38]. К. Радек тоже пишет о том, что территориально поляки в марте 1920 г. могли получить значительно больше, чем получили [8, с. 75]. Я. Иоффе в свою очередь подчеркивает, что Польша по Рижскому договору получила в плане территориальных приобретений значительно меньше, чем ей предлагало советское

правительство осенью 1919 г. или весной 1920 г. [16, с. 157].

В работе «Гражданская война 1918–1921» итог польско-русской войны, зафиксированный в Рижском договоре, представляется в целом как положительный для советской России. Отмечается, что польское правительство не достигло своих целей, которые заключались в выходе польского государства на границы 1772 г. Авторы этого издания считают, что войну 1920 г. можно рассматривать как «победу советской стратегии», ведь Польша по условиям Рижского договора получила территорию на 59650 км кв. меньшую, чем та, какую ей предлагало советское правительство в январе 1920 г. [15, с. 469]. П.В. Суслов опять же указывает на то, что Польша в результате событий 1920 г. получила меньше, чем ей предлагалось до возобновления военных действий, в частности, была освобождена значительная часть захваченной ею территории Украины и Беларуси, включая Минск [17, с. 23].

Тем не менее, несмотря на приведенные выше оценки Рижского мира как определенного внешнеполитического успеха советской России, он многими советскими историками оценивался как крайне несправедливый. Эти определения в особенности выразительно звучат в работах В.П. Друнина. Он пишет, что Рижский мир со стороны Польши был миром грабительским, империалистическим, так как в результате его она захватила обширные территории, населенные белорусами и украинцами, насильственно отторгнув их от советских Беларуси и Украины [18, с. 191].

Важнейший результат Рижского мира Я. Иоффе видит и в том, что «попытка французских империалистов задавить русскую революцию силами польской армии окончилась, как и все предыдущие попытки, полной неудачей» [16, с. 158]. И.Ф. Лочмель к наиболее важным итогам польско-русской войны относит то, что «только благодаря победе над Польшей рабочие Белоруссии получили возможность строить социалистическое

государство рабочих и крестьян» [12, с. 45].

Заключение. Таким образом, в советской межвоенной историографии имеется значительный комплекс работ, в которых в той или иной степени подвергнута исследованию проблема Рижского мирного договора 1921 г. При его изучении истории концентрировались на нескольких аспектах: выявление причин, которые привели участников конфликта за стол переговоров; ход переговоров и эволюция позиций сторон; значение и последствия Рижского договора как документа, который подвел итоги польско-русской войны 1919–1920 годов. В изучении первого аспекта наблюдается эволюция позиций советских историков межвоенного периода от признания в качестве главной причины начала переговоров истощения противников в ходе войны и их желания избежать новой военной кампании к тезису о военном поражении Польши как основном факторе, принудившем ее к мирным переговорам. При исследовании позиций сторон в ходе переговоров акцент делался на гибкость советской стороны, ее готовность идти на уступки ради достижения мира. В то же время Польша обвинялась в выдвигании империалистических требований. При этом правильно были определены наиболее сложные вопросы в ходе переговоров: о границе и о передаче Польше материальных ценностей.

Говоря об итогах войны, зафиксированных в Рижском договоре, советская межвоенная историография концентрировала свое внимание прежде всего на том, что мир был заключен на более легких условиях по сравнению с теми, на какие советская Россия соглашалась весной 1920 г., а также на сохранении советской России в качестве базы мировой революции.

Необходимо отметить, что работы, посвященные польско-советским отношениям, изданные в 1920-е – 1930-е годы, писались по горячим следам текущих событий. Результатом этого стало большее влияние на их содержание политического фактора. Многие из них имели в

значительной степени публицистический характер.

Литература

1. Аксенова, Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы / Е.П. Аксенова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2000. – 224 с.
2. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 4. – 854 с.
3. Острога, В.А. Проблемы польской истории в белорусской историографии / В.А. Острога // Историческая наука и историческое образование в Республике Беларусь: в 2 ч. – Минск: Университетское, 1995. – Ч. 2. – С. 158–163.
4. Пихоя, Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28–53.
5. Ленин, В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь на Московской губернской конференции РКП (б) 21 ноября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 17–38.
6. Ленин, В.И. Заключительное слово на совещании представителей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 362–366.
7. Ленин, В.И. Записка Г.В. Чичерину 23 сентября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 285–286.
8. Радек, К. Внешняя политика Советской России / К. Радек. – М.–Пт.: Госиздат, 1923. – 112 с.
9. Пічэта, У. Польска-савецкія адносіны і Рызскі мір / У. Пічэта // Польша. – 1928. – № 5, 6.
10. Ломов, Л. Польша и армия / Л. Ломов. – М.: Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
11. Фашистская Польша в тупике. – Л.: Ленинградск. област. изд., 1936. – 68 с.
12. Лочмель, И.Ф. Освобождение Белоруссии от белопольских оккупантов (11 июля 1920 г.) / И.Ф. Лочмель. – Минск: Гос. издат. Белоруссии, отдел полит. литературы, 1939. – 53 с.
13. Папоў, Ф. Барацьба беларускага народа з белапольскімі акупантамі / Ф. Папоў //

- Большавік Беларусі. – 1940. – № 6. – С. 42–59.
14. Павлович, М.П. Война с польскими панами (Польско-шляхетская авантюра) / М.П. Павлович. – М.: (без изд.), 1920. – 32 с.
15. Гражданская война 1918–1921: в 3 т. – М.–Л.: Гос. издат., отдел воен. книги, 1930. – Т. 3: Военно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. – 560 с.
16. Иоффе, Я. Организация интервенции и блокады Советской республики 1918–1920. Очерк / Я. Иоффе. – М.–Л.: Гос. издат., отдел воен. лит., 1930. – 167 с.
17. Суслов, П.В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года / П.В. Суслов. – М.–Л.: Гос. издат., отдел воен. лит., 1930. – 174 с.
18. Друнин, В.П. Польша, Россия и СССР. Исторические очерки / В.П. Друнин. – М.–Л.: Гос. издат., 1928. – 219 с.

Поступила в редакцию 05.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 947.032.4+330.09(476)

Увеличение роли торгового капитала в экономике Великого княжества Литовского в конце XV – XVI в.

Уваров И.Ю.

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Гомель

В статье рассматриваются вопросы, связанные с увеличением роли торгового капитала в экономике Великого княжества Литовского в конце XV – XVI в.

В данном исследовании предпринята попытка проанализировать процесс развития внутреннего рынка ВКЛ и его связь с внешней торговлей.

Автор перечисляет основные группы товаров отечественного и зарубежного производства, роль средств платежа, динамику цен и увеличение роли торгового капитала, который имел большое значение в международной торговле.

В настоящей статье указаны документы, с помощью которых можно критически осветить ранее малоизученные вопросы экономической истории ВКЛ. Например, о том, когда и в силу каких обстоятельств представители шляхетского сословия начинают выходить со своими товарами на крупный международный торг в прибалтийских городах. Определенный интерес представляют права иностранцев в великом княжестве на занятие прибыльными отраслями торговли.

Ключевые слова: *Великое княжество Литовское, капитал, торговля, внутренний и внешний рынки, экономические центры, международный торг.*

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 38–44)

Strengthening of the role of trading capital in the economy of Grand Duchy of Lithuania in the late XVth – XVIth centuries

Uvarov I.Y.

Educational establishment “Gomel State Sukhoi Technical University”, Gomel

In article issues connected with the strengthening of the role of the trading capital in the economy of Grand Duchy of Lithuania in the late XVth – XVIth centuries are considered. In the given research attempt to analyze development of domestic market of GDL and its connection with foreign trade is made.

The author lists primary groups of goods of domestic and foreign manufacture, the role of instruments of payment, price movement and increase of the role of the trading capital which was significant in international trade.

In the present article documents which are specified give the opportunity to highlight critically earlier insufficiently known issues of economic history of GDL. For example, when and why representatives of gentry estates started to enter with their goods the vast international market of Baltic cities. Rights of foreigners in Grand Duchy on their involvement in profitable industries of trade are of special interest.

Key words: *Grand Duchy of Lithuania, the capital, trade, internal and foreign market, economic centers, international trade.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 38–44)

Адрес для корреспонденции: e-mail: rossol@gstu.gomel.by – И.Ю. Уваров

Настоящая работа посвящена актуальной теме, связанной с ролью и значением купеческого капитала, в системе экономических отношений Великого княжества Литовского в период от позднего средневековья до начального этапа эпохи Нового времени. Эти сложные процессы протекали параллельно со становлением государственности на белорусских землях в период правления династии Ягеллонов и их последователь.

В современной исторической науке существенно возрос интерес к фактам времени, имеющим отношение к развитию торговой и посреднической деятельности на рынках ВКЛ. Однако исследователи по экономической истории феодализма, увлеченные периодом XVI в., до сих пор не задавались вопросом о вовлечении шляхты ВКЛ в сферу торговых отношений с целью получения дополнительной материальной прибыли.

Цель данной статьи – изучение особенностей развития экономических отношений в ВКЛ рассматриваемого периода и определение роли торгового капитала в развитии внутреннего и международного рынков.

Материал и методы. Научным материалом по настоящему исследованию послужили главным образом опубликованные источники. Значительное количество документов выявлено по итогам длительных изысканий в материалах Литовской Метрики, изданных в разные периоды, Актах ВКЛ, собранных и опубликованных М. Довнар-Запольским, и Актах археографической комиссии.

При написании статьи автор опирался на общенаучный метод исторического исследования. Этот метод охватывает определенные аспекты научно-познавательной деятельности, являясь одним из средств решения исследовательских задач. Общенаучный метод можно применять к конкретным историческим ситуациям. Его значение заключается прежде всего в обосновании и взаимосвязи прошлого с настоящим временем.

На основании принципа объективности можно проводить историческое исследование и получить объективные знания о прошлом. Соблюдение этого принципа является обязательным условием научной состоятельности исторической работы.

Результаты и их обсуждение. На рубеже XV–XVI вв. вся система внутренних и международных экономических отношений зависела от щедрого финансирования купцами торговых операций. Главную роль в обороте денежных средств выполнял торговый капитал, которым владели преимущественно купцы и состоятельные горожане, реже – шляхта. Успех торговли зависел от ряда причин, в частности, с какой скоростью будет осуществляться передвижение торговых грузов как внутри страны, так и за ее пределами. Поскольку сухопутные дороги шли через леса, мосты и болота, то это существенно затрудняло передвижение торговых обозов в теплое время года. Однако с наступлением зимы, когда мороз сковывал реки и озера, а снежный покров скрывал все неровности дорожного пути, поездки становились очень быстрыми. По предварительным подсчетам и опираясь на современные исследования, можно полагать, что, двигаясь на санях, расстояние от Вязьмы до Москвы преодолевалось за семь дней (по материалам посольства ВКЛ в Москву в 1556 г.) [1, с. 24]. Из Вильно торговые дороги простирались к городам Гродно, Брест, Минск, Новогрудок, Витебск, Полоцк, Могилев и дальше в периферийные центры огромной страны. Интенсивное развитие получили торговые связи между различными поветами белорусских, украинских и литовских земель. Достаточно оживленной оставалась торговля с Московским государством, Польшей, Крымом и странами Европы. В данный период времени ключевой фигурой на внутреннем рынке страны выступает купец-торговец, который скупает разный товар у ремесленников и крестьян и доставляет его в места повышенного спроса на те или иные группы товаров.

В начале XVI в. с увеличением значения земской службы шляхта ВКЛ стремилась выйти со своими товарами на внутренний и внешний рынки, составляя конкуренцию купцам на международном торге прибалтийских городов [2, с. 105–115; 3, с. 180]. Шляхтичи, желающие участвовать в торговой деятельности, вкладывают свои средства в отрасли прибыльной торговли хлебом и лесом. В этой связи документы вальных сеймов отражают настойчивую требовательность шляхты о предоставлении им определенных экономических свобод [4, с. 285]. По данному вопросу следует отметить, что история торговой инициативы шляхты ВКЛ в XVI в. исследована сравнительно слабо. В современной восточнославянской историографии нет ни одной систематизированной монографии, отражающей комплексный подход к изучению этой темы. Обобщенное и крупномасштабное изучение этих вопросов еще ждет своего исследователя.

Кроме представителей шляхетского сословия, крупным собственником товаров на внутреннем рынке страны становится духовенство. Представители духовных особ не желали быть в стороне от сферы торговой деятельности, они стремились получить больше прибыли от своего феодального хозяйства [5, с. 477].

Среди разных представителей социальных групп населения ВКЛ, участвующих в торговой, посреднической и кредитной деятельности с конца XIV в., выступают крупные финансисты из числа евреев-переселенцев. Евреи начинают заселять территорию ВКЛ еще при великом князе Витовте. Правительство страны рассматривало торговую деятельность евреев как особый источник получения денежных средств в казну. Им разрешалось заниматься торговлей и ремеслом. Правовое положение евреев регламентировалось особыми великокняжескими грамотами. Хорошо ориентируясь в системе экономических отношений, купцы и предприниматели из числа евреев быстро разобрались в новых условиях жизни и стали достаточно

смело осваивать рынок ВКЛ. Имея значительное количество денег, они могли себя свободно чувствовать среди местного христианского купечества [13, с. 122]. Некоторые из них приобрели репутацию некоронованных «экономических королей», финансовых олигархов, которые субсидировали своими денежными средствами представителей широких слоев общества, включая привилегированных особ, магнатов и самого господаря. В 1509 г. Авраам Езофич предоставил Сигизмунду I материальную помощь в размере 1000 гривен серебра [7, с. 78–79]. В сфере торгово-экономической деятельности евреи легко пускали свои деньги в оборот и вскоре научились получать хорошую прибыль. Успех каждой финансовой операции состоял в том, чтобы с одного золотого дуката, вложенного в дело, можно было получить несколько грошей чистой прибыли в сутки.

Корпоративность и семейная клановость в среде купцов и торговцев способствовала созданию в белорусских городах ВКЛ финансовой и торговой элиты. Из следствия судебного процесса по делу брестских коммерсантов с мещанином из г. Гданьска Ганусом Блюмом (1546 г.) видно, что он был освобожден от уплаты 6930 польских золотых. Данную сумму ему предъявляли фигуранты этого дела, группа из пяти состоятельных человек с г. Бреста, они поручились за своего компаньона Мошку Кошчыча, который создал неразбериху при проведении финансовых операций со своим торговым партнером [8, с. 166–168].

В исследовании истории торговых и экономических отношений в ВКЛ XVI в. определенный интерес представляют торговые связи, товарооборот, система финансов, а также торговый этикет в среде купеческого сословия деловых людей. Следует помнить, что индивидуальный торговец обладал рациональным мышлением, мог даже иметь определенное образование. Путешествия по разным странам давали ему возможность свободно говорить на русском, польском и других языках. Купцы хорошо знали состояние и уровень экономического раз-

вития других государств. Осуществление взаиморасчетов в международной торговле велось с учетом политики цен в тех или иных городах. Иначе и не могло быть деловых партнерских отношений. Успешная торговля способствовала накоплению огромных богатств в руках купеческой верхушки. Накопление большого количества денег было возможно благодаря тому, что купец постоянно совершенствовал свое искусство торговать. Однако, если успех торговли зависел от нарушения норм морали, но сулил выгоду, купец использовал прием, позволявший ему оправдывать свои действия. В этих условиях достаточно часто могли быть ситуации на рынке, когда торговец, реализуя нужный потребителю товар, говорил, что он торгует очень дешево, как никто еще не торговал. Но на самом деле все группы товаров продавались с хорошей прибылью, что позволяло превратить залежалый товар в золото. Неспроста еще в средневековых городах Европы в отношении людей, торгующих на рынке, говорили так: «Купец лишь в меньшей степени угоден Богу, а то и во все противен ему».

Делом чести для людей, занимающихся коммерческой деятельностью, всегда было очень важно отдавать финансовые долги, взятые для ведения торговых операций. Однако и в те времена были люди, которые пытались использовать деньги своих кредиторов, имея корыстные соображения, с целью личной выгоды. Наглядным примером такого дела послужил документ от 10 апреля 1546 г. о судебном разбирательстве в связи с возникшими противоречиями между паном Станиславом Якубовичем Некрашевичем и неким Мошка Исаковичем. Из материалов данного дела видно, что М. Исакович одолжил сумму денег у С.Я. Некрашевича, однако в указанный срок долг не был возвращен. И это несмотря на то, что эта сделка имела письменное оформление «...а он водле описанья своего на оный рок тых пенязей ему не заплати». В этих условиях М. Исакович продолжает просить своего кредитора дать отсрочку платежа, срок

уплаты долга был продлен «...по Великодни прошлого свята у шести неделях». При этом М. Исакович обещал рассчитаться в своем имении Городище. Однако время шло, а С.Я. Некрашевич свои деньги вернуть не мог. В конечном итоге в целях справедливого решения по данному разбирательству пострадавшая сторона подает жалобу в высшую инстанцию государства самому королю и в совет Панов-рады [8, с. 115].

Купцы, которые имели огромные запасы финансовых средств, могли покупать для себя дома, утварь, предметы роскоши и т.д. В обиходе у состоятельных жителей ВКЛ бытовала дорогая посуда, сделанная как отечественными, так и зарубежными мастерами, – кувшины с рельефным орнаментом, яркие чаши, стеклянные графины и бокалы. Но главным достоинством материального могущества именитых купцов и деловых людей того времени было наличие у них золотых монет европейских государств. Эти средства платежа постоянно находились в обращении, принося их владельцу баснословную прибыль. Они выполняли роль капитала, которым можно было обозначить стоимость того или иного товара или имущества. Обладая исключительной ликвидностью, золотые деньги очень редко превращались в кладовый материал. По данным археологических находок монет видно, что золотые номиналы встречаются в кладовом материале крайне редко. Так, например «угорский» венгерский золотой дукат был обнаружен в Беларуси всего в двух экземплярах. Находки английских золотых ноблей с изображением корабля также представлены двумя экземплярами. Среди иностранного импорта монет во второй половине XVI в. стали эпизодически появляться большие золотые монеты весом до 40 г, получившие название «португалы». Эти полноценные с точки зрения денежно-весовых норм монеты начали чеканить в некоторых европейских странах, а затем пробно и в Речи Посполитой, еще при Сизигмунде-Августе [9, с. 35–37; 10]. Серебряные мелкие разменные монеты ежедневно использова-

лись в рыночной торговле при взаиморасчетах.

О национальном составе купцов, приезжавших в пределы белорусских земель и всего великого княжества, свидетельствуют многие документы. В белорусских городах часто можно было встретить такие названия улиц, как русская, немецкая и др. Это связано с тесными торговыми отношениями как с русским государством, так и с немецкими городами. Русские купцы были частыми гостями на рынках ВКЛ. В конце XIV в. в Брест прибыли немецкие переселенцы, с середины XVI в. в Вильно и Полоцке появились первые немецкие торговые дворы.

Ежегодно на внутренний рынок ВКЛ прибывали караваны иноземных купцов, которые привозили свой товар. Главным предметом ввоза оставались различные ткани, аксамит, шелк, сукно, а также вино, сельдь, соль, драгоценности, пряности, лакомства, оружие, порох, металлы, книги и бумага и прочее. Такой приток товаров был обусловлен ростом возрастающих потребностей феодального рынка, повышением грамотности среди населения, увеличением спроса на экспортные виды товаров.

Основными товарами, отправляемыми на экспорт, были хлеб, лес, клепка, сало, воск, мед, кожи, зола, пенька и др. В огромном количестве вывозили воск, который требовался для нужд литейного производства и для изготовления свечей. Документы экономического характера свидетельствуют о высокой степени внешнеторговой активности многих купцов, являвшихся выходцами из стран Европы.

В конце XV и особенно в XVI в. эти люди завязывали тесные торговые отношения с коммерческими партнерами в городах ВКЛ. Так, например, мещанин из г. Минска Л. Терешкович 4 марта 1488 г. получил из господарской администрации особую грамоту на право торговли своими товарами, без уплаты таможенных пошлин. Этот человек занимался перевозкой торговых грузов по крупным рекам, имеющим выход к развитым тор-

говым центрам в Прибалтике [11, с. 464]. О развитости активного судоходства по рекам внутри страны свидетельствуют некоторые источники, выявленные в ходе научного исследования [2, с. 105–115; 3,

с. 180]. Они вполне могут стать темой нового научного исследования. В рассматриваемый период в Риге находился крупный международный торговый порт и обширный рынок. В этом крупном городе были созданы благоприятные условия для пребывания там купцов из разных стран. Многие положения и нормы о ведении торговли в г. Риге были закреплены в различных правовых актах, заключенных с полочанами еще в первой половине XIV в.

В период XVI в. выход на внешний рынок водным путем приобрел большое значение. Торговцы и предприниматели ищут в это время возможности проникнуть на внутренний рынок ВКЛ и вернуть широкий товарообмен. Этому способствовало то обстоятельство, что в пределах белорусских и литовских земель можно было недорого приобрести хороший товар и различное сырье, имевшее большой спрос на рынках западноевропейских городов. Давая характеристику экономических отношений в ВКЛ XVI в., не следует забывать о таких важных исторических материалах, как записки иностранных путешественников. Описание торговли почти всегда занимает значительное место в сочинениях иностранцев, поскольку их интересовали главным образом экономические данные о России и ВКЛ как о странах с большим экономическим и торговым потенциалом. О богатстве людей, населяющих эти земли, свидетельствуют иностранные путешественники. Так, например, агент английской торговой компании и дипломат Джером Горсей в 70–90 гг. XVI в. писал, что на землях Белой Руси и Литвы есть богатые торговые города, «...изобилующие многими товарами: льном, пенькой, салом, кожами, зерном и множеством скота».

В соответствии с новыми взглядами на историческое прошлое можно согла-

ситься с мнением литовского исследователя

Э. Гудавичуса, что с территории ВКЛ уже с 40-х гг. XVI в. увеличился экспорт лесных полуфабрикатов в страны Европы. Господарь достаточно охотно отдавал обширные участки леса в аренду местным и зарубежным предпринимателям. В этот период увеличилось количество предприятий, занимающихся речным лесосплавом, поскольку этот вид деятельности превратился в важную отрасль хозяйствования, а цены на древесину постоянно росли [12, с. 577]. Изучению этих и других вопросов темы помогли недавно выявленные опубликованные материалы Литовской Метрики. Из этих документов видно, что наиболее рентабельным и прибыльным делом была аренда обширных лесных массивов страны, которые господарь начинал сдавать иностранцам. Об этом свидетельствует один документ. В марте 1546 г. польский купец из г. Гданьска Ольбрахт Шварц просит у Сигизмунда-Августа подтвердительную грамоту на аренду участка леса сроком на три года в Жемойтии в разных урочищах для организации там лесопильного производства. Учитывая потребности развивающейся торговли, О. Шварц желает продолжать уже начатое дело еще в 1544 г. После оформления необходимых документов на аренду леса в г. Бресте продолжились производство дубовых и сосновых досок, заготовка клепки для изготовления бочек и пепла из лесных отходов. Местная администрация в лице жемойтского старосты Юрия Мартиновича Белевича не возражает, что О. Шварц со своими компаньонами, «товарищами его», наймет на эту работу людей. Для организации производства такого масштаба нужны были профессиональные лесорубы, столярно-плотницких дел мастера, бондари, грузчики, кухонные и прочие работники. Надо полагать, что привлечение этой наемной рабочей силы было рассчитано на длительный срок. В договорной грамоте было сказано, что за выполняемые работы О. Шварц обязан платить в гос-

подарский скарб от каждого «лашту по пела по двадцать грошей». За сто досок «ванчосу» по двадцать грошей и от ста клепок тоже по двадцать грошей. Только после внесения денег в скарб эти предприниматели получали право вывозить изделия на берег и грузить на речные суда. Ковенской таможенной службе предписывалось вести учет за вывозимым товаром. В тексте договорных документов сказано о том, что О. Шварц получает свободное право брать любой лес по своему собственному выбору, который он посчитает нужным [8, с. 93–94]. Все дела по аренде лесных угодий в ВКЛ оформлялись и согласовывались при поддержке управляющего делами королевских пуц Гануса Скопа, который выдавал королевские грамоты на получение лесного товара [8, с. 146].

Таким образом, видно, что иностранцы в ВКЛ имели достаточно широкие полномочия в распределении доходных мест и организации торговли. Именно эти обстоятельства побудили шляхту ВКЛ выступать на сессиях вальных сеймов с требованиями получения прав на торговлю лесным товаром [5, с. 371–372].

Заключение. В завершение следует отметить, что новые материалы экономического характера заметно дополняют те представления об организации рынка и уровне развития торгового капитала как в самой торговле, так и в других сферах производства.

В экономике ВКЛ данного периода отчетливо видна активная деятельность купцов и предпринимателей, которые основывали свою деятельность на проведении прямых торговых операций как на внутреннем рынке страны, так и за его пределами.

Данные исторических источников свидетельствуют о том, что уровень экономического развития в ВКЛ эпохи XVI в. вызывал коммерческий интерес к богатым городским рынкам у западных предпринимателей и агентов торговых компаний. Эти и другие причины способствовали смелым капиталовложениям зарубежных купцов в интенсивно развивающуюся торговлю с ВКЛ и на-

лаживание производственной сферы. Следует помнить, что в рассматриваемый период западноевропейские экономически развитые центры ремесла и торговли остро нуждались в продуктах питания, сырье и лесных полуфабрикатах, доставляемых из восточнославянских регионов.

Литература

1. Янушкевич, А.М. Пасольства Стафана Збаражскага 1556 года ў Маскву / А.М. Янушкевич // Беларус. гіст. часоп. – 2011. – № 9. – С. 21–28.
2. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.: тексты / сост. д-р. ист. наук. А.Л. Хорошкевич; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1977. – 228 с.: факс.
3. Акты Литовско-русского государства. Издано М. Довнар-Запольским: в 2 т. – М.: Унив. тип., 1899. – Вып. I: 1390–1529 гг. – 258 с.
4. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1–21. – М.: Синод. тип., 1869–1916. – Кн. 21. – 592 с.
5. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. – Юрьев. – Т. 30: Литовская Метрика. – Отд. 1–2. – Ч. 3: 1914. – 881 с.
6. Ф. Скарына. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўн. А.Ф. Коршунка; АН БССР, ін-т літ. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 206 с.: іл.
7. Бершадский, С.А. Авраам Езофович Ребичкович подскарбий земский член рады Великого княжества Литовского / С.А. Бершанский. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1888. – 157 с.
8. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 30 (1480–1546 гг.): кніга запісаў № 30 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. В.С. Мянжынскі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 386 с.
9. Skorowidz monet polskich od 1506 do 1825 r. Ułożony przez Karola Beyera w 1862 r. (reedycja) // Polskie towarzystwo komisja numizmatyczna. – Warszawa, 1973. – 107 s.: tab.
10. Zycinski, G. Portugaly w inwentarzu skarbcza na jasnej Garse z roku 1685 / G. Zycinski // Biuletyn Numizmatyczny. – 1984. – 59 s.
11. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. – СПб. – Т. 27: Литовская Метрика. – Отд. 1. – Ч. 1: 1910. – 943 с.
12. Гудавичус, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. – М.: Фонд имени И.Д. Сытика. – BALTRUS, 2005. – 679 с.

Поступила в редакцию 23.08.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 9(476):378

Кафедра истории Витебского государственного педагогического института в 1918–1955 гг.

Острога В.А.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье анализируются основные этапы и результаты развития процесса преподавания и научного исследования проблем всеобщей истории в Витебском государственном педагогическом институте. На протяжении 1918–1955 гг. рассмотрена деятельность кафедры всеобщей истории (довоенный период) и кафедры истории (послевоенный период). Особое внимание в работе уделено вопросам изучения в институте новой и новейшей истории. На основе анализа архивных данных восстановлены имена членов кафедры довоенного периода. Делается вывод о том, что в Витебском государственном педагогическом институте на протяжении длительного периода времени предпринимались серьезные попытки создать свою историческую школу. Однако, эти планы вследствие кадровых, материальных и организационных условий к середине XX века реализованы не были. В результате к моменту ликвидации исторической кафедры новая история Запада и Востока не стала предметом научных исследований. Лишь с 1995 г. возобновила свою работу кафедра всеобщей истории и истории Беларуси.

Ключевые слова: *Витебский государственный педагогический институт, всеобщая история, новая и новейшая история, новая история Запада и Востока, педагогические кадры, историки, историческая школа.*

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 45–52)

Department of History of Vitebsk State Pedagogical Institute in 1918–1955

Astroha V.A.

Belarusian State University, Minsk

In the article basic stages and results of the development of the process of teaching and scientific research of issues of general history at Vitebsk State Pedagogical Institute are analyzed. During 1918–1955 the activity of Department of general history (the pre-war period) and Department of history (the post-war period) is considered. Special attention in the work is given to issues of studying Modern and Contemporary history at the institute. On the basis of the analysis of contemporary records names of the members of the Department in the pre-war period are revived. Conclusion is made that in Vitebsk State Pedagogical Institute during long time serious attempts to create a historical school were made. However, these plans owing to personnel, material and organizational conditions by the middle XXth century were not implemented. As a result by the time the History Department was liquidated Modern History of the West and the East had not become subject matter of scientific researches. Only since 1995 the Department of General History and History of Belarus has resumed its work.

Key words: *Vitebsk State Pedagogical Institute, General History, Modern and Contemporary History, Modern History of the West and the East, pedagogical staff, historians, historical school.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 45–52)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ostroga.v@mail.ru – В.А. Острога

История образовательных и научных центров нашей страны, несмотря на имеющиеся публикации, остается малоисследованной областью. Особо это актуально в отношении деятельности региональных высших учебных заведений, в частности областных педагогических институтов. В результате плоды их многолетней работы оставались вне научного анализа. Это касается и итогов изучения проблем преподавания и исследования зарубежной истории, так как в регионах именно педагогические институты зачастую были единственными центрами изучения всеобщей истории. В отечественной историографии отдельные авторы обращались к данной проблематике исследования. В частности, проблемы развития Витебского педагогического института рассматривали в своих работах Е.К. Матлин, П.Е. Медведев, Л.А. Моторова, А.Н. Дулов, Л.Ф. Сакович и другие исследователи. Однако, на сегодняшний день, досконально все аспекты, связанные с деятельностью Витебского педагогического института в советский период, не изучены.

Цель данной статьи – изучение деятельности историков Витебского государственного педагогического института в 1918–1955 гг. в области преподавания и исследования проблем всеобщей истории, в частности новой и новейшей истории.

Материал и методы. Для написания статьи использовались архивные материалы, посвященные деятельности Витебского государственного педагогического института в советский период. В частности, автор проанализировал документы из Государственного архива Витебской области и архива ВГУ имени П.М. Машерова. Они изучены при помощи общенаучных и специально-исторических методов исследования на основе принципов историзма и объективности.

Результаты и их обсуждение. Витебский педагогический институт (ВПИ), старейший среди белорусских педвузов, начал свою работу в 1910 г. как учительский институт. В 1917 г. в соответствии с планами Временного правительства Рос-

сии планировалась его реорганизация в университет, но с 1918 г. ВПИ был преобразован в пединститут, а с октября 1919 г. стал Институтом народного образования (ИНО). В 1921 г. Витебский ИНО был реорганизован в Практический институт народного образования (ПИНО) с правом выпуска школьных работников, так называемых «шкрабов» 2-й ступени. В первые годы советской власти Витебск стал одним из ведущих центров по подготовке специалистов с высшим образованием, в том числе и историков. С 1917 г. в институте существовал словесно-исторический факультет, а с 1918 по 1923 г. – социально-исторический.

Нужно отметить, что развитию пединститута благоприятствовало нахождение в городе в 1911–1922 гг. Витебского отделения Московского археологического института, имевшего археологический, археографический и факультет истории искусств, где преподавали известные ученые и педагоги того времени, к примеру, специалист по новой истории профессор В.Н. Перцев.

Однако в 1918–1920 гг. в Витебском педагогическом институте велась не столько подготовка учителей истории, сколько учителей-предметников по общественно-политическим дисциплинам. Этот подход не требовал глубокого и серьезного изучения исторических дисциплин. Более того, сам принцип академических знаний – академизм, объявлялся вредным буржуазным пережитком [1, с. 42]. Преподавание всеобщей истории велось на различных кафедрах, к примеру, кафедре всеобщей истории, где трудился знаменитый А.П. Сапунов. Были и другие исторические кафедры – истории культуры, западноевропейской культуры, где с февраля 1920 г. читал лекции профессор В.Н. Перцев, а курс методики истории культуры вел К.Ф. Гахович, ставший первым деканом социально-исторического факультета в 1921–1923 гг. В ноябре 1918 г. руководство Витебского педагогического института пригласило для чтения лекций по всеобщей истории искусства и истории эстетических учений

на социально-историческом цикле (факультете) доктора истории и теории изящных искусств, директора Московского археологического института профессора А.И. Успенского. В это же время историю европейской культуры в институте стал читать профессор Н.Н. Розенталь. С июля 1920 г. курс средневековой истории вел профессор А.Н. Ясинский. С сентября 1920 г. историю Западной Европы читал бывший преподаватель Петроградского университета М.М. Бахтин.

В 1922–1923 учебном году историю нового времени вел В.Н. Перцев, а с сентября 1920 г. всеобщую и русскую историю – профессор Орловского пединститута, магистр всеобщей истории В.А. Вейгер-Рейдемейстер, читавший с 1918 г. лекции в Витебском пролетарском университете. В этом учебном году историю преподавали также К.Ф. Гахович, А.И. Успенский и А.Н. Ясинский. По рекомендации В.Н. Перцева для чтения лекций приглашался из Можайска также профессор Д.П. Кончаловский.

Нужно отметить, что Витебский педагогический институт в то время не имел штатных преподавателей всеобщей истории. Лишь в 1923–1924 учебном году на кафедру истории культуры были приглашены профессор всеобщей истории П.Н. Ардашев из Крымского университета и С.А. Лясковский, приехавший из Ивано-Вознесенского пединститута. Первый профессор вскоре прочитал курс новой истории на кафедре новой истории, а второй – историю культуры. В 1923–1924 гг. С.А. Лясковский был даже некоторое время деканом социально-исторического факультета.

В итоге, к 1922–1923 гг. институт, несмотря на постоянные реорганизации, был достаточно солидным учебным заведением. В 1922 г. ему было передано все имущество филиала Московского археологического института в Витебске, а на преподавательскую работу приехало много именитых ученых из разных городов. В институте стали развиваться кафедры.

После передачи Витебской области весной 1923 г. из состава РСФСР в БССР, постановлением Главпрофобразования от 18 мая 1923 г. Витебский ПИНО был вновь преобразован в педагогический институт, а с 24 августа в Высший пединститут (ВВПИ), но уже в августе 1924 г. он, согласно постановлению Наркомпроса БССР, несмотря на протесты руководства ВВПИ в СНК БССР, был объединен с педагогическим факультетом БГУ и ликвидирован. С 16 августа 1924 г. ввиду ликвидации института К.Ф. Гахович, С.А. Лясковский, В.А. Вейгер-Рейдемейстер и другие преподаватели были «освобождены от службы» [2, л. 32–33]. Лучшие сотрудники и студенты были переведены в Белгосуниверситет. К примеру, С.А. Лясковский на кафедру истории XX века.

Таким образом, Витебскому пединституту удалось в начале 1920-х гг. собрать уникальный высококвалифицированный коллектив историков, который мог в перспективе вывести институт в число первых вузов Беларуси. Как писал ректор института в своем отчете за 1923 г., «среди других институтов народного образования Западной области Витебский институт народного образования самый старый, он старше Минского, Смоленского и Псковского» [3, с. 55].

С 1928 г. в Витебске вновь началось возрождение высшего образования. Восстановил свою работу педагогический рабфак, а с 1930 г. был создан индустриально-педагогический институт, преобразованный в 1933 г. в четырехгодичный государственный пединститут (ГПИ). В составе института имелось четыре факультета, в том числе и исторический. С 1935 до 1951 г. при пединституте существовал и учительский институт, состоявший до 1937 г. только из исторического отделения.

На первом этапе кадровую и материальную поддержку восстановленному педагогическому институту обеспечил Витебский вечерний коммунистический университет (позднее районная вечерняя партшкола), существовавший с октября 1930 по 1936 г. при Витебском горкоме

КП(б)Б. Университет на своих отделениях – пропагандистском, партийного строительства, газетном, комсомольском, военном и др. – готовил партийно-советские кадры, имел учебные циклы: экономический, исторический и истории партии [4, с. 150].

К сожалению, сведений о деятельности исторического факультета института и его кафедр в довоенный период практически не сохранилось. Но из имеющихся архивных документов известно, что в 1935–1936 учебном году (до августа 1936 г.) обязанности первого заведующего кафедрой истории исполнял Л.Г. Брандт.

С 15 сентября 1936 г. новым заведующим был назначен профессор В.И. Недельский. Вместе с ним на кафедру пришли профессор З.Г. Гринберг и ассистент

М.Б. Фридман [5, л. 145–146].

В 1938–1939 учебном году на кафедре истории (в ином варианте – истории СССР) ВГПИ уже работало 5 сотрудников: новый завкафедрой кандидат исторических наук, старший преподаватель Н.В. Кочетов, окончивший аспирантуру МГУ, старшие преподаватели: декан исторического факультета А.Я. Разумовский, А.М. Степанов, В.И. Розин и А.О. Букштейн. В это время здесь работали также Г.О. Нерсесян и К.Ф. Гахович.

В следующем учебном году была создана кафедра всеобщей истории под руководством кандидата исторических наук П.А. Старозубца, специалиста по средневековой истории. На кафедре также работали старший преподаватель В.И. Розин и Г.О. Нерсесян, читавший курс новой истории колониальных и зависимых стран.

В 1940–1941 учебном году в составе кафедры всеобщей истории трудились: заведующий кафедрой П.А. Старозубец, в ноябре 1940 г. призванный в Красную армию, Андреева (стала новым заведующим), В.И. Розин, выпускник МГУ, который вел курс новой истории, и старший преподаватель Ю.М. Розенберг, выпускник Московского института лите-

ратуры, философии и искусства. Но в этом году в связи с сокращением контингента студентов и уменьшением объема работы часть преподавателей истории была уволена из института, а остальным существенно уменьшена нагрузка. На январь 1941 г. на истфаке работало всего 5 преподавателей кафедр истории СССР и всеобщей истории: заведующий Н.В. Кочетов,

В.И. Розин, Г.И. Якутович, Ю.М. Розенберг и А.Я. Разумовский. Как отмечалось в отчете факультета за тот год: «работа кафедры всеобщей истории мало чувствовалась, с уходом Старозубца в РККА работа кафедры совсем остановилась...» [6, л. 1]. В результате было принято решение создать единую историческую кафедру. К маю 1941 г. в составе объединенной кафедры истории работали: заведующий Н.В. Кочетов, Г.И. Якутович, Г.О. Нерсесян, М.Б. Фридман и Лютаревич.

Нужно отметить, что, несмотря на объективные трудности, Витебский пединститут, один из лучших вузов Советской Беларуси, проводил достаточно большую научно-исследовательскую работу и в довоенный период выпустил 3 сборника научных записок и 12 книжек методических разработок «В помощь учителю».

Однако с началом Великой Отечественной войны деятельность ВГПИ была прекращена. Институт со всеми оставшимися работниками, наиболее ценным оборудованием и архивом был эвакуирован в Челябинскую область. К сожалению, библиотеку вуза вывезти не удалось. Преподаватели, в том числе и историки, оказались кто где. К примеру, преподаватель новой и новейшей истории В.И. Розин стал партизанским лектором. Так, в отчете ЦК ЛКСМБ отмечалось, что с ноября 1942 по 16 августа 1943 г. им было прочитано 246 лекций и докладов в 65 партизанских отрядах и 201 населенном пункте, охвачено пропагандистской работой до 21 тысячи человек [7, с. 4].

Известно, что в 1943 г. на станции Сходня под Москвой восстановил свою

работу БГУ. Туда была приглашена и часть научных работников из Челябинска и передано все сохранившееся за годы войны оборудование института. В июле 1944 г., в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР «О возобновлении работы Могилевского педагогического и учительского институтов, Витебского педагогического и учительского институтов и Оршанского учительского института» в 1944–1945 учебном году в г. Витебске возобновили свою работу исторический факультет педагогического института и историческое отделение учительского института, пединститут.

С 16 августа 1944 г. заведующим возрожденной кафедрой истории вновь стал Н.В. Кочетов [8, л. 1]. Правда, работал он практически один, не считая периодически приезжавших преподавателей-визитеров по истории древнего мира и средних веков из других вузов. К примеру, преподаватель основ марксизма-ленинизма и древней истории Н.Ф. Ульяновкина. К следующему учебному году кафедра истории состояла уже из трех человек – заведующий Н.В. Кочетов, преподаватель Е.П. Антоненков (из Витебского вечернего университета марксизма-ленинизма) и А.И. Лозовский.

Как отмечалось в отчете по научно-исследовательской работе института за 1945–1946 учебный год, «неукомплектованность кафедр научными кадрами давала себя чувствовать на протяжении всего учебного года... это особенно сказалось на всеобщей истории... вследствие отсутствия специалистов по всеобщей истории, курсы истории древнего мира и средних веков читали преподаватели истории СССР Кочетов и Антоненков... необходимость прибегать к приезжим специалистам приводила к тому, что некоторые курсы читались сгущенно, в один двухнедельный приезд...» [9, л. 129].

Отчет кафедры истории вторил этим выводам – «недоукомплектованность – 2 человека... отсутствовал преподаватель по всеобщей истории... тов. Лозовский, преподаватель по всеобщей истории в

середине сентября внезапно бросил работу (выехал в Оршанский учительский институт. – В.О.) и создал трудности». В результате преподаватели могли исследовать лишь проблемы местной истории. Темой НИР стало «Витебское восстание 1625 г.» [10, л. 161].

С сентября 1946 г. на кафедре работало 5 преподавателей: заведующий кафедрой доцент Е.М. Ринбург (с 10 сентября специализировался по истории СССР),

доцент Н.В. Кочетов (история СССР), Е.П. Антоненков (история средних веков), М.Н. Злотин (история древнего мира) и Л.Г. Энглина (новая история). Однако для Л.Г. Энглиной курс оказался не по силам и после ее увольнения 1-й и 2-й периоды новой истории стали читать совместители – Е.П. Антоненков и декан исторического факультета Л.Б. Шалыт. Но этими силами справиться не удалось, поэтому курс предложили читать доценту из БГУ Г.М. Трухнову. Как отмечалось в отчете факультета за этот год, «отсутствие квалифицированного преподавателя по истории нового времени сделало невозможным систематическое ведение курса. Кафедра также не располагает специализированным по новой истории стран Востока» [11, л. 368]. Однако, несмотря на столь трудное положение, декан Л.Б. Шалыт предложил создать отдельную кафедру всеобщей истории. При этом следует учесть, что новая история была одним из самых сложных учебных курсов в силу отсутствия специалистов и постоянных смен лекторов. Отрицательно отражалось это и на позиции данной дисциплины в научно-исследовательской работе института. В августе 1947 г. в институт пришло письмо от профессора В.А. Рюмина, в котором он изъявил желание читать лекции по новой истории и истории стран Востока. Ответ был дан незамедлительно и ему предложили должность заведующего со следующего учебного года, но он внезапно отказался.

С сентября 1947 г. на полставки читать курс новой истории и недавно введенный курс истории международных

отношений была приглашена преподаватель Московской высшей партшколы Е.Э. Печуро, ставшая вскоре деканом исторического факультета. Теперь на кафедре работали 6 преподавателей: Е.М. Ринбург, Н.В. Кочетов, Е.П. Антоненко, М.Н. Злотин, Е.Э. Печуро и совместитель Л.Б. Шалыт. Однако, научная работа на кафедре проводилась слабо, лишь Е.Э. Печуро и М.Н. Злотин работали над кандидатскими диссертациями. Н.В. Кочетов исследовал историю Витебска до XX в., а Е.М. Ринбург – его историю в период Великой Отечественной войны.

В 1948–1949 учебном году заведующим кафедрой стала Е.Э. Печуро, единственная на кафедре работавшая над кандидатской диссертацией по новой истории – «Американо-мексиканские отношения накануне мексиканской революции 1910 г.». Вместе с ней на кафедре трудились Н.В. Кочетов, Е.П. Антоненков, М.Н. Злотин, В.Н. Шкиренко и Д.Р. Вобликов (аспирант АН СССР Д.Р. Вобликов работал над кандидатской диссертацией на тему «Американский нейтралитет в итало-абиссинской войне 1935–36 гг.». Правда, с февраля 1949 г. он был уволен из института за срыв преподавания курса новой истории и его заменил В.А. Ваяхин.

Кафедру истории не обходили стороной и гремящие в то время в Советском Союзе политические кампании борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом». Как отмечалось в годовом отчете кафедры, «специальное заседание кафедры посвятила обсуждению доклада член-корреспондента АН СССР Панкратовой о космополитизме в исторической науке. Сообщения об этом сделал Кочетов, присутствовавший на обсуждении доклада в АН БССР... выступившие в прениях гг. Злотин, Печуро, Антоненко критиковали недостатки учебников Лурье, Вайнштейна, Зубока...» и как результат обсуждения – «ст. преподаватель Печуро работает над историей США в период администрации Рузвельта (в связи с извращениями ис-

тории США в учебнике проф. Зубока» [12, л. 208].

В следующем учебном году курс истории Востока вновь читал доцент БГУ Г.М. Трухнов. Весь первый семестр на кафедре преподавал историю СССР доцент И.Т. Козлов, уволенный позднее за нарушение трудовой дисциплины. В годовом отчете института впервые официально отмечена необходимость раздела кафедры на две – истории СССР и новой истории [13, л. 23].

С 1950–1951 учебного года, после переезда института в новое здание, кафедра истории была разделена на две – истории СССР и всеобщей истории (вместо планируемой новой истории). В этом году кафедра впервые работала с полностью укомплектованным штатом: заведующий Е.Э. Печуро (новая история), М.Н. Злотин, Л.Б. Шалыт (история Востока) и Е.П. Антоненков. Однако план НИР вновь не был выполнен ни одним из преподавателей. Не был он выполнен и в следующем году.

В мае 1952 г. произошел достаточно характерный для того времени случай. По рекомендации Е.Э. Печуро из Москвы был приглашен кандидат исторических наук Л.И. Гинцберг. Однако в ходе проверки учебного курса, читаемого этим преподавателем, были установлены факты «серьезных ошибок» исторического и политического характера и Гинцберг был уволен. Вскоре с должности завкафедрой по собственному желанию ушла и Е.Э. Печуро.

С сентября 1952 г. на кафедре работали: новый заведующий В.И. Горемыкина, специалист по древней истории, Е.Э. Печуро, Е.П. Антоненков и новый преподаватель А.А. Савицкий, окончивший аспирантуру Московского областного пединститута по кафедре истории СССР. Он начал читать курс истории СССР, а Л.Б. Шалыт была освобождена от работы на кафедре в связи с приездом более квалифицированного преподавателя.

Однако, несмотря на усиление кафедры, научно-исследовательская работа по-прежнему на ней проводилась слабо. Как отмечалось в годовом отчете института, «работники кафедры очень мед-

ленно включаются в сдачу кандидатских экзаменов, не ведут самостоятельной НИР и не дают печатной продукции. Слабой НИР кафедры объясняется и плохая работа научных студенческих кружков. При кафедре формально организовано три студенческих кружка. Однако их работа поставлена плохо. Поэтому на республиканскую выставку студенческих научных работ не было представлено ни одной работы» [14, л. 38].

В 1953–1954 учебном году в составе кафедры работали В.И. Горемыкина, Е.П. Антоненко, А.А. Савицкий и Е.Э. Печуро. Последняя, ссылаясь на преклонный возраст и слабое здоровье, отказалась работать над кандидатской диссертацией и даже не выполнила свою тему НИР «Народная демократия как форма перехода от капитализма к социализму».

Однако усилиями руководства института и преподавательского состава 5 мая 1954 г. по итогам научно-исследовательской работы за 1953 г. была проведена научная конференция. На ней работала секция истории и литературы, где состоялись три выступления преподавателей кафедры по истории СССР и В.И. Горемыкиной по истории древнего мира. Нужно отметить, что она была единственным историком в институте, кто реально проводил научные исследования в своей области. Остальные же члены кафедры из года в год «отмахивались» фразой – «готовлюсь к сдаче кандидатских экзаменов».

Летом того же года в связи с отсутствием набора на 1-й курс исторического факультета и нагрузки уволилась и уехала в Минский пединститут В.И. Горемыкина. К сентябрю 1954 г. расформировали и кафедру всеобщей истории, а преподавателей включили в состав кафедры истории СССР. На этой кафедре теперь работали: заведующий Г. Гречкин, Е.Э. Печуро, В.А. Ваяхин, А.И. Ильина, М.Н. Злотин, А.И. Романовский, А.А. Савицкий, Е.П. Антоненков и Н.В. Кочетов.

В январе 1955 г. пришел ответ из Министерства просвещения БССР на запрос руководства Витебского пединститута (от

декабря 1954 г.), где констатировалось, что «открытие гуманитарного факультета (исторического, литературного факультета)... нецелесообразно» [15, л. 5]. А 28 апреля 1955 г. министр подписал Приказ

№ 76 о переводе с 15 августа 1955 г. 3-го и 4-го курсов истфака ВГПИ в Могилевский пединститут. На основании этого приказа директор института приказом № 111 от 27 июня 1955 г. освободил от работы с 1 сентября всех вышеупомянутых сотрудников кафедры истории СССР [16, л. 145]. А 4 октября 1955 г. приказом министра Высшего образования СССР с 10 октября 1955 г. закрывалась кафедра истории СССР и всеобщей истории в связи с ликвидацией в институте специальности «История» [17, л. 49].

После ликвидации кафедры истории преподаватели оказались в разных местах. Так, М.Н. Злотин работал на кафедре психологии и педагогики. Е.Э. Печуро с 1955 г. перешла на должность директора Витебского института усовершенствования учителей.

Заключение. Таким образом, в Витебском пединституте на протяжении длительного периода времени предпринимались серьезные попытки создать свою историческую школу. Однако эти планы вследствие кадровых, материальных и организационных условий к середине XX века остались не реализованы. В результате к моменту ликвидации исторической кафедры новая история Запада, и тем более Востока, так и не стала предметом научных исследований. Лишь почти через полвека Витебский пединститут вновь приобрел собственный исторический факультет. С 1 сентября 1992 г. был сформирован факультет белорусской филологии и истории. А с 1993 г. была начата подготовка по специальности «Белорусский язык и литература» с дополнительной специальностью «История».

С 31 августа 1995 г. стала работать кафедра всеобщей истории и истории Беларуси. С 3 сентября 1998 г. эта кафедра была реорганизована и на ее основе бы-

ли образованы две кафедры: истории Беларуси и всеобщей истории и мировой культуры. И, наконец, в 2001 г. в Витебском государственном университете был создан самостоятельный исторический факультет в составе на тот момент двух вышеупомянутых кафедр.

Литература

1. Моторова, Л.А. Подготовка учителей-историков в Витебском педагогическом институте (1918–1924 гг.) / Л.А. Моторова, О.П. Шидловская // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 1998. – № 3. – С. 40–44.
2. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 160.
3. Матлин, Е.К. К истории Витебского педагогического института им. С.М. Кирова / Е.К. Матлин, П.Е. Медведев // Учен. записки Витебск. гос. пед. ин-та им. С.М. Кирова. – 1957. – Вып. VIII. – С. 44–68.
4. Саковіч, Л.Ф. Віцебскі вячэрні камуністычны ўніверсітэт / Л.Ф. Саковіч // Беларуская ССР: кароткая энцыклапедыя: у 5 т. – Мінск, 1980. – Т. 3. – 596 с.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 232.
6. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 255.
7. Дарафеенка, Н. У час суровых выпрабаванняў / Н. Дарафеенка // Віцебскі рабочы. – 1978. – 18 ліст. – С. 4.
8. Архив учреждения образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова». – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 3.
10. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 281.
11. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 284.
12. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 10.
13. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 25.
14. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 35.
15. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 44-в.
16. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 1. – Д. 31.
17. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 41.

Поступила в редакцию 13.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 94(476)“1943–1991”:656

Состояние и совершенствование технической оснащенности белорусского транспорта (конец 1943 – 1991 год)

Тимофеев Р.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В данном исследовании отражено состояние и развитие технической оснащённости железнодорожного и автомобильного транспорта Белорусской ССР в конце 1943 – 1991 году. Отдельное внимание уделено показу главных направлений технического перевооружения транспортных предприятий. Особо выделены сложности с поставкой в республику наиболее совершенных транспортных средств. Отмечены основные модели использовавшейся в изучаемый период техники, даны их характеристики, показаны удобства и преимущества, влияние на рост производительности труда. Определена роль органов власти по распространению новых видов техники, контролю за ее рациональным использованием и созданием условий успешной эксплуатации.

Отдельно в статье показано восстановление подвижного состава железнодорожного и автомобильного транспорта после Великой Отечественной войны, отмечено развитие собственного автомобилестроительного производства в республике, создание ремонтной базы для поддержания техники в рабочем состоянии. Большое внимание в работе уделено оснащению Белорусской железной дороги новыми видами тяги, подчеркнута отношение к вопросам технического перевооружения отдельных руководителей. В статье выделены как основные решения органов власти по техническому перевооружению транспортных предприятий, так и степень их конкретной реализации.

Ключевые слова: управление, локомотив, вагон, автомашина, автобус.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 53–78)

Condition and improvement of the technical provision of Belarusian transport in late 1943 – 1991

Timofeev R.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

In the given research the condition and development of technical provision of the railway and motor transport of Belarus in late 1943 – 1991 is reflected. Special attention is paid to the display of mainstreams of modernization of transport agencies. Complexities with the delivery to the Republic of the most perfect vehicles are stressed. Basic models of vehicles used in the studied period are singled out, their technical characteristics are given, conveniences and advantages, influence on labor productivity increase are shown. The role of authorities in the distribution of new kinds of vehicle, in controlling their rational use and in creating conditions for their successful operation is defined.

The article pays special attention to the reconstruction of the railway and motor transport vehicles after the Great Patriotic war, it notes the development of home automobile construction industry in the Republic as well as setting up repairs provisions. Significant attention is paid to the provision of Belarusian rail way with new engines, it is stressed that the attitude on the part of some authorities to these issues was serious.

Адрес для корреспонденции: Московский пр-т, д. 27, корп. 2, кв. 56, 210022, г. Витебск; тел. 25-77-43 – Р.В. Тимофеев

Both basic decisions of the authorities on technical provision of transport companies and the degree of their implementation are singled out in the article.

Key words: *management, the locomotive, the car, a motor vehicle, the bus.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 53–78)

В условиях выхода экономики Республики Беларусь на качественно более высокий уровень своего развития важное значение играет обеспеченность ее производственной сферы перевозками. Поэтому необходимо использовать недавний опыт по развитию технической оснащенности основных видов ее транспорта – железнодорожного и автомобильного. Изучение данного вопроса дает возможность найти наиболее оптимальные в современных условиях направления по техническому перевооружению транспортных предприятий, позволяет изучить эффективность собственного производства наиболее важных компонентов их технической базы. Исследование подобного плана востребовано белорусским обществом, так как состояние технической оснащенности транспорта во многом определяет успешность его работы, позволяет с наименьшими затратами размещать в республике новые производства, привлекает к сотрудничеству зарубежных партнеров.

Изучение данной проблемы в контексте истории Беларуси послевоенного периода оказалось минимальным. Наиболее масштабные научные работы, связанные с технической оснащенностью транспорта, были выпущены еще в советское время и отдельно не выделяли ситуацию в Беларуси, в них отсутствовал критический подход к проблеме [1, 2, 3]. Только железнодорожному транспорту посвящены монографические и коллективные работы ряда исследователей, но и там техническая оснащенность не была основным объектом изучения [4, 5, 6].

Цель статьи – показ динамики в оснащенности транспорта БССР в конце 1943 – 1991 г. Задачи: провести анализ реализации технической политики в республике, показать перевооружение

железнодорожных и автотранспортных предприятий, улучшение технических характеристик основных моделей транспортных средств.

Материал и методы. Данные по технической оснащенности транспорта, статистические данные и документы о решениях органов власти были найдены в Национальном архиве Республики Беларусь, Государственных архивах Брестской, Гомельской, Гродненской, Витебской, Могилевской областей. Они были дополнены сведениями из сборников документов и периодической печати. В исследовании использован системный подход, который позволяет рассмотреть проблему в комплексе, раскрыть целостность объекта и выявить многообразие окружающих его связей. Его дополнили такие методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Железнодорожному транспорту республики после освобождения первых районов осенью 1943 г. свою работу пришлось начинать с восстановления. Война нанесла технической оснащенности белорусского транспорта огромный ущерб. Было вывезено в Германию или уничтожено 1140 паровозов для широкой и 131 паровоз для узкой колеи дороги, 48888 вагонов, платформ и цистерн [7, с. 117]. Если подсчитать отдельно, то оккупанты уничтожили свыше 2 тыс. мотовозов и 12713 вагонов [8, с. 10]. Чтобы восполнить нехватку подвижного состава, железнодорожники использовали все имевшиеся у них возможности. С одной стороны, техника была направлена с тыловых магистралей СССР. Так, Белорусская железная дорога (БЖД) уже к 15 апреля 1944 г. получила 167 паровозов [4, с. 45]. С другой стороны, за время операции «Багратион» в июне–июле 1944 г. у противника было захвачено 150 паровозов и

6100 вагонов широкой колеи, 12 паровозов и 200 вагонов узкой колеи [10, с. 90]. Например, на Оршанском узле в июле 1944 г. забрали 6 исправных и 2 поврежденных немецких паровоза, 290 исправных немецких вагонов, на перегонах Оршанского отделения – 20 паровозов и 300 вагонов [9, л. 8]. Трофейный подвижной состав использовался на западноевропейской узкой колее. В 1944 г. произошло и широкое переоборудование трофейных вагонов на отечественную колею [3, с. 58].

Восстановление технической оснащённости белорусских железных дорог в 1944–1949 гг. С осени 1944 г. на Брест-Литовской железной дороге (БЛЖД) были допущены к эксплуатации паровозы серий «СУ», «С», «К», «Э», «Э» и «Щ». Особое внимание уделялось улучшению использования подвижного состава, так как существовал значительный недостаток паровозов [6, с. 116]. В паровозных и вагонных депо Витебска и Полоцка были капитально восстановлены десятки паровозов и сотни вагонов, которые находились на «кладбищах» в Полоцком парке Витебска и на станции Громы [11, с. 140]. В вагонном депо Витебска в 1946 г. практиковали восстановление одного целого вагона из нескольких разбитых. Проблемы с обеспечением были очень острыми. Так, на станции Орша Западной железной дороги (ЗЖД) в 1949 г. не было необходимых средств для подготовки пассажирского парка к весенне-летним перевозкам [12, л. 77]. Сложностей добавлял широкий модельный ряд имевшихся локомотивов. Сразу после войны в БССР главным образом использовались паровозы «52» (ТЭ), «О», «Э», «Е», «С» [7, с. 119]. В первое пятилетие в эксплуатации находились также локомотивы серий «ФД», «СО» и «Щ», приходилось работать и на немецких, и на американских локомотивах [11, с. 241]. На Барановичском отделении БЛЖД в конце 1940-х гг. основными моделями паровозов стали «О» и «Э». Пассажирское движение Минским локомотивным депо с 1944 г. по сентябрь 1955 г. обслуживалось паровозами серии Су, с октября

1955 г. частично новыми паровозами «П-36» [10, с. 228].

В то же время мощности паровозов на угольном отоплении не обеспечивали необходимой работы котла, и как результат, не выдерживалась техническая скорость, имелось значительное количество стоянок на промежуточных станциях для чистки топки паровоза и нагона пара, участковая скорость движения была низкой [11, с. 244]. С течением времени ситуация изменилась и на ряде участков ЗЖД и БЖД с 1948 г. стали использовать новые локомотивы серии «Л». В 1949 г. появилась его модель с колесной формулой 1-5-0, а в 1955 г. – последняя из моделей паровозов – «ПЗ» [7, с. 119]. Использование нового парка паровозов помогло, например, увеличить на 27% техническую норму веса поезда в 1948 г. по Витебскому отделению ЗЖД. Кроме мощных паровозов серий «Л» и «СО» в 1949–50 гг. поступали четырехосные грузовые и цельнометаллические пассажирские вагоны [5, с. 274]. Как итог, локомотивное и вагонное хозяйства республики были восстановлены на более высокой технической основе, чем до войны. В СССР во второй половине 1940-х гг. был уже налажен серийный выпуск тепловозов «ТЭ-1», а с 1950 г. – более мощных тепловозов серии «ТЭ-2» [5, с. 457].

В 1947 г. Рижский вагоностроительный завод начал выпускать электросекции серии «С» с конструкционной скоростью 85 км/ч [1, с. 93]. Но новые виды тяги в БССР пока еще не распространялись, так как решения об этом принимались не на республиканском, а на союзном уровне: считалось, что в тот период существовали более приоритетные направления для использования такой техники.

Восстановление и укрепление грузового автопарка общего пользования БССР в 1943–1949 гг. Техническая оснащённость созданных на освобожденных территориях автотранспортных контор (АТК) была минимальной. Зато огромными были потери: если в 1940 г. общее количество автомашин по БССР

составляло 21416 единиц, то в 1945 г. ее автопарк общего пользования составил только 271 автомашину. На вооружении созданной в декабре 1943 г. Речицкой АТК было лишь 2 автомобиля и лошади. Положение старались исправить местные власти, и в Речице за январь 1944 г. из трофейных деталей были уже собраны и введены в эксплуатацию 4 машины «ГАЗ-АА». Для АТК в 1944–45 гг. была передана техника, ранее бывшая на вооружении армии. Так, в Барановичскую АТК в январе 1945 г. из состава автомобильных бригад поступили: самый распространенный автомобиль войны «ЗИС-5», другие отечественные авто – «ГАЗ-67Б», «ГАЗ-АА», «ЗИС-2», а также иностранные – «Форд», «Шевроле». Однако, их техническое состояние было крайне низким. В сентябре 1944 г. в составе 7 автобаз Наркомата автотранспорта (НКАТ) исправными были только 33 машины, на 1 января 1945 г. – уже 118. Основными были грузовые марки «ГАЗ-АА», «ЗИ-Е5» и «ГАЗ-42». Улучшению технического состояния автомобилей содействовало возобновление в январе 1944 г. работы Гомельского авторемонтного завода, но он с большим трудом выходил на запланированную мощность. В помощь ему были организованы авторемонтные мастерские, например, в феврале 1945 г. в Гродно. Рано или поздно на смену трофейной технике должна была придти отечественная. По постановлению ГКО от 26 августа 1945 г. «О восстановлении и развитии автомобильной промышленности» было принято решение о производстве грузовых автомобилей «ГАЗ-51» грузоподъемностью 2,5 тонны, «ГАЗ-63» – 2 тонны, «ЗИС-150» – 3,5 тонны. Так, Минская АТК-2 в конце 1945 г. была оснащена 45 грузовиками «ГАЗ».

Из-за нехватки средств техническая оснащённость НКАТ БССР была низкой и на 1 января 1946 г. на его вооружении было только 238 грузовых автомобилей. Но вскоре начались массовые поставки автомобилей по пятилетнему плану восстановления, и автопарк автохозяйств общего пользования за первые 8 месяцев

1946 г. возрос на 52%. По Гомельской АТК в декабре 1947 г. числилось уже 70 «ЗИС-5» и 4 «ГАЗ-АА». В 1946–50 гг. в СССР широко выпускались «ГАЗ-51», «ЗИЛ-151», но полное обновление автопарка республики достигнуто не было, продолжали использовать импортные машины, в результате чего автобусный парк, например в 1947 г., состоял из 25 различных марок. С каждым годом число марок автомобилей росло, что создавало дополнительные трудности в их обслуживании из-за несовместимости узлов и деталей. С 1947 г. в хозяйствах союзных республик стали широко применять автомобиль «ЗИС-150», с 1948 г. – «ГАЗ-51». Одной из наиболее совершенных считали «ЗИС-5», машина этой модели из Барановичей за 1945–82 гг. прошла 2 млн км и была поставлена на пьедестал.

Деятельность органов власти по улучшению технической оснащённости автотранспорта в 1944–49 гг. Ситуация с обеспечением БССР автомобилями могла улучшиться с пуском собственного автомобилестроительного завода. Так, 9 августа 1944 г. ГКО СССР принял постановление об организации в Минске автосборочного завода и уже в ноябре 1944 г. из деталей и узлов, поставленных на ленд-лизу из США, были собраны первые 100 грузовиков, в декабре 1944 г. – 250. В ноябре 1947 г. с конвейера Минского автозавода сошел первый самосвал «МАЗ-205» из собственных узлов, в 1947–1949 гг. шло освоение и выпуск бортового грузовика «МАЗ-200» и седельного тягача «МАЗ-200В». Предпринятые усилия дали определенный результат, и по МАТУ на 1 января 1949 г. было уже 1016 машин. Однако, коренного перелома в обеспечении не произошло, так как автомобили в советских республиках распределялись централизованно, в рамках лимитов, и место их выпуска решающего значения не имело. Важные органы власти стремились уделить сохранности и безопасной эксплуатации имевшегося автопарка, так как наладить массовые поставки автомобилей в первые послево-

енные годы было проблематично. Постановлением СНК СССР от 26 апреля 1945 г. была запрещена эксплуатация автомобилей, собранных из частей и агрегатов разных моделей. Постановление Совета Министров (СМ) БССР от 29 марта 1946 г. было направлено на проведение мероприятий по улучшению эксплуатации импортных автомашин, от 29 августа 1946 г. на организацию авторемонтных предприятий и улучшение эксплуатации автопарка. Было отмечено, что за 1945 г., несмотря на тяжелое техническое состояние автопарка, состоявшего в основном из старых машин отечественных и иностранных марок, на 100 автомашин было произведено 6,4 капитальных и 19,4 средних ремонта. Не менее важным было обеспечение рациональной эксплуатации автотранспорта. Ежегодные техосмотры автомобилей, проводимые ГАИ, содействовали улучшению технического состояния автомобилей и увеличению коэффициента готовности парка.

Сложности в оснащении пассажирского автопарка республики в 1944–49 гг. Ситуация с пассажирским автотранспортом была наиболее острой, автобусов катастрофически не хватало, даже в Минске. Из-за малочисленности автобусного парка, состоявшего из 10 машин, в июле 1946 г. там было прекращено движение по ряду маршрутов. Автобусно-таксомоторный парк в Минске был создан лишь 11 февраля 1947 г. и эксплуатировал как отечественные, так и трофейные автобусы: «ГАЗ-0330», «ЗИС-8», «ЛЕН-12», всего 43 единицы. Чтобы исправить ситуацию в Минске, туда в январе 1948 г. были поставлены 75-местные автобусы «ЗИС-154», которые начали выпускать в Москве в 1947 г. Положение с наличием подвижного состава в первое послевоенное пятилетие было настолько плачевным, что в ноябре 1948 г. население даже такого областного города, как Брест, обслуживали только 4 автобуса. Поэтому местным горисполкомом была поставлена задача увеличить отмеченный парк автобусов в 2 раза. Два новых «ЗИС-154» с дизель-

моторами получил в апреле 1949 г. Могилев. Пинская АТК в конце 1940-х гг. смогла предложить для перевозок 6 автобусов «ГАЗ-АЛ», созданной на шасси полторки с 16-ю сидячими местами.

Решения органов власти по вопросам технического перевооружения транспорта в 1950–60-х гг. О необходимости пополнения транспорта новейшей техникой было сказано в постановлении ЦК КП(б)Б «О социалистическом соревновании в промышленности, на строительстве и транспорте республики», изданном 22 сентября 1951 г. Июльский пленум ЦК КПСС 1955 г. отметил недостатки в развитии технического прогресса на производстве, выразившиеся в том, что на ряде предприятий мало обращали внимание на замену старой техники, и наметил мероприятия по их преодолению. По решениям XX съезда КПСС 1956 г. и XXI-го в 1959 г. проводились работы по технической реконструкции главных направлений железнодорожной сети, внедрению средств комплексной механизации и автоматизации. Широкую программу мероприятий по развитию технического прогресса наметил пленум ЦК КПБ в июле 1959 г. Решения июльского пленума ЦК КПСС 1960 г. были направлены на внедрение в практику современных достижений техники. Факт медленного внедрения на транспорте прогрессивной технологии, механизации трудоемких работ и автоматизации подчеркнул XXV съезд КПБ в 1961 г. На пленуме ЦК КПБ в январе 1968 г. было отмечено, что на транспорте уделялось мало внимания ускорению технического прогресса, внедрению комплексной механизации. Чтобы ускорить распространение новшеств, 14 марта 1962 г. появилось распоряжение СМ БССР «О порядке расчетов экономической эффективности при премировании за создание и внедрение новой техники».

Развитие технической оснащенности белорусских железных дорог в 1950-х гг. Производственная деятельность железнодорожников находилась в прямой зависимости от их оснащенности подвижным составом. Так, после того как в 1950

г. на ряде дорог республики произошла замена мощных локомотивов серии «Л» на «Э» и 52-ю, весовая норма составов снизилась на 35%, а задание 1946–50 гг. по показателю их среднего веса удалось выполнить только на БЖД [5, с. 278]. Но уже в 1951–52 гг. оснащённость на ЖД республики значительно улучшилась, о чем было заявлено на XX съезде КП(б)Б. Эра тепловозов и электровозов в БССР все еще не наступала и основной упор по-прежнему делался на паровозы. Так, основным пассажирским локомотивом был «С», на изделия № 206-20 Оршанского депо в марте 1952 г. был достигнут 1 млн км пробега без капремонта. Из грузовых моделей наиболее известными были паровозы «ФД» и «ИС», но их работоспособность зависела от качества ремонта колесных пар. В депо Барановичи в 1952 г. грузовой парк менялся на паровозы серии «Эр» со смешанным отоплением.

Эксплуатировались также локомотивы модели «С8», а на маневровой работе в 1955 г. паровозы серии «О» были заменены на более мощные серии Э [10, с. 171]. Главными характеристиками новых локомотивов была мощность и экономичность. В 1955 г. в Минское депо стали поступать паровозы «П-36», которые позволили увеличить скорость движения поездов в 2 раза [5, с. 292, 293]. В паровозное депо Минск в 1955 г. для эксплуатации на участках Минск–Смоленск и Минск–Брест пришли первые 4 новых локомотива Коломенского завода серии «П-36»-«2-4-2», развивавшие скорость до 125 км в час и имевшие большой коэффициент полезного действия. В депо Калининичи в 1956 г. для вождения грузовых поездов были поставлены локомотивы серии «СО», а в депо Могилев – паровозы серии «ТЛ». Паровозы серии «СО» имели преимущества перед локомотивами других типов в том, что их приборы предварительного подогрева воды давали возможность снижать расход топлива на 8–10% и расширять

мощность паровоза. Такое переоснащение позволило перевыполнить планы. Замена в 1955–58 гг. значительной части паровозного парка локомотивами серий «Л» и «П-36» имела важное значение для повышения веса, скорости и усиления безопасности движения поездов [6, с. 120]. В 1957 г. производство паровозов в СССР было прекращено [3, с. 72]. Не оставались в стороне от обновления и вагоны. В 1951–1955 гг. проводились работы по переводу подвижного состава ЖД на роликовые подшипники, которые уменьшали сопротивление движению и позволяли увеличивать вес поезда на 10%. Важным для улучшения эксплуатации железнодорожного подвижного состава оказалось постановление СМ СССР от 19 февраля 1954 г. «О переоборудовании двухосных грузовых вагонов на автосцепку». Новые модели грузовых вагонов в 1956–57 гг. производил Уралвагонзавод. Пассажирские составы, которые формировались на станциях БССР, с 1955 г. были радиофицированы и почти полностью состояли из цельнометаллических вагонов.

Техническое отставание белорусских железных дорог по новым видам тяги в 1950-х гг. В изучаемый период не принято было говорить, что железные дороги БССР в техническом оснащении отставали от уровня ряда других союзных республик. Так, из-за отсутствия необходимой базы не эксплуатировались выпускавшиеся в 1950-х гг. Рижским и Коломенским заводами электропоезда «ЭР-1» и «ЭР-2». Естественно, не было и электровоза «НО-002» для работы на переменном токе высокого напряжения. В 1955 г. построенный Новочеркасским заводом магистральный электровоз «Н-8-001» начал работу на Южно-Уральской дороге, в Калининграде в 1957 г. стали эксплуатировать дизель-электропоезд, который мог везти более 4 тыс. тонн груза. В РСФСР был уже освоен восьмиосный электровоз «Н-8» со скоростью 90 км в час, мощностью в 5700 лошадиных сил (ЛС). В 1956 г. происходили испытания электровоза «ВЛ-

23» мощностью 4300 ЛС, скоростью 90–100 км в час, его сила тяги при скорости движения 70–80 км в час была в 2 раза больше, чем у паровоза «ФД», широко применявшегося в БССР.

Не попали в эксплуатацию на территории нашей республики выпускавшийся

в 1954 г. на Харьковском заводе односекционный тепловоз мощностью в 2000 ЛС, грузовой сцепленный тепловоз, который мог водить составы весом до 3 тыс. тонн. В 1955 г. не использовался тепловоз

«ТЭ-3» Харьковского завода мощностью в 2 раза больше, чем у серийной модели «ТЭ-2». Хотя о поставках электровозов и тепловозов министр путей сообщения СССР Б. Бецев заявил еще в январе 1952 г. Техническое отставание железнодорожного транспорта в 1956 г. признал XX съезд КПСС, отметив, что он работал в основном на паровозной тяге, имевшей коэффициент полезного действия 4–5%, в то время как электрическая составляла 16–18%. По СССР доля перевозок грузов электровозами и тепловозами в общем грузообороте увеличилась в 1957 г. до 20%. Все это еще раз указало на техническое отставание железных дорог БССР, где доля таких перевозок пока равнялась нулю.

В целях исправления ситуации с распространением новых видов тяги Коломенский завод в 1956 г. также начал производство двухсекционного тепловоза «ТЭ-3» мощностью в 4000 ЛС. В 1958 г. Муромский завод выпустил большую партию маневровых тепловозов мощностью в 400 ЛС. Конструкторы Харьковского завода в 1958 г. разработали проект нового быстроходного пассажирского тепловоза, развивавшего с составом вагонов скорость до 160 км/ч. По СССР в 1959 г. использовали двухсекционные тепловозы Харьковского завода – грузовой «ТЭ-3» и пассажирский «ТЭ-7». Харьковский завод в 1959 г. выпускал 5 новых типов грузовых и пассажирских тепловозов. Четыре из них – это двухсекционные локомотивы мощностью по 6000 и 7000 ЛС. Первый «ТЭ-10» совер-

шил свои рейсы с тяжеловесными составами в июне 1959 г., развивая скорость до 100 км в час.

Расширение грузового автопарка республики в 1950-х гг. К концу 1950 г. автопарк Министерства автотранспорта (МАТ) БССР более чем в 2 раза превысил уровень 1940 г. На 1 января 1950 г. он состоял из 1203 машин, за 1950 г. поступило 195 грузовиков, часть из которых была восстановлена силами самих автохозяйств. Но в то же время не было условий для их нормальной эксплуатации, профилактики и ремонта. Необходимость технического переоснащения хорошо понимали органы власти и благодаря их усилиям союзная автомобильная промышленность резко нарастила производство своей продукции. Соответственно только за 1952–53 гг. количество грузовых машин в системе МАТа выросло в 2,5 раза, о чем было заявлено на XXI съезде КПБ в 1954 г. На 1 января 1951 г. там было 1499 грузовых автомашин. За год поступило 65 грузовиков, в первую очередь «ЗИС-21А», «ЗИС-150», «ЗИС-585», а также «ГАЗ-51». В то же время было списано 92 грузовика и 2 передано. За 1953 г. поступила 1591 автомашина, в том числе 619 «ЗИС-150» и 878 «ГАЗ-51». Рост продолжался все это время и по информации начальника отдела транспорта, дорожного строительства и связи Госплана СМ БССР Б. Степанова по сравнению с 1950 г. автопарк МАТа (МАТШДа) увеличился к декабрю 1955 г. уже более чем в 5 раз.

За 1955 г. в МАТШД поступило 1026 грузовиков, в том числе 306 «ГАЗ-51» и 219 «ЗИС-150». На 1 января 1956 г. по Главному управлению автомобильного транспорта (ГУАТу) работало 6478 авто. Одними из самых массовых моделей грузовиков, которые могли нести значительную нагрузку, были ульяновский «ГАЗ-51» и московские «ЗИС-5» и «ЗИС-150». В целом по республике было ограниченное число марок автомобилей, довольно высокий уровень унификации и стандартизации агрегатов и узлов в машинах разного типа, что намного облегчало специализацию автотранспортных

предприятий, давало возможность широко использовать передовые методы работы. За 1954–58 гг. по ГУАТу было получено 6 тыс. автомобилей, создано 33 новых автохозяйства, на 1 января 1959 г. число грузовых автомобилей достигло 7956 единиц. Из работавших в 1959 г. автомобилей более всего было «ГАЗ-51» грузоподъемностью в 2,5 тонн – 2346 единиц, «ЗИЛ-150» и «ЗИС-164» грузоподъемностью в 4 тонны – 2369. Новые предприятия обеспечивались качественной техникой с опозданием. Так, Щучинская АТК после своего формирования в январе 1959 г., по словам ее первого директора, со всего района получила фактически списанный подвижной состав. Только через 2 года он был приведен в надлежащий вид при помощи поставок новых авто. Больше стало требоваться и спецмашин и на XXIII съезде КПБ в январе 1959 г. ГУАТ и Белнефтехснабсбыт СНХ БССР обязали пополнить парк по перевозке нефтепродуктов.

Несмотря на развитие в республике собственного производства автомобилей, модели Минского автозавода в автопарке МАТа занимали незначительное место, так как являлись большегрузными, а для местных нужд больше подходили не такие мощные машины. Автомобили местного производства «МАЗ-200» и «МАЗ-205», например, в Витебском областном автотресте в 1956 г. простаивали из-за отсутствия запчастей. Это было связано с тем, что для Минского завода главным был показатель по валовому выпуску самих автомашин.

Поставки и модельный ряд пассажирского автопарка в БССР за 1950-х гг. Поставки техники из года в год росли. Если на 1 января 1950 г. автопарк МАТа состоял из 298 автобусов, то на 1 января 1958 г. там работало уже 1613 автобусов. В 1950 г. в Минск поступили многоместные автобусы «Л-4» и «ГАЗ-71-Б» для междугородних линий, городские автобусы с цельнометаллическим кузовом «ЗИС-154». Среди пассажирских автомашин в 1950–52 г. был хорошо известен и «ГАЗ-03-30». Минский автобус-

ный парк в 1951 г. пополнился также новейшими автобусами «ЗИС-155». Пассажирского автотранспорта не хватало и для того, чтобы исправить работу Минского парка. 50 грузовых автомашин в 1953 г. были переоборудованы под автобусы, в 1954 г. он получил также 4 пассажирских прицепа, изготовленных в Алма-Ате. Из-за нехватки автобусов, например, в Витебской АТК в 1950 г. как замену им использовали обтянутые брезентом грузовые автомашины. Такая ситуация не могла продолжаться вечно и в августе 1951 г. Витебская АТК получила первый «ЗИС-155», рассчитанный на 50 человек. Для Минска с 1955 г. были типичны еще и «ЗИС-158», в мае 1956 г. там работало уже 260 автобусов, в том числе 5 автобусов «ЗИС-127» на 32 места для междугородних линий. Минск в 1956 г. использовал автобусы, созданные на базе автомобиля «ГАЗ-51», в 1957 г. получил первые венгерские автобусы «Икарус-55» междугородней модели, в 1959 г. были поставлены 17 автобусов «ЛАЗ-695».

С каждым годом количество машин в АТК росло. Барановичи получили 4 «ЗИС-155» в 1952 г., в 1953 г. парк Могилева пополнился 11 автобусами «ЗИС-155». За 1951–55 гг. городской транспорт Борисова увеличился в 6 раз. Хуже дело обстояло с пригородными перевозками и в 1959 г., например, Щучинская АТК располагала только 4 автобусами «ПАЗ-651». Появилось в республике и небольшое собственное производство. Так, в апреле 1953 г. Борисовский авторемонтный завод МАТШДа БССР выпустил первый пассажирский автобус «Т-82», рассчитанный на 20 мест. Каждый год появлялись новые модели автобусов. В 1957 г. в Москве стали изготавливать дизельный автобус «ЗИЛ-127», который на хорошем шоссе мог доводить свою скорость до 120 км/ч. Он поступил и в Минск, стал перевозить пассажиров в Москву. Массово в СССР пассажирские автобусы выпускали Львовский, Московский и Павловский заводы, отличительными чертами их новых моделей были комфортабельность, увеличенная ско-

рость, замена металлических деталей пластмассовыми. Всего в 1959 г. по республике курсировало 2,2 тыс. автобусов, в том числе 300 были получены за последний год.

Сложности с техническим состоянием белорусского пассажирского автопарка в 1950-х гг. Множество автобусов в 1950 г., например в Бобруйске, требовали ремонта и были практически не пригодны к перевозкам пассажиров. Автобусы Минска в 1953 г. вместо 10 часов по нормативу простаивали по несколько дней, в основном из-за отсутствия запчастей. Здесь сказывались невысокое качество их заводского изготовления и неблагоприятные условия эксплуатации. За имевшимся парком автобусов необходимо было грамотно следить, и поэтому на улучшение организации технического обслуживания и ремонта пассажирского парка был направлен приказ ГУАТа от 31 января 1959 г. Хорошо, если бы он еще и постоянно исполнялся. Большие проблемы были и с капремонтом. Автомобили и агрегаты, полученные в 1958–59 гг., например, Витебской пассажирской АТК-1 с капремонта, произведенного предприятиями СНХ БССР, были очень низкого качества и, как правило, проходили менее 50% нормы. Инспекторы Комиссии советского контроля при СМ БССР в октябре 1958 г. отметили то, что невыход большого количества автобусов на линию и преждевременный их возврат, например, в Гродненской области объяснялся низким контролем автохозяйств за техническим состоянием и эксплуатацией автопарка. В результате, несмотря на поставки новых машин, ситуация с техническим состоянием автобусов улучшалась медленно. В октябре 1959 г. в Минске из имевшихся для обслуживания города и природных зон 370 автобусов выходило ежедневно на линию не многим больше 200. В основном машины были старые, поэтому часто выходили из строя, стояли на ремонтах.

Преодоление Белорусской железной дорогой технического отставания по но-

вым видам тяги в 1960-х гг. Первыми в республике стали использовать импортные, но маломощные локомотивы, в 1960 г. в депо Минск поступил тепловоз серии «ВМ-1» мощностью 600 ЛС, в Гомельское депо из Венгрии прибыли 2 тепловоза «ВМ-Э1» с мощностью 600 ЛС и развивавших скорость до 80 км в час, за 1960–61 гг. в Гомель были переданы 2 тепловоза с гидростатическим приводом австрийской фирмы. В сентябре 1961 г. XXV съезд КПБ обязал к 1965 г. провести перевод БЖД на тепловозную тягу, для чего ставка была сделана на отечественные модели. В Брестском депо в 1963 г. начал перевозку грузов первый магистральный тепловоз «ТЭ-2», расходовавший топлива в 4 раза меньше, чем паровозы при увеличении скорости и веса грузовых поездов. Высокоэффективным в Бресте с 1963 г. оказалось использование пассажирских тепловозов «ТЭ-7», которые с введением летнего расписания начали курсировать со скоростью 140 км/ч по маршруту Москва–Брест, за короткое время сэкономили 0,5 млн руб. По словам главного инженера БЖД Н.И. Нестеренко, в мае 1964 г. впервые тепловозы пошли по маршруту Москва–Молодечно–Вильнюс. От Бреста тепловозы, где они были прописаны, везли грузовые составы. Наибольший удельный вес тепловозы приобрели в 1964 г. именно на Брестском отделении, а массово по всей БЖД локомотивы начали заменяться тепловозами с 1964 г.

В 1965 г. пассажирские поезда на участке Красное–Брест стали обслуживаться тепловозами серии «ТЭ-7» и «2ТЭП-60», в 1966 г. было переведено на тепловозную тягу грузовое движение на направлениях Красное–Брест, Заольша–Бигосово, Калинковичи–Овруч [8, с. 17]. Тепловозы «ТЭ-3» начали заменять паровозы в грузовом движении, «ТЭ-7» – в пассажирском [5, с. 290]. В 1965 г. было начато внедрение тепловозной тяги на линии Калинковичи–Овруч, что повысило вес грузовых поездов на 500 тонн, а скорость

на 10 км. Внедрение тепловозной тяги позволило увеличить участковую скорость более чем на 2 км/ч, средний вес грузового поезда – на 200 тонн и снизить себестоимость перевозок – на 10% [8, с. 18]. На специализированных заводах СССР строились новые отечественные модели тепловозов. Так, Луганский завод в мае 1960 г. выпустил новый двухсекционный тепловоз

«ТГ-102» мощностью в 4000 ЛС и скоростью 120 км в час, в 1967 г. магистральный тепловоз «ТЭ-109» мощностью 3000 ЛС. Использование тепловозов было большим шагом вперед, так как они расходовали топлива в 4 раза меньше, чем паровозы, у них была выше скорость и они могли водить поезда с большим весом составов. С вводом мощных тепловозов значительно возросли объемы перевозок, вес грузовых поездов, резко увеличилась производительность труда. Расстояние пробега без дозаправки – «плечи» паровоза составляли 100–120 км, а тепловоз мог в 1964 г. пройти в 8 раз больше. В пассажирском движении в 1968 г. на БЖД начали эксплуатироваться тепловозы «ТЭ-10Л», «ТЭП-60» [5, с. 296]. В 1969 г. использовались такие марки тепловозов, как «ТЭ-3», «ТЭП-60», «ЧМЭЗ^а», «ТГМЗ^б» и «ТГМЗ^а» [10, с. 233]. Постоянной была проблема недостаточно высокой технической готовности, так как пополнение парка грузовых тепловозов Витебского депо в 1967–70 гг. осуществлялось в основном за счет снятых с работы из-за изношенности двигателей «ТЭ-3» Казахской ЖД [11, с. 249].

Параллельно с внедрением прогрессивных видов тяги в грузовом и пассажирском движении прошло техническое перевооружение пригородных перевозок. В декабре 1963 г. на БЖД начали использовать электропоезда серии «ЭР-9», первоначально на перегоне Минск–Олехновичи. В каждом вагоне электрички было 108–110 сидячих мест, расстояние в 48 км было пройдено за 52 минуты, а при паровой тяге на это уходил 1 час

22 минуты. Оснащение электропоездами постоянно возрастало. Если по линии Минск–Олехновичи в 1963 г. курсировал 1 электропоезд, то в 1968 г. уже 12, что позволило выполнить план перевозок пассажиров, намеченный на 1970 г. Моторные вагоны для электропоездов поступали из Риги, а прицепные из Калинина, в ноябре 1965 г. был получен из Риги опытный электропоезд «ЭР-11-1» из 8 удлиненных вагонов.

В декабре 1962 г. на линии Москва–Брест прошел испытания пассажирский поезд «Красная стрела», составленный из вагонов высшего класса. Взамен паровой тяги и деревянных пассажирских вагонов, после 1968 г. Минский узел получил новый рижский дизель-поезд «ДР-1» из 2 моторных и 4 прицепных вагонов в январе 1969 г. и уже в сентябре 1970 г. из обслуживания пригородных поездов был изъят последний паровоз [10, с. 233]. С течением времени менялся вагонный парк. Так, большинство грузовых вагонов в 1962 г. уже были большегрузными, в 1963 г. прибыли цементовозы, к 1965 г. стали эксплуатироваться 4- и 6-грузовые вагоны с увеличенной грузоподъемностью, в их числе шестиосный полувагон на 94 тонны [5, с. 296]. В 1965–68 гг. на смену 20-тонным двухосным вагонам пришли четырехосные грузоподъемностью в 60–62 тонны.

Трудности с внедрением новых видов тяги на Белорусской железной дороге в 1960-х гг. Так как тепловозов в БССР в первой половине 1960-х гг. было еще мало, то значительное внимание уделялось рациональному использованию паровозов. По словам начальника БЖД Г.И. Котяша, в сентябре 1961 г. на XXV съезде КПБ стало очевидным, что большим успехом был перевод паровозного парка Бреста, Барановичей на нефтяное отопление. В 1963 г. на дороге использовалось множество техники устаревших марок, в том числе паровоз «Победа». Модели «Л» и «П-36» в 1965 г. выполнили 75% общего объема перевозок паровозами [4, с. 173]. Техническое отставание преодолевалось медленными темпами и на 2-й сессии Верховного Совета БССР 26 декабря 1963 г. депутат Г.И. Котяш выска-

зал критические замечания Госплану и СНХ республики по поводу нехватки подвижного состава. Решались такие вопросы трудно, в БССР только началось использование тепловозов, а в СССР на октябрь 1961 г. уже 50% всех перевозок осуществлялось электровозами и тепловозами.

Если высшие руководители СССР, посещая в мае 1962 г. выставку образцов новой техники железнодорожного транспорта, в первую очередь 1-й секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, особое внимание обратили на ускорение внедрения новых мощных электровозов переменного тока, то на тот момент в БССР электровозы еще вообще не использовались. После Всесоюзного совещания железнодорожников на БЖД в июле 1962 г. было заявлено, что главным в техническом перевооружении ее хозяйства стал перевод основных направлений дороги на тепловозную тягу и к концу 1965 г. белорусские железнодорожники планировали выполнять тепловозной тягой 65–70% всего объема перевозок. Однако, как показали дальнейшие события, эта цифра была достигнута с большим опозданием. Новые прогрессивные виды тяги на БЖД только что начали внедряться и на первоначальном этапе не дали ощутимого эффекта. МПС занимал позицию первоочередного распространения новых видов тяги на востоке СССР, что касалось и вагонного парка, когда устаревшие типы подвижного состава, в том числе и 2-осные вагоны, перемещались на запад. По мнению руководства БЖД, эти меры не носили дискриминационного характера, так как ЖД Сибири и Урала работали с огромным напряжением, отсутствие параллельных линий при малейшем сбое приводило к большим потерям [5, с. 312]. В июле 1963 г. по СССР уже 70% общего грузооборота ЖД осуществлялось с помощью тепловозов и электровозов, а в этот момент на БЖД приходилось гордиться тем, что многие депо были оснащены мощными паровозами «Л». Возможность пополнить парк мощными машинами «Л» и «П-36» БЖД получила за счет перевода ряда других магистралей СССР на новые виды тяги [8,

с. 15]. Только в 1969 г. паровозы серии «Э» и «О» на маневровых работах по БЖД были заменены тепловозами «ТГМ».

Несмотря на поставки тепловозов, союзнного уровня использования новых видов тяги республика никак не могла достичь. Так, в апреле 1966 г. электровозами и тепловозами в СССР было выполнено уже 85% всех грузовых перевозок, а по БЖД в августе 1966 г. тепловозами обслуживались только 35% грузовых перевозок. Во второй половине 1960-х гг., благодаря успешному экономическому росту республик и переводу БЖД на самофинансирование, произошло значительное ускорение по поставкам тепловозов и созданию соответственной материальной базы. Поэтому в июне 1967 г. тепловозами выполнялось уже почти 50% грузовых перевозок на БЖД. Однако, отставание не было преодолено, так как по СССР электровозы и тепловозы в августе 1967 г. перевозили 88% всех грузов. Поставленные задачи по техническому перевооружению выполнялись в БССР только на ряде участков. Так, по Минскому отделению тепловозами и электровозами в августе 1967 г. проводилось до 80% перевозок. Выполненный тепловозами грузооборот по всем отделениям за 1968 г. составил 52% в общем грузообороте железнодорожного транспорта БССР. По словам командного состава БЖД, дизельная тяга внедрялась медленно, так как переносились из года в год централизованные поставки тепловозов.

Состояние белорусского грузового автотранспорта в 1960-х гг. Импульс техническому переоснащению автотранспорта общего пользования задал июльский Пленум ЦК КПСС в 1960 г. Значимый толчок дало также создание укрупненных автохозяйств ГУАТа, на которые были возложены централизованные перевозки. В 1961 г. среднесписочное число автомобилей по ГУАТу достигло 15568 единиц. Модельный ряд автомашин в первой половине 1960-х гг. сильно зависел от того, какое ведомство в рамках укрупнения автохозяйств передавало свою

технику. Созданная в 1963 г., на базе ремонтной мастерской местного цементного завода, Красносельская грузовая автобаза оказалась оснащена 86 самосвалами «МАЗ-5549», «МАЗ-5551», «КамАЗ-5410». Основными моделями автомашин в 1964 г., например, по Брестскому облавтотресту, были «ГАЗ-51» и «ГАЗ-52», «ЗИС-5», «ЗИС-50», «УРАЛ», «ЗИС-585», «КАЗ-600» самосвал, «ЗИЛЬ» – 164, 150, 157, 151, в меньшей степени «МАЗ-200», «МАЗ-200Г», «МАЗ-205». На предприятия поступали как старые, так и новые модели машин. На междугородних централизованных перевозках впервые в 1966 г. были использованы тяжеловесные поезда, представлявшие собой тягачи «МАЗ-20 ОМ» с двумя полуприцепами, которые в сумме могли везти до 24 тонн грузов. Актуальным был вопрос о рациональном использовании любой из моделей. Одной из возможностей по снижению затрат на единицу транспортной работы была специализация подвижного состава предприятий по характеру перевозок, по типу и марке автомобилей. Но с этим были нестыковки. Так, Бобруйская автобаза № 11 в 1965 г. перевозила железобетонные плиты, не имея для этого специальных автомобилей, что приводило к недогрузке имевшихся машин на 15–20%.

Одними новыми поставками достичь высокой технической готовности предприятий было невозможно. Так, по Витебскому облавтотресту в ноябре 1960 г. количество неисправных автомобилей, по данным его парткома, доходило до 800 единиц. Как отметил в 1963 г. Комитет партийно-государственного контроля (КПГК), у МАТа БССР отсутствовали нормы расхода материалов на техническое обслуживание и ремонты. В целях улучшения ситуации МАТ в 1963 г. обратился к КПГК за помощью по вопросу снабжения запчастями, так как централизованное снабжение отдельных министерств республиканское объединение «Белсельхозтехника» не производила. Чтобы обеспечить более полное использование имевшихся у автотранспортников технических средств в областных автотрестах, например Гомельском, в 1960

г. значительное внимание также уделяли проведению ревизий. По данным КНК БССР в 1968 г. большое количество автомобилей выпускалось на линии с неисправными спидометрами или вовсе без них. В целом автомобилей не хватало. Как отметил в октябре 1968 г. заведующий отделом транспорта и связи СМ БССР В. Лазаретов, из-за того, что в ближайшие годы автомобилестроение еще не могло полностью удовлетворить потребности в автомобилях, ставилась задача мобилизовать внутренние резервы. Как раз с этим и были сложности по причине некачественного технического обслуживания автомобилей, которое усугублялось нехваткой запчастей. Каждый год приносил появление новых моделей в белорусском автомобилестроении. Так, в 1969 г. на Минском автозаводе производилось уже 6 типов автомобилей и 12 прицепов.

Совершенствование пассажирского автопарка республики в 1960-х гг. С течением времени росло понимание важности оснащения пассажирских предприятий техникой, и, по информации начальника ГУАТа А. Дробышевского, автобусный парк республики только за 1960 г. пополнился 871 новым автобусом. Увеличению поставок помогло решение Комиссии Президиума СМ СССР по текущим делам от 21 мая 1962 г., которое обязало министерства использовать автобусы передать в автохозяйства общего пользования. Госплану БССР, начиная с 1963 г., при распределении фондов на автобусы поставили задачу выделять их в основном также таким организациям. Автобусный парк республики в 1962 г. пополнился еще 843 автобусами, другое дело, что их списывали по неисправности также много. К тому же Гомельский авторемонтный завод в 1960 г. изготавливал образцы автоприцепов на 25 человек для пассажирских автопоездов. Так как ощущался недостаток пассажирского автотранспорта, то Брестский облавтотрест в целях улучшения обслуживания населения в 1962–63 гг. производил переделку грузотакси в автобусы на Борисовском авторемонтном заводе. Автобусы,

как и многое другое, в 1960-е гг. были в большом дефиците, так что их распределением по предприятиям занимались обкомполкомы, например, Могилевский в январе 1965 г. Автобусы поставляли несколько специализированных автозаводов в союзных республиках. На техническом вооружении Березовской автобазы № 8 в 1962 г. находились автобусы «ПАЗ-651». В 1963 г. «ПАЗ-652» широко применяли в Витебске. Первые «Икарус-31» для городских маршрутов появились в Минске в 1960 г., в январе 1963 г. город получил 15 новых автобусов «ЛАЗ-695», с 1968 г. использовали первые 5 автобусов «Икарус-180».

Постоянно менялся модельный ряд автобусов. Так, образованная в августе 1961 г. Минская автоколонна 2411 для городских перевозок пассажиров первоначально располагала автобусами «ПАЗ», затем «ЗИЛ» и «ЛиАЗ», в 1967 г. стали поступать комфортабельные «ЛАЗы». В середине 1960-х гг. выпускались городской «ЛАЗ-695» и междугородний «ЛАЗ-697» – «Турист», отличавшиеся конструкцией кресла, планированием салонов. В 1967 г. 1-й автобусный парк Минска пополнился автобусами «ЛАЗ-695», в 1967 г. появились современные 160-местные автобусы «Икарус-180», в 1968 г. – «ЛиАЗ-677» на 110 человек, что имело первостепенное значение для повышения производительности транспорта. В Минске в 1969 г. ежедневно выходило на линии 377 автобусов. Однако, транспортные магистрали не были подготовлены к такому количеству автобусов, не была усовершенствована транспортная схема, медленно велась подготовка по эффективному использованию автобусов на линиях.

Важные для технического обеспечения инициативы постоянно выдвигались органами власти. Так, на XIII съезде КПСС в 1966 г. было предусмотрено улучшение конструкции автобусов для городских сообщений и создание более комфортабельных машин для междугородних перевозок. При конструировании городского автобуса в качестве характеристик, определявших совершенство машины, на первый план были выдвиг-

нуты такие параметры, как вместимость и маршрутная скорость. Соответственно в 1967 г. в СССР был создан новый городской автобус на 106 мест «ЛАЗ-698», Ликинским автозаводом в 1968 г. производился автобус «ЛиАЗ-677» на 100 чел. За 1965–67 гг. количество автобусов по МАТ БССР увеличилось в 1,5 раза. В мае 1967 г. пассажирский автопарк республики превысил 4 тыс. машин, в 1968 г. увеличился еще на 700 автобусов и в 1969 г. на 500 машин.

Отношение органов власти к вопросам технического прогресса в 1970–80-х гг.

Партийные власти постоянно давали толчок новому этапу оснащения предприятий более совершенной техникой. Так, XXVII съезд КПБ в 1971 г. отметил медленное внедрение достижений науки, передовой технологии и поэтому потребовал активнее проводить техническое переоснащение и развитие их с учетом более полного обеспечения возраставших потребностей хозяйства и населения в перевозках. Руководство СССР соглашалось с тем, что значительное количество высококачественной транспортной техники приходило из социалистических стран, вместо того чтобы улучшить свое собственное производство. Оно не смогло также преодолеть негативную тенденцию ухудшения использования подвижного состава в 1976–80 гг., что выразилось в росте потребления ресурсов на их содержание. Решающее значение в работе по совершенствованию оснащения транспорта отводилось общесоюзным мероприятиям. Так, исходя из Продовольственной программы СССР, принятой в мае 1982 г., на железных дорогах проводилось усовершенствование структуры парка вагонов. Министерству тяжелого и транспортного машиностроения было дано задание по созданию мощностей для увеличения производства саморазгружающихся вагонов. На совещании 1985 г. в ЦК КПСС по вопросам ускорения НТП отмечалось, что на нынешнем этапе развития экономики обострились проблемы производственной инфраструктуры. XXVII съезд КПСС в 1986 г. объявил о приоритетности разви-

тия машиностроения и реконструкции на этой основе всех отраслей хозяйства.

Так как машиностроительные министерства в первой половине 1980-х гг. не полностью удовлетворяли запросы пассажирского транспорта в комфортабельном подвижном составе, то постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении работы транспорта по обслуживанию пассажиров» от 9 августа 1984 г. Министерству тяжелого машиностроения СССР было поручено увеличить в 1986–90 гг. производство пассажирских вагонов ЖД, дизельных и электропоездов. Министерство автомобильной промышленности должно было безотлагательно повысить качество, надежность, долговечность и комфортабельность выпускаемых автобусов.

Ввиду того, что задачи по разработке и внедрению новых высокоэффективных транспортных средств и систем управления решались медленно, а внедряемая новая техника не обеспечивала необходимого ускорения темпов роста производительности труда и коренного улучшения работы транспорта, то постановлением СМ СССР от 12 марта 1987 г. была поставлена задача по укреплению связи науки с производством, усилению взаимодействия научно-исследовательских учреждений транспортных и промышленных министерств. Таким организациям и ведомствам необходимо было разрабатывать и внедрять прогрессивные технологические процессы и технические средства. В свою очередь СМ БССР и Белорусский Республиканский Совет Профессиональных Союзов 31 марта 1988 г. внес дополнения в Положение о премиях Совета Министров БССР за создание и освоение в производстве высокоэффективной техники. В то же время союзные органы власти не смогли провести скоординированную техническую политику. Поэтому машиностроительная промышленность СССР, поставлявшая локомотивы, вагоны и автомобили, не полностью использовала достижения фундаментальных наук и практически по всем показателям отечественные транспортные средства уступали зарубежным аналогам.

Причем по ряду показателей, например, гарантированным межремонтным пробегам автомобилей, это отставание было очень существенно.

Влияние государственных решений на техническое переоснащение железнодорожного транспорта БССР в 1970-х гг.

Уровень перевозок, выполнявшийся переловым тепловозным видом тяги на БЖД в начале десятилетия, был намного ниже общесоюзных показателей, так как такой вид локомотивов выделялся дороге в недостаточном количестве и не хватало средств для их обслуживания. В целях разрешения ситуации начальник дороги Е.П. Юшкевич на апрельском Пленуме ЦК КПБ 1970 г., разбиравшем меры по ускорению технического прогресса в промышленности, строительстве и транспорте, поднял этот вопрос перед секретарем ЦК КПБ А.А. Смирновым. Своими решениями пленум поддержал желание железнодорожников ускорить переход на прогрессивные виды тяги, обязал их лучше использовать подвижной состав за счет совершенствования эксплуатационной работы, внедрения новой техники и прогрессивной технологии. Линия на техническое перевооружение проводилась по всем союзным республикам. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии железнодорожного транспорта в 1971–75 гг.» от 2 июня 1971 г. запланировало увеличить поставку магистральных грузовых вагонов, пассажирских вагонов, секций магистральных тепловозов, электровозов и маневровых тепловозов. Специальным постановлением ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС, принятым в июле 1971 г., машиностроительным министерствам было поручено осуществить в 1971–1975 гг. мероприятия по обеспечению повышения технического уровня, качества и надежности поставляемых железнодорожному транспорту техники. Тем не менее и постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по развитию железнодорожного транспорта в 1976–80 гг.» от 13 января 1977 г. отметило медленное пополнение парка новыми грузовыми вагонами. Чтобы исправить ситуацию, органами

власти вновь было решено увеличить поставки подвижного состава, с 1978 г. намечено выпускать новые полувагоны с металлическим кузовом, и с 1980 г. все грузовые вагоны на роликовых подшипниках. Для этого были предусмотрены меры по развитию производственных мощностей.

В то же время поставки тепловозов по пятилеткам за 1960–75 гг. были неравномерными, что было вызвано определенной недостаточностью капиталовложений, приводившей к необходимости перераспределять их между различными отраслями транспортного хозяйства [3, с. 72]. Переоснащение БЖД шло шаг за шагом, если ее массовый перевод на тепловозную тягу начался в 1964 г., то в конце 1970 г. новыми видами тяги было перевезено 75% грузов и 65% пассажиров. Ситуация с техническим обеспечением была улучшена во многом за счет того, что в других регионах СССР переоснащение ЖД более производительной техникой было завершено и в качестве одного из пунктов плана общесоюзной модернизации больше внимания уделили нашей республике.

Нараставший объем перевозок в 1970–75 гг. потребовал соответственного увеличения поставок подвижного состава. Так, на вооружении Брестского отделения БЖД в 1971 г. появились новые тепловозы «М-62», локомотивные бригады освоили тепловозы марки «ТЭ-2», широкое применение нашли на маневровой работе «ВМЭ-1». Тепловоз «ТЭП-70», развивавший скорость до 160 км в час, пополнил в 1974 г. парк Оршанского депо. В 1971 году в Полоцкое депо прибыли 5 тепловозов «М-62» [11, с. 250]. В октябре 1974 г. по БЖД уже 92% всей перевозочной работы выполнялось тепловозами. По словам начальника БЖД А. Андреева, перевод БЖД на тепловозную тягу был полностью завершён в 1980 г. и начато использование электровозов на направлении Красное–Брест. Фактически «вечным» был вопрос о сохранности подвижного состава. Ремонт маневровых тепловозов серии «ТЭМ-1» в 1978–79 г. занимались Минское и

Гомельское локомотивные депо. В то же время качество ремонта оставалось низким, например, в 1978 г. по пассажирским тепловозам «ТЭП-60».

Использование новых моделей техники на железнодорожном транспорте. Модельный ряд тепловозов был достаточно широк. Так, с 1971 г. на железных дорогах стали распространять локомотивы нового поколения, созданные на базе тепловоза «ТЭ-109», среди которых локомотивы с передачей переменного постоянного тока «ТЭ-114», двухсекционные магистральные тепловозы «ТЭ-116» мощностью 6000 ЛС и «ТЭ-115» мощностью 8000 ЛС. Коломенский завод в 1970-е гг. наладил выпуск «ТЭ-109», «2ТЭ-116», «ТЭ-120» с дизелем мощностью 3000 ЛС. Локомотивы «2ТЭ-10Л» оказались на 14% экономичнее предыдущих моделей. Ворошиловградским заводом в 1977 г. был выпущен новый тепловоз «2ТЭ-10В». Эксплуатация новых локомотивов позволяла существенно повысить пропускную способность дорог. Основным направлением технического перевооружения ЖД в 1970-е гг. союзные власти с переменным успехом пытались сделать техническое развитие и модернизацию подвижного состава, совершенствование его структуры, приведение его технических параметров в соответствие с требованиями НТП. Вопросы технического перевооружения БЖД постоянно рассматривал отдел транспорта и связи при СМ БССР.

На 1971–75 гг. пришелся рост производства магистральных электровозов [3, с. 72]. На базе серийного электровоза «ВЛ-80К» был сконструирован магистральный восьмиосный грузовой электровоз типа «ВЛ-80Т» переменного тока, а на Черкасском заводе в 1970 г. было начато его серийное производство. Теоретически для совершенствования техники были большие возможности, доказанная скорость электровозов составляла 250–300 км/ч при конструкционной скорости 100–120 км/ч. Что касается пассажирского движения, то в 1972 г. в Оршу, Брест и Барановичи пришло 15 рижских дизель-поездов, на Витебском отделении появи-

лись первые дизель-поезда венгерского производства [11, с. 320]. С Минского узла, на долю которого приходилось до 30% от пригородного движения на дороге, последний пригородный поезд из деревянных вагонов ушел в 1969 г., а последний дизель-поезд – в 1975 г., после полной электрификации минской пригородной зоны. Для вождения пассажирских поездов использовался тепловоз «ТЭП-60». На БЖД эксплуатировались электропоезд «ЭР-9» и дизель-поезд «ДР-1».

Грузовой парк в 1960–70-е гг. пополнялся технически более совершенными вагонами, высокой грузоподъемности, приспособленными к перевозке определенных видов грузов. Количественное и качественное усиление вагонного парка проходило путем его приспособления к локомотивному парку. За 1945–75 гг. произошел постепенный переход от двухосных вагонов к четырехосным, а от четырехосных – к шестиосным грузоподъемностью 95 тонн. В 1966–70 гг. производство грузовых вагонов сократилось, но за 1971–76 гг. оно было восстановлено [3, с. 73]. По словам председателя постоянной комиссии Брестского областного Совета депутатов по дорожному хозяйству, транспорту и связи (1978 г.), для более полного использования технических возможностей подвижного состава необходимо было ускорять оборот вагона, повышать статическую нагрузку на вагон.

В 1970-е годы вагонный парк активно пополнился хоппер-вагонами для перевозки зерна, цемента, минеральных удобрений. Их массовое применение позволило снизить расходы на погрузочно-разгрузочные работы, повысить производительность труда [5, с. 334]. В 1970 г. основным типом вагонов на БЖД был четырехосный грузоподъемностью 60 тонн, эксплуатировались также шестиосные вагоны грузоподъемностью до 95 тонн [4, с. 174]. Себестоимость перевозок грузов при эксплуатации вагонов увеличенной грузоподъемности, например восьмьюосного полувагона Уральского вагоностроительного завода производства 1973 г., снижалась на 10–12%. По СССР

во второй половине 1970-х гг. появлялись грузовые вагоны с цельнометаллическими кузовами, большой грузоподъемностью 125 тонн, цистерны для перевозки нефтепродуктов грузоподъемностью 120 тонн. Для перевозки гранулированных удобрений использовались вагоны типа «Хоппер» и цистерны-цементовозы. Применялись товарные вагоны польского производства. Однако, происходил и обратный процесс, когда парк вагонов подвергался поломкам со стороны грузополучателей и грузоотправителей, в основном во время погрузки-выгрузки продукции.

Развитие пассажирского вагонного парка в 1945–75 гг. отличалось постепенной стандартизацией многочисленных пассажирских вагонов разных типов и заменой их четырехосными унифицированными вагонами длиной 20 метров. В 1975 г. конструкционная скорость цельнометаллических пассажирских вагонов составляла 200 км в час. В 1970–75 гг. производство пассажирских вагонов было снижено, так как часть перевозок была передана на воздушный и автомобильный транспорт, но затем увеличено [3, с. 73]. В пассажирских поездах в 1960–70-е гг. в основном применялись цельнометаллические вагоны из ГДР.

Решения органов власти по технической оснащению автотранспорта в 1970-х гг. Пленум ЦК КПБ 8 апреля 1970 г. отметил необходимость создания на автотранспорте технически передовых, хорошо оснащенных предприятий, которые могли бы повысить уровень централизации перевозок грузов. По положению о Министерстве автомобильного транспорта БССР, утвержденному 13 апреля 1971 г., министерство должно было нести ответственность за научно-технический прогресс и технический уровень производства. Соответственно приказ министра автотранспорта БССР от 4 сентября 1973 г. был направлен на создание в областных городах отделов по внедрению новой техники, передовой технологии и законченных научно-исследовательских разработок. СМ СССР 6 июля 1973 г. установил,

что грузовые автомобили должны были выделяться для автотранспорта общего пользования и ведомственного автотранспорта исходя из объемов перевозок грузов, определенных постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 5 августа 1968 г. Министерства и ведомства СССР, СМ союзных республик были обязаны направлять грузовые автомобили в первую очередь в крупные автохозяйства, обеспечивавшие наиболее эффективное использование автомобилей и имевшие необходимую производственную базу для их содержания и технического обслуживания. Была поставлена задача обеспечить разработку и осуществление мероприятий по улучшению содержания грузовых автомобилей.

25 декабря 1972 г. СМ СССР дал задание Министерству автомобильной промышленности обеспечить производство в 1973–1975 гг. городских автобусов и троллейбусов новых конструкций. Постановлением «О мерах по улучшению работы городского транспорта», принятым в 1973 г., СМ СССР предусмотрел выпуск больших и малых городских автобусов для работы в условиях низких температур. Верховный Совет БССР 28 февраля 1977 г. обязал Госплан, «Белсельхозтехнику» принять меры к более полному обеспечению МАТа оборудованием, материалами, техническими средствами, специализированными малотоннажными автомобилями, а также запасными частями. Вопросы поставок новой техники рассматривались на заседаниях коллегии Министерства автомобильного транспорта БССР и отраслевого республиканского комитета профсоюза.

Совершенствование структуры белорусского грузового автопарка в 1970-х гг. Важнейшим направлением развития автотранспорта в этот период было пополнение его автомобилями и автопоездами большой грузоподъемности и новой конструкции, специализация и унификация подвижного состава. Автотранспорт общего пользования БССР за 1960–1976 гг. вырос по грузообороту в 4,8 раза при росте парка грузовых машин в 1,8 раза, как отметил министр авто-

транспорта А.Е. Андреев на 5-й сессии Верховного Совета БССР в марте 1977 г. Автотранспорту общего пользования за 1971–75 гг. были поставлены машины повышенной грузоподъемности и с улучшенными технико-экономическими параметрами: «ЗИЛ-130», «ГАЗ-53», «МАЗ-504», «КрАЗ-256» и «БелАЗ-548». Филиал предприятия «Совавтотранс» в Бресте, в 1973–75 гг. производил перевозки в начале на тягачах «МАЗах», а затем были куплены 15 первых автотягачей «Мерседес».

За 1966–70 гг. парк грузовых автомобилей республики возрос на 44% при одновременном появлении их новых моделей, за 1971–75 гг. еще более чем на 57%. Однако, в отличие от 1950–60-х гг., в 1973 г. уже половина всех перевозимых по МАТу грузов приходилась на МАЗы. То есть выросло значение местного автомобилестроения, такие машины можно было быстрее получить и дать на них заказы конструкторам, ближе было производство запчастей и ремонтной базы, меньше средств необходимо было тратить на поставку автомобилей. Автомобилестроительные предприятия республики расширили свою деятельность. С конвейеров заводов БелавтоМАЗа сходило 30 модификаций автомобилей грузоподъемностью от 8 до 180 тонн, 10 автомобильных прицепов и полуприцепов.

Получить полную отдачу от новой техники оказалось трудным делом. Так, достигнутые среднетехнические скорости грузовых автомобилей автозаводов СССР в 1970-е гг. были в 2 раза ниже предельных скоростей. Ряд конструкций автомобилей, выпускаемых автопромышленностью, по мнению руководителя отраслевого профсоюза работников автотранспорта В. Чуковича, высказанному в 1970 г., не отвечал требованиям быть высокопроизводительными, надежными и удобными для работы водителя. Много было конструктивных недоделок в «МАЗах»: и в сцепке автомобиля с прицепом, и в упоре под платформой. Поэтому на повышение практической отдачи от автомобилей была направлена их модернизация. Значительными проблемами

грузового автопарка, например, в Гродненской области за 1975 г. было большое количество неисправных и устаревших машин. Из года в год не было существенных улучшений в техническом состоянии автомобилей. Основными причинами было нарушение установленной периодичности и невыполнение перечня профилактических операций. Из-за этого трудоемкость ремонтных работ повышалась в 5 раз против нормы и быстрее изнашивался подвижной состав. Определенным выходом из ситуации стало уточнение существовавших норм пробега автомобилей, необходимых для постановки на техобслуживание. Опыт проведения ГАИ техосмотра в 1974 г. показал, что в ряде мест руководители хозяйств не придали должного внимания этому мероприятию. Как результат, большинство автомобилей было признано неисправными не только из-за наличия технических неисправностей, но и из-за некомплекта дополнительного оборудования.

Техническое обеспечение пассажирских автоперевозок в 1970-х гг. Важной чертой развития пассажирского автотранспорта был его количественный и качественный рост. Так, парк автобусов в БССР за 1966–70 гг. возрос на 62,5%. По словам министра автотранспорта БССР А.Е. Андреева, в 1966–70 гг. ежегодно он обновлялся в среднем на 10% и в сентябре 1970 г. насчитывал 7 тыс. машин. Количество автобусов МАТа за 1971–75 гг. увеличилось еще на 1750 единиц и на городских маршрутах 60% составили автобусы большой вместимости. Дальние маршруты обслуживались автобусами повышенной комфортабельности. Парк пассажирского транспорта МАТа за 1976–77 гг. был расширен на 1722 автобуса. Основных моделей было несколько, за 1968–70 гг. парк пополнялся автобусами большой вместимости: «ЛиАЗ-677» и «Икарус-556» на 110 мест, «Икарус-180» на 180 мест. Как отметил в 1977 г. начальник Брестского облуправления Т.В. Хохлов, наибольшей популярностью для городских перевозок в крупных городах пользовались автобусы большой вместимости «Икарус-280», но их

выделялось недостаточно.

За 1970-е гг. были улучшены модели автобусов. Львовский завод в 1975 г. освоил производство среднего пригородного автобуса «ЛАЗ-695Н» на 67 человек. Новый автобус «ЛАЗ-4202», выпуск которого начался в 1979 г., отличался повышенной плавностью хода. Семейство автобусов в 1974 г. пополнилось автобусом на 24 места «Турист-Люкс» Павловского завода, он развивал скорость до 110 км в час. Модельный ряд автобусов республики оставался широким. В Кобринской автобазе

№ 9 в 1971–72 гг. эксплуатировался автобус «ПАЗ-651». Могилевским областным автотрестом на пригородных маршрутах в 1971 г. использовались автобусы

«ЛАЗ-695». На междугородние трассы в 1974 г. вышли комфортабельные «Икарус-250» и «Икарус-255». На городских маршрутах, например Витебска, в 1978–79 гг. работали в основном «Икарусы» различных модификаций, но проблема перевозки пассажиров на городских маршрутах не была решена, в связи с тем, что часть автобусов ломалась. В целом новые автобусы улучшали культуру обслуживания населения, особенно городского.

Расширение модельного ряда железнодорожной техники и его использование в 1980-х гг. В 1980 г. закончились эксплуатационные испытания нового электровоза марки «ВЛ-82М», созданного на Новочеркасском заводе, который мог вести грузовые поезда весом до 10 тыс. тонн. В 1982 г. в парк локомотивного депо Барановичи поступило уже 30 электровозов грузового движения серии «ВЛ-80с». В СССР массово поставлялся чехословацкий электровоз «ЧС-4Т-4207», в меньшей степени восьмиосный локомотив-экспресс «ЧС-200 Шкода-66Е». Электровозы «ЧС-4Т» в январе 1983 г. были получены станцией Барановичи, в 1983 г. в локомотивное депо Минск прибыло 15 «ЧС-4Т» пассажирского движения. Электротяга была выгоднее всех других, так как электроэнергия оказывалась дешевле дизельного

топлива, возрастали скорость движения и вес составов, увеличивалась пропускная способность магистрали. Если максимальная грузоподъемность поезда с тепловозом была 5,5 тыс. тонн, то с электровозом доходила до 8 тыс. Использование электровозов увеличивало пропускную способность магистралей, то есть быстрее доставлялись грузы. В 1981 г. был проведен первый грузовой поезд на электротяге по участку Смоленск–Орша, а 1 января 1982 г. – от Орши до Минска, в ноябре 1983 г. электровозы дошли до Бреста.

На железнодорожных линиях постоянного тока союзных республик в 1986 г. использовались восьмиосные электровозы «ВЛ-10» мощностью 5200 кВт, трехсекционные двенадцатиосные электровозы «ВЛ-11» (мощность 8040 кВт). Их дополнял парк шестиосных электровозов «ВЛ-60» мощностью 4520 кВт [1, с. 42]. Однако, в условиях республики электротяга была распространена даже к 1991 г. только на ряде центральных направлений. Если на направлении Брест–Москва была электровозная тяга, то на линиях Минск–Вильнюс, Минск–Гомель – тепловозная. Больше, чем электротягу, использовали в республике тепловозы. В 1980 г. удельный вес тепловозной тяги в грузообороте БЖД достиг 99,9%, а 0,1% выполнялся электровозами. В конце 1985 г. удельный вес электротяги возрос до 16,2%. ЧССР в ноябре 1985 г. поставила в СССР уже 5-тысячный тепловоз, в том числе и последней модели «ЧМЭ-3». Производственное объединение «Брянский машиностроительный завод» выпускало маневровые тепловозы.

В период с 1987 и до окончания 1991 г. в локомотивном хозяйстве прошел 2-й этап обновления, когда устаревшие и изношенные тепловозы «ТЭ-3» были заменены мощными «2ТЭ-10М» и «2ТЭ10У» [5, с. 333]. Локомотивное депо Витебского отделения первым в республике в 1987 г. получило новые машины Ворошиловского завода мощностью 6000 ЛС – на 2 тыс. больше прежней модели. Такой тепловоз мог вести состав в 5,2 тыс. тонн, в то время как раньше

4 тыс. тонн. Замена тепловозов «ТЭ-3» мощностью 4000 ЛС на «2ТЭ-10М» мощностью 6000 ЛС позволила значительно увеличить средний вес поезда, техническую скорость движения поездов. Если расход топлива на единицу работы в 1980 г. составлял 43,4 кг, то в 1990 г. он стал 39,9 кг, средний вес поезда увеличился на 119 тонн [11, с. 255]. Тепловозы «2ТЭ-10» стали основным типом грузовых тепловозов, эксплуатировавшихся в конце 1980-х гг. на дороге, наиболее экономичным по расходу топлива и по ремонту [5, с. 333].

Для вождения поездов на неэлектрифицированных линиях в 1986 г. по союзным республикам использовались магистральные двухсекционные тепловозы «2ТЭ-10» (Л, В, М) мощностью 4400 кВт, тепловозы «2ТЭ-116» мощностью 3000–4400 кВт, продолжали эксплуатироваться и тепловозы «ТЭ-3». В пассажирском движении на неэлектрифицированных линиях использовались односекционные тепловозы «ТЭП-60» (мощность 2200 кВт, скорость 160 км/ч), «ТЭП-70» (3000 кВт, 160 км/ч). Для маневровой работы применялись тепловозы «ТЭМ2» (мощность 880 кВт), «ЧМЭЗ» (мощность 990 кВт). Парк грузовых тепловозов пополнялся в основном за счет поставок двух-, трех- и четырехсекционных тепловозов серий «2ТЭ116», «2ТЭ10М» и «4ТЭ10С» [1, с. 42, 43]. Выпуск Ворошиловградским заводом двухсекционных тепловозов мощностью

6 тыс. кВт позволил увеличить массу поезда на 15–20% и в расчете на один тепловоз получить в 1986 г. годовой экономический эффект более 17 тыс. руб. [1, с. 104]. Наличие восьми- и двенадцатиосных электровозов и шести- и двенадцатиосных тепловозов давало возможность водить поезда любой массы [2, с. 92]. Важное место занимала правильная эксплуатация подвижного состава, ошибки в которой приводили к его преждевременному износу. Так, при вождении тяжеловесных составов происходили дополнительные нагрузки на все узлы локомотива. В пассажирском пригородном сообщении на смену паровой

тяге пришли сначала электропоезда серий СР, «ЭР-1», а затем «ЭР-2» и «ЭР-22», электропоезда «ЭР-9М», четырехвагонные дизель-поезда «Д-1» и «ДР-1» [1, с. 44]. В республике электропоезда нового поколения «ЭР-9Е» появились в 1985 г., а на Рижском заводе было налажено серийное производство дизель-поезда «ДР-1А», состоявшего из 6 вагонов – двух моторных головных и четырех прицепных. За 1968–1980 гг. на БЖД поступило 75 дизель-поездов, что позволило полностью перевести обслуживание пригородного движения с паровой тяги на мотор-вагонный подвижной состав.

За 1976–80 гг. на БЖД поступило 200 пассажирских вагонов, в начале 1980-х гг. произошла замена двухосных вагонов на четырехосные. В 1984 г. дорога пополнилась рефрижераторными 5-вагонными секциями производства Брянского завода [5, с. 335]. Парк грузовых вагонов ЖД СССР в 1986 г. состоял преимущественно из четырехосных вагонов грузоподъемностью 62–65 тонн, имелись также шести- и восьмиосные грузовые вагоны грузоподъемностью до 125 тонн, парк пассажирских вагонов – из цельнометаллических вагонов длиной 23,6 м. Грузовые вагоны допускали следование со скоростью до 120 км/ч, пассажирские – до 160 км/ч. Наряду с количественным ростом вагонного парка произошли значительные качественные изменения, связанные с усилением ходовых частей, увеличением их грузоподъемности. Парк пассажирских вагонов пополнялся новыми цельнометаллическими вагонами с четырех- и двухместными купе, комбинированным отоплением, люминесцентным освещением, нагнетательной вентиляцией [1, с. 44, 45]. Применение специализированных вагонов для перевозок минеральных удобрений, зерна и других грузов позволяло в 1980-е гг. экономить от 3 до 27 тыс. руб затрат на один вагон [1, с. 104, 105].

Изменение ситуации с технической оснащённостью белорусского железнодорожного транспорта в 1980-х гг. В нача-

ле десятилетия на развитие транспорта выделялось значительное количество средств. Как сказал в 1983 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС В. Долгих, союзные власти понимали важность развития транспорта, и поэтому инвестиции в материально-техническую базу железнодорожного транспорта СССР за 1976–80 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием увеличились более чем на одну треть. Объем капитальных вложений по МПС в 1983 г. по сравнению с 1975 г. вырос на 43%, а парк магистральных тепловозов и электровозов увеличился на 23%. Проведенные в 1981–82 гг. работы по улучшению и реконструкции железнодорожных вагонов позволили повысить осевую нагрузку вагона с 21 до 23 тонн. Мероприятия по техническому переоснащению проводились регулярно. Другое дело, что они по ряду позиций длительное время не доводились до логического завершения, и приходилось поднимать вопросы на самом высоком уровне, например на XXIX съезде КПБ в 1981 г. Так, если поездная работа на БЖД была полностью переведена в 1980 г. на тепловозную тягу, то в маневровой работе полная замена устаревших локомотивов сдерживалась недостаточной мощностью рельсов на целом ряде подъездных путей. Далеко не полностью использовались возможности новых тепловозов, так как существовавшая длина путей станций не давала возможности формировать и пропускать большегрузные поезда. Если бы хватало восьмиосных вагонов, грузоподъемность которых превосходила старый подвижной состав в 2,5 раза, то не возникало бы проблем для ускоренного формирования поездов повышенных весовых норм.

Из-за нехватки подвижного состава органы власти предлагали особое внимание уделять его сохранности и рациональной эксплуатации. По постановлению СМ СССР от 8 июля 1983 г. железные дороги, учреждения и организации, в ведении которых находился железнодорожный состав, а также грузоотправители и грузополучатели обязаны были использовать его эффективно. В целях

обеспечения эффективного использования подвижного состава 19 мая 1988 г. СМ СССР установил, что предприятия МПС передавали другим предприятиям, продавали, обменивали, а также списывали с баланса локомотивы, грузовые и пассажирские вагоны, моторо-вагонный состав только по согласованию с этим Министерством. Тем не менее, по мнению отраслевого профсоюза железнодорожников на протяжении длительного времени СМ СССР выделял на нужды железных дорог средства, которые не соответствовали их реальным потребностям, что привело к существенному отставанию в развитии сети дорог, станций, узлов, и к образованию дефицита подвижного состава. В 1990–91 гг. серьезные трудности возникали из-за неадекватного технического снабжения. По данным МПС в 1991 г. 50% его парка электровозов и 35% тепловозов служили свыше 20 лет, причем 25% электровозов попадали под списание. Ситуация с техническим оснащением БЖД в связи с социально-экономическим кризисом в союзных республиках в конце 1989–91 гг. также ухудшилась. Так, по словам начальника БЖД в 1991 г. С.И. Шкапича, технический прогресс на железнодорожном транспорте практически не просматривался, приходилось работать на безнадежно устаревшем подвижном составе, особенно это касалось локомотивов и пассажирских вагонов. Поэтому происходило ограничение скорости движения поездов, а в конечном итоге – потери во всем хозяйстве. Ситуация с течением времени была исправлена уже в рамках независимой Беларуси.

Сложности в положении грузового автопарка республики в 1980-х гг. С одной стороны, в 1976–80 гг. в СССР совершенствовались конструкции автомобильной техники, существенно повысилась ее надежность и ресурс, трудоемкость технического обслуживания и текущего ремонта автомобилей была снижена на 20–25%, расчетная потребность в запасных частях – на 8%, на 3–5% была улучшена топливная экономичность автомобилей и двигателей. С другой стороны, автомо-

бильная промышленность, по мнению отраслевого профсоюза автотранспортников, недостаточно учитывала запросы эксплуатационников, и из-за нехватки самосвалов, а также машин большой (20–30 тонн) и малой (до 2 тонн) грузоподъемности из года в год снижались темпы развития автотранспорта союзных республик. Для того чтобы модель получила заметное распространение в парке машин, она должна была выпускаться 5 лет, а до этого пройти стадии: разработки и согласования эксплуатационных требований, технического задания (2–3 года), проектирования, постройки, доводки и испытания опытных образцов (3–5 лет), подготовки производства (3–4 года), в сумме получалось 11–16 лет. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 5 августа 1983 г. отметило то, что структура парка грузовых автомобилей во многом не отвечала условиям перевозок, хозяйство испытывало недостаток в автомобилях малой и большой грузоподъемности, в специализированных транспортных средствах различного назначения, прицепах и полуприцепах, медленно осуществлялся перевод автомобилей на дизельное топливо и сжиженный газ. В целях исправления ситуации союзные органы власти поручили Министерству автомобильной промышленности обеспечить развитие производства автотранспортных средств, необходимых для формирования рациональной структуры грузового автопарка, обратив особое внимание на расширение производства дизельных автопоездов, малотоннажных грузовых автомобилей, прицепов и полуприцепов.

Полностью вопрос решен не был и в парке автомобилей в конце 1980-х гг. преобладали машины средней грузоподъемностью в 4–6 тонн, практически не было автомобилей грузоподъемностью 1–2 тонны. Из-за отсутствия таких автомобилей значительная часть мелкопартионных перевозок выполнялась автомобилями средней грузоподъемности с повышенными издержками. В парке было мало автомобилей и большой грузоподъемности, но этот недостаток частично

восполнили увеличением выпуска автомобилей Камским и Минским заводами и применением автопоездов, хотя и не так быстро, как хотелось бы транспортникам [2, с. 98]. Исходя из полученных указаний МАТ в 1983–85 гг. осваивал газобаллонные автомобили. Использование 980 таких машин в Минске позволило за 1985 г. сократить потребление бензина на 5 тыс. тонн, моторного масла на 35 тонн, уменьшить выброс токсичных веществ в 1,5–2 раза. На голубое топливо в 1987 г. было переведено в Могилеве все «семейство» грузовиков «ГАЗ-53» и «ЗИЛ-130». Важным для технического оснащения белорусского грузового автопарка было и то, что БелавтоМАЗ выпускал в 1985 г. 52 модели автомобилей и автопоездов грузоподъемностью от 8 до 180 тонн.

В 1980-е гг. увеличился уровень специализации ряда автохозяйств по моделям машин. Так, на вооружении автопарка г.п. Микашевичи состояли одиночные самосвалы «КрАЗ», которые возили породу в отвалы. Наоборот, автомобили «МАЗ» осуществляли доставку гранитного отсева на причалы порта Микашевичи. На перевозке продукции комбината трудились автомобили «МАЗ» и «КрАЗ», переоборудованные для боковой разгрузки, с прицепами грузоподъемностью 8–11 тонн. Грузовой парк № 7 г. Полоцка в основном использовал большегрузные тягачи «КамАЗ» и «МАЗ». В грузовом автопарке № 2 г. Минска в 1991 г. работало 570 единиц машин, все карбюраторные и в основном «ЗИЛы». Грузовой автопарк № 3 г. Могилева также располагал в основном бортовыми и самосвальными «ЗИ-Лами».

С другой стороны, существовали автохозяйства, где эксплуатировался большой модельный ряд автомобилей, например, в Островецкой автобазе в 1980 г., их было 13, что создавало трудности в эксплуатации, обслуживании и ремонте. Витебская автоколонна 2459 в 1983 г. насчитывала 520 автомобилей 24 марок. Автопарк № 7 г. Ганцевичи, созданный в 1980 г., в начале своего пути обладал подвижным составом

из того, что передавали другие парки: «ПАЗы», «ГАЗы» и «ЗИЛы», а затем была взята ориентация на новые «МАЗы».

Почти до конца 1980-х гг. были значимыми поставки импортной техники, что, с одной стороны, говорило об имевшейся кооперации среди стран СЭВ, но с другой – о нехватке в СССР собственных мощностей и недостатках в отечественных разработках. Чехословацкий завод «Татра» поставлял автомобили 14 модификаций высокой проходимости и грузоподъемностью до 12 тонн. Оборудование из ГДР использовалось при создании машин

МАЗа: автопоезда «МАЗ-6422» и лесовоза «МАЗ-5434». С каждым годом на предприятиях БССР все больше внимания уделялось автоприцепам, рациональное использование которых считалось основным резервом увеличения производительности труда. Например, Могилевское областное автоуправление в 1984 г. «нарастило» количество автопоездов, оборудовав автомобили прицепами, так как двухзвенный автопоезд повышал производительность автомобиля на 53,8%, а трехзвенный – на 102,5%, при этом на 20–30% снижался удельный расход топлива и себестоимость перевозок. В конце 1980-х гг. автотранспорт общего пользования не избежал кризиса, как и все другие отрасли хозяйства. Например, автопарк в г.п. Кореличи достиг наибольшего количества имевшегося подвижного состава в 1988 г., после чего количество подвижного состава из года в год уменьшалось, особенно в 1990–91 гг.

Изменения в техническом состоянии пассажирского автохозяйства республики в 1980-х гг. Пассажирское хозяйство в республике пока еще расширялось и за 1976–80 гг. автобусный парк МАТа вырос на 1467 единиц и насчитывал в январе 1981 г. 10289 автобусов. За 1979–86 гг. количество автобусов выросло в 1,2 раза. В июне 1991 г. только по городским магистралям курсировало свыше 4 тыс. автобусов. Основными моделями были автобусы средней и большой вместимости «ЛАЗ», «ЛиАЗ» и «Икарус», автопарк

ки небольших городов также использовали «ПАЗь». В 1988 г. на улицах и некоторых пригородных маршрутах Гродно появились первые автобусы, работавшие на сжатом природном газе. «Икарус-250», «Икарус-255» и «ЛАЗ-697» применялись на маршрутах протяженностью более 100 км. Однако, ситуация с импортной техникой с течением времени ухудшилась. Так, из-за экономического кризиса сократились поставки «Икарусов» в БССР. Если в 1988 г. было завезено 340 машин, в 1989 г. – 312, в 1990 г. планировалось только 283, что было связано с увеличением за последние 10 лет цен на автобусы почти в 2 раза. Необходимо было искать выход из ситуации, и поэтому недопоставки «Икарусов» автотранспортники стремились в 1989 г. уравновесить поставками «ЛиАЗов», в том числе новых моделей, имевших 80 мест против 55. Но на Ликинском заводе, например, «ЛиАЗ-5256» выпускали с 1981 г. и ряд его решений и узлов устарели.

В конце 1980-х гг. в СССР производились малые автобусы длиной 6,5–7,0 м на 25–30 сидячих мест для сельского сообщения, на 20–25 мест для перевозки рабочих, средние длиной 8,5–9,0 м на 30–40 сидячих мест и общей вместимостью 55–60 пассажиров, большие длиной 10,5–12,0 м на 35–45 сидячих мест, особо большие длиной 16,5–24,0 м, сочлененные на 40 мест для сидения и 125 мест с учетом пассажиров, едущих стоя [2, с. 135]. В 1990–91 гг. часто наблюдались несоответствия между потребностями в автобусных перевозках и выпускаемыми типами и модификациями автобусов. Удельный расход топлива, особенно автобусов с бензиновыми двигателями, был значительно выше достигнутого в мировом двигателестроении. Имели место технические и эксплуатационные недостатки, возникавшие в результате формирования парка автобусов и его структуры по классам автобусов, типу двигателя, видам перевозок. Новые модели отечественных автобусов появлялись редко. Так, междугородние перевозки пассажиров автотранспортом осуществ-

лялись в 1990 г. в основном устаревшими моделями автобусов «ЛАЗ-699Р» и «ЛАЗ-697Р», выпускавшимися Львовским заводом с 1978 г. Пригородные маршруты чаще всего обслуживались автобусами «ЛАЗ-695Н», «ЛАЗ-4202», «ЛиАЗ-677Б», выпускавшимися с 1976, 1987 и 1967 г. соответственно. На местных линиях работали автобусы малого класса «ПАЗ-672», выпускавшиеся с 1968 г.

Автобусный парк республики за 1986–91 гг. значительно постарел. Только в Минске из-за недопоставок автобусов ежедневно в январе 1991 г. на линии не хватало 185 машин для того, чтобы удовлетворить потребность в перевозках. Серийные отечественные автобусы не отвечали требованиям комфортабельности проезда пассажиров и условиям работы водителя (повышенный шум, низкая эффективность систем отопления и вентиляции, жесткая рессорная подвеска, малая емкость багажников). Чтобы выйти из ситуации, Всесоюзный конструкторско-экспериментальный институт автобусостроения в 1989–90 гг. разработал конструкции и изготовил опытные образцы автобусов в соответствии с требованиями времени. Однако, в рамках СССР реализовать задуманное было уже не суждено и БССР вышла в «автономное плавание» с физически и морально устаревшими машинами.

Заключение. Переход на новые виды тяги коренным образом изменил работу БЖД, ее эффективность и условия труда железнодорожников, внедрение на дороге прогрессивной техники, в том числе новых видов тяги способствовало достижению высоких производственных показателей. Однако, такой вид тяги, как тепловозный, в БССР стал применяться с большим опозданием, чем в некоторых других республиках СССР, еще больше это касалось использования электровозов, с 1943 г. и до конца 1960-х гг. паровозы выполняли основной объем работы. Отставание БЖД от среднесоюзных показателей по использованию передовых видов тяги во многом объяснялось влиянием общей сырьевой направленности

советской экономики, когда перевооружению подвергались в первую очередь те железные дороги, которые связывали основные сырьевые районы СССР с промышленными, к которым БССР не относилась. Невысокому уровню развития электротяги способствовало отсутствие в республике крупных электростанций и сравнительно невысокая себестоимость перевозок ввиду благоприятного рельефа местности, как и нехватка средств для обустройства движения электровозов.

Тепловозы определяли основное направление технической реконструкции БЖД со второй половины 1960-х гг., а электровозы более массово применялись только в 1980-е гг. Программы технического перевооружения и модернизации БЖД во многом обеспечивали устойчивую работу железнодорожного транспорта и развивали его материально-техническую базу. Негативной чертой технического состояния БЖД в конце 1980-х гг. был износ основной железнодорожной техники и наличие большого процента старых моделей подвижного состава.

Автотранспорт в 1943–60-е гг. испытывал острую нехватку подвижного состава, которая еще и усугублялась отсутствием условий для его рационального использования. Наоборот, в 1970–80-е гг. он претерпел значительные количественные и качественные изменения, улучшилась его специализация и обслуживание, с 1970-х гг. значительное влияние на техническое состояние автотранспорта стало оказывать собственное автомобилестроение республики, появившееся еще в 1944 г. Автобусный парк республики в 1970–80-е гг. ежегодно пополнялся новейшими машинами большой и особо большой вместительности, что положительно сказывалось на организации перевозок пассажиров. Технический прогресс на городском пассажирском транспорте решал проблему повышения скорости движения и комфортабельности перевозки пассажиров. В то же время характерной для оснащения белорусского транспорта была значи-

тельная медлительность внедрения новинок в широкое использование. В течение 1950–80-х гг. имело место фактическое отсутствие четко выработанной государственной технической политики по отношению к транспорту, что проявлялось в остаточном принципе финансирования многих сторон его деятельности.

Литература

1. Белов, И.В. Транспорт Страны Советов: Итоги за 70 лет и перспективы / И.В. Белов, В.А. Персианов, Б.А. Волков. – М.: Транспорт, 1987. – 311 с.
2. Зотов, Д.К. Проблемы развития транспорта СССР / Д.К. Зотов, С.С. Ушаков. – М.: Транспорт, 1990. – 304 с.
3. Маркова, А.Н. Транспорт СССР и основные этапы его развития / А.Н. Маркова. – М.: Наука, 1977. – 58 с.
4. Лыч, Л.М. Аднаўленне і развіццё чыгуначнага транспарту БССР (верасень 1943–1970 гг.) / Л.М. Лыч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 224 с.
5. Рахманько, В.Г. Железная дорога Беларуси: история и современность / В.Г. Рахманько, А.Б. Бессольнов, В.А. Шовба. – Минск: «Триолета», 2001. – 458 с.
6. Кость, А.В. Железнодорожная магистраль Белоруссии: к столетию со дня введения / А.В. Кость, В.Ф. Лазаретов. – Минск: Беларусь, 1971. – 208 с.
7. Жучкевич, В.А. Дороги и водные пути Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 144 с.
8. Белорусская магистраль накануне своего столетия. 1871–1971. – Минск: Знание, 1970. – 35 с.
9. Докладные записки отдела транспорта и связи. 1944. Витебский обком КП(б)Б // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 168.
10. Гапеев, В.И. Минское отделение Белорусской железной дороги. 1871–1996 гг. / В.И. Гапеев, В.А. Лукьянов. – Минск: Польша, 1996. – 347 с.
11. Витебское отделение Белорусской железной дороги. Этапы развития. 1866–2001. – Витебск: Витебская типография, 2001. – 543 с.

12. Протоколы заседаний узловых парткомов. 1949. Витебский обком КП(б)Б // ГА-ВО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 444.

Поступила в редакцию 17.02.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 94(476).032.3:355.6

Гурты порционного скота и их роль в обеспечении мясным довольствием войск Северо-Западного (Западного) фронта русской армии в годы Первой мировой войны

Павлов Л.Ю.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки
Купаль», Гродно*

В статье исследуется роль различного рода гуртов порционного скота в обеспечении русской армии мясом в годы Первой мировой войны на территории Беларуси. Раскрыты предназначение, классификация, штаты, способы пополнения гуртов порционного скота. Показаны порядок отпуска скота войскам, нормы кормления животных. Проанализировано состояние дел по содержанию гуртов порционного скота в войсках Северо-Западного (Западного) фронта русской армии в годы Первой мировой войны. На основе анализа преимущественно архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, раскрыты причины снижения норм мясного довольствия, а также возрастание роли и значения гуртов порционного скота в деле продовольственного снабжения войск.

Ключевые слова: гурты порционного скота (полевые, крепостные, расходные, резервные), интендантство, военный округ, армейский корпус, пехотная дивизия, обоз, реквизиция.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 79–89)

Groups of portion cattle and their role in meat provision of the North-Western (Western) front line forces of the Russian army during World War I

Pavlov L.Y.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

Role of different types of groups of portion cattle in meat provision of the Russian army during World War I on the territory of Belarus is studied in the article. Purpose, classification, staff, ways of contributing the quantity of portion cattle groups are presented. The order of supplying the army with cattle, norms of feeding animals are shown. Status of maintenance of portion cattle groups in the forces of the North-Western (Western) front line of the Russian army during World War I is analyzed. On the basis of the analysis of predominantly archive documents, which are introduced into research circulation for the first time, reasons for the reduction of the meat norm as well as the increase of the role and significance of portion cattle groups in the army food provision are revealed.

Key words: portion cattle groups (field, fortress, usable, reserve), intendency, military region, army group, army division, reserve, requisition.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 79–89)

Адрес для корреспонденции: e-mail: L.Pavlov@grsu.by – Л.Ю. Павлов

Исследование роли гуртов порционного скота российской армии в годы Первой мировой войны на территории Беларуси является актуальным, так как это помогает объективно оценить порядок мясного довольствия войск, а также всю организацию продовольственного обеспечения российской армии рассматриваемого периода, выявить позитивные и негативные стороны данного процесса.

Анализ предшествующей историографии по данной проблеме свидетельствует, что вопросы обеспечения российской армии мясом в годы Первой мировой войны нашли свое отражение в работах Ф.А. Макшеева, Н.Н. Головина. В последнее время вышел ряд исследований (П.И. Вещикова, А.В. Арановича), имеющих отношение к организации продовольственного обеспечения российской армии в годы Первой мировой войны, однако в них были затронуты лишь наиболее общие аспекты данной темы в масштабах Российской империи. Значительный вклад в изучение обеспечения войск российской армии мясным довольствием внес М.В. Оськин, который провел глубокий анализ состояния дел в данном направлении. В региональном отношении наиболее близко к данной теме подошел В.Н. Черепица, в работе которого исследуется вопрос реквизиций продовольствия и скота у местного населения Гродненской губернии. При всей значимости опубликованных работ вопросы организации и функционирования гуртов порционного скота российской армии на территории современной Беларуси в годы Первой мировой войны рассматривались в них лишь фрагментарно.

Исходя из актуальности темы, ее недостаточной изученности, целью данной публикации является рассмотрение роли гуртов порционного скота в обеспечении мясным довольствием российской армии на территории Беларуси в годы Первой мировой войны.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили документальные фонды Российского государст-

венного военно-исторического архива (г. Москва), Национального исторического архива Беларуси (г. Минск), Национального исторического архива Беларуси (г. Гродно), в которых нашли свое отражение значение, порядок применения гуртов порционного скота в системе продовольственного обеспечения российской армии в годы Первой мировой войны на территории Беларуси. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности, доказательности, предполагающие рассмотрение отдельных явлений и факторов во взаимосвязи и взаимовлиянии. При написании статьи использовались системный и факторный методы для рассмотрения порядка обеспечения мясным довольствием войск Северо-Западного (Западного) фронта российской армии в годы Первой мировой войны.

Результаты и их обсуждение. Одним из важнейших видов продовольственных подвижных заведений российской армии в годы Первой мировой войны являлись гурты порционного скота. Связано это было с тем, что в начале XX века уровень развития холодильного оборудования не позволял осуществлять доставку и хранение мясопродуктов в мороженом виде в необходимых количествах. Мясо же является основным продуктом, необходимым для восстановления энергетических затрат организма человека при больших физических, психологических и эмоциональных нагрузках, которые тот испытывает на войне. Русско-японская война 1904–1905 гг. обнажила проблему мясного довольствия войск. Однако полнота ее решения в российской армии к началу Первой мировой войны была далека от желаемого. В своих мемуарах генерал Сухомлинов писал: «В заботах о снабжении мясом большую роль должны были сыграть холодильники в Сибири, которые могли сохранять наготове громадное количество замороженного мяса хорошего и дешевого убойного скота. Для этого вдоль железной дороги должны были строиться холодильники и для перевозки сооружен подвижной состав в

должном количестве вагонов-холодильников. Во Владивостоке я имел возможность осмотреть один из таких практичных холодильников для крепости. По этому образцу в Сибири был выстроен целый ряд таких холодильников, насколько это было возможно сделать на отпущенные средства» [1, с. 133]. Решение о создании холодильных сооружений в Сибири с учетом предполагаемого театра военных действий на Европейской территории, слабой сети железных дорог и огромных расстояний нельзя назвать рациональным. Кроме того, недостаточное количество вагонов, предназначенных для перевозки мороженого мяса, остро ставило проблему его доставки к театру военных действий в теплое время года. В распоряжении Министерства путей сообщения имелось около 4000 вагонов-ледников, часть из которых находилась в ремонте. Помощник Главного интенданта генерал Богатко отмечал: «Перевозка мороженого мяса по железным дорогам в большом количестве была удобна только зимой, хотя во время продолжительных оттепелей оно иногда и портилось. Для перевозки его летом требовались многочисленные холодильники для предварительного замораживания, вагоны-ледники для перевозки и запасы льда на станциях для пополнения растаявшего в вагонах. Постройка сети холодильников Министерству Земледелия не удалась за недостатком машин для оборудования. Подача замороженного мяса не смогла получить широкого применения» [2, с. 74].

В начальный период Первой мировой войны суточная потребность корпусов, дивизий и войсковых частей российской армии в мясе была велика. При суточной норме мяса на человека 1 фунт (409 г.) для армейского корпуса она составляла в среднем 1200–1600 пудов, для пехотной дивизии двадцати двух тысячного состава – 400–520 пудов, для пехотного полка – 80–110 пудов. С уменьшением нормы мяса на 1 человека до 1/2 фунта (205 г.) в апреле 1916 года среднесуточная потребность в мясе сократилась в два раза [3, с. 108]. Суточная потребность Северо-

Западного фронта в июле 1915 года составляла

76 тысяч пудов мяса, в марте 1916 года потребность Западного фронта оценивалась в 46 тысяч пудов, в октябре 1916 года она сократилась до 21 тысячи пудов. Значительные изменения суточной потребности фронта в мясном довольствии происходили ввиду частого переподчинения корпусов или армий другим фронтам, преобразования Северо-Западного фронта осенью 1915 года в Западный и Северный фронты, а также в связи с уменьшением нормы выдачи мяса на одного человека в сутки.

Главным источником поступления мяса в войска являлась местная база в прифронтовой полосе. В начальный период войны войска Северо-Западного фронта обеспечивались мясом собственным попечением, т.е. закупкой у местного населения в своих войсковых районах. Достаточно развитое животноводство в этих местностях позволяло приобретать мясо или скот в необходимых объемах. Генерал Головин писал: «В первоначальный период войны (1914 год и первые месяцы 1915), когда были еще налицо большие запасы скота и в прифронтовой полосе и когда наши армии в Восточной Пруссии и в Галиции вторглись в неприятельские пределы, где оказалось также много скота, потребности армии в мясе удовлетворялись без затруднений» [2, с. 75]. Однако, к концу зимы 1915 года ситуация с обеспечением войск мясом стала меняться в худшую сторону. Местные ресурсы постепенно стали истощаться. Это было связано с большой численностью войск, входивших в состав фронта, затянувшимся характером войны и неоправданно высокой нормой мяса на одного человека в сутки. «С начала войны, совершенно не сообразуясь с «мясными» средствами страны, суточная мясная дача солдата, которая в мирное время равнялась 1/2 фунта, была доведена до 1 фунта, т.е. удвоена» [2, с. 74]. В сложившейся ситуации важнейшую роль в вопросе обеспечения войск мясным довольствием сыграли гурты порционного скота. Среднесуточная по-

требность войск в крупном рогатом скоте составляла: армейского корпуса 120–160 голов, пехотной дивизии двадцати двух тысячного состава – 40–52 головы, пехотного полка – 8–11 голов [4, с. 217]. Положение о гуртах порционного скота регламентировало деятельность данного продовольственного подвижного заведения. Первый пункт положения гласил: «Гурты порционного скота назначаются для снабжения попечением интендантства войск мясом в тех случаях, когда войска не в состоянии обеспечить себя сами» [5, с. 223]. Гурты делились на полевые и крепостные. При этом полевые гурты подразделялись на расходные и резервные. Расходные полевые гурты порционного скота формировались при каждом корпусе. К их формированию войсковые объединения приступили с начала общей мобилизации, которая была объявлена 18 июля 1914 года (даты указаны по старому стилю). К примеру, интендант

26 пехотной дивизии, дислоцировавшейся в предвоенный период в Гродно, убыл со своими подчиненными в населенные пункты Гродненского и Сокольского уездов для сбора скота для корпусного гурта уже 24 июля 1914 года [6, с. 3].

К весне 1915 года ситуация с обеспечением мясом войск Северо-Западного фронта была далека от нормализации. Для ее улучшения был издан приказ Главнокомандующего фронтом генерал-адъютанта Эверта от 12 марта 1915 года № 763. Его преамбула гласила: «В связи с истощением местных средств войска встречаются затруднения в мясном довольствии, а в подвозе живого скота по железной дороге наблюдается значительная неурегулированность...». Согласно данному приказу была установлена норма содержания скота в корпусных гуртах в размере 4-дневной потребности войск и учреждений корпуса. Разрешалось усиливать корпусные гурты личным составом из состава войск распоряжением командиров корпусов. При этом: «Из указанной 4-дневной пропорции скота должно быть выделено по 1-дневной даче в дивизион-

ный запас и по 1-дневной – в запас полков, артиллерийских бригад и отдельных дивизионов, саперных и понтонных батальонов и всех прочих частей и команд, имеющих отдельное хозяйство. Непосредственно в корпусе остается 2-дневный запас. Требование фуражных денег или фуража на 4-дневный запас скота производится корпусным интендантством, которое обеспечивает дивизионное, а последнее с частями войск...» [7, с. 91]. Согласно Положению о гуртах порционного скота, предусматривалось содержание расходных гуртов по одному при каждом армейском корпусе. Так, согласно Сведениям об устройстве тыла 1-й армии по состоянию на 21 декабря 1914 года гурты скота 5-го Сибирского армейского корпуса были размещены в Новом Дворе, 2-го Кавказского армейского корпуса – в Варшаве, 6-го Сибирского армейского корпуса – в Блоне, 1-го Сибирского армейского корпуса – в Вавре, 6-го армейского корпуса – в Ожарове, 2-го армейского корпуса – в Гродно [8, с. 14]. Согласно Описанию устройства тыла 1-й армии в новом районе к 20 февраля 1915 года в каждом пехотном корпусе имелось по одному гурту порционного скота, которые размещались:

1-го Туркестанского армейского корпуса – в Вержбице, 1-го Сибирского армейского корпуса – в Вышкове, 19-го армейского корпуса – в Псутнице, 27 армейского корпуса – в Седлине [8, с. 33]. С истощением местных ресурсов количество расходных гуртов порционного скота в некоторых пехотных корпусах было увеличено,

в 27-м армейском и во 2-м Сибирском армейском корпусах их количество возросло до двух гуртов, а в 15-м армейском корпусе достигло трех.

Резервные гурты порционного скота согласно Положению формировались решением заведующего интендантской частью армии по мере необходимости из расчета обеспечения 2-дневной потребности армии в мясе. Количество резервных гуртов в армиях Северо-Западного

(Западного) фронта было различное, эта цифра, в зависимости от состава, варьировала от трех (4-я армия) до семи (1-я армия) [9, с. 176–190]. Одной из эффективных и своевременных мер, принятых военным командованием российской армии, было создание окружных резервных гуртов порционного скота. Положение о гуртах порционного скота не предусматривало создание данных подвижных продовольственных заведений в военных округах. Однако сложная ситуация с обеспечением войск фронта мясом потребовала принятия дополнительных мер по увеличению количества гуртов. Поэтому приказом Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта интенданту Двинского военного округа была поставлена задача до 31 марта 1915 года сформировать в запасе фронта 40 особых окружных гуртов нормального состава общей численностью 12 тысяч голов. С этого момента было запрещено воинским частям покупать скот собственным попечением вне войсковых районов. Приобретение скота собственным попечением разрешалось лишь врачевным заведениям военного ведомства, не входящим в состав армий, Красного Креста и общественных организаций, а также воинским частям и учреждениям, расположенным в районе общего тыла. В Двинском военном округе было создано 37 резервных гуртов, которые размещались вблизи Двинска, Полоцка и Вильны [9, с. 176–190]. В каждом из этих пунктов был назначен офицер для общего наблюдения за гуртами, который нес ответственность за размещение, содержание гуртов и денежную отчетность. Кроме того, в указанных городах распоряжением окружного интенданта были назначены наблюдательно-сортировочные пункты для осмотра скота. Распоряжением начальника военно-окружного ветеринарного управления в эти пункты были назначены ветеринарные врачи и фельдшера, обеспеченные необходимыми медикаментами и инструментами [7, с. 91–92]. Резервные гурты порционного скота были сформированы и в Минском военном

округе. Общая их численность за годы войны составила 90 гуртов. Для осмотра скота в Минском военном округе были сформированы 4-й и 5-й Люблинские наблюдательные сортировочные пункты порционного скота [9, с. 176–190]. Интенданту фронта вменялось в обязанность производить периодические проверки содержания скота в корпусных, армейских и окружных гуртах.

Крепостные гурты создавались по соображениям комендантов крепостей. Они находились в подчинении крепостных интендантов. Для улучшения условий содержания скота крепостных гуртов широко использовалась практика его размещения партиями в нескольких частных имениях. При этом учитывалось наличие помещений, позволяющих содержать гуртовой скот отдельно от хозяйского, а также запасов кормов. С хозяевами имений заключались письменные договора, в которых определялись количество передаваемого скота, условия его содержания и выкормки с возмещением затрат, а также условия премирования за прибавку веса гурта. При передаче скота он взвешивался и клеймился. Штатный личный состав гуртов порционного скота распределялся по пунктам расположения скота, в каждом из которых назначался старший, отвечающий за команду, как в строевом и дисциплинарном отношении, так и в хозяйственном. Крепостные гурты порционного скота периодически подвергались осмотру со стороны командования крепости.

Расходные полевые гурты находились в подчинении корпусных интендантов, резервные – заведующих интендантской частью армий или начальников военно-окружных интендантских управлений в зависимости от принадлежности. При необходимости расходные полевые гурты могли передаваться в распоряжение дивизионных и отрядных интендантов, а резервные – в ведение корпусных интендантов. Каждому расходному полевому гурту присваивался очередной номер согласно общей нумерации. Резервные

гурты нумеровались отдельно в каждой армии или военном округе.

Отпуск скота из полевых гуртов в войска осуществлялся в живом виде, а также в виде свежего или, по указанию заведующего интендантской частью армии, засоленного мяса. Живой вес скота определялся путем взвешивания или обмера, при этом вес чистого мяса принимался за 50% от живого. В случае расположения гурта порционного скота на расстоянии до 10 километров от войск, за скотом присылался приемщик от воинской части. В других случаях интендант корпуса или заведующий интендантской частью армии давал указание заведующему гуртом, куда и в каком количестве подогнать скот или подвезти мясо [5, с. 223–228]. При убое скота субпродукты первой и второй категории выдавались на довольствие войск по количеству туш, т.е. с каждой тушей выдавалась 1 голова, 1 язык, 1 печень и т.д. Ноги и хвосты выдаче не подлежали. При выдаче субпродуктов учитывалась их замена на мясо из расчета два к одному.

Полевые гурты порционного скота имели свой обоз. Он включал в себя казенное имущество, имущество личного состава, запас фуража. Запас продовольствия для личного состава гурта порционного скота содержался на 5 суток: носимый – на 3 суток, возимый – на 2 суток. Кухонная посуда и утварь включали в себя 4 котла, 2 ведра для воды, 1 черпак,

2 кухонных ножа, 2 больших вилки, 1 весы, 4 веревки для колодцев, 2 фонаря. В каждом гурте содержались принадлежности для убоя скота и устройства бойни, а также сенокосные инструменты: 10

кос, 2 бруска и 2 молотка. Крепостные гурты обоза не имели. Количество убойного скота в гурте составляло от 250 до 300 голов крупного рогатого скота. При наличии в гурте овец или свиней принимали

за 1 голову крупного рогатого скота 6 баранов или 4 свиньи. Численность личного состава гурта порционного скота устанавливалась штатом, утвержденным

приказом по Военному Ведомству 1912 года

№ 239 (табл.) [5, с. 51].

Заведующий гуртом порционного скота пользовался правами ротного командира и назначался на должность по представлению соответствующих интендантов. Он отвечал за надлежащее кормление и уход за скотом и лошадьми гурта; правильность приема и отпуска скота; правильность расходования продовольственных и фуражных припасов; целостность и сохранность материальных средств; правильное ведение отчетности; точное выполнение подчиненными обязанностей. Для кормления животных в первую очередь использовался подножный корм. До его появления предусматривалось использование сена, а для свиней – ячменя. Суточная норма фуража для порционного скота составляла

для 1 головы крупного рогатого скота 30 фунтов (12,3 кг) сена, для 1 барана или овцы 10 фунтов (4,1 кг) сена, для 1 свиньи

8 фунтов (3,3 кг) ячменя. Ввиду серьезных проблем с поставками в войска сена для лошадей предлагалось по возможности довольствоваться мякиной, соломой с посыпкой муки и отрубей, бураками, картофелем или жмыхами. В зависимости от наличия корма замена сена производилась следующим образом: 3 фунта (1,2 кг) хорошего лугового сена заменялись

4 фунтами (1,6 кг) яровой соломы, или 5 фунтами (2 кг) озимой соломы, или 4 фунтами (1,6 кг) яровой мякины, или 6 фунтами (2,5 кг) картофеля или 10 фунтами (4,1 кг) сахарной свеклы, или 2 фунтами (0,8 кг) жмыха (льняных, подсолнечных), или 2 фунтами (0,8 кг) муки [7, с. 92].

Порядок поставки скота из внутренних районов России железнодорожным транспортом в действующую армию устанавливал: «1. Закупаемый скот необходимо отправлять партиями в количестве достаточных для заполнения состава 30-вагонного поезда, т.е. от 250 до 300 голов. Помимо скотских вагонов в состав поез-

дов должны входить вагоны с фуражом для кормления животных, который должен быть заготовлен уполномоченными главного управления земледелия и землеустройства. 2. Станции и сроки подачи поездов должны сообщаться отделу уполномоченными или поставщиками скота не позднее 8 дней до срока погрузки. 3. Отправление принимаемого уполномоченными от поставщиков скота будет производиться чинами военного ведомства...

4. Сдача скота уполномоченными чинам интендантства должна производиться по квитанции установленного образца. 5. Для сопровождения поездов с живым скотом в распоряжение интендантских чиновников имеются нижние чины. 6. На каждое животное навешивается металлическая бирка с указанием живого веса и порядкового номера животного, которая навешивается проволокой между рогами с навеской на концы проволоки пломбы.

Таблица

**Штат гурта порционного скота российской армии в годы
Первой мировой войны [5, с. 223–228]**

Наименование	Количество
Заведующий гуртом	1
Старший медицинский фельдшер	1
Ветеринарный фельдшер	1
Писарь среднего оклада	1
Вахтер	2
Рядовой (безоружный) для ухода и убоа скота	20
Прислуга заведующего гуртом	1
Кашевар	1
Обозный рядовой	7
Итого:	35
Нестроевых нижних чинов	31
Лошадей обозных	14
Повозок парных, в том числе:	7
для казенного имущества	1
для имущества личного состава	1
для запаса фуража	5

Эшелоны со скотом должны сопровождаться командами с расчетом, чтобы на каждого нижнего чина приходилось не более 3 вагонов со скотом» [3, с. 40, 43]. Однако, как писал генерал Богатко: «Доставка мяса в виде живого скота, доступная во всякое время года, была весьма невыгодна для транспорта: вагон мог вместить лишь до 120 пудов мяса; во время пути скот терял в весе; бывали случаи падежа от голода и жажды, так как вследствие движения поездов без правильного расписания давать корм скоту и поить его не было возможности» [2, с. 74]. В целях снижения зависимости от подвоза скота железнодорожным транспортом, военными властями было запрещено перемещение скота за преде-

лы прифронтовых губерний. Так, в постановлении по Минскому военному округу от 23 мая 1916 года населению сообщалось: «Воспрещается вывоз за пределы округа и каждого уезда всех губерний, входящих в район Минского военного округа, крупного и мелкого скота и убойного мяса от этого скота» [10, с. 148].

Основным способом пополнения гуртов порционного скота на начальном этапе войны являлась его покупка в войсковых, а также в тыловых районах армий Северо-Западного (Западного) фронта. Были выработаны условия поставки крупного рогатого скота для армии. Они предусматривали следующие требования: скот принимался только здоровый, упитанный или средней упи-

танности в возрасте от двух до двенадцати лет, бугаи принимались до пятилетнего возраста, живой вес животных должен был быть не менее 14 пудов (допускалось снижение веса до 12 пудов), скот с кожными заболеваниями не принимался, стельность в первом ее периоде не являлась препятствием для приемки. Для приема скота создавались приемные комиссии, в состав которых входили представители от военного интендантства, государственного контроля, главного управления землеустройства и земледелия, сельскохозяйственного общества, а также приглашенный сельскохозяйственным обществом ветеринарный врач.

Помимо закупок скота в сельскохозяйственных обществах и у местного населения в прифронтовой полосе важным способом пополнения полевых гуртов порционного скота являлись реквизиции. Они применялись в случаях отсутствия возможности пополнять порционные гурты скота путем закупок у местного населения в своих войсковых районах или срывов поставок скота из внутренних районов империи. По мнению военного министра, вопрос реквизиций напрямую зависел от подачи мяса на фронт, то есть от возможностей железных дорог: недостаточное поступление мяса на фронт из глубины империи автоматически приводило к реквизициям в прифронтовых губерниях [10, с. 148]. Реквизиции скота проводились в тыловых и войсковых районах оценочными или реквизиционными комиссиями. При отсутствии возможности организовать в войсковых районах упомянутые комиссии, реквизиции проводились по соглашению гражданских и военных властей войсковыми реквизиционными комиссиями. Уже 2 августа 1914 года главным начальником Двинского военного округа были отданы распоряжения губернаторам по созданию реквизиционных комиссий. Согласно сведениям о выполненных за период с 20 июля 1914 года по 30 марта 1915 года работах по заготовкам и отчуждению для потребностей армии необходимых материальных средств

в Гродненской губернии, из состава которой Гродненский, Сокольский, Белостокский, Бельский и Волковысский уезды территориально входили в Двинский военный округ, комиссиями в уездах была произведена предварительная опись всего крупного рогатого скота на случай реквизиции. Общее количество скота в данных уездах, подлежащего реквизиции от населения, составила 10000 голов, в том числе: в Гродненском уезде 2000 голов, в Сокольском уезде 1000 голов, в Белостокском уезде 2000 голов, в Бельском уезде 3000 голов, в Волковысском уезде 2000 голов [11, с. 2–7]. Племенной скот от реквизиции освобождался.

Активное применение реквизиций скота началось с августа 1915 года. Связано это было, прежде всего, с масштабным отступлением войск фронта. Оно повлекло за собой образование большого количества беженцев, которые уходили во внутренние районы Российской империи, покидая свои места проживания, при этом не могли взять с собой весь свой скот. Описывая события, происходившие в Гродненской губернии в период Великого отступления, В.Н. Черепица отмечает:

«...главной целью реквизиции было угнать лошадей, скот и уничтожить продовольственные запасы и фураж, чтобы ими не мог воспользоваться наступающий неприятель. Лошади и скот, а также перевозочные средства подлежали отправлению на ближайшие этапные пункты. Все это делалось при общем смятении, когда большинство населения снималось с мест и было озабочено только личным своим спасением от угрожавшей опасности» [12, с. 286]. Военным командованием Западного фронта в сложившейся обстановке было отдано распоряжение: «...точно установить наличие скота в войсках, корпусных и армейских гуртах и довести таковое до максимума из числа реквизируемого, не останавливаясь даже перед формированием при армейских гуртах новых гуртов, нанимая погонщиками беженцев и местных жителей» [13, с. 222]. В даль-

нейшем реквизиции скота применялись из-за сокращения его поставок от местных поставщиков в связи с уменьшением поголовья. В первую очередь это касалось крупного рогатого скота. В период с марта 1915 года по сентябрь 1916 года только в Слуцком уезде было реквизировано 25 тысяч голов крупного рогатого скота. В донесении уездного продовольственного комитета Слуцкого земства от 15 сентября 1916 г. № 9648 в Минскую земскую управу сообщалось: «Осенью 1915 года этапными комендантами и заведующими гуртами штаба 3-й армии реквизировано около 12000 голов, на какое число вошел почти весь поголовно скот частновладельческих хозяйств уезда, а также и большинства крестьянского» [14, с. 117]. Примерно такая же картина была и в других уездах. К осени 1916 года наличие крупного рогатого скота у населения прифронтовых губерний Западного фронта значительно сократилось. Это показывают результаты проведения описи скота, имеющегося у населения ряда уездов Минской губернии. Данное мероприятие проводилось на основании приказа Главнокомандующего армиями Западного фронта от 18 октября 1916 г. № 758 с целью определения количества скота, подлежащего реквизиции, а также подлежащего освобождению от нее. В ходе проведенных мероприятий было установлено, что по состоянию на 15 октября 1916 года подлежало реквизиции в Бобруйском уезде 30 тысяч голов свиней,

15 тысяч голов овец, в Мозырском уезде 50 тысяч голов свиней, 60 тысяч голов овец, в Игуменском уезде 14 тысяч голов свиней, 8 тысяч голов овец [14, с. 10, 13, 26]. Как видно из приведенных данных, крупного рогатого скота, подлежащего реквизиции, в войсковом и общем тылу не осталось. Предыдущие закупки и реквизиции значительно истощили поголовье скота в прифронтовых губерниях. Впрочем, сложным было положение дел и во внутренних губерниях страны. Только за первый год войны армия взяла 5 миллионов голов, что вместе с

потреблением населения составило 14 миллионов голов. Кроме того, эвакуация ряда западных губерний привела к потере для хозяйства страны не менее 4 миллионов голов, частью оставшихся в занятом неприятелем районе, частью павших. При годовом приросте скота в 9 миллионов голов было израсходовано 18 миллионов голов. С целью исправления ситуации были предприняты меры по сокращению размера мясного питания в первую очередь тыла, а затем и самого фронта [2, с. 73].

К концу 1916 – началу 1917 года положение с мясным довольствием российских войск стало лишь усугубляться. Связано это было, прежде всего, с обострением железнодорожного кризиса. Истощение ресурсов скота в войсковых и тыловых районах фронта требовало максимального использования возможностей внутренних губерний империи. Однако назревающий транспортный коллапс в железнодорожных перевозках не позволил этого сделать. После Февральской революции попытки буржуазного правительства России выправить ситуацию с мясным довольствием положительных результатов не дали. На страну надвигался продовольственный кризис, который в большей степени коснулся крупных городов, в первую очередь Петрограда и Москвы, а также сказался на обеспечении российской армии продовольствием. Перебои в поставках живого скота в войска не позволили обеспечить содержание установленного количества животных в полевых гуртах. Военное интендантство не могло улучшить положение дел по мясному довольствию. Недовольство в солдатской массе росло. В конечном итоге срывы в обеспечении войск мясом в частности и продовольствием в целом оказали влияние на стремительное развитие трагических для России исторических событий.

Заключение. Таким образом, различные по форме содержания гурты порционного скота сыграли важнейшую роль в деле обеспечения войск мясом в годы Первой мировой войны. При отсутствии условий хранения мяса в полевых усло-

виях использование гуртов порционного скота в деле обеспечения войск мясным довольствием являлось едва ли не единственным вариантом. Содержание установленного количества порционного скота в гуртах гарантировало доведение положенной нормы мяса до личного состава. Удельный вес поставок в войска мяса или скота в живом виде с использованием системы гуртов составлял не менее 70% от общего количества поставок мясопродуктов. Интендантство войск Северо-Западного (Западного) фронта принимало все меры по обеспечению бесперебойной работы данного вида подвижных продовольственных заведений. Продуманная штатная структура гуртов порционного скота, выработка порядка их функционирования, своевременное формирование дополнительных резервных гуртов окружного подчинения позволили не допустить провала в системе продовольственного обеспечения российской армии.

Впоследствии истощение продовольственных ресурсов прифронтовых губерний, срывы в поставках мясопродуктов и живого скота из внутренних районов Российской империи не позволили добиться бесперебойности в вопросах обеспечения войск, однако деятельность гуртов порционного скота в значительной степени минимизировала эти проблемы. Внутриполитический, транспортный, а также продовольственный кризис в стране, разбалансированность экономики негативно сказались на деятельности гуртов порционного скота войск Западного фронта и со временем нарушили сложившуюся систему продовольственного обеспечения войск в целом.

Литература

1. Сухомлинов, В.А. Воспоминания / В.А. Сухомлинов. – Минск: Харвест, 2005. – 623 с.
2. Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н.Н. Головин. – Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. – 242 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 2009. – Оп. 1. – Д. 73. Руководящие бумаги: копии приказов, указания, правила и инструкции по вопросам заготовок, хранения, снабжения и перевозок продовольствия и фуража.
4. Шигалин, Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.) / Г.И. Шигалин. – М.: Воениздат, 1956. – 332 с.
5. РГВИА. – Фонд 2053. – Оп. 1. – Д. 31. К сведению и руководству. По вопросам снабжения продовольствием армий фронта. Наставление о хранении товаров. Отчет по интендантской части с 18.7.1914 по 8.5.1916. Соображения о снабжении интендантским довольствием армий Северо-Западного фронта с 15.7.1915 по 15.3.1916 г. Приказы и распоряжения по части продовольственного снабжения армий. План довольствия армий Западного фронта в период с 15.7.1915 по 15.3.1916. Постановление Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства. Положение о гуртах порционного скота. О продовольственном обеспечении за рубежом.
6. РГВИА. – Фонд 2356. – Оп. 2. – Д. 2. Приказы по Управлению дивизионного интенданта № 101–130, 1–84.
7. РГВИА. – Фонд 2049. – Оп. 1. – Д. 142. Переписка о снабжении частей войск, управлений и армий продовольствием, обмундированием, об установлении норм выдачи, доклады о состоянии интендантского снабжения армий Северо-Западного фронта. Списки офицерских и классовых чинов, состоящих при Главном начальнике снабжений.
8. РГВИА. – Фонд 2020. – Оп. 1. – Д. 16. Сведения об устройстве тыла армейских учреждений, схемы расположения тыловых учреждений, сводки положений войскового и общего тыла армий Северо-Западного фронта, донесения о военных действиях на фронте отряда генерала Апухтина.
9. РГВИА. Путеводитель: в 4 т. – М.: РОС-СПЭН, 2006. – Т. 3. – 268 с.
10. Оськин, М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. / М.В. Оськин // Вопросы истории. – 2010. – № 3. – С. 144–152.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1980. Сведения о количестве поставленного продовольствия, фуража, обмундирования и тягловой силы

- в связи с военным положением, из губернии.
12. Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности: монография / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 536 с.
 13. НИАБ в г. Минске. – Фонд 299. – Оп. 2. – Д. 16024. Приказ Главкомандующего армиями Западного фронта о производстве реквизиций скота, лошадей и фуража в местностях к западу от линии шоссе Витебск–Орша.
 14. НИАБ в г. Минске. – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 884. Приказ Главкомандующего армиями Западного фронта о реквизиции скота, годных для военной службы лошадей и фуража.

Поступила в редакцию 12.06.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 94(476.5)“1918”:329.1/.6

Последствия левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 года на локальном уровне (на примере Витебщины)

Яковлева Г.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Статья посвящена анализу воздействия событий 6–7 июля 1918 года в Москве на взаимоотношения большевиков и левых эсеров на локальном уровне и характеристике ситуации в деревне на протяжении второй половины 1918 года. Отмечена значительная роль партии левых эсеров на Витебщине. Левоэсеровские организации Витебска, Орши, Велижа, Сенно поддержали курс своего руководства на разрыв Брестского мира, осудили социальный раскол, навязываемый большевиками в деревне, не смирились с попытками замены выборных советов навязываемыми сверху комитетами бедноты. Выполняя указания из Москвы, местные большевики устранили левых эсеров от власти, используя либо вооруженную силу, либо распуская советы, в которых их прежние союзники играли серьезную роль. Однопартийные советы, комитеты бедноты, военно-революционные комитеты, органы чека, продотряды своим безжалостным давлением на деревню спровоцировали волну крестьянских выступлений, проходивших и на Витебщине. Особенно активно против проводимой большевиками политики выступило население Велижского уезда в ноябре 1918 года. В статье также отмечается падение роли советов, не способных реализовывать установки власти так жестко и бескомпромиссно, как того требовали большевики. Резко возрастает роль местных организаций РКП (б), раскол и падение влияния партии левых эсеров способствовали еще одному шагу в сторону установления однопартийного политического режима большевиков.

Ключевые слова: левые эсеры, комбеды, советы, продотряды, левоэсеровский мятеж.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 90–97)

Consequences of the Left Socialist Revolutionary riot of July 6, 1918 on the local level (on the example of Vitebsk Region)

Yakovleva G.N.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article is devoted to the analysis of the impact of the events of July 6–7, 1918 in Moscow on the relations of Bolsheviks and Left Socialist Revolutionaries on the local level as well as to the characteristics of the situation in the villages during second half of 1918. Considerable role of the party of Left Socialist Revolutionaries in Vitebsk Region is pointed out. The Left Socialist Revolutionary organizations of Vitebsk, Orsha, Velizh, Senno supported the course of their leaders on the disruption of Brest Peace treaty, disapproved of social schism, which was imposed by Bolsheviks in villages, did not reconcile with the attempts to substitute elected Soviets which were imposed from above by Poverty Committees. Obeying the instructions from Moscow local Bolsheviks removed Left Socialist Revolutionaries from administration using either armed force or dissolving Soviets in which their former allies played an important role. One party Soviets, Poverty Committees, Military Revolutionary Committees, Emergency Committee bodies, foodstuff sections by their merciless pressure on the village provoked a wave of peasant riots which took place in Vitebsk Region as well. Especially active were the riots of the population in Velizh District against Bolsheviks policy in November 1918. The article also points out the decrease of the role of Soviets which were unable to implement the orders of the administration as cruelly as Bolsheviks demanded. The role of local RCP(B) organizations increased

Адрес для корреспонденции: e-mail: kviiimk@vsu.by – Г.Н. Яковлева

greatly, schism and decrease of the influence of the Party of Left Socialist Revolutionaries contributed to one more step in the direction of setting up one party political regime of Bolsheviks.

Key words: *Left Socialist Revolutionaries, Poverty Committees, Soviets, foodstuff sections, Left Socialist Revolutionary riot.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 90–97)

Союз большевиков с левыми эсерами помог им удержать власть, ослабить влияние оппозиционных политических партий. Хотя правительственная коалиция распалась после подписания Брестского мира, левые эсеры продолжали работать во ВЦИК и местных советах разных уровней.

На протяжении весны и начала лета 1918 года наблюдалось увеличение представительства партии левых эсеров в советских структурах. Особенно обозначилась эта тенденция после введения политики продовольственной диктатуры и начала деятельности комитетов бедноты. Союзники превращались для большевиков в серьезную проблему. Симптомом неблагополучия были многочисленные резолюции губернских съездов советов, направленные против хлебной монополии, реквизиционной деятельности продотрядов и т.д. В июне съезды крестьянских депутатов и съезды советов ряда губерний, где левые эсеры имели большинство, вынесли решение о свободной продаже хлеба и отмене на него твердых цен, провели резолюцию против продовольственной диктатуры. Не прекращались левоэсеровские выступления и против Брестского мира. 30% голосов, полученных левыми эсерами на предстоящем V Всероссийском съезде советов, давали им надежду скорректировать продовольственную политику большевиков, требовать ликвидации комбедов, внесивших раскол в широкие крестьянские массы, а также разорвать Брестский мир.

Однако попытки повлиять на политику РКП (б) в ходе дискуссии на съезде оказались безрезультатными. 6 июля в Москве было совершено покушение на немецкого посла Мирбаха и произошли странные события, вошедшие в историю как «левоэсеровский мятеж». После этого была арестована левоэсеровская фракция съезда советов, а сама партия была

объявлена антисоветской и контрреволюционной. Уже на съезде прозвучала мысль Л. Троцкого о том, что одной политической партией в стране стало меньше.

Цель статьи – анализ влияния мятежа 6 июля 1918 года в Москве на взаимоотношения левых эсеров и РКП (б) на местном уровне и политику, проводимую большевиками в деревне в 1918 году.

В советской историографии изучением партии левых эсеров занимались К.В. Гусев, Л.М. Спириин, А.И. Разгон, Ю.И. Шестак, белорусский историк А.М. Малашко. Современная российская историография представлена работами Я.В. Леонтьева, П.П. Волохина, А.Л. Литвина, Л.М. Овруцкого и др. Разные взгляды на характер партии левых эсеров и ее роль в становлении политической системы в России высказывают зарубежные исследователи, такие, как А. Рабинович, Р. Пайпс, Ю. Фельштинский, Л. Хэфнер [1]. Развенчав миф советских историков об антисоветской сущности мятежа левых эсеров, о перерождении ее в партию мелкобуржуазной контрреволюции, современные исследователи подчеркивают, тем не менее, значительную долю ответственности этой партии за драматическое развитие событий в стране в постреволюционный период.

Опыт партийно-политического строительства Советской России первых послереволюционных лет актуален и поучителен и сегодня. Остается недостаточно изученной и деятельность партии левых эсеров на региональном уровне.

Материал и методы. Работа выполнена на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Витебской области. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Социальный и национальный состав населения Витебской губернии обусловил существование на ее территории ряда политиче-

ских партий, в том числе Бунда, Поалей Цион, меньшевиков-интернационалистов, эсеров, анархистов. Значительным здесь было влияние и левых эсеров. Правящий альянс двух партий наглядно был представлен и на региональном уровне. Во многих уездных и волостных исполкомах советов левые эсеры составляли большинство, возглавляли комиссии по борьбе с контрреволюцией, входили в состав местной милиции. Авторитет их среди крестьян был очевиден. Много членов ПЛСР было и среди уездного и губернского учительства. Первый губернский съезд советов в декабре 1917 года избрал губернский совет депутатов, состоявший из 65 человек. Кроме 55 большевиков туда было избрано 6 левых эсеров, 2 анархиста, один беспартийный и один эсер-максималист. Левые эсеры имели также свою боевую дружину в составе 200 человек [2, с. 225]. На втором губернском съезде советов (май–июнь 1918 года) среди 130 делегатов было 22 представителя партии левых эсеров, которые, по признанию местных большевиков-партийцев, «очень дружно и упорно вели борьбу с ними». Несмотря на бурные дискуссии на съезде, при избрании губисполкома в его состав было избрано 16 большевиков и 9 эсеров, 1 эсер вошел в контрольно-ревизионную комиссию [3, с. 152]. Резко обострились споры между двумя правящими советскими политическими партиями после начала насаждения комитетов бедноты и ставшим очевидным стремлением большевиков подменить комбедами власть избранных советов на местах.

После событий 6–7 июля из Москвы в Витебский губисполком, как и в другие города Советской России, 10 июля пришла телеграмма, в которой сообщалось о ликвидации левоэсеровской авантюры и предлагалось принять все меры к задержанию бежавших. Того, кто пытался поднять восстание, необходимо было арестовывать и предавать военно-революционному суду, сопротивлявшихся расстреливать, одобрявших выступление левых эсеров немедленно отстранять от занимаемых должностей. В телеграмме

жестко требовалось выяснить у эсеров их отношение к московской авантюре, а всем губернским и городским исполкомам немедленно сообщить, какие из советов поддерживают левоэсеровское восстание [4, л. 1].

В самом Витебске левые эсеры, в целом одобрявшие деятельность своего ЦК, были отстранены от власти без особого сопротивления. Один из видных витебских большевиков С. Крылов в статье «Военная работа», содержащейся в сборнике 1923 года «Красная быль. Большевики в Витебске», писал, что почва изпод ног левых эсеров была выбита ликвидацией левоэсеровской боевой дружины путем включения, а фактически растворения ее в 3-м батальоне 1-го имени Витебского Совдепа полка. Несмотря на ожесточенное сопротивление эсеров, их боевую дружину не только влили в полк, но и произошла смена командного состава. Разбавленный большевиками батальон

9 июля на своем собрании заклеил позором партию левых эсеров, потребовал называть его не «левоэсеровской дружиной», а 3-м коммунистическим батальоном. Заявив «Долой позорное имя левых эсеров», они объявили себя коммунистами-большевиками [2, с. 213]. После таких событий защищать себя и свою позицию левым эсерам было трудно. Они были выведены из губернского исполкома совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, началась чистка городской милиции и губернской чека.

Сильной была позиция левых эсеров в Орше, имевших большое представительство в исполкоме и военном гарнизоне города. На заседании исполкома совета 22 июля большевистская фракция потребовала от левых эсеров определить свое отношение к авантюре ЦК их партии, организовавшего мятеж против Советской власти. Лидер левых эсеров, председатель исполкома Оршанского совета, Буевич заявил, что они полностью поддерживают политику своего ЦК, направленную на срыв Брестского мирного договора с немцами. Большевики исключили левых эсе-

ров из исполкома и арестовали ряд наиболее активных представителей этой партии. Левые эсеры попытались создать ВРК под своим руководством и восстановить демократическую власть [5, с. 110–115]. Конфликт разгорался, и местные большевики запросили помощи из Витебска. Для подавления левоэсеровского восстания в августе в Оршу были посланы отряд латышей, поляков и броневики. Арестовав эсеров, разоружив восставшие части, большевики создали Военно-революционный комитет под своим руководством. Губвоенком С. Крылов, осуществлявший общее командование по ликвидации левоэсеровского выступления в Орше, также описал подавление левоэсеровского восстания в Сенно, которым «руководил тов. Прищепов, ныне коммунист, преданный революции работник» [2, с. 213].

Активные меры были предприняты и в других уездах губернии. Уже 10 июля в Витебск из Невеля пришло сообщение о решении местных большевиков удалить левых эсеров из исполкома, а затем очистить уезд от «засилья хорошо вооруженного кулачества» [6, л. 66]. В исполкоме Витебского уездного совета было два левых эсера, один из них вышел из состава совета сам, второй же был удален чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией [7, л. 286]. Серьезной была роль левых эсеров в милиции Полоцка, что заставило большевиков предпринять меры по уменьшению их влияния там [7, л. 287 об.].

Значительной была роль левых эсеров в Велижском уезде. Они преобладали во многих волостных советах и уездном исполкоме советов, достаточно часто конфликтовали с теми членами исполкома, которые представляли партию большевиков. Местная ячейка РКП (б) несколько раз пыталась ввести в состав исполкома еще несколько своих представителей, но всякий раз получала отказ. 13 июля

1918 года состоялось экстренное заседание Велижского уездного совета, на котором местные большевики и представитель, приехавший из Витебска, предъявили членам исполкома ультиматум. В

нем они потребовали, во-первых, «точного ответа, как относится фракция левых социалистов-революционеров к событиям в Москве», во-вторых, замены левых эсеров большевиками на наиболее важных постах. После трехчасовых прений фракция левых эсеров вынесла резолюцию: «Члены [...] Велижского уездного Совета, принадлежащие к партии левых социалистов-революционеров, вполне разделяют программу и тактику партии левых социалистов-революционеров, до настоящего момента не признают Брестский договор, толкающий страну в пропасть, губящий социальные завоевания Октябрьской революции, кинувшего нас в объятия германского империализма, сделавшего лакеями Вильгельма; осуждают продовольственную политику центра, осуждают всемерно комитеты бедноты, отдающие власть в руки ничтожной части крестьянства, создающие двоевластие наряду с Советами, которые одни должны отражать настроение трудового крестьянства, осуждают смертную казнь, жалкое и позорное наследие буржуазного строя...» [8, л. 79]. Фракция протестовала против несправедливого представительства советских партий на V Всероссийском съезде советов, против необъективного освещения событий в Москве. Левые эсеры отказывались уходить с постов, на которые их поставил уездный съезд советов – «истинный и единственно полноправный выразитель воли населения уезда» [8, л. 79 об.].

Не достигнув желаемого, большевики ушли с заседания, а в ночь с 15 на 16 июля объявили совет распущенным и создали Военно-революционный комитет в составе 15 человек. На заявления председателя уездного совета о незаконности происходящего ВРК ответил, что он является властью, назначенной губисполкомом. Старый совет был объявлен кулацким и соглашательским, проводившим политику «Керенщины и Учредилки», который не реализовывал декреты Совета Народных Комиссаров и не отражал интересы бедняков. Новая власть сразу стала действовать жестко и решительно, во-первых, насаждая коми-

теты бедноты, во-вторых, началась массовая кампания по перевыборам волостных советов, где, по мнению большевиков, преобладали кулаки и левые эсеры. Ставилась задача: до 15 сентября провести перевыборы волостных советов, в состав которых избирать только бедняков, а в исполкомы – большевиков или сочувствующих им. В-третьих, везде прошла реорганизация милиции и местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, приведшая к удалению оттуда большинства левых эсеров.

4 октября 1918 года прошел 4-й Велижский уездный съезд советов, на котором уже полностью преобладали большевики и присутствовали только 5 левых эсеров от Ильинской волости, да и то обладавших лишь совещательным голосом. Был избран новый уездный исполком, состоявший только из большевиков. На съезде подводились итоги борьбы с левыми эсерами после создания Велижского военно-революционного комитета и оценивалась ситуация в волостях уезда. Выступавшие обвиняли эсеров в «желании сытно есть, красиво жить», в нежелании защищать интересы беднейших крестьян. Всячески подчеркивалось, что при старом составе уездного исполкома большевикам затыкали рты, а беднота находилась в приниженном состоянии. Один из членов ВРК оценил ситуацию следующим образом: «После переворота и создания временного ВРК словозлияния закончились, а начались энергичные действия. Население увидело, что с ними не шутят, что есть твердая власть» [8, л. 213]. Велижская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, очищенная от левых эсеров, уже с 22 июля по 30 сентября возбудила 129 «контрреволюционных» дел, 103 – по спекуляции и должностным преступлениям. По решению ЧК было расстреляно 5 граждан Велижа, готовивших контрреволюционные выступления, 10 жителей Будницкой волости, 4 – Касплянской, 1 – Усвятской. Докладчик от Будницкой волости признал, что после расстрела 10 человек

все требования центральной власти стали немедленно проводиться в жизнь. Созданы комитеты бедноты, распределена земля, чему ранее препятствовали кулацкие элементы волости. Представитель Усвятской волости утверждал, что Октябрьская революция доходила до них медленно, профсоюз занимал антисоветские позиции. С созданием же уездного Военно-революционного комитета произошел перелом, был распущен волостной совет и создан ВРК и в Усвятах, а также было объявлено военное положение. Однако констатировалось, что даже после устранения левых эсеров и кулаков создание комбедов проходило трудно. «Многие противники советской власти сумели убедить граждан, что таковая организация есть гибель всего населения» [8, л. 268 об.]. Характерно, что съезд требовал, чтобы ЧК действовала под надзором комитета партии коммунистов-большевиков, а каждый смертный приговор был бы санкционирован партийным комитетом. На съезде констатировалось, что партия руководит действиями исполкома, вмешивается в хозяйственную и профсоюзную жизнь в коммунистическом духе [8, л. 219].

О полном разброде в головах местных большевиков свидетельствовала дискуссия на съезде по продовольственному вопросу. По мнению одних, к недавно созданным комитетам бедноты уже примазываются кулаки. По мнению других, «крупные кулаки» уничтожены, а «мелких», которых огромное количество, не уничтожить. Один из выступавших дал свою прямую и четкую формулировку сущности кулака: «Кто имеет хлеб и имеет излишек хлеба, и не дает его, тот есть кулак» [8, л. 201]. Более умеренные предлагали так провести агитацию и разъяснить сущность Октябрьской революции, что, вдохновившись ее идеями, «каждый кулак не только не задержит излишек хлеба, но даже снимет с себя последнюю рубашку». «Необходимо внушить всем крестьянам, что каждый должен немного голодать», «...чтобы в отношении воздержанности и экономии они произвели октябрьскую революцию

внутри себя» [8, л. 204 об.]. Однако возобладал силовой подход.

Осенью 1918 года «крестовый поход» продотрядов за хлебом, деятельность комитетов бедноты, а также массовая мобилизация крестьян в армию, сопровождавшаяся откровенным насилием и злоупотреблениями местных властей, вызвали серию восстаний по всей стране.

Характерно, что 1 ноября состоялось заседание исполкома Велижского уездного совета, который достаточно оптимистично оценил ситуацию на местах. Но уже через несколько дней произошел взрыв. В Усвятской и Касплянской волостях восстание началось 9 ноября 1918 года. Непосредственной причиной социального взрыва послужила насильственная военная мобилизация в Красную Армию граждан 1893–1898 годов рождения, а также взимание чрезвычайного революционного налога, жестокое обращение чекистов с населением. Уездный военный комиссар 14 ноября сообщал в Витебск, что восстанием охвачено шесть волостей. Лозунгами стали нежелание призываться и отрицание всех мобилизаций, как людей, так и лошадей. По утверждению военкома, способствовал распространению восстания слух о том, что германцами взята Москва, Петроград, Кронштадт, что власть в Велиже в руках «белых банд» [9, л. 72]. Распространилось оно и на соседние Городокский, Полоцкий и Невельский уезды. Восставшими был провозглашен лозунг «Долой Советы!», а советы в Велиже и Усвятах были разогнаны. К крестьянам часто присоединялись мобилизованные в армию и собранные в военкоматах люди. Отряды повстанцев вторглись в соседние волости Городокского уезда. Зажиточные крестьяне Зайковской волости этого уезда встречали отряды повстанцев хлебом-солью, вступали в их состав. Для подавления восстания, охватившего семь волостей уезда, были вызваны латышские стрелки (25 человек) под руководством Кундевича и отряд красноармейцев, которому было приказано «белогвардейцев» в плен не брать, а все продовольст-

вие конфисковать. Председатель Городокской чрезвычайной комиссии Матюхов прислал такую депешу: «Товарищ Кундевич! Прошу не доставлять в Городок белогвардейцев, а расстреливать на месте. Все виды продовольствия, мяса и другой провиант безжалостно брать у кулаков». В самом Городке было введено военное положение, взяты в заложники «29 человек из местной буржуазии», расстреляно 14 человек [10, л. 337]. Похожей была ситуация и в Невеле.

Самое упорное сопротивление большевикам было оказано в Велижском уезде, где в восстании значительную роль сыграло офицерство. Несмотря на подавление восстания, ситуация в уезде оставалась сложной. В середине декабря 76 членов Усвятской организации РКП (б) просили Витебский губком партии прислать 60 револьверов для самозащиты, мотивируя это тем, что во время разгрома совдепа в ноябре погибло 9 партийцев, потому что они не имели оружия. После «справедливого возмездия над главарями восстания» белый террор активизировался: «Наши товарищи убиваются на улицах во время дежурства, задерживаются на дорогах, уводятся в леса и умирают под пытками» [6, л. 28].

Даже сами большевики признавали, что в ходе подавления «белогвардейской авантюры» пострадало много невинных жертв. Документы свидетельствуют, что некоторые красноармейцы отказывались подавлять выступления крестьян (упоминаются списки таких отказников). В течение нескольких месяцев крестьяне Велижского уезда обращались с просьбами вернуть конфискованное в ходе этих событий имущество, но получали, как правило, отказ. Власти, подавив самые острые проявления недовольства проводимой политикой, ничуть ее не скорректировали. В декабре 1918 года глава большевиков Велижа предупредил крестьянство Усвятской волости: «Сейчас нет той золотой середины, на которую большинство населения, в особенности деревня, становились [...]. Среднему крестьянству, дабы избежать нагайки и от красных, и от белых, необходимо

принять сторону советской власти, дабы вполне гарантировать себя от капитализма» [11, л. 27 об.].

Роль советов на местах падала. К крестьянам, избранным в составы волостных советов, стали применяться методы принуждения и наказания, поскольку они пытались хоть как-то защищать интересы односельчан. Беспартийные крестьяне начали отказываться от работы в советах, не видя возможности реализовать политику, отражавшую их устремления.

Заключение. Таким образом, «левоэсеровский мятеж» был использован большевиками для нанесения удара по ПЛСР, становившейся серьезной угрозой власти большевиков в условиях сознательного раскола ими деревни и развязывания в ней классовой борьбы. Левые эсеры были категорически не согласны с курсом большевиков на фактическую замену выборной власти советов навязанными комитетами бедноты. После июльских событий партия левых эсеров раскололась, была деморализована и утратила свою былую роль в советах всех уровней. На Витебщине для устранения левых эсеров из советов Орши, Сенно, Велижа, Городка местным большевикам пришлось применять силу. РКП (б) сделала еще один шаг к установлению однопартийного режима в стране. После июля 1918 года ВЦИК окончательно стал простой машиной для голосования. Резко усилились тенденции переплетения функций партии и государства. Власть на местах фактически перешла к комитетам РКП (б) и работавшим под их руководством ревкомам и ЧК. Местные советы все больше теряли реальную власть в силу того, что они не могли реализовать установки и решения центральных властей так жестко и бескомпромиссно, как того требовала от них РКП (б). Идеи о самоуправлении народа так и остались на бумаге. Большевикам пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением крестьян многих регионов страны, в том числе и Витебщины, против проводимой ими политики насильственного изъятия продовольствия,

социального раскола деревни, насильственных мобилизаций всех видов. Особенно ожесточенное сопротивление осенью 1918 года оказывали крестьяне Велижского, Городокского, Невельского и Полоцкого уездов, где большевикам пришлось применять значительные силы для подавления крестьянских выступлений.

Сокращения

ВРК – Военно-революционный комитет
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
Губисполком – Губернский исполнительный комитет
Чека – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
Комбеды – Комитеты бедноты
ПЛСР – Партия левых социалистов-революционеров
РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

Литература

1. Кононенко, А.А. Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров / А.А. Кононенко // Вопросы истории. – 2005. – № 2. – С. 155–164.
2. Крылов, С. Военная работа / С. Крылов // Красная быль. Большевики в Витебске. Сб. статей, воспоминаний и материалов / под ред. С. Крылова. – Витебск: Витебское губернское бюро Истпарта, 1923. – С. 195–228.
3. Меницкий, Ив. Год работы в Витебске (Из моих воспоминаний) / Ив. Меницкий // Красная быль. Большевики в Витебске. Сб. статей, воспоминаний и материалов / под ред. С. Крылова. – Витебск: Витебское губернское бюро Истпарта, 1923. – С. 141–154.
4. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 10050-п (Витебский губком РКП (б), июль–декабрь 1918 года). – Оп. 1. – Д. 8. Телеграммы губкома РКП (б) из Москвы о присылке людей на курсы комиссаров и др.
5. Дзядзенка, Зьм. Аршанскае й Сеньненскае паўстаньні / Зьм. Дзядзенка // Спадчына. – 1999. – № 4. – С. 108–117.
6. ГАВО. – Фонд 10050-п. – Оп. 1. – Д. 4. Переписка губкома РКП (б) с партий-

- ными, советскими и военными организациями, 1918 год.
7. ГАВО. – Фонд 56 (Витебский губернский Совет рабочих, крестьянских, солдатских депутатов и его исполком). – Оп. 1. – Д. 6. Постановления, приказы и протоколы заседаний Витебского губисполкома и его отделов за 1918 год.
 8. ГАВО. – Фонд 1821 (Отдел управления исполкома Витебского губернского Совета). – Оп. 1. – Д. 263. Протоколы Велижского уездного Совдепа, Ревкома и волостных комитетов бедноты.
 9. ГАВО. – Фонд 1582 (Витебский губернский военный комиссариат). – Оп. 1. – Д. 45. Переписка с Московским окружным военкоматом о занятии советскими войсками территорий, освобожденных от немецких оккупантов.
 10. ГАВО. – Фонд 145 (Городокский уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его исполком). – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 4. Постановления 1-й статистической конференции при ЦСУ РСФСР от 19–24 октября 1918 года и др.
 11. ГАВО. – Фонд 2262 (Отдел управления Витебского губернского военно-революционного комитета). – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 86. Протоколы уездных и волостных советов Витебской губернии за февраль–ноябрь 1919 года.

Поступила в редакцию 30.06.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 81'27

Контакты Восточных патриархатов с православной церковью на восточнославянских землях Речи Посполитой (1596–1632 гг.)

Апанович К.О.

Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск

Период с момента заключения Брестской церковной унии в 1596 г. до прихода к власти Владислава IV является одним из наиболее тяжелых в истории православной церкви в Речи Посполитой. Первая треть XVII в. отмечена также глубоким кризисом Греческой церкви, находившейся под властью турецкого султана. В это время иерархами Восточной церкви была осуществлена деятельность, направленная на сохранение религиозно-этнической идентичности православного населения Киевской митрополии и укрепление позиций православной церкви в Речи Посполитой. Анализ взаимоотношений представителей Восточных патриархатов с Киевской митрополией позволяет выделить три уровня деятельности иерархии Восточной церкви в поддержку православной церкви в Речи Посполитой: 1) духовный (поддержка посредством посланий); 2) социальный (меры по укреплению положения православной церкви в Речи Посполитой: проведение Брестского собора, назначение экзархов, наделение ставропигией братств, восстановление православной иерархии и др.); 3) политический (действия, принятые с целью изменения политического положения Киевской митрополии).

Ключевые слова: Брестская уния, православная церковь, контакты, Восточные иерархи, Киевская митрополия, религиозно-этническая идентичность.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 98–110)

The relations between the Eastern Patriarchates and the Kiev Metropolitanate (1596–1632)

Apanovich C.O.

Educational establishment “Republican Institute of Higher Education”, Minsk

The period from the Union of Brest-Litovsk (1596) to the reign of Vladislav IV (1632) turned out to be one of the most difficult in the history of the Orthodox Kiev metropolitanate. The first third of the 17th century was also marked by severe crisis of the Greek Church, which remained under the dominion of the Turkish sultan. At that time the hierarchs of the Eastern Church tried to preserve the religious and ethnic identity of the orthodox population and to strengthen positions of the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth. The analysis of relations between the representatives of the Eastern patriarchates and Kiev metropolitanate makes it possible to recognize three levels of the Eastern hierarchy's activity in support of the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth: pastoral, social and political. The pastoral level is represented by assistance per epistles. The social level includes measures of strengthening positions of the Orthodox Church, such as convocation of the Brest's council, nomination of exarches, confirmation of stauropegial rights to brotherhoods, ordination of the Orthodox hierarchy and etc. The political level contains steps to change political situation of the Kiev metropolitanate.

Key words: the Union of Brest-Litovsk, Orthodox Church, contacts, Eastern hierarchs, the Kiev metropolitanate, religious and ethnic identity.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 98–110)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kalimera3@mail.ru – К.О. Апанович

З аключение Брестской церковной унии в 1596 г. обусловило начало специфического этапа в истории православной церкви в Речи Посполитой. С самого начала своего существования уния была взята королем Сигизмундом III (1587–1632 гг.) под особое покровительство. Правительство Речи Посполитой после 1596 г. юридически игнорировало существование православия, а все прежние права и акты законодательства в пользу его переносило на унию, что вызвало ожесточенную борьбу между православными и униатами. Только в 1632 г. закончился тяжелый и неблагоприятный для православной церкви в Речи Посполитой период правления Сигизмунда III. В межкорольевье и в начале правления Владислава IV были приняты документы, которые знаменовали собой начало нового этапа в истории православной Киевской митрополии.

Первая треть XVII в. отмечена также глубоким кризисом Греческой церкви, находившейся под властью турецкого султана. В период времени с 1596 по 1632 г. 16 раз менялись предстоятели на Константинопольском престоле. Столь частая смена патриархов, обусловленная тяжелым положением Константинопольской церкви в условиях турецкого завоевания, делала нереальным проведение в жизнь сколь-нибудь систематической религиозной деятельности на территории собственного патриархата, тем более в таких отдаленных митрополиях, как Киевская. Кроме того, контакты Восточных патриархов с православной Киевской митрополией еще более затруднялись указами правительства Речи Посполитой, воспрепятствовавшими пребыванию греческого духовенства на территории государства.

Все это обусловило распространение в исторической среде мнения о том, что контакты между Восточными патриархатами и православной церковью на восточнославянских землях Речи Посполитой были слабыми, вследствие чего православная Киевская митрополия была вынуждена справляться с внутрицерковным кризисом и возрастающей не-

терпимостью властей Речи Посполитой самостоятельно.

Вопроса взаимоотношений Восточной иерархии с православным населением Киевской митрополии в конце XVI – начале XVII в. касались в своих работах такие историки, как митрополит Макарий Булгаков, А. Брянцев, П. Подвысоцкий, К. Ходыницкий, Б.Л. Фонкич, В. Любащенко, С. Плохий и др.¹ Однако данная тема так и не стала предметом самостоятельного исследования.

Цель настоящей статьи – анализ контактов представителей Восточных патриархатов с православным населением Киевской митрополии в ситуации обострения межконфессионального конфликта в Речи Посполитой (1596–1632 гг.).

Материал и методы. Основным источником для изучения указанной проблематики явились грамоты, послания и письма Восточных иерархов, обращенные к православному населению Речи Посполитой. Необходимые для исследования материалы содержатся в сборниках документов «Акты Западной России», «Археографический сборник», «Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов», «Monumenta Confraternitatis

¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в IX т. / митр. Макарий (Булгаков). – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. V, т. 9. – 560 с.; Брянцев, А. Патриарх Кирилл Лукарис и его заслуги для православной церкви / А. Брянцев // Странник. – 1870. – № 3. – С. 195–220; Подвысоцкий, П. Западно-русские полемические сочинения по вопросу о восстановлении православной иерархии в Западной Руси в 1620 г. / П. Подвысоцкий. – Могилев: Типография И.Б. Клаза и М.Л. Кагана, 1915. – 337 с.; Chodyncki, K. Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632 / K. Chodyncki. – Warszawa: Kasa imienia Mianowskiego, 1934. – 610 s.; Фонкич, Б.Л. Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. / Б.Л. Фонкич // Византийский временник. – 1991. – Т. 52. – С. 141–147; Любащенко, В. Кирилл Лукарис и протестантизм. Опыт межцерковного диалога / В. Любащенко. – Одесса: Богомыслие, 2001. – 89 с.; Плохий, С. Наливайкова віра: Козаки та релігія в ранньомодерній Україні: пер. з англ. / С. Плохий. – К.: Критика, 2005. – 496 с.

Stauropigianae Leopoliensis», а также в приложениях к монографиям С.Т. Голубева «Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования)» и А. Крыловского «Львовское Ставропигиальное братство (Опыт церковно-исторического исследования)»².

При написании работы был использован принцип историзма, который заключается в рассмотрении отдельных тенденций в конкретно-исторической обстановке. Применительно к рассматриваемой проблеме принцип историзма предусматривает исследование характера взаимоотношений Восточных патриархатов с православной церковью на восточнославянских землях Речи Посполитой в период с 1596 по 1632 г. При написании статьи также использованы общие логические методы исследования: описание, анализ, синтез, индукция. Из специально-исторических методов были использованы историко-системный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Анализ взаимоотношений представителей Восточных патриархатов с Киевской митрополией позволяет сделать вывод о проведении Восточными иерархами на социальном уровне мер по укреплению

положения православной церкви в Речи Посполитой.

В 1596 г. в Бресте состоялся православный собор, решением которого была отвергнута уния и преданы анафеме принявшие ее епископы. Легитимность проведения Брестского православного собора, а также его решений была обусловлена присутствием в качестве председателя собора экзарха Константинопольского патриарха – Никифора Кантакузина. Для участия в деяниях собора был приглашен Александрийский экзарх архимандрит Кирилл Лукарис, который приходился к тому же племянником Александрийскому патриарху. Это позволило местоблюстителю Константинопольского престола – Александрийскому патриарху Мелетию – адекватно оценить сложившуюся в Речи Посполитой религиозную ситуацию. В посланиях Мелетия Пигаса к православным Киевской митрополии отражается знание многих фактов и даже деталей относительно происходивших в то время событий.

Преследуя цель введения Брестской унии в пределах Речи Посполитой, король Сигизмунд III в марте 1597 г. привлек к суду сыгравшего исключительную роль в деле организации православных для противостояния униатской церкви Никифора Кантакузина. Несмотря на отсутствие правдоподобных обвинений на суде, Никифор был заключен в одну из самых надежных тюрем Польши – бывший замок Тевтонского Ордена в Мариенбурге, где в 1601 г. умер от голода³. Деятельность архидиакона Никифо-

² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Археографическая комиссия, 1846–1853. – Т. 4: 1588–1632. – 1851. – 529 с.; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильна: Печатня Губернского правления, 1867–1904. – Т. 2. – 1867. – 258 с.; Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов: в 3 т. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1897–1898. – Т. 1, 2: Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis / ed. Dr. W. Milkowicz. – Leopoli, 1895. – Т. 1. – 961 p.; Голубев, С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования) / С.Т. Голубев. – Киев, 1883. – Т. 1. – 559, 576 с.; Крыловский, А. Львовское Ставропигиальное братство (Опыт церковно-исторического исследования) / А. Крыловский. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1904. – 315, 230 с.

³ В ноябре 2001 г. во Львове, по благословению Константинопольского Патриарха Варфоломея и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром (Сабоданом) была совершена местная канонизация протосинкела Никифора.

18/31 января 2002 года Святой синод Белорусской православной церкви, рассмотрев житие, труды, подвиги и церковное служение архидиакона Никифора, определил причислить к лику местночтимых святых Белорусской православной церкви архидиакона Никифора Парасхеса-Кантакузена, Экзарха Вселенского Патриарха. Празднование его церковной памяти было установлено в день

ра на православном Брестском соборе, подвиг стояния в православной вере, а также его мученическая кончина дают повод сравнить его со святителем Марком Эфесским.

4 апреля 1597 г. Мелетий I Пигас стал местоблюстителем Константинопольского престола (4 апреля 1597 г. – апрель 1598 г.). Этим же числом датируется послание патриарха Мелетия к князю Василию Острожскому и православным верующим Речи Посполитой. В послании Мелетий сообщил о своем избрании на должность местоблюстителя Константинопольского престола, а также о намерении посетить Киевскую митрополию. Но по причине занятости патриарху пришлось ограничиться лишь посланием, которое он отправил еще из Египта, а затем копию послания – из Константинополя. Патриарх Мелетий известил князя Василия и православных верующих о получении акта Брестского собора и высказал свое мнение о нем. Мелетий одобрил постановления православного собора, происходившего под председательством Никифора, экзарха Константинопольского патриарха, и при участии Кирилла Лукариса, экзарха Александрийского патриарха. Кроме того, Мелетий Пигас сообщил, что старается убедить правительство Речи Посполитой позволить православным жить в соответствии с отеческими обычаями и догматами, чтобы не было нужды в написании посланий и созыве соборов, поскольку последние доставляют излишние⁴ трудности Константинопольскому престолу, подъятие которых терпит ради утверждения благочестия православных подданных Речи Посполитой («... яже нам таковую наносят тяготу, яко едва мощи настоящая писания сложити же и послати, самем же нам труд подымати и беды усердно, не нашим нуждам многим сущим и великим, но вашему в бла-

гочестии утверждению»). В послании Мелетий также обращается к князю Острожскому и православным верующим с просьбой об освобождении оклеветанного патриаршего наместника Никифора [1, № CCCCLII].

В послании от 4 августа 1597 года к Львовскому епископу Гедеону Балабану патриарх Мелетий наметил основные направления деятельности православных подвластной ему Киевской митрополии в создавшейся ситуации, реализация которых была необходима для дальнейшего существования православной церкви в пределах Речи Посполитой. Делом первостепенной важности был признан созыв собора и избрание на нем новых митрополита и епископов вместо отпавших в унию. Для управления православной Киевской митрополией до момента реализации данного проекта патриарх Мелетий назначил трех экзархов – епископа Львовского Гедеона, архимандрита-грека Кирилла Лукариса и князя Константина Острожского.

Во время сложного периода социально-политического конфликта в Речи Посполитой 1596–1632 гг. Вселенские патриархи, не имея возможности лично посетить Киевскую митрополию вследствие тяжелого положения Греческой церкви и дальности расстояния, для управления православной Киевской митрополией назначали экзархов – патриарших наместников, в подчинении которых находились митрополит и местные епископы. После смерти епископа Львовского Гедеона в 1607 г. и князя Константина Острожского в 1608 г. в Речи Посполитой действовал в качестве Константинопольского экзарха протоиерей Нестор Кузмич в 1609 г., а с 1614 г. (возможно и ранее) Львовский епископ Иеремия Тиссаровский (в 1633 г. он еще носил звание экзарха). В.Г. Короткий пишет о возвращении Полоцкого и Витебского архиепископа Мелетия Смотрицкого в 1625 г. в Речь Посполитую после путешествия на Восток, во время которого он был назначен патриаршим экзархом [2, с. 127]. В 1628 г. Константинопольским экзархом был назначен настоя-

Собора Белорусских святых, в 3-ю Неделю по Пятидесятнице.

⁴ Это вполне понятно, если принять во внимание положение Константинопольской церкви под властью турок.

тель Киево-Печерской лавры Петр Могила.

Константинопольские патриархи давали полномочия совершать священнодействия в Киевской митрополии духовенству других патриархатов и поместных церквей. В Речи Посполитой в имениях выдающихся шляхтичей, таких, как Острожские, Вишневецкие, Корецкие и др., проживали греческие архиереи. На Волыни в Степаньской обители, принадлежавшей Константину Константиновичу Острожскому, с 1599 г. около трех лет пребывал Белгородский митрополит Лука⁵. В 1603 г. или 1604 г. в данный монастырь поступил Пелагонский митрополит Иеремия, который проживал там до 1620 г. В 1610 г. в Степаньском монастыре был Макачевский владыка Амфилохий. Экзарх Иерусалимского патриарха Монемвасийский митрополит Иоасаф находился в Речи Посполитой по крайней мере в 1616–1617 гг. Сербский владыка Павел около 1620 г. жил в монастыре княгини Корецкой. Таким же образом, в Речи Посполитой пребывали Софийский митрополит Неофит (с 1612 г. в Киево-Печерской лавре) и Стагонский епископ Авраамий (с 1612 г. в Дерманском монастыре), участвовавшие в 1620 г. в хиротонии православной иерархии вместе с Иерусалимским патриархом Феофаном [3, с. 28; 4, с. 265]. П. Подвысоцкий, опираясь на свидетельство «Ехатен Оброну», пишет, что «чужеземных епископов в Польше было всегда не меньше», чем поставленных в 1620 г. К «чужеземным» епископам враждебно относилась греко-католическая иерархия, предпринимавшая против них строгие меры и изгонявшая их из своих епархий [3, с. 28]. «Немало вредят унии, – писал митрополит Рутский, – иноземные владыки: греки и сербы, которые, когда хотят, приезжают, когда хотят, уезжают, никому не являясь и никому не предъявляя своих

охранных листов; они рукополагают попов и совершают все епископское в наших епархиях» [цит. по: 4, с. 265].

Восточные патриархи наделяли ставропигиальными правами братства и монастыри. Например, 8 мая 1610 г. Константинопольский патриарх Кирилл утвердил право на ставропигию Львовского братства и передал под его управление монастырь св. Онуфрия и типографию.

В одном из посланий 1597 г. Александрийский патриарх Мелетий Пигас разъясняет цель дарования братствам Киевской митрополии ставропигии: «Не в погубление и весьма пакость, или бесчестие иже в месте епископу, от его же власти отъемлется ставропигия; в соиздание и помощь патриаршескому престолу...» [цит. по: 5, с. 112]. Если принять во внимание, что в Речи Посполитой в 1597 г. было всего 2 православных епископа – Перемышльский епископ Михаил Копыстенский и Львовский епископ Геден Балабан, а с 1608 г. священнодействовал только один православный епископ Львовский Иеремия Тиссаровский, тогда как православная Киевская митрополия насчитывала 7 епархий, то становится очевидным, что дарование ставропигиальных прав братствам было жизненно необходимым для организации деятельности православной церкви в Речи Посполитой.

Из послания Александрийского патриарха Мелетия Пигаса к Московскому царю Федору Иоанновичу 1593 г. можно заключить, что цель деятельности Львовского братства патриарх полагал в восстановлении «... находящегося в опасности по всему Востоку благочестия⁶, для подпоры православия, для оживления греческого обучения, в здешних странах, совершенно истребленного» [цит. по: 5, с. 111]. В послании от 3 сентября (24 августа) 1597 г. к православным братствам Киевской митрополии Мелетий, будучи уже Константинопольским местоблюсти-

⁵ Белгородский митрополит Лука участвовал в работе православного Брестского собора 1596 г. и приезжал в Вильно для заключения союза с протестантами в 1599 г.

⁶ Слово «благочестие» в данном случае является синонимом понятия «православная церковь».

телем, еще раз подтверждает высказанную ранее мысль: «... утверждение Церкви суть яже по местех священные братства и яко щит некий в помощь самой Церкви» [1, № CCCCLVI]. Таким образом, патриарх рассматривал братства как религиозные организации, объединявшие своей деятельностью отдельные территории. Данный момент представляется особенно важным, поскольку в условиях отсутствия необходимого количества православных епископов братства фактически выполняли их роль. Т.е. братства представляли собой центры организации религиозной жизни православного населения и его сопротивления унии. Представитель современной католической церкви Д. Блажейовский следующим образом интерпретирует деятельность Восточных иерархов по защите православной церкви в Речи Посполитой: «Греки ... начали вести борьбу против Брестской унии, но уничтожали ее украинскими руками, руками князя Острожского, украинской шляхты и братств» [цит. по: 6, с. 101].

После восстановления православной иерархии в Речи Посполитой в 1620 г. необходимость в самостоятельной организационной деятельности братств была утрачена, поскольку к исполнению своих обязанностей приступили епископы. Об этом свидетельствуют грамоты Иерусалимского патриарха Феофана (1620 г.) и Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса (1625 г. и 1626 г.) о подчинении ставропигий власти епархиальных архиереев [4, с. 440]. Таким образом, в Киевской православной митрополии возобновляется традиционный порядок жизни.

Главной целью Восточных патриархов было восстановление православной иерархии в Киевской митрополии. Местоблюститель Константинопольского престола Мелетий поручил своим экзархам и православному духовенству Киевской митрополии избрать митрополита и епископов сразу же после Брестского собора – в 1597 году, однако реализовать это по причинам правового и политиче-

ского характера удалось лишь в 1620 году.

В полемическом произведении «Verificatia niewinnosci» Мелетий Смотрицкий приводит грамоту Константинопольского патриарха Тимофея, данную им Иерусалимскому патриарху Феофану. Грамота датируется апрелем 1618 г., т.е. она была прислана Феофану либо во время его пребывания в Туле, где он был задержан по дороге в Москву и пробыл более года, либо была получена им уже после посещения Москвы в Киеве, где патриарх Феофан получал письма из Константинополя [3, с. 30–31]. В грамоте Константинопольский патриарх сообщает о поездке Иерусалимского патриарха в Московскую землю, в связи с чем повелевает иерархии подвластных Константинопольской кафедре епархий с честью «принимать Его Преосвященство и безотказно снабжать его всем необходимым». Далее Вселенский патриарх сообщает: «Мы позволили ему совершать в наших епархиях все церковные священные действия и вести все архиастырские дела.

А если где-нибудь кто-либо выкажет каким-то образом непослушание, то такой подлежит соответствующему церковному наказанию. Сообщаем вам об этом, чтобы не случилось чего-либо иначе» [7, с. 297–298].

Приблизительно 22 марта 1620 г. патриарх Феофан прибыл из Москвы в Киев, после чего сразу же обратился с письмами к Коронному канцлеру и гетману Станиславу Жолкевскому и Киевскому воеводе Фоме Замойскому с просьбой ходатайствовать перед королем о предоставлении ему свободного проезда через территорию Речи Посполитой. 5 мая 1620 г. Станиславом Жолкевским были изданы два универсала, которые свидетельствовали о признании королем Сигизмундом III Феофана Иерусалимским патриархом, а также об удовлетворении просьбы патриарха. Только после издания данных универсалов Феофан приступил к исполнению своих полномочий в качестве верховного иерарха

православной Киевской митрополии [3, с. 29–32].

В середине августа 1620 г. в Киеве состоялось совещание по религиозным вопросам делегатов православной Киевской митрополии, представлявших различные епархии и учреждения православной церкви Речи Посполитой. Во время совещания делегаты были ознакомлены с текстом грамоты Константинопольского патриарха Тимофея, данной им Иерусалимскому патриарху. Вместе с патриархом Феофаном на совещании присутствовал экзарх Константинопольского патриарха архимандрит Арсений. Все это, а также обещание короля, данное православным на сейме 1607 г. и, как сказано в произведении «*Verificatio niewinnosci*», «подтвержденное на прошлом славном сейме и внесенное в конституцию, которым... позволено иметь митрополита и епископов, находящихся под... властью Константинопольского патриарха», дало основание делегатам сделать вывод о каноничности и законности восстановления православной иерархии в Речи Посполитой. Представителями православной церкви было принято решение воспользоваться представившейся возможностью [цит по: 3, с. 40–41].

13 августа 1620 г. патриарх Феофан обратился к православным с грамотами с повелением избрать достойных людей для посвящения в епископы. После чего Иерусалимским патриархом Феофаном совместно с Софийским митрополитом Неофитом и Стагонским епископом Авраамием были совершены хиротонии православных митрополита и пяти епископов. На епископство Пинское Феофаном был назначен грек Авраамий Стагонский [4, с. 409]. Таким образом, была восстановлена высшая иерархия православной церкви в Речи Посполитой.

По окончании хиротоний, в конце сентября или начале октября 1620 г. патриарх Феофан, возможно, по инициативе епископа Стагонского Авраамия, созвал собор. В работе собора приняли участие все иерархи, в тот момент находившиеся в Киеве, а также архимандри-

ты, игумены, иеромонахи и иереи. На соборе были рассмотрены и запрещены некоторые обычаи, укоренившиеся в Киевской митрополии, но противоречившие благочестию и практике Вселенской церкви [3, с. 51–52].

После собора Иерусалимский патриарх, оповестив грамотой православное население Речи Посполитой о восстановлении православной иерархии, предоставил высшему духовенству Киевской митрополии особые права. В случае смерти православного митрополита, ввиду тяжелого положения церкви в Речи Посполитой и дальности пути до Константинополя, епископам разрешалось избрать и рукоположить нового митрополита без предварительного согласия Константинополя, с условием, что в дальнейшем, «егдаже в путном шествии обдержашее кое зло престанет и препоны не будет», митрополит или сам явится за утверждением ко Вселенскому патриарху или отправит своего посла. В грамоте патриарх Феофан повелел также ставропигиям Киевской митрополии «во всяких делах и судах духовных» оставаться в подчинении у своих епархиальных архиереев во избежание раскола в православной среде [3, с. 52–53; 4, с. 409].

Восстановление Иерусалимским патриархом православной иерархии в Речи Посполитой имело большое значение. Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что рукоположенные им епископы отличались от православной иерархии доберестейского периода благочестием и ревностью в вере. Большая часть вновь посвященных владык была связана с Острожским культурным центром и имела промосковскую ориентацию. По словам украинского исследователя П. Кралюка, восстановление православной иерархии явилось своеобразным прологом Переяслава 1654 г., когда Малороссия добровольно вошла в состав Русского государства [6, с. 101].

Событие 1620 г. способствовало консолидации православного населения, в том числе казаков. Известно, что патриарх Феофан повлиял на политику запо-

рожских казаков, убедив их в неестественности осуществления военных действий против единой верной Москвы [3, с. 67].

Помимо усиления в православном обществе промосковских тенденций, посвящение Феофана произвело окончательный раскол среди приверженцев «греческого обряда», т.е. между православными и униатами [6, с. 102]. Создание православной иерархии, параллельной униатской, предоставило населению возможность выбора между двумя церквями, следствием чего явился массовый переход униатов в православие. Таким образом, восстановление православной иерархии «нанесло непоправимый вред всему делу ассимиляции русского православного народа с польским, католическим» [3, с. 64–65]. Так, «раскол, начало которому было положено в Бресте в 1596 г., логично завершился Феофановым посвящением» [6, с. 102].

Таким образом, представителями Восточных патриархатов была осуществлена деятельность по укреплению положения православной церкви в Речи Посполитой на социальном уровне.

О заинтересованности Восточной иерархии в судьбе православной Киевской митрополии свидетельствует также поддержка православного населения Речи Посполитой представителями Восточных патриархатов на духовном уровне.

19 мая 1597 г. Константинопольский местоблюститель и Александрийский патриарх Мелетий Пигас написал послание Львовскому братству, в котором призвал братчиков проводить жизнь достойно званию христианскому, напоминая им о надежде посмертного воздаяния. Местоблюститель Константинопольского престола советует братчикам «отвращаться» отступивших от православия, но в то же время рекомендует принимать желающих вернуться в православную веру при условии их раскаяния и принятия ими наказания за содеянное, чтобы предупредить подобное в дальнейшем. В заключение Мелетий просит братство принять своего чтеца

Иоасафа, которому, по-видимому, и было поручено доставить настоящее послание, и помочь ему [1, № CCCCLIII].

3 сентября (24 августа) 1597 г. датируется еще одно послание патриарха Мелетия к православным братствам Киевской митрополии. Мелетий хвалит цель учреждения братств и называет их «утверждением церкви христовой». Он убеждает их не прекращать подвигов и трудов во имя православной церкви, защищая нуждающихся от греко-католического митрополита и «соотступников», которые, прельстившись благами мира, последовали за инославными. Мелетий Пигас предлагает им также напечатать свои послания с целью утешения и укрепления православных на греческом, русском и, если сочтут нужным, – латинском языках. В заключении послания патриарх Мелетий называет константинопольскую паству «пленниками за Христа», как будто напоминая о не менее тяжелом положении церкви Константинопольской («И вас Господь Бог да сохранит невредны душою же и телом, воспоминающих и нас иже за Христа пленников») [1, № CCCCLVI].

29 ноября 1598 г. в послании к Львовскому братству из Александрии патриарх Мелетий хвалит братчиков за ревность о православной вере и благодарит их за любовь к нему. Патриарх отмечает, что получает сведения о братстве не только из писем братчиков, но и от приходящих к нему людей. В своем послании Мелетий Пигас обличает практику и нововведения католической церкви и убеждает братчиков, как неоднократно делал это ранее, сохранять православную веру. Касаясь конфликта братства с Львовским епископом Гедеоном Балабаном, Александрийский патриарх настаивает на примирении обеих сторон независимо от причин раздора [8, № 17; 1, № CCCCLXIX].

Патриарх Мелетий в своих посланиях не говорит открыто о притеснениях православного населения и его тяжелом положении под властью католического правительства Речи Посполитой. Но подаваемые им советы свидетельствуют о

хорошей осведомленности Александрийского патриарха относительно религиозного положения, сложившегося в Речи Посполитой, а также о его заинтересованности в помощи православным и заботе о них.

Необходимо также упомянуть о послании от 5 января 1614 г. митрополита Молдавлахийского Мардария, адресованном старшинам Львовского братства – Иоанну Красовскому, Николаю Златоручке и Стефану Сокальскому. В «Малую Росию» с посланием с Афонской горы был отправлен монах Гервасий. Бывший архиепископ Богданский Мардарий сообщает братчикам, что после долгих странствий поселился на Афонской горе. Интерес представляют фразы, при помощи которых митрополит Мардарий отмечает присущее Афону безмолвие. По его словам, там «еретики не клеветают, а мнимые христиане – католики не творят наветов, не прельщают ласками и дарами неутвердившихся и не находят... прельстившегося, не слышно ни вопля, ни крика на церковь Христову».

Такое своеобразное описание Афонской горы выявляет прекрасную осведомленность Молдавлахийского митрополита относительно сложившейся в Речи Посполитой межконфессиональной ситуации. Далее в послании митрополит Мардарий призывает братчиков к благочестию, терпению и братолюбию, а затем делает акцент на терпении и, основываясь на христианском учении, старается убедить братчиков, что сложившаяся в их Отечестве ситуация гонений на православных верующих неизбежна. Интересно, однако, что при этом митрополит не призывает к ненависти или бунту, но в сложившейся ситуации побуждает братчиков к терпению, в то же время ободряя их надеждой на избавление.

Вернувшись к тексту послания, необходимо отметить, что роль писца исполнил находившийся при митрополите Мардарии бывший проигумен Дерманского монастыря Исакий, который после текста послания добавил несколько строк от себя. Исакий обращается к Ио-

анну Красовскому с просьбой присылать митрополиту и ему выходящие из братской типографии книги [9, № 187].

Восточные патриархи в своих посланиях призывали православные братства, духовенство, выдающихся представителей общественной жизни, мирян к исповеданию православной веры и неприятию унии. Они разрешали сомнения православного населения Речи Посполитой относительно веры и церковного устройства, стремились уладить внутренние конфликты (например, в случае с Львовским епископом Гедеоном и местным братством), а также указать приемлемые формы поведения в сложной ситуации острого межконфессионального противостояния.

Послания Восточных патриархов являются, в сущности, призывом высшей иерархии православной церкви к религиозной толерантности и свидетельствуют об их лояльности по отношению не только к другим конфессиям, но и к католическому государству – Речи Посполитой – в целом. Для Восточных патриархов был вполне приемлем вариант сосуществования различных конфессий в рамках одного государства. В то же время их деятельность была направлена на сохранение религиозно-этнической идентичности православного населения и укрепление позиций православной церкви.

Действия, предпринятые представителями Восточных патриархатов с целью изменения политического положения Киевской митрополии, позволяют выделить политический уровень деятельности Восточной иерархии в поддержку православной церкви в Речи Посполитой.

Используя конфликты и противоречия в системе международных отношений в период Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) в Европе, Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис неоднократно предпринимал попытки политического вмешательства в государственные дела Речи Посполитой. В 20-х – 30-х годах XVII в. Вселенским патриархатом было установлено политическое

сотрудничество с протестантскими державами и Русским государством, направленное против Речи Посполитой [10, с. 11–13].

В 1621 г. по повелению турецкого султана в Москву в качестве посла был отправлен представитель одной из наиболее знатных греческих фамилий – Фома Кантакузин. Вместе с грамотами османских властей с предложением о совместном выступлении против Речи Посполитой посол привез царю и патриарху Филарету грамоты патриарха Кирилла. Несмотря на то, что предложение Османа II было всего лишь политическим маневром, имевшим целью предотвращение сближения Московского государства с Речью Посполитой, Кантакузин призвал русское правительство к войне с Речью Посполитой. Расхождения между политикой султана и Константинопольского патриарха, чьи интересы также представлял греческий посол, не были замечены в Москве. В то же время Кириллом Лукарисом были отправлены в Речь Посполитую «два агента» для подготовки выступления православных против короля. Участие в войне с Речью Посполитой Русского государства служило гарантом того, что прокатолическим правительством при заключении мира будут сделаны уступки православной Киевской митрополии [10, с. 13–14].

В 1627 г. в Москву прибыл посол Османской империи Кантакузин с предложением о русско-османском союзе. Вместе с Кантакузиным царю была передана грамота Константинопольского патриарха Кирилла, заверявшего в искренности стремлений османских властей [11, с. 163]. В результате переговоров был составлен проект договора (от 13 декабря 1627 г.) о союзе Московского государства и Османской империи против Речи Посполитой. Проект включал обещание султана «способствовать возвращению России утраченных ею территорий» [11, с. 165]. Затруднения, возникшие впоследствии с ратификацией договора султаном, дают повод говорить о превышении Кантакузиным, являвшимся одно-

временно посланником Константинопольского патриарха, своих полномочий относительно текста договора [10, с. 17]. Это, в свою очередь, свидетельствует о наличии самостоятельной позиции Кирилла Лукариса касательно политических событий и попытке ее реализации в ходе переговоров. Лукарис стремился привлечь Русское государство к совместной борьбе с правительством Речи Посполитой [10, с. 16].

Кантакузин также осведомил патриарха Филарета, что данное соглашение должно было стать началом создания коалиции держав в составе Османской империи, Трансильвании, Швеции и России, направленной против Речи Посполитой. Кроме того, по утверждению Б.Н. Флори, Кирилл Лукарис «был не прочь (через Кантакузина) обратить внимание русского правительства на возможную роль патриархии как связующего звена между Россией и другими противниками Речи Посполитой» [10, с. 17–18].

В конце 20-х годов с целью обеспечения тыла для успешной войны шведского короля Густава Адольфа с Габсбургами политиками антигабсбургского лагеря был поднят вопрос реализации плана низложения короля Сигизмунда III и возведения на трон в Речи Посполитой трансильванского князя Габора Бетлена – вассала Османской империи – при поддержке Русского государства. Известно, что в установлении контактов между русскими послами и трансильванским двором в 1628 г., а также в успешном завершении переговоров трансильванских послов с властями Османской империи (Порта одобрила трансильванский проект) в 1629 г. большую роль сыграл Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис. Предполагалось также, что он обеспечит поддержку военных действий Бетлена в Речи Посполитой православного населения, в том числе казаков [11, с. 166–169].

По словам Б.Н. Флори, «поддерживая (а по возможности и координируя) действия Османской империи и протестантских держав против Речи Посполитой и

содействуя их сближению с Россией на этой основе, (Константинопольская. – К.А.) патриархия была заинтересована, прежде всего, в военно-политических успехах последней и готова была содействовать всеми доступными ей способами распространению ее власти, по крайней мере, на украинские земли» [10, с. 37].

Интересные сведения, касающиеся восстания казаков 1630 г. в Речи Посполитой, содержатся в «расспросных речах»⁷ грека Андрея, посланника Иерусалимского патриарха, представленных на рассмотрение Московского царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета путивльскими воеводами. Согласно Михаилу Бутурлину и Владимиру Ляпунову, Андрей сообщил о том, что Иерусалимский патриарх Феофан, находившийся в то время в Молдавии, послал его с письмами к Московским государям. По приезду Андрея из Молдавии в Киев письма «взял» у него Киевский православный митрополит Иов Борецкий, который затем отправил их с протосинкелом Иосифом в Москву. Андрей же одно из писем Иерусалимского патриарха в конце марта или начале апреля 1630 г. доставил казацкому гетману Тарасу Федоровичу. К сожалению, письмо не сохранилось. Но о его содержании известно также из «расспросных речей». В письме патриарх Феофан благословил казаков «стоять за веру хрестьянскую и быть под... державою» московского царя, т.е. принять подданство Москвы. Возможно, это предложение было рассмотрено на общей сходке казаков (по-украински «коло»). Призыв Иерусалимского патриарха имел свои последствия. В августе 1630 г. о готовности казаков перейти на службу к царю, если они не смогут противостоят полякам, сообщил путивльским воеводам сын митрополита Иова Борецкого – Андрей. В конце августа 1630 г. Конецпольский также засвидетельствовал намерение казаков просить Московского государя о помощи и добровольно сдать прилегающую к

Днепру территорию под власть царя. Далее в «расспросных речах» говорится о том, что грек Андрей привез с собой в Путивль два письма: одно – государям от Иерусалимского патриарха, второе – к путивльским воеводам от митрополита Иова Борецкого о самом Андрее [12, р. 168, 172–173].

Насильственное обращение в унию епархий православной Киевской митрополии католическим правительством Речи Посполитой и дискриминация православной церкви на государственном уровне представляли собой попытку отторжения от Константинопольского патриархата его канонической территории. «Ущемление прерогатив патриархии в традиционной сфере ее влияния» имело следствием также политическую активность Восточных иерархов, целью которой было изменение политического положения Киевской митрополии.

Заключение. Период с момента заключения Брестской церковной унии в 1596 г. до прихода к власти Владислава IV является одним из наиболее тяжелых в истории православной церкви в Речи Посполитой. Первая треть XVII в. отмечена также глубоким кризисом Греческой церкви, находившейся под властью турецкого султана. Несмотря на это, контакты между Вселенской церковью с подвластной ей Киевской митрополией в данный период не прекращались. Иерархами Восточной церкви была осуществлена деятельность, направленная на сохранение религиозно-этнической идентичности православного населения Киевской митрополии и укрепление позиций православной церкви в Речи Посполитой. Анализ взаимоотношений представителей Восточных патриархатов с Киевской митрополией позволяет выделить три уровня деятельности иерархии Восточной церкви в поддержку православной церкви в Речи Посполитой: 1) духовный (поддержка посредством посланий); 2) социальный (меры по укреплению положения православной церкви в Речи Посполитой: проведение Брестского собора, назначение экзархов, наделение ставропигией братств, восстано-

⁷ Текст «расспросных речей» грека Андрея приводится после статьи Б.Н. Флори [12].

ление православной иерархии и др.); 3) политический (действия, предпринятые с целью изменения политического положения Киевской митрополии).

Литература

1. Monumenta Confraternitatis Stauropigianaе Leopoliensis / ed. Dr. W. Milkowicz. – Leopoli, 1895. – Т. I. – 961 p.
2. Короткий, В.Г. Творческий путь Мелетия Смотрицкого / В.Г. Короткий. – Минск: Наука и техника, 1987. – 192 с.
3. Подвысоцкий, П. Западно-русские полемические сочинения по вопросу о восстановлении православной иерархии в Западной Руси в 1620 г. / П. Подвысоцкий. – Могилев: Типография И.Б. Клаза и М.Л. Кагана, 1915. – 337 с.
4. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в IX т. / митр. Макарий (Булгаков). – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. VI, т. 11. – 798 с.
5. Фефелова, О.А. Православные братства на восточнославянских территориях Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.А. Фефелова. – Томск, 2001. – 246 л.
6. Кралюк, П. Мелетій Смотрицький і українське духовно-культурне відродження кінця XVI – початку XVII ст. / П. Кралюк. – Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія», 2007. – 208 с.
7. Verificatia niewinności // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов: в 8 ч. – Киев: Унив. тип., 1859–1911. – Ч. 1, т. VII: Памятники литературной полемики православных южно-русцев с латино-униатами. – 1887. – С. 279–344.
8. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильна: Печатня Губернского правления, 1867–1904. – Т. 2. – 1867. – 258 с.
9. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. – СПб.: Археографическая комиссия, 1846–1853. – Т. 4: 1588–1632. – 1851. – 529 с.
10. Флоря, Б.Н. К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) / Б.Н. Флоря // Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1990. – С. 8–42.
11. Астахин, В.В. Константинопольский патриархат в международных отношениях первой трети XVII века: дис. ... канд. ист. наук: 02.00.03 / В.В. Астахин. – Волгоград, 2001. – 294 л.
12. Florja, B.N. New Evidence on the 1630 Zaporozhian Cossack Uprising / B.N. Florja // Harvard Ukrainian Studies. – 1992. – Vol. XVI, № 1/2 (June). – P. 167–173.

Поступила в редакцию 30.06.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 271.22(476)-736:338.14“1812”

Последствия войны 1812 г. для православной церкви в Беларуси

Цинкевич А.А.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье на основе широкого круга архивных и опубликованных материалов комплексно рассматриваются последствия войны 1812 г. для православной церкви в Беларуси.

В результате исследования автор приходит к выводу, что во время боевых действий 1812 г. православные культовые сооружения на территории Беларуси пострадали, в сравнении с внутренними российскими губерниями, значительно меньше. В Минской епархии из общего количества пострадало 12%, в Могилевской – только 3% церквей. Противник реквизировал преимущественно съестные припасы и скот. Данную ситуацию автор объясняет тем, что на территории Беларуси, в отличие от России, значительная часть руководства губерний, духовенства, а также простого населения перешли на сторону Наполеона.

Автор отмечает, что после войны 1812 г. обострились межконфессиональные отношения между католиками и православными. Отношения с униатской церковью осложнились ввиду захвата православных церквей во время боевых действий. Доверие к местному православному клиру в Беларуси со стороны российских властей значительно ослабло из-за предательства могилевского архиепископа Варлаама. С этого времени делами православной церкви на белорусских землях было поручено заниматься русским православным иерархам, в верности которых император не сомневался.

Ключевые слова: война 1812 г., православная церковь, ущерб, межконфессиональные отношения.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 111–117)

Consequences of the 1812 War for the Orthodox Church in Belarus

Tsynkevich A.A.

Belarusian State University, Minsk

The article centers round the complex of the 1812 War consequences for the Orthodox Church in Belarus on the basis of a wide range of both archive and published materials.

As a result of the research the author comes to the conclusion that during the battle operations of 1812 Orthodox cult buildings on the territory of Belarus suffered considerably less than inner Russian provinces. 12% of the total number of churches suffered in Minsk diocese, only 3% in Mogilev. The enemy forces requisited primarily food deposits and cattle. This situation is explained by the author by the fact that on the territory of Belarus, contrary to Russia, bigger part of province authorities, clergymen as well as population took the side of Napoleon.

The author points out that after the 1812 War interconfessional relations between Catholics and Orthodox followers became complicated. The relations with the Uniate Church became complicated due to the seizure of orthodox churches during battle operations. Trust to local Orthodox clergy in Belarus on the part of Russian authorities considerably decreased because of the betrayal of Varlaam, Archbishop of Mogilev. Since then Russian Orthodox hierarchs were entrusted to deal with the activity of the Orthodox Church in Belarusian lands because the Emperor was sure of their loyalty.

Key words: the 1812 War, Orthodox Church, damage, interconfessional relations.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 111–117)

Адрес для корреспонденции: e-mail: alessia_192219@mail.ru – А.А. Цинкевич

Война 1812 г. стала очередным испытанием для белорусского народа. В результате военных действий пострадали многие города, был нанесен ущерб промышленности и сельскому хозяйству. Понесла потери и белорусская православная церковь. Последствия для нее военной кампании 1812 г. до настоящего времени остаются малоизученными. Среди известных нам исследований отметим работу дореволюционного церковного историка А.Г. Рункевича, одним из первых описавшего послевоенное состояние культовых сооружений на территории Минской епархии [15], труд Г.А. Бориславского, затронувшего вопрос об использовании монастырей в Вильно [4], исследование А.П. Сапунова, содержащее сведения о причиненном ущербе церквям в Витебске [16]. Из работ современных авторов отметим труды Ю.И. Литвиновской и А.Е. Тараса, в которых имеются сюжеты о состоянии церквей на территории Минской епархии во время боевых действий 1812 г. [6; 18]. Цель статьи – комплексный анализ последствий войны 1812 г. для православной церкви в Беларуси.

Материал и методы. Статья основана на относящихся к войне 1812 г. документах Минской православной духовной консистории Синода, хранящихся в НИАБ г. Минска, а также опубликованных материалах архивов Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторств. Методологическим фундаментом статьи являются принцип объективности, историзма, системности и ценностный подход, а также общелогические методы. Из специально-исторических методов использованы историко-генетический в сочетании с историко-сравнительным.

Результаты и их обсуждение. Характерной особенностью Беларуси в начале XIX в. была конфессиональная разнородность населения. Около 70% верующих составляли униаты, 16% – католики и 6% – православные. На начало войны 1812 г. католичество в организационном отношении было представлено на территории Беларуси Могилевской архидиоцезией, Виленской и Минской диоцезиями [17, с. 90–91]. Православные хра-

мы белорусских губерний входили в состав двух епархий: Минской и Могилевской. К Минской епархии были причислены приходы Виленской, Минской и Гродненской губерний, к Могилевской – Витебской и Могилевской. Во главе Минской епархии стоял архиепископ Серафим Глаголевский, Могилевской – архиепископ Варлаам Шишацкий [8, с. 56].

Политика Александра I накануне войны 1812 г. была достаточно лояльной по отношению ко всем конфессиям и религиозным течениям. Прекратились гонения на старообрядцев и представителей других сект, если в их учениях и действиях власть не замечала неповиновения. Католичество на белорусских землях после разделов Речи Посполитой стало по своему официальному статусу второй после православия религией в государстве. Костел являлся крупным землевладельцем и пользовался большим авторитетом среди местного населения. Католики, а наряду с ними и униаты, подчинявшиеся им в организационном отношении, поддерживали оккупационные власти. Наполеон видел в костеле одного из основных союзников, прежде всего, для достижения целей идеологического оправдания своей завоевательной политики. В свою очередь, католическая иерархия белорусских земель связывала с результатами наполеоновских войн планы возрождения государственности в той или иной форме, восстановления своих доминирующих позиций по отношению к православию, а поэтому поддерживала французскую армию различными способами (агитация, проповеди во славу французского императора и его армии и др.). 28 июня 1812 г., на следующий же день после занятия французскими войсками Минска, во всех костелах города прошли торжественные богослужения по поводу успехов наполеоновской армии, подобная ситуация наблюдалась и в Могилеве. Неприятель проявлял всемерную лояльность к представителям католического вероисповедания. Католические храмы использовались по назначению. Верующие беспрепятственно посе-

щали храмы. Униаты во время боевых действий насильно захватывали церкви и обращали православных прихожан в свою религию.

В отношении православия, как составляющей идеологического ядра Российской империи, противник проявлял меньшую бережливость в сравнении с католиками и униатами. Православные церкви и монастыри чаще становились объектами опустошения огромного наполеоновского войска. Вместе с тем, эти разорения имели, скорее естественный, обусловленный реалиями военного времени, нежели целенаправленный характер. Противник реквизирует, в первую очередь, съестные припасы и скот, использовал православные храмы как склады для зерна, скотобойни либо конюшни. На территории Минской епархии было ограблено 36 из 300 церквей. Однако необходимо отметить, что церкви, в своем большинстве, были бедны, особенно приходские. Изначально такие церкви удерживались исключительно на добровольные пожертвования прихожан, и только с конца XVIII в. было разрешено продавать свечи и использовать эти деньги для удовлетворения своих нужд [19, с. 28]. Но эти суммы были мизерными. Поэтому и убытки, понесенные приходскими церквями, были небольшие – от 1 до 25 рублей [15, с. 527].

Согласно списку, направленному из Минской консистории в Святейший синод, в 253 церквях удалось сохранить большинство утвари и все денежные средства. Священнослужители, эвакуируясь во внутренние губернии Российской империи, наиболее ценное церковное имущество увозили с собой либо закапывали в землю [1, с. 133–136].

Во время боевых действий до основания были сожжены семь церквей Минской епархии: Преображенская, Лошницкая Михайловская, Нацкая Троицкая, Бычанская Троицкая, Немоницкая Петропавловская, Рогатская Покровская, Холховицкая Петропавловская, Евейская Успенская [1,

с. 131]. Все эти церкви, за исключением Евейской, находились на территории Борисовского повета Минской губернии, где разворачивались крупные боевые сражения и постоянно находились неприятельские войска. После войны, ввиду нехватки средств на восстановление этих церквей, их прихожане были приписаны к другим приходам, находящимся в близлежащих деревнях. Так, прихожане Лошницкой церкви были приписаны к храму в д. Гавеновичи, Нацкой – к Выдрицкой церкви, Немоницкой – к Кострицкой церкви Борисовского повета [1, с. 131].

Разорению войсками Наполеона подвергся архиерейский дом в Минске, где до войны размещалась резиденция православного архиепископа. Из ведомости убытков, предоставленной в Минскую духовную консисторию Синода архиепископом Серафимом, следует: «Все печи и стены выброшены и сделана конюшня, ненужные стены от стен перерублены, прочие два строения архиерейского дома <...> хотя не перестроены, но много чего в них повреждено – то разбиты окна, попорчены засовы и двери; движимое имущество – рожь, овес, зерно в снопах, овцы и куры отобраны на сумму в 921 руб. 37 коп. серебром» [11, л. 2]. Кроме того, католическим епископом Я. Дедерко, который поселился в архиерейском доме после ухода оттуда противника, были присвоены вещи, принадлежавшие архиепископу Серафиму: кареты, дрожки, ковры, подушки и посуда на сумму в 6418 руб. 61 коп. серебром [9, л. 62–63]. Таким образом, общая сумма ущерба архиерейского дома составила 7344 руб. 98 коп. Ввиду «полного разорения» домово́й архиерейской церкви, богослужение в ней было остановлено [12, л. 63].

Послевоенное судебное разбирательство по факту разграбления архиерейского дома в Минске длилось около полувтора века. Часть присвоенного епископом Дедерко имущества костел возвратил. Последняя сумма в 2870 руб. 90 коп. была взыскана с Дедерко только в 1837 г.

Во время французской оккупации одна из крупнейших церквей Минска – Екатерининская – была превращена неприятелем в лазарет, а все церковное имущество и утварь были реквизированы противником. Поэтому вплоть до 1814 г. богослужение в Минске велось всего в одной церкви – Кладбищенской, так как кафедральный собор и Екатерининская церковь находились на ремонте [15, с. 527].

В Могилевской епархии ситуация несколько отличалась от Минской. Здесь пострадали только храмы в населенных пунктах, которые находились на Большой Смоленской дороге, по которой двигалась французская армия при наступлении и отступлении. Например, в Копысе пострадала церковь во имя сошествия Святого Духа. Неприятель реквизировал всю церковную утварь и богатую ризницу, пожалованную императором Александром I в 1806 г. Остальные храмы остались в целом невредимы. Противник использовал только заборы, оконные и дверные ставни для обогрева.

В 1812 г. архиепископом Могилевской епархии являлся Варлаам Шишацкий. Во время войны по приказу генерал-губернатора Д. Толстого он остался в Могилеве. После образования в городе временного управления губернии под руководством маршала Даву и его помощника польского генерала Покоша архиепископ Варлаам по своей воле принес присягу на верность Наполеону [8, с. 63]. Это был единственный за всю войну случай сотрудничества православного иерарха с неприятелем. Во время войны Варлаам исправно исполнял все приказы нового руководства, а взамен священники епархии получили право проводить службу в церквях и звонить в колокола. За время войны в Могилевской губернии пострадало только 11 храмов из 381 [7, с. 168], в их числе – опустошенный Софийский собор и прилегающие к нему архиерейские здания в Полоцке. Следует заметить, что эти разрушения стали результатом сосредоточения в городе на протяжении значительного времени войск армии Наполеона. В Витебске была повреждена всего

одна церковь – Святого Преображения [16, с. 309].

Воспользовавшись предоставленными оккупационными властями возможностями, католики и униаты стали захватывать православные храмы. Так, например, в Игуменском повете вслед за пришедшими французскими войсками в д. Хотляны прибыли униатские священники и превратили православную церковь в униатскую. Подобный случай наблюдался и в Смиловичах, где церковь Святого Успения также была объявлена униатской [1, с. 143–159]. Во время войны прихожане многих православных приходов добровольно приняли униатство: Рубежевическая церковь Минского повета, Хотлянская – Игуменского, Рогатская – Борисовского [1, с. 152–165]. Наиболее массовые переходы православных в униатство имели место в Бобруйском и Пинском поветах. Активную работу по увеличению численности униатской паствы проводил священник Франтишек Мартинович из Бобруйского повета [6, с. 86]. Поэтому часто случалось так, что при православных церквях оставались лишь священники. Активизировался в это время и католический костел. Так, архиерейский дом Минского православного архиепископа Серафима был занят католическим епископом Якубом Дедерко, который объявил себя руководителем всех православных монахов в городе. Последние должны были присутствовать на всех молебнах, совершаемых по случаю побед армии Наполеона [15, с. 523].

Вторым видом культовых сооружений, пострадавших во время боевых действий, были монастыри, занятые французскими войсками под постой и ставшие источником для реквизиций продовольствия, фуража, лошадей и крупного рогатого скота. В местах, где проходили крупные боевые сражения, монастыри использовались как лазареты для армии Наполеона. Так, в Виленской губернии под госпитали были заняты почти все монастыри [4, с. 23].

Из монастырей в Беларуси наиболее пострадал второклассный Виленский Свято-

духов монастырь. Солдаты наполеоновской армии, которых расквартировывали в зданиях монастыря, за время своего пребывания реквизируют всю церковную утварь, иконы и ризницу, лошадей, принадлежавших монастырю, а также все съестные припасы. Ущерб, причиненный монастырскому хозяйству, был оценен служащими Синода в 8848 руб. 48 коп. серебром [12, л. 18].

Неприятель реквизировал значительное количество имущества Пинского Богоявленского, Сурдещкого Святодухова, Брестского Симеоновского монастырей [12, л. 25–28 об.], разграбил первоклассный Богоявленский, Слуцкий Троицкий, Грозовский Иоанно-Богословский, Дятловицкий Преображенский и Друйский Благовещенский монастыри [12, л. 63 об.–65 об.].

Немалые потери понес монастырь в Слуцке. В качестве свидетельства приведем красноречивые воспоминания архимандрита Маркиана: «В 1812 году, июня 29 <...> все учителя и ученики разбежались от страха. Вступила в город французская армия, и при выходе на третий день в ночь, забрала с собою все съестное в Слуцком Троицком монастыре, как-то: муку, сухую рыбу, грибы и крупы, а также цинкованные тарелки и все блюда, и ножи... 20 июля прибыл в Слуцк со своим войском и поляками вице-круль Зайончик и занял со своими генералами все архиерейские покои в Слуцком Троицком монастыре. Зайончик продолжал разорять монастырь в течение следующих семи недель, доведя до обнищания и сам монастырь, и его крестьян» [15, с. 521]. По прошению архимандрита монастыря, который свидетельствовал в сентябре 1813 г. перед Минской духовной консисторией о том, что «крестьяне по крайней их бедности и убожеству, произошедшими от разорения неприятельского и от скотского падежа, внести подать не смогут», подати были сняты [14, л. 10].

Из монастырей, находившихся на территории Могилевской епархии, было разграблено 3 монастыря: Могилевобратский, Полоцкий Богоявленский, Оршанский. В остальных же противник реквизирует только съестные припасы [7, с. 168].

После войны 1812 г. далеко не все монастыри смогли восстановить свое хозяйство, вследствие чего были превращены в приходские церкви. Такая участь постигла Симеоновский монастырь – в Бресте, Успенский – в Мозырском повете, Троицкий – в Дрогичине, Благовещенский – в Друе [1, с. 130–138].

Во время военных действий в тяжелом положении оказались священники и другие церковнослужители. Войска Наполеона грабили их дома, реквизируют скот и зерно, вынуждали их спасаться бегством во внутренние губернии Российской империи. Списки пострадавших священников Минской епархии включают более 200 человек. Нередко, ввиду запрета литургии в православных храмах, священники собирали прихожан для богослужения в крестьянских домах. По подсчетам автора, проведенным на основании списков, поданных Минской епархией в консисторию Синода, сумма ущерба, нанесенного священнослужителям этой епархии, составила примерно 11 тыс. руб. серебром и 4700 руб. ассигнациями [1, с. 139–148].

В тяжелом состоянии после войны находилась Минская духовная семинария: в ее здании были выбиты окна, повреждены печи, уничтожена библиотека [18, с. 225]. Из показаний в Минскую духовную консисторию Синода вице-ректора И. Лойко следует: «Из семинарии неприятелем забрано посуды оловянной 3 пуда, рясы, одеяла, коров, свиней, различного платья и белья, сожжено 2 сарая и 2 ограды, вырвано 8 дверей, взорваны и сожжены полы в 5 комнатах, уничтожены все посева ржи, пшеницы, ячменя и овса». Ущерб, нанесенный семинарии, вице-ректор оценил в 1900 руб. ассигнациями [10, л. 63].

Особую статью ущерба, нанесенного церкви войной 1812 г., образуют уничтоженные важнейшие документы по церковной истории XVIII–XIX вв.: указы Синода за 1785 г., огромное количество рапортов, предписаний и указов за период с 1719 по 1807 г., которые описывали целое столетие церковной истории на белорусских землях, метрические тетради Пинского Богоявленского монастыря за 1794 г., г. Минска и его повета за 1804 г.,

Минского кафедрального собора за 1808 г., Минской Екатерининской церкви за 1804 г., униатские метрики Дисненского повета за 1801 г., а также приходно-расходные монастырские книги Слуцкого Троицкого монастыря с 1795 по 1800-е гг. [13, л. 46].

По окончании военных действий государством был проведен ряд мер по восстановлению церквей и монастырей. Для этих нужд Комиссия духовных училищ выделила 3,5 млн руб., из которых на исправление церквей и монастырей Минской епархии было направлено 96760 руб. 74 коп., на помощь священникам – 23941 руб. 35 коп. Могилевской епархии было передано 58561 руб. 19 коп. на реставрацию храмов и 29236 руб. 70 коп. для вспомоществования священнослужителям [7, с. 167–168]. Однако этих денег было недостаточно, и поэтому большая часть церквей была восстановлена силами своих прихожан.

Заключение. Таким образом, во время боевых действий 1812 г. православные культовые сооружения на территории Беларуси пострадали, но не катастрофически. В Минской епархии из общего количества пострадало 12%, в Могилевской – только 3% церквей. Для сравнения, только в Смоленской губернии пострадало 252 церкви из 400, в Москве – 227 храмов из 264 [7, с. 223]. Противник реквизировал преимущественно съестные припасы и скот. Данную ситуацию можно объяснить тем, что на территории Беларуси, в отличие от России, значительная часть руководства губерний, духовенства, а также простого населения перешли на сторону Наполеона. В итоге, как метко заметил церковный историк С.Г. Рункевич, «вступая на «дружественную землю», французы вели себя не как неприятель,

а как союзник – ничего не грабили и «никаких следов не было открыто впоследствии, чтобы французы были участниками произведенных в крае разорений»,

его от «польского правительства» [15, с. 522].

После войны 1812 г. осложнились межконфессиональные отношения между католиками и православными, выяснявшими споры военного времени. Отношения с униатской церковью осложнились ввиду захвата православных церквей во время боевых действий. С ноября 1812 г. по личному указу Александра I начинается перевод всех церквей, ставших униатскими во время войны, в православные. Доверие к местному православному клиру в Беларуси со стороны российских властей значительно ослабло из-за предательства могилевского архиепископа Варлаама. С этого времени делами православной церкви на белорусских землях было поручено заниматься рязанскому архиепископу Феофилакту, выходцу из «исконно русских губерний», в верности которого император не сомневался.

Литература

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссией для разбора древних актов. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 года. – Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1912. – Т. 37. – 544 с.
2. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства, относящиеся к войне 1812–1813 гг. // Виленский временник. Кн. 5: Переписка части гражданского управления. – Ч. 2: Вильна. 1912–1913 гг. – 355 с.
3. Бобровский, П.О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I / П.О. Бобровский. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1890. – 394 с.
4. Бориславский, Г.А. События в Вильно в 1812 году // Г.А. Бориславский. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903. – 34 с.
5. Горючко, П.С. Из истории органов управления Могилевской епархией конца XVIII-го и начала XIX-го столетия / П.С. Горючко. – Могилевская губерния: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1903. – 32 с.
6. Литвиновская, Ю.И. Восстановление позиций православной церкви в Беларуси после войны 1812 г. / Ю.И. Литвиновская // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 5. – Мінск: БДУ, 2010. – С. 81–91.
7. Мельникова, Л.В. Русская православная церковь в войне 1812 г. / Л.В. Мельникова. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2002. – 238 с.
8. Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. – Могилев: Типография И.Б. Клаза, 1910. – 382 с.
9. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Минская православная духовная консистория Синода. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 136. Дело о доставлении сведений об утвари в церквях после расхищения неприятелем (от 2 мая 1813 г.). – 54 л.
10. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Минская православная духовная консистория Синода. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 2914. Дело о возмещении убытков, причиненных учителям и ученикам Минской семинарии французскими войсками. – Л. 60–65.
11. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Минская православная духовная консистория Синода. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 2945. Ведомость убытков, причиненных имениям Минского архиерейского дома во время нашествия французских войск. – 3 л.
12. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Минская православная духовная консистория Синода. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 3039. Дело о сборе сведений о состоянии церквей и монастырей епархии после нашествия французских войск и выделении денег на их ремонт, приобретение церковной утвари и строительство трех новых церквей в Борисовском повете. Ведомость о состоянии церквей и монастырей епархии после нашествия французских войск, 1813 г. – 448 л.
13. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Минская православная духовная консистория Синода. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 3062. Дело о назначении коллежского регистратора К. Цинковича архивариусом и приведении им в порядок архива консистории. Список дел, не обнаруженных после нашествия французских войск. – 46 л.
14. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Минская православная духовная консистория Синода. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 3075. Дело об уплате казенных податей за крестьян монастырей Слуцкого Троицкого и Грозовского Иоанно-Богословского Слуцкого повета из монастырских денег. – 114 л.
15. Рункевич, С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). – СПб.: Типография А. Катанского, 1893. – 572 с.
16. Сапунов, А.П. Витебская старина / А.П. Сапунов. – Витебск: Типография губернского правления, 1883. – 668 с.
17. Старжынскі, А. Рымска-каталіцкі касцёл Беларусі ў вайне 1812 г. // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць / пад рэд. У.П. Люкевіч [і інш.]. – Брэст: БрДУ, 2005. – С. 89–93.
18. Тарас, А.Е. 1812 год – трагедия Беларуси / А.Е. Тарас. – Рига: Институт белорусской истории и культуры, 2012. – 246 с.
19. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860-е гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Беларус. наука, 2005. – 190 с.

Поступила в редакцию 27.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 327

Внешняя политика США в отношении КНР в 1949–1969 гг.

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматривается эволюция внешней политики США в отношении КНР в 1949–1969 гг. Особое внимание обращается на основные факторы, влиявшие на внешнеполитический курс Вашингтона в указанный период. На основе изученной литературы проанализированы деятельность политической элиты Соединенных Штатов и конкретные политические шаги администраций США на китайском направлении. Делается вывод, что в 1949–1969 гг. американо-китайские отношения носили конфронтационный характер. Попытки улучшить двусторонние отношения в данный период успеха не имели, так как Вашингтон и Пекин еще не были к этому готовы. Существенные изменения произошли лишь после того, как Соединенные Штаты столкнулись с рядом серьезных проблем в связи с войной во Вьетнаме.

Ключевые слова: США, Китай, Тайвань, американо-китайские отношения, внешняя политика, китайское лобби, Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Дж. Кеннеди, Л. Джонсон, Р. Никсон.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 118–127)

The US foreign policy towards CPR in 1949–1969

Kosov A.P.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article considers evolution of the foreign policy of the USA towards CPR in 1949–1969. Special attention is drawn to the major factors influencing the foreign policy of Washington during the specified period. On the basis of the studied literature activity of political elite of the United States and concrete political steps of the administration USA on the Chinese direction are analyzed. Conclusion is made that in 1949–1969 the US-Chinese relations had confrontational character. Attempts to improve the bilateral relations in that period had no success, as Washington and Beijing weren't ready for it yet. Essential changes occurred only after the US faced a number of serious problems in connection with war in Vietnam.

Key words: the USA, China, Taiwan, the US-Chinese relations, foreign policy, Chinese lobby, H. Truman, D. Eisenhower, J. Kennedy, L. Johnson, R. Nixon.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 118–127)

В последние годы американо-китайские отношения приковывают к себе все большее внимание мирового сообщества. И это неудивительно. Ведь если

США – это держава номер один современного мира, то Китай, по прогнозам многих экспертов, – держава номер один будущего. В связи с этим определенным интерес

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

представляет исследование истории их взаимоотношений на различных этапах мировой истории. Во многом именно по этой причине данная проблематика получила широкое освещение в мировой историографии. В частности, американская историография представлена исследованиями А.Д. Барнетта, Д. Борг, С. Бэчрэка, У. Бюлера, Дж. Грассо, Р.Ф. Даллеса, Дж. Дэвиса, Р. Гэрсона, В. Кауфмана, У. Кинтнера, Р. Коэна, У. Коэна, Дж. Купера, Д. Майерса, М. Макмиллан, Э. Мартина, С. Мошера, Э. Мэя, Дж. Пэка, М. Риана, Р. Росса, К. Рэнкина, У. Стюэка, Н.Б. Такер, Р. Фут, Дж. Фэйрбэнк, Дж. Чанг, М. Шэллера и др. Работы приведенных выше авторов содержат разносторонние оценки различных аспектов китайской политики Вашингтона во второй половине XX в.

В советской историографии – это многочисленные исследования Г.И. Арсеньевой, Г.В. Астафьева, В.Н. Барышников, Б.И. Бухарова, В.Б. Воронцова, А.М. Дедовского, Б.Н. Занегина, М.С. Капицы, Д.Т. Капустина, В.П. Лукина, С. Павляка, С. Сергейчука, С.Л. Тихвинского и др. Как правило, оценки внешней политики США в отношении Китая советскими авторами давались сугубо негативные, исключительно в чернотонах.

В современной российской историографии можно выделить труды Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, Ю.М. Галеновича, А.Д. Воскресенского, Г.В. Зиновьева, Б.Т. Кулика, А.М. Ледовского, А.И. Уткина, И.А. Цветкова, С.Ю. Шенина и др. Сегодня в российской литературе даются более разнообразные оценки китайской политики Соединенных Штатов, что свидетельствует о большей объективности авторов, нежели в советское время.

В белорусской историографии работы по данной проблематике отсутствуют. Поэтому представляется весьма актуальным восполнить данный пробел.

Цель статьи – изучение внешней политики США в отношении КНР в 1949–1969

гг. Для ее достижения предполагается решить следующие задачи:

- рассмотреть эволюцию китайской политики Вашингтона в указанный период;

- обратить внимание на основные факторы, влиявшие на внешнеполитический курс США;

- проанализировать деятельность политической элиты Соединенных Штатов на китайском направлении;

- выявить и охарактеризовать конкретные политические шаги США, свидетельствующие об изменениях в характере американо-китайских отношений на данном этапе.

Материал и методы. Для написания статьи использовались работы советских, российских и американских авторов. Был изучен большой фактический материал, содержащийся в использованных источниках, а также проанализированы различные авторские концепции и подходы к данной проблеме, представленные в мировой историографии. При рассмотрении эволюции американской политики в отношении КНР автор руководствовался принципом историзма и научной объективности. Как известно, принцип историзма предусматривает рассмотрение всех процессов и явлений, как в развитии, так и во взаимной и временной связи и обеспечивает комплексный подход к исследуемой проблеме. В свою очередь принцип научной объективности требует учета всей совокупности исторических фактов, а также разностороннего анализа собранного материала. Автором использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение) и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный метод и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность политики США в отношении Китая в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. После провозглашения КНР перед Вашингтоном стоял выбор дальнейших действий

на китайском направлении: либо попытаться сокрушить коммунизм в Китае, либо признать новые реалии и выстраивать свою политику в соответствии с этим. Вначале администрация Трумэна решила проявить неспешность в китайском вопросе. Приход коммунистов к власти в Пекине не был сразу воспринят в Соединенных Штатах как их поражение. Весь конец 1949 г. в политических кругах США шли дискуссии по поводу дипломатического признания КНР. В октябре 1949 г. госсекретарь Д. Ачесон даже заявил, что Соединенные Штаты могут признать коммунистический Китай на условиях сохранения американских позиций в стране. Следует отметить, что среди части истеблишмента (конгрессмены В. Морс, К. Пеппер, а также А. Стронг, А. Сметли) существовало мнение о необходимости пожертвовать Тайванем для улучшения отношений с материковым Китаем, вопреки позиции генерала Д. Маккартура, отмечавшего важность острова в качестве потенциальной базы для ВВС США и противолодочной обороны [1, с. 153].

Наряду с желанием политических кругов Соединенных Штатов не спешить в азиатских делах, выжидательной политике Вашингтона также содействовало и наступление ультраправых сил во внутривнутриполитической жизни страны. События в Китае во многом стали поводом для агрессивной кампании сенатора Дж. Маккарти, компрометирующей администрацию Трумэна. В ней активное участие приняло и китайское лобби (С. Бриджесс, У. Джадд, У. Ноуленд, адмирал С. Сойерс, Дж.Ф. Кеннеди, Дж.Ф. Даллес), состоящее из представителей обеих партий. Известно, что Чан Кайши активно нанимал агентов среди американской элиты для лоббирования своих интересов, тратил большие денежные суммы на подкуп членов конгресса, чтобы иметь рычаги воздействия на китайскую политику Вашингтона [2, с. 753]. И это имело свои плоды. Например, сенатор-демократ Дж.Ф. Кеннеди после провозглашения КНР выступал за решительные действия администрации, дабы не допустить коммунизации всей Азии.

Представители китайского лобби были горячо уверены в том, что американское руководство в конце 1940-х гг. сдало Китай коммунистам. По их мнению, политика США в регионе являлась непродуманной и даже предательской [3, с. 15].

Ситуация в китайской политике Соединенных Штатов несколько прояснилась после заключения 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. В результате Вашингтон отозвал из Китая своих дипломатов [2, с. 558–559]. По мнению американцев, данный договор серьезно подрывал позиции Соединенных Штатов в Восточной Азии. Американцы усмотрели в этом угрозу своим национальным интересам, что и побудило их активизировать политику в регионе. Поэтому Вашингтон сделал окончательный выбор в пользу поддержки Китайской республики на Тайване. Сформулированная в 1947 г. для Европы доктрина «сдерживания» теперь распространялась и на Азию, поскольку коммунистический Китай воспринимался как часть социалистического блока и один из основных противников Вашингтона и главный союзник СССР в регионе. Как результат, отношения между США и КНР вошли в состояние враждебной конфронтации. В итоге с начала 1950-х гг. Соединенные Штаты стали проводить политику двух Китаев.

С началом 25 июня 1950 г. Корейской войны американско-китайские отношения оказались в состоянии еще большей напряженности. В США в связи с войной значительно усилились позиции сторонников создания «санитарного кордона» вокруг КНР, что предопределило в дальнейшем острую военно-политическую конфронтацию сторон [4, с. 310]. Администрация Трумэна постаралась предотвратить захват Тайваня коммунистами. С этой целью 27 июня 1950 г. в Тайваньский пролив был направлен седьмой флот США [2, с. 559]. Правда, четкой позиции, свидетельствующей о безоговорочной поддержке Чан Кайши, высказана

но все же не было. Тем не менее, после вступления в Корейскую войну китайских войск правительство Соединенных Штатов прервало практически все контакты с КНР, в отношении коммунистического режима в Пекине были наложены санкции, а американским гражданам запрещалось посещать континентальный Китай [4, с. 311].

Кроме того, среди американской элиты было немало сторонников нападения на Китай. Когда американские войска в ноябре–декабре 1950 г. потерпели поражение от пришедших на помощь северокорейцам китайских войск, в США произошел взрыв негодования. Командующий силами ООН в Корее генерал Д. Макартур предложил перенести боевые действия на территорию КНР. Более того, он считал возможным использовать войска Чан Кайши для ведения военных действий на юге Китая, а также в Корее. Однако многие в Вашингтоне опасались расширения театра боевых действий. В военно-политических кругах США развернулась острая дискуссия. В итоге такой вариант развития событий был отвергнут президентом Г. Трумэном, несмотря на недовольствие правых. Известно, что в ходе Корейской войны позиция Д. Макарута постепенно все более расходилась с позицией вашингтонского правительства. Главнокомандующий выступал за радикальную эскалацию военных усилий, а в администрации Трумэна опасались, что это приведет к отвлечению ресурсов от европейского театра, а также вовлечению США в войну с «запасной командой» и развязыванию рук основным силам «мирового коммунизма» [5, с. 141–142]. Другими словами, президент Г. Трумэн в отличие от генерала был не готов пойти на риск глобальной войны. В результате противостояния активно отстаивающий свою точку зрения Д. Макартур 11 апреля 1951 г. был смещен со своего поста. Тем не менее, Соединенные Штаты продолжали занимать в отношении КНР достаточно жесткую позицию. Американский Конгресс наложил эмбарго на любую торговлю с Китаем [2, с. 559]. Более того,

госдепартамент США дал понять Пекину, что Вашингтон может признать Республику Китай на Тайване и будет оказывать ей помощь. Таким образом, Корейская война положила начало периоду жесткого антагонизма между Соединенными Штатами и КНР.

Дальнейшая эволюция китайской политики США была связана с деятельностью республиканских администраций в Белом доме, после президентских выборов 1952 и 1956 гг. Как известно, в свое время республиканцы критиковали доктрину «сдерживания» Трумэна и утверждали, что именно из-за «мягкотелости» демократов произошла «потеря Китая». Они предлагали активизировать политику на китайском направлении, осуществлять не только «сдерживание» коммунизма, но и «освобождение» народов, попавших под его влияние. Поэтому после прихода в Белый дом администрация Д. Эйзенхауэра пошла на дальнейшее ужесточение политики США в отношении КНР. Госсекретарем Дж.Ф. Даллесом была разработана в отношении КНР политика «враждебного сдерживания» [6, с. 298]. В рамках данной стратегии Вашингтон усилил тактику давления и изоляции Пекина на международной арене. 2 февраля 1953 г. Д. Эйзенхауэр в послании Конгрессу заявил об окончании «защиты материкового Китая» от возможных акций гоминьдановских войск. Тем самым новый президент публично отмежевался от политики своего предшественника. Таким образом, Пекину как бы давалось понять, что США «спускают Чан Кайши с поводка». Следует отметить, что подобное изменение американского курса внешне полностью соответствовало замыслам гоминьдановцев [7]. Новая администрация во многом оправдала надежды Чан Кайши, став оказывать материально-техническую и экономическую поддержку Тайваню. Во многом это была заслуга китайского лобби в Вашингтоне. Таким образом в годы первого срока президентства Д. Эйзенхауэра США периодически демонстрировали готовность признать Тайбэй явным союзником, в отличие от

времен администрации Трумэна, когда Чан Кайши приходилось довольствоваться «неофициальными» отношениями с Америкой. 6 ноября 1953 г. Д. Эйзенхауэр подписал документ СНБ 146/2, согласно которому Тайвань официально включался в «оборонительный периметр» Соединенных Штатов, а также сохранилось утверждение о необходимости защиты Тайваня от захвата враждебными США силами любой ценой [7]. В подтверждение данного курса в конце 1954 г. Вашингтон и Тайбэй подписали Договор о взаимной обороне, что не в последнюю очередь стало результатом осложнения ситуации в регионе, когда в сентябре 1954 г. артиллерия КНР обстреливала Цзиньмэньдао [6, с. 560]. При этом администрация Эйзенхауэра приложила все усилия к тому, чтобы предотвратить вторжение гоминьдановцев на материк, которое могло бы спровоцировать ненужную войну между США и КНР. Другими словами, действия Чан Кайши были четко регламентированы американцами, дабы ограничить его агрессивность и авантюризм. Тем не менее, к началу 1955 г. вопрос о международном статусе Тайваня оставался не ясным. Для Вашингтона не существовало однозначно выгодного варианта решения этой проблемы. С одной стороны, провозглашение Тайваня независимым государством избавило бы США от необходимости сдерживать Тайбэй от непродуманных шагов в направлении «возвращения на материк», с другой – это лишило бы Соединенные Штаты важного рычага давления на Пекин [7].

Таким образом, в 1954–1955 гг. Вашингтон впервые был вынужден вмешаться в ход военного противостояния между КНР и Тайванем. Как отмечал российский исследователь И.А. Цветков: «Кризис показал, что при конфронтационном развитии событий первостепенное значение приобретает проблема «прибрежных островов», и что возможность манипулирования поведением Чан Кайши из Вашингтона имеет свои пределы» [7]. Более того, американская администрация увидела, что тайваньский

вопрос таит для нее серьезные опасности, а непредсказуемая политика Чан Кайши чревата втягиванием Соединенных Штатов в полномасштабную войну с коммунистическим Китаем. Поэтому, едва не оказавшись в состоянии войны, США и КНР были вынуждены искать пути для выхода из сложившейся ситуации, что также стало одним из важных итогов кризиса 1954–1955 гг.

С 1 августа 1955 г. США и КНР приступили в Женеве к ведению переговоров на уровне послов по выработке дальнейших путей сосуществования. Президент Д. Эйзенхауэр одобрил идею американо-китайских встреч [4, с. 314]. 10 сентября 1955 г. переговоры о взаимной репатриации гражданских лиц завершились заключением соответствующего соглашения, которое, правда, стало единственным, достигнутым на переговорах, продолжавшихся до начала 1970-х гг. [4, с. 315].

В первую очередь, данные дипломатические контакты были направлены на поиск взаимопонимания сторон по проблеме Тайваня [8, с. 10–11]. В ходе переговоров Соединенные Штаты настаивали на официальном отказе КНР от применения силы в отношении Тайваня, однако Пекин не соглашался и выдвигал встречные требования о прекращении «империалистического вмешательства» Америки [9, с. 42]. Осторожные попытки республиканской администрации «подправить «китайскую политику в духе концепции «двух Китаев» встретили решительное сопротивление не только правительства КНР, но и со стороны Чан Кайши и представителей «китайского лобби» в конгрессе США» [4, с. 315]. По этой причине Вашингтон почитал утверждение и оформление статус-кво в Тайваньском проливе преждевременным, поэтому американские представители на данных переговорах уклонялись от обсуждения конкретных проблем и 12 декабря 1957 г. состоялась последняя американо-китайская встреча в Женеве [4, с. 315].

К середине 1950-х гг. в США наибольшего влияния достигло «китайское

лобби». Именно в это время был создан и набрал силу так называемый «Комитет одного миллиона против допуска коммунистического Китая в ООН», поддерживавший режим Чан Кайши. Свое название он получил из-за главной инициативы его организаторов – собрать миллион подписей под соответствующей петицией. Основу «Комитета» составили конгрессмены У. Джадд, Б. Голдуотер, У. Ноулэнд,

С. Бриджес, владелец журналов «Тайм» и «Лайф» Г. Люс, генерал А. Ведемейер и др. Первый офис новой организации был открыт в октябре 1953 г., и ее деятельность, конечно же, не ограничивалась сбором подписей. Лоббирование интересов Тайбэя осуществлялось на самом высоком политическом уровне – в конгрессе и Белом доме [10, с. 60–61].

В целом, можно отметить, что в период с 1949 по 1957 г. Вашингтон в отношении Пекина проводил политику, которая являлась составной частью таких политических и военно-стратегических концепций, как «доктрина сдерживания» и «доктрина освобождения», поскольку КНР рассматривалась американскими политическими и военными кругами в качестве неотъемлемой части мировой социалистической системы. Однако при всей их агрессивной антикитайской риторике в 1950-е гг. многие в Соединенных Штатах отдавали себе отчет в том, что коммунистический Китай был занят своими внутренними проблемами и не мог реально угрожать интересам США в Азии.

Вместе с тем отсутствие дипломатических связей и торговое эмбарго в отношении КНР наносили серьезный вред американским интересам в восточноазиатском регионе. Результатом этого стала активизация деятельности сторонников нормализации отношений с КНР в американском конгрессе. Так, в 1957 г. признать коммунистический режим предложили сенаторы У. Фулбрайт и Т. Грин [11, с. 130]. К сторонникам признания пекинского правительства также относились такие известные представители американской элиты, как Э. Сноу, Д.

Барнетт, Г. Моргентау, Дж. Фэйрбэнк и др. Известный журналист Э. Сноу даже совершил в 1960 и 1965 годах по приглашению китайского руководства два визита в коммунистический Китай. В этот период двусторонних отношений это были единичные случаи поездок американцев в Пекин [2, с. 430–431].

15 сентября 1958 г. в Варшаве возобновились американо-китайские встречи, прерванные в конце 1957 г. Во многом этому способствовало очередное напряжение ситуации в Тайваньском проливе. Как известно, 23 августа 1958 г. китайцы обстреляли гарнизоны чанкайшистов на островах Большой и Малый Цзиньмэн-дао, Таньдао и др. В условиях нарастания напряженности, что могло привести к большой войне, стороны и решили возобновить прерванные переговоры. При этом с 1959 г. инициатива на варшавских переговорах целиком и полностью перешла к американцам. С этого момента представители США пытались использовать встречи в Варшаве для обсуждения предлагавшихся ими мер по улучшению американо-китайских отношений, рассчитывая, что, в условиях проявившихся к этому времени советско-китайских противоречий, пекинское руководство будет более уступчивым [4, с. 315].

Определенную роль в дальнейшей эволюции китайской политики Вашингтона сыграл и фактор очередных президентских выборов. Следует отметить, что в 1960 г. вопрос о политике в отношении Китая был на видном месте в избирательной кампании по выборам президента. В частности, в предвыборных заявлениях Дж. Кеннеди – кандидата от Демократической партии – объявлялось о существенных изменениях в китайской политике Соединенных Штатов в случае его избрания на пост президента. В первую очередь, имелось в виду, что Белый дом будет проводить более взвешенную политику в этом районе, в частности, откажется оборонять прибрежные острова Куэмой и Мацзу, находившиеся в руках чанкайшистов [8, с. 12]. Кандидат от Республиканской партии Р. Никсон во

многим отстаивал позицию «китайского лобби». Он заявлял, что «прибрежные острова» входят в зону жизненно важных интересов Китайской республики, а следовательно, и Соединенных Штатов [9, с. 47]. При этом оба претендента на президентский пост отклоняли любую форму признания КНР.

После победы Дж. Кеннеди эти принципы легли в основу американской политики в отношении Китая. Дело в том, что в команде Кеннеди была группа влиятельных лиц, заинтересованных в улучшении американо-китайских отношений в условиях ухудшения отношений Пекина и Москвы для укрепления американских позиций в мире [4, с. 317]. В 1962 г. Вашингтон не поддержал замысел Чан Кайши попытаться высадиться на материк [7]. Тем не менее, администрации Кеннеди, находившейся под сильным давлением приверженцев политики «сдерживания» КНР путем изоляции, было трудно выполнить свои предвыборные обещания [8, с. 14]. Более того, приход в Белый дом в ноябре 1963 г. Л. Джонсона не позволил реализовать задуманное администрацией Кеннеди, поскольку новый президент и его советники придерживались иных установок и приоритетов во внешней политике США. В состав новой администрации входили сторонники жесткого курса в отношении КНР. Одним из них был госсекретарь Д. Раск, который блокировал инициативы по улучшению американо-китайских отношений [4, с. 318].

В это время при формировании китайской политики официальный Вашингтон отдавал предпочтение прежним внешнеполитическим установкам, в основе которых лежало представление о КНР как о неотъемлемой части социалистического содружества [8, с. 22].

Следует отметить, что с середины 1960-х гг. в военно-политических кругах США стали по-новому оценивать роль и место КНР в Азии и мире. Важным фактором стало то, что в 1964 г. Китай испытал свою первую атомную бомбу, что привело к возрастанию его роли в системе приоритетов внешней политики Со-

единенных Штатов. При этом во второй половине 1960-х гг. многие в Вашингтоне рассматривали КНР как потенциально опасного врага, как «новый центр революционного коммунизма и источник губительной заразы». Более того, начавшаяся война во Вьетнаме имела среди основных провозглашенных Белом домом мотивов и лозунг «сдерживания Китая» [4, с. 318]. Поэтому политика «сдерживания» КНР продолжалась, несмотря на отдельные призывы китайского руководства к мирному сосуществованию [2, с. 560–561]. Однако во многом призывы Пекина носили чисто декларативный характер и являлись своеобразным идеологическим инструментом во внешней политике Китая. В реальности все оставалось по-прежнему. Дело в том, что тенденция к ослаблению напряженности в американо-китайских отношениях не смогла возобладать, поскольку обе стороны еще не были готовы к серьезным изменениям своей позиции в отношении друг друга [8, с. 13].

Правда, в политико-академических кругах США все чаще раздавались голоса в пользу пересмотра китайской политики Вашингтона в сторону ее улучшения. С середины 1960-х гг. все больше внимания перспективам улучшения американо-китайских отношений стали уделять и в американском конгрессе. Так, в течение 1966 г. комитет по международным отношениям сената под руководством сенатора-демократа Дж.У. Фулбрайта провел слушания по вопросу о политике США в отношении «коммунистического Китая», где была высказана мысль об изменении политики в отношении КНР. В частности, либеральные круги политической элиты страны выступили за принцип «сдерживания без изоляции» [4, с. 319]. Позиции же сторонников Чан Кайши в США во второй половине 1960-х гг. значительно ослабли. Многие активисты «китайского лобби» на протяжении 1960-х гг. сошли с политической арены. В итоге, к 1968 г. в обеих палатах американского конгресса сторонники «Комитета одного миллиона против допуска коммунистического Ки-

тая в ООН» оказались в меньшинстве [7].

В результате во внешней политике Вашингтона произошли некоторые изменения, свидетельствующие о возможности развития контактов с коммунистическим правительством. Позиция Белого дома по вопросам двусторонних связей с КНР в середине 1960-х гг. отличалась от позиции, занимаемой в 1950-е гг. Теперь Вашингтон в официальных заявлениях и на переговорах в Варшаве пытался убедить Пекин в необходимости наладить обмен корреспондентами, более того, выражал даже готовность в одностороннем порядке принять корреспондентов и научных работников из КНР [8, с. 32]. Американская печать, анализируя в конце 1966 г. факторы, которые повлияли на выработку китайской политики Соединенных Штатов, в качестве основных выделяла антисоветизм маоистов, а также экономические и политические затруднения в КНР [8, с. 26]. В ноябре 1968 г. США прекратили патрулирование Тайваньского пролива и выразили заинтересованность в переговорах с китайской стороной [12, с. 187].

В свою очередь пекинское руководство, публично осудив поворот Вашингтона в сторону политики «сдерживания без изоляции», стало надеяться на возможность восстановления контактов между КНР и США [8, с. 30]. Тем не менее, американские инициативы второй половины 1960-х гг. в Пекине воспринимались прохладно. Другими словами, КНР не спешила делать шаги навстречу американцам, будучи неуверенной в их подлинной искренности.

Существенные изменения в американо-китайских отношениях произошли лишь после прихода в Белый дом Р. Никсона. Однако случилось это не сразу. Хотя, следует отметить, что о необходимости изменения американского подхода к Китаю Р. Никсон заявлял еще во время своей предвыборной кампании. 9 августа 1968 г. в одном из своих интервью

он выразил мысль о том, что Соединенным Штатам необходимо искать возможности договориться с КНР [12, с. 164]. Еще раньше его соображения по этому поводу были изложены в статье «Азия после Вьетнама» в авторитетном американском журнале «Форин афферс». Известно, что еще до своей инаугурации, в январе 1969 г., Р. Никсон выступил с инициативой возобновить прерванные в 1963 г. варшавские переговоры послов США и КНР, и хотя по ряду причин тогда этого сделать не удалось, всем было ясно, что новый президент собирается внести в политику Соединенных Штатов серьезные коррективы [7]. А во время инаугурационной речи президент, касаясь Китая, заявил, что ни один народ в мире не должен жить в условиях «озлобленной изоляции» [2, с. 563]. Однако пришедшая к власти новая администрация не могла сразу же пойти на серьезные уступки Пекину, особенно по тайваньской проблеме и по вопросу о представительстве КНР в ООН. Поэтому после того как надежды китайской стороны на резкое изменение позиции Вашингтона в связи с победой Р. Никсона на президентских выборах не оправдались, Пекин вновь активизировал антиамериканскую пропаганду, обрушившись с резкими нападка на американского президента [8, с. 34]. Очевидно, что сторонам требовалось время и на разрушение демонизированных идеологических образов друг друга, и на разработку продуманной политики в регионе. Лишь в конце 1969 г. стало очевидным, что КНР и США готовы к улучшению двусторонних отношений [12, с. 189].

Заключение. Таким образом, в 1949–1969 гг. американо-китайские отношения характеризовались конфронтационностью. После образования КНР американские политические круги по ряду причин оказались не готовы к сотрудничеству с коммунистическим режимом в Китае. Тем не менее в китайской политике Вашингтона этого периода наблюдались определенные изменения. Во

многим это было связано с действием основных факторов, влиявших на формирование внешней политики США. В первую очередь следует назвать политическое соперничество демократов и республиканцев. При этом заметную роль играло «китайское лобби», представленное довольно влиятельными людьми и отстаивавшее интересы Чан Кайши, что в значительной степени сковывало действия администраций Трумэна, Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона на китайском направлении. Поэтому длительное время американская дипломатия ограничивалась половинчатыми мерами, направленными на улучшение отношений с Пекином. Дело в том, что в рассматриваемый период Вашингтон все еще надеялся продиктовать КНР свои условия, на которых строились бы взаимоотношения двух стран, но это было нереально в условиях «холодной войны». И лишь изменение международных реалий в конце 1960-х гг. в связи с проблемами США во Вьетнаме и советско-китайским конфликтом заставило администрацию Никсона по-новому подойти к проблеме отношений с коммунистическим Китаем. В итоге, в истории американо-китайских отношений наступил новый этап.

Литература

1. McGlothlen, R. Controlling the Waves. Dean Acheson and US Foreign Policy in Asia / R. McGlothlen. – N.Y.: W.W. Norton & Company, 1993. – 320 p.
2. Дэвис, Д.Э. Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке / Д.Д. Дэвис, Ю.П. Трани. – М.: Вагриус, 2009. – 912 с.
3. Koen, R.Y. The China Lobby in American Politics / R.Y. Koen. – N.Y.: Harper&Row Publishers, 1974. – 279 p.
4. Занегин, Б.Н. Политика в отношении Китая / Б.Н. Занегин // Современная внешняя политика США: в 2 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – С. 302–340.
5. Schaller, M. The United States and China in the Twentieth Century / M. Schaller. – N.Y.: Oxford University Press, 1979. – VII+199 p.
6. Fairbank, J.K. The United States and China / J.K. Fairbank. – Cambridge: Harvard University Press, 1983. – 632 p.
7. Цветков, И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг.: дис. на соиск. уч. степени ... канд. ист. наук по спец. 07.00.15 – Ист. междунар. отн. и внешн. пол. / И.А. Цветков; Санкт-Петербургск. гос. ун-т. – СПб., 2000 // История США [Электронный ресурс]. – 2003–2012. – Режим доступа: <http://www.ushistory.ru/dissertatsii/181-glava-2-evoljutsija-politiki-ssha-v-otnoshenii-tajvanskoj-problemy-v-gody-holodnoj-vojny.html>. – Дата доступа: 3.10.2012.
8. Воронцов, В.Б. Китай и США: 60–70-е годы / В.Б. Воронцов. – М.: Наука, 1979. – 172 с.
9. Tucker, N.B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: uncertain friendships / N.B. Tucker. – N.Y.: Maxwell Macmillan International, 1994. – 337 p.
10. Bachrack, S.D. The committee of one million: «China lobby» politics, 1953–1971 / S.D. Bachrack. – N.Y.: Columbia university press, 1976. – XI+376 p.
11. Chang, J.J.L. United States – China normalization: An evaluation of foreign policy decision making / J.J.L. Chang. – Denver, Colorado: University of Denver, 1986. – 246 p.
12. Kissinger, H. White House Years / H. Kissinger. – Boston: Little, Brown and Company, 1979. – 1751 p.

Поступила в редакцию 16.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 1(091):930.2

Проблема начала русской философии: методология и источники

Романов О.А.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купаль», Гродно*

В статье рассмотрен круг проблем, касающихся начала русской философии. Рассмотрены теории ее генезиса. Обоснован тезис о возникновении русской философии в XI столетии, показаны факторы ее становления и развития. Выделены специфические черты русской философии, детерминированные этноконфессиональной и цивилизационной спецификой восточнославянского социума. Проведен источниковедческий анализ проблемы начала русской философии, выделен корпус текстов, имеющих философское содержание. Показана связь русской философии периода Киевской Руси с общественно-политическими и духовными процессами того времени. Сделан вывод о том, что на начальном этапе развития сложились основные философемы, которые станут сквозными темами всей русской философии.

Ключевые слова: русская философия, национальная философия, православие, восточнославянские народы, мудрость, София, книжная культура, славянское язычество, историософия, всемирная история.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 129–139)

The issue of the beginning of Russian philosophy: methodology and sources

Ramanau A.A.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

This article describes the range of problems related to the beginning of Russian philosophy. We consider the theory of its genesis. The thesis of the emergence of Russian philosophy in the XI century is substantiated, factors of its formation and development. Specific features of Russian philosophy, determined by ethnic and religious and civilizational specifics of Eastern Slavic society are highlighted. A source study analysis of the issue of early Russian philosophy is presented, a body of texts with philosophical content is specified. The relationship of Russian philosophy of the period of Kievan Rus to the socio-political and spiritual processes of the time is illustrated. It is concluded that at the initial stage of the development the main philosophemes were formed, which will be cross-cutting themes throughout the whole Russian philosophy.

Key words: Russian philosophy, national philosophy, Orthodox, Eastern Slavic peoples, wisdom, Sophia, book culture, Slavic Paganism, historical philosophy, world history.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 129–139)

В историко-философских исследованиях сложились две конкурирующие теории генезиса русской философии, причины и условия становления самостоятельной философии.

Адрес для корреспонденции: e-mail: oromanov@inbox.ru – О.А. Романов

ной мысли восточных славян. Одна из них датирует начало русской философии XI столетием, увязывая ее начало с установлением прочных культурных контактов с Византией, т.е. с христианизацией Руси. Важнейшим результатом приобщения восточных славян к христианству стало преодоление ими ограниченного родового сознания, присущего язычеству. Как пишет известный историк русской философии М.Н. Громов, «вчерашний язычник, ...ныне – неофит – призывается к личной моральной ответственности, его жизнь подключается к мировому универсуму, судьба родного этноса становится частью общечеловеческой истории» [1, с. 11]. Постепенно на основе синтеза автохтонного культурного наследия и воспринятых византийских образцов выработался местный тип православной культуры и соответствующей ей философской мысли.

Вторая концепция решительно отказывается признать наличие в составе русской культуры собственной философии вплоть до XVIII века, когда началась институционализация философского знания и появились тексты, в той или иной степени находящиеся в парадигме западноевропейского мышления. Наиболее радикально эту позицию выразил Г.Г. Шпет, выделяя во всей истории русской философии лишь ученические этапы: «невегласие», «около школы», «по прописям», «по линейкам», «первые испытания», «первые ученики», причем названия этих этапов в своей книге изобразил с помощью старославянского шрифта. Он писал, что «философское сознание как общественное сознание, философская культура, сама чистая философия как чистое знание и свободное искусство в России – дело будущего» [2, с. 33]. Существуют и более умеренные оценки русской мысли допетровской эпохи, но все они сводятся либо к признанию вторичности русской мысли по отношению к европейской, либо к признанию наличия отдельных элементов философского мышления, но не целостного философского процесса в пространстве восточнославянской культуры [3].

Данная позиция представляется нам совершенно контрпродуктивной по той причине, что в ее рамках недвусмысленно задается эталон философствования, отождествляемый с философией Запада. Это принципиально неверно, так как философия наряду с действительно имеющимися чертами всеобщности имеет и специфические признаки, обусловленные этническими и цивилизационными факторами. Культурно-цивилизационная детерминация является имманентной философскому процессу, так как перед философией стоит важнейшая задача осмысления места нации в историческом процессе, теоретического обоснования идеалов и целей развития народа, рационального выражения его самосознания. Перефразируя Гегеля, писавшего, что «философия есть эпоха, схваченная в мысли», можем утверждать, что философия – это и нация, выраженная в мысли. Тем самым признание для любой национальной философии какой-либо внешней по отношению к ней мерки является способом отрицания ее подлинной самобытности и культурной ценности.

Цель данной статьи – экспликация методологических и источниковедческих оснований исследования проблемы генезиса русской философии.

Материал и методы. Для достижения данной цели нами использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также методы реконструкции и системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Русская философия обладает всеми необходимыми характеристиками для отнесения ее к национальному типу. Она самобытна по источникам, характеризуется рядом специфических черт и образует вполне самостоятельную интеллектуальную традицию. Первые опыты русской философии восходят к древнекиевской эпохе и связаны с христианизацией Руси. Новая христианская идеология в отличие от старой языческой нуждалась в серьезном осмыслении богословско-философских вопросов, в продумывании проблем бы-

тия и познания, истории и природы, места человека в мире. Это способствовало росту интереса к мировоззренческой проблематике, а значит, и к философии. Христианизация Руси обуславливала развитие философии еще и в том отношении, что большая часть религиозных идей была выражена в письменной форме. В связи с этим меняется тип культуры, который становится религиозно-православным и книжным. На протяжении относительно короткого по историческим меркам времени формируется фонд отечественной рукописной книжности, включающий в себя произведения самых разных жанров и тематической принадлежности, объединенные тем, что в их общую канву органически вплетены философские вопросы и идеи. Несмотря на колоссальные утраты из-за войн, пожаров и просто естественного старения материала, древнерусская книжная культура по сей день поражает воображение богатством и разнообразием своего содержания, глубиной и художественным совершенством идейных построений.

В киевскую эпоху возникла характерная черта восточнославянской культуры, сохранившаяся вплоть до XX века, – высочайшее уважение к книге, почитание ее авторов, понимания содержания книги как истины. Книга – не просто источник знания, информации, тех или иных полезных для человеческой деятельности сведений. Книга – это прежде всего источник истинной жизни, «учитель» такой жизни. «Велика бо полза бывает человеку от учения книжнаго; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию, и мудрость бо обретаемъ и въздержание от словес книжных. Се бо суть реки, напаяюще вселенную всю, се бо суть истоцища мудрости...» [4, с. 194]. В нашей культуре отношение к книжному слову подобно отношению к «священному инструменту», обращаясь к которому человек не только и не столько запасается знанием, а становится лучше, добрее. До сего дня в России и Беларуси сохранилась доверчивость к слову, которой, к сожалению, зачастую пользуются люди с нечистой совестью. Эта доверчивость к

слову была воспитана на протяжении веков в священной книжности.

Принятие христианства в форме византийского православия, допускавшего богослужения на национальных языках, потребовало организации «книжного дела», налаживания переводов церковной литературы на славянский язык. Уже в правление крестителя Руси князя Владимира начинается подготовка образованных людей, владеющих «учением книжным». В скором времени складывается развитый социальный слой, который сегодня можно назвать национальной интеллигенцией. В правление его сына Ярослава Мудрого при княжеском дворе формируется крупный литературный центр, ставший своеобразной средневековой академией. «И собра писце многи, – сказано о нем в «Повести временных лет», – и переключаше от грек на словенское письмо. И списаша книги многи, ими же поучашеся верни людье, наслаждаются ученья божественнаго» [4, с. 196]. В X–XIII вв. на Руси обращалось свыше

140 тыс. книг нескольких сот названий. Основное место в составе переводных источников занимала патристическая литература, т.е. творения Отцов и Учителей Церкви. Знакомство с ними способствовало не только приобщению восточных славян к таинствам православной веры, но и усвоению ряда античных идей, широко представленных в патристике, а также повышению уровня умственных и философских интересов древнерусского общества.

Выход к новым культурным горизонтам привел к постановке и осмыслению принципиально новых проблем. Одной из них является проблема Софии, напряженный интерес к которой нашел свое отражение не только в философских произведениях, но и в иконографии, зодчестве, богословии. Женственный образ Мудрости, восходящий к античной Афине-Палладе и библейским представлениям о Премудрости, создавшей себе дом, стал одним из важнейших в древ-

нерусской культуре. Широко известны храмы Софии, построенные по всей Руси: в Киеве, Новгороде, Полоцке, Вологде, Тобольске, Москве. В русской иконописной традиции большое значение приобрела художественно-эстетическая интерпретация образа Софии-Премудрости, которую олицетворяют, кроме Христа, с Богородицей, Церковью, связывают с таинством Евхаристии. Особое значение данной идеи-образа связано с тем смыслом мудрости, который был близок и понятен нашим предкам. Для восточных славян характерно особое, сокровенное, эмоциональное отношение к мудрости, воспринимаемой не как прагматическое рассудочное знание, но как высшая, прекрасная, несравненная ценность, достойная поклонения и всецелого ей служения. Уже на этом этапе сформировалась важнейшая черта всей русской философии, заключающаяся в невозможности отстраненно-теоретического, абстрактно-равнодушного, логицистского исследования любой проблемы. Российский исследователь М.Н. Громов пишет, что такое истолкование Софии обусловило общее понимание цели и предназначения философии, в которой «на первое место выступает возвышенный нравственно-эстетический аспект, а не формально-логический, доминирующий в современном сознании. Мудрость прекрасна, она достойна восхищения, преклонения и любви (в духе платоновского эроса) – так мыслили древнерусские люди, и мы не можем игнорировать подобное их представление о философии» [5, с. 25].

Важной историко-философской проблемой, возникающей при рассмотрении раннего этапа русской философии, является вопрос о влиянии на ее становление славянского язычества и о взаимодействии в ее рамках языческих и христианских способов миропонимания. Существует точка зрения, согласно которой философия на Руси, будучи изначально связанной с восточным христианством, пришедшим из Византии, смогла избежать влияния народных представлений о мире, закрепленных в языческом ми-

ровоззрении [6, с. 11–12; 7, с. 7–8]. Действительно, большинство философских произведений того периода создавались людьми, принадлежащими к Церкви, и потому система их идей практически полностью соответствовала христианской догматике. Однако мы полагаем, что роль язычества в философском процессе того периода все же была довольно значительной. Во-первых, философское творчество было рассредоточено в общем контексте культуры, и поэтому полностью избежать влияния язычества на все значимые культурные события и результаты было невозможно. Во-вторых, авторами философских произведений были не только монахи-летописцы, но и безымянные создатели фольклора, несомненно, близкие к простонародной среде. В-третьих, средневековая культура была сильно дифференцирована и в идеологическом, и в сословно-классовом отношениях. Эту противоречивость средневекового общественного сознания на материале западноевропейской культуры блестяще показал М.М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Результаты его исследования в значительной степени могут быть применены и к анализу русского средневековья. Наряду и в оппозиции к официальной идеологии развивается смеховая, анархическая антиидеология, подпитываемая интересами и нуждами широких слоев как низов, так в значительной степени и верхов общества. Языческое мировоззрение находило свое воплощение в лицедействе и скоморошестве, имевших глубокий идейный смысл и накладывавших свой отпечаток на общую ситуацию в древнерусском социуме.

Тем не менее, язычество могло лишь определить специфику древнерусской философии, но оно было не в состоянии очертить ее проблемное поле и предложить направление духовных поисков. Данная задача была решена через усвоение византийского опыта, принятие и развитие тех результатов, которые были к тому времени получены в этой культуре. Принципиально важно отметить, что

Русь вступила в диалог с цивилизацией, находившейся на вершине культурного подъема. Как писал Г. Флоровский, «в X веке Византия была... единственной страной, подлинно культурной во всем «европейском» мире» [8, с. 5]. Через посредство византийских источников русичи знакомятся и с произведениями античных мыслителей, прежде всего Платона и Аристотеля. Кроме того, в круг культурных связей Руси входили страны южнославянского мира, среди которых необходимо особо выделить Болгарию. Усвоение кирилло-мефодиевской традиции – идейного наследия выдающихся славянских просветителей – многое определило в стиле и содержании русской мысли. Никакого противоречия с общим воздействием на древнерусскую культуру византийской патристики не было, так как философские взгляды Кирилла и Мефодия были близки к мировоззренческой позиции капшадокийцев (Св. Отцов, живших и творивших в Капшадокии).

Однако не следует думать, что русские люди того времени лишь пассивно усваивали культурный опыт, воспринятый ими извне. Напротив, практически сразу у них возникло представление о себе как о самостоятельном народе, могущем сказать новое слово в истории. Эта мысль четко выражена в одном из первых философских произведений, созданных на Руси и имеющих ярко выраженный самобытный характер. Речь идет о блестящем образце «древлего любомудрия» – «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (1015–1054), написанном в период между 1037 и 1050 гг. Иларион жил в период княжения Ярослава Мудрого. В летописи о нем пишется, что он родом «русин», «муж благ, и книжен, и постник». Был священником в княжеском селе, в 1051 г. по настоянию Ярослава, высоко его чтившего, возведен в сан митрополита Киевского. В результате он стал первым русским, занявшим место главы Русской православной церкви.

В «Слове» Иларион предлагает новое понимание исторического процесса. Идею

о последовательной смене четырех всемирных царств на пути к Царству Божьему он противопоставил учению о двухступенчатости всемирной истории на пути человечества к «вечной жизни». Двумя ступенями являются периоды господства двух Заветов – Ветхого и Нового. Ветхозаветная история есть «царство закона», которая сменяется новозаветной как «царством благодати». Содержанием ветхозаветной истории является история иудейского народа как избранного Богом для соблюдения продиктованного им закона. Однако закон был лишь предтечей истины и благодати. Далее Иларион настойчиво подводит читателей к основному выводу, ради которого и было написано «Слово»: если в «царстве закона» блюсти закон было поручено евреям как «богоизбранному народу», не оправдавшему, однако, заветов Бога, то в «царстве благодати» все народы равны.

Отсюда вытекает особое значение национальной проблематики в творчестве Илариона. Ветхий завет был замкнут в еврейском народе, Новый же имеет всемирное распространение и вводит всех людей в вечность. Мыслитель приводит многочисленные доказательства того, что время замкнутости религии в одном народе прошло, что наступило время свободного приобщения к христианству всех людей без исключения; все народы равны в своем общении с Богом. Более того, он упорно проводит мысль, что для новой веры потребны новые люди. «Лепобо благодати и истине на новые люди вьсиати, не вьливают бо – по словеси Господню – вина новага, учения благодатна, в мехы ветхы... но ново учение, новы мехы, новы языки (народы)». По мнению виднейшего исследователя «Слова» И.Н. Жданова, митрополит Иларион привлекает образы иудейства, Ветхого Завета только для того, чтобы «раскрыть посредством этих образов свою основную мысль о призвании язычников: для нового вина нужны новые мехи, для нового учения нужны новые народы, к числу которых принадлежит и народ русский» [9, с. 80].

В своем произведении Иларион создает патриотическую концепцию всемирной истории. Эта концепция дает ему возможность осмыслить историческую миссию Русской земли. По существу, в «Слове о законе и благодати» и других сочинениях святителя вполне сформировался идеал Святой Руси. Иларион стал родоначальником очень значимой для русской культуры мессианской идеи «нового», «свежего народа», которая будет подхвачена и развита в трудах многих маститых философов. Таким образом, все «Слово» от начала и до конца представляет собой стройное и органическое развитие единой патриотической мысли. Она не замыкается в культивировании национальной исключительности: автор все время подчеркивает, что русский народ лишь часть человечества, но имеющая огромное значение и великое будущее.

Еще одним крупным произведением не только древнерусской, но и мировой философии является «Повесть временных лет». Она представляет собой свод летописей XII века, т.е. написана несколькими авторами-летописцами, каждый из которых свободно пользовался чужими текстами, дополняя их своими сведениями, а порой давая и свое истолкование уже обозначенных событий. Сложными источниковедческими исследованиями было установлено авторство сводного текста «Повести». Оно приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору-летописцу (конец XI – начало XII в.). Важно отметить, что Киево-Печерский монастырь был идейным центром христианства на Руси, во многом определившим специфику русского православия. Его выдающиеся представители были последовательными борниками и проводниками мистико-аскетической традиции греческого богословия, суровыми критиками любых неправославных вероучений. Например, Феодосий Печерский – один из первых русских религиозных мыслителей сформулировал теорию «богоугодного властелина», согласно которой долг княжеской власти состоит в защите православия и

исполнении его заветов. В такой духовной среде происходило формирование Нестора-летописца, вызревание его собственной концепции мировой и отечественной истории.

«Откуда есть пошла Русская земля?». С этих слов начинается «Повесть» и заслуживает всякого восхищения, что уже в одном из первых философских произведений были поставлены вопросы, характерные лишь для культуры, достигшей высокого уровня национального самосознания. Кто мы, откуда мы, куда идем – все эти вопросы активно обсуждались на протяжении всей истории восточнославянских народов, не утратив своего значения и по сей день. Естественно, что эти вопросы решаются в летописи на материале своей эпохи и в стилистике средневековой культуры, но они стали основой сквозных для отечественной историософии тем. Выделим некоторые из них. Каков смысл летописной версии призвания варягов в определении специфики Русского государства? Чем была для судеб России византийская ориентация ее христианизации? В чем причина зла в истории и смысл катастрофических потрясений в общественной жизни?

Нестор приводит развернутую аргументацию в пользу идеи о самостоятельности восточных славян. Он показывает, что они имеют собственные земли, которые заселили путем мирного продвижения в пространстве. Они имеют свой общественный строй, отдельные славянские племена живут в мире между собой. Более трудной для Нестора, да и для последующих поколений историков, оказалась «варяжская проблема», т.е. объяснение причин появления варяжских князей в русской земле. Чем было это появление? Узурпацией власти со стороны пришельцев, вступивших затем в договорные отношения с местной верхушкой, или имело место посольство с приглашением наемников для охраны города и обеспечения внутреннего порядка? И тогда, и сегодня ответить на эти вопросы непросто. Средневековая история знала возможности реализации обоих

вариантов. Нестор же, приняв идею призвания, тем самым обосновывает легитимность власти на Руси, показывает законность и оправданность «лествичного права», согласно которому власть переходит от старшего брата к младшему, от дяди к племяннику, которые, поначалу получая в удел города, на каком-то этапе могли по старшинству занять Киевский великокняжеский стол.

Важной темой «Повести» является крещение Руси. Нестор подводит читателей к выводу, что князь Владимир осуществил этот судьбоносный для Руси акт не под чьим-то давлением или наущением, но потому, что Бог, возлюбивший русскую землю, Сам открылся ему. Летописец обращает наше внимание на то, что одним из решающих факторов принятия христианства по византийскому образцу стало эстетическое совершенство греческого вероисповедального обряда. Нестор красочно описывает, как вернувшиеся посланцы повествуют перед дружиной:

«И пришли мы в греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех странах» [10, с. 123]. Но, конечно, не только красота обряда склоняла князя Владимира в пользу христианства в его византийском обряде, но и экономические, военные, культурно-политические связи Руси с Византией, осознание тупикового характера язычества, а также общая ситуация в мире. Это подтверждает, с учетом характера Владимира, и крупнейший специалист по истории Русской православной церкви Е. Голубинский: «Человек с истинно государственными способностями, государь с отличающей великих людей способностью понимать требования времени, Владимир понял настоятельную необходимость России стать страной вполне европейской, и это политическое убеждение, соединяясь с прямым непосредственным желанием дать народу истин-

ную веру, и произвело то, что он не только сам принял христианство, но решился сделать его верою своего государства» [11, с. 156].

В «Повести временных лет» также поставлена и широко обсуждена проблема достоинства княжеской власти и ответственности князей за исполнение возложенных на них Богом обязанностей. Постановка этой проблемы была обусловлена трагическим событием убийства князей Бориса и Глеба их родным братом Святополком, получившим затем прозвище Окаянный. Рассмотрение этого события, которое, к сожалению, не стало последним, а также других трагедий в истории, привело к выводу к более масштабной проблеме: в чем источник и причины зла в истории? В своих ответах Нестор не вышел за пределы средневекового провиденциализма, но сама постановка проблемы оказалась очень перспективной и послужила началом обсуждения фундаментальной историософской проблемы зла в истории, над решением которой бились такие незаурядные умы русской культуры, как В.С. Соловьев, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и многие другие.

Ярким представителем средневековой культуры был Владимир Мономах (1053–1125). Дальновидный политик, крупный государственный деятель, удачливый полководец, незаурядный мыслитель, великий князь Киевский в 1113–1125 гг. был внуком по материнской линии византийского императора Константина Мономаха. Время его правления – один из периодов расцвета политического могущества и культуры Киевской Руси. Его философское и литературное творчество примечательно не только богатством идейного содержания, но и тем, что Владимир Мономах не принадлежал к сословию священнослужителей, к которому относилось большинство мыслителей того времени. Его сочинения, известные под наименованием «Поучения», написаны в конце XI – начале XII века. «Поучение» дошло до нас совершенно случайно, в единствен-

ном списке, в составе Лаврентьевской летописи. Еще одна счастливая случайность не позволила ей сгореть в московском пожаре 1812 г. вместе с библиотекой А.И. Мусина-Пушкина, где она находилась и откуда была взята Н.М. Карамзиным незадолго до этого события.

Текст «Поучения» чрезвычайно богат смысловым содержанием, но его центральной идеей является понятие «правды», совмещающее в себе нравственный, правовой и политический аспекты. Согласно Мономаху, правда – это то, что составляет основу законности власти и в этом смысле и есть закон, правосудие. Но нравственный смысл данного понятия в «Поучении» гораздо шире: правда требует от власти стать на защиту слабых («не вдавайте сильным погубити человека») и даже не допускать смертной казни. Мономах призывает всех, кто облечен властью, использовать ее во благо людям и своей земле. Неправедная же власть не только опасна для окружающих, но и приводит к нравственному, личностному разложению самого властителя («Более всего гордости не имейте в сердце и уме»). Тем самым, уже на самом раннем этапе развития русской философии мы встречаемся с резким неприятием идеологии неограниченного господства человека над человеком, т.е. идеологии, которую позже назовут тоталитарной.

Интересную концепцию, раскрывающую источники и государственный смысл этического-правовых воззрений Мономаха, предложил академик Д.С. Лихачев [12, с. 137–141]. Он утверждает, что князь хорошо осознавал неизбежность феодального дробления и ухода от патриархально-общинной формы властвования, которая еще частично сохранялась и была дорога многим простым людям. Однако логика развития русского общества требовала иных форм организации политической жизни. Они и были найдены на княжеских съездах конца XI – начала XII века и получили свое выражение в виде формулы «Каждый да держит отчину свою». Но тогда сразу возникает проблема раздоров между князьями,

связанная с нарушением справедливости в наследовании и владении княжествами. Большинство князей понимали (по крайней мере, на словах) губительность войн друг с другом, стремились нейтрализовать невыгодные последствия дробления, отстаивали необходимость строгого выполнения обязательств вассалитета-сюзеренитета, уважения к самостоятельности каждого княжества, обращались для этого к авторитету церкви и к церковной учительной и житийной литературе.

Мономах, безусловно, был представителем этой новой идеологии – «Каждый да держит отчину свою». Его деятельность была направлена на то, чтобы упорядочить жизнь на Руси на основе нового принципа. Он отчетливо осознавал, что новому принципу общего владения землей необходимо было создать моральный авторитет. Владимир Мономах пытался опереть новую политическую систему на христианскую мораль, на строгое соблюдение договорных условий, на взаимное уважение к правам младших и старших. В конечном счете вся новая система должна была опираться на моральную дисциплину, на идеологию. Таким образом, высокая мораль была потребностью раздробленного общества. Ее появление было вызвано глубокими историческими причинами. Моральная сила должна была дополнить и ограничить силу государственную.

Видным представителем древнерусской учености был Климент Смолятич (нач. XII – не ранее 1164 г.), ставший вторым после Илариона русским (не греческим) митрополитом Киевским. Согласно Ипатьевской летописи, он был «книжник и философ так, яко же в Русской земле не башеть». Согласно отзывам его современников, Климент отличался выдающейся активностью в интеллектуальной деятельности, но до нас дошло немного его произведений, среди которых наибольшее значение имеет «Послание, написано Климентом, митрополитом русским, Фоме пресвитеру».

В этом «Послании» автор отвечает на обвинения некоего инока Фомы в том, что Климент увлекается языческой мудростью (т.е. сочинениями античных мыслителей и поэтов) и пренебрегает святоотеческим наследием. На подобные обвинения Климент замечает, что надо не слепо, догматически следовать Писанию, но уметь толковать заложенную в нем символику.

Русский иерарх не мог бы сказать подобно Тертуллиану: «После Христа мы не нуждаемся в любознательности, после Евангелия мы не имеем нужды в исследовании». Климент следует традиции, заложенной его предшественником Иларионом, противопоставившим «закону» «благодать». Климент связывает с христианством совершенно новый период в мировой истории, в котором ориентация на «закон», т.е. на безусловное подчинение внешнему авторитету, есть безусловный анахронизм. То, что человек не имеет возможности постичь Бога своим разумом, не означает, что он вообще лишен способности к богопознанию. Постигая мир как разумно организованное Божье творение, человек тем самым приближается к Творцу. Для этого необходимо совершенствовать свой ум и владеть тем богатством культурных смыслов, которые создали люди на протяжении своей истории. Климент искал приемлемые пропорции между богословием и философией в рамках христианского мировоззрения, что дает возможность отнести его к представителям интеллектуализированного философичного богословия.

Выдающимся памятником древнерусской культуры и философской мысли является «Моление Даниила Заточника» (в другой редакции «Слово»). Социальную принадлежность автора «Моления», жившего в XII–XIII вв., и даже его подлинное имя исследователи точно не установили, но совершенно ясно одно, что он принадлежал к низовым сословиям тогдашнего древнерусского общества, относился к числу зависимых людей. Здесь для нас важно то, что в «холопской» среде смог сформироваться яркий

и самобытный мыслитель, сумевший сказать свое веское слово о тех проблемах, которые были особенно значимы для русской мысли.

Красной нитью через весь текст «Моления» проходит идея значимости человеческого ума, неотделимого от нравственности. Ум в единстве с нравственностью становится мудростью, которая еще и прекрасна. Мудрость имеет выраженное эстетическое измерение: мудрое начало создает нравственную гармонию в душе человека, делает прекрасным его духовный облик. В сочинении Даниила Заточника была четко артикулирована мысль о неразрывном единстве Истины, Добра и Красоты, ставшая излюбленной темой русской культуры вплоть до сегодняшнего дня. Весьма критически автор отзывается о тех, кто, имея внешние признаки учености, в реальной жизни не соответствует декларируемым идеалам. О таких он пишет: «Ангельский имея на себе образ, а блудной нрав; святителский имея на себе сан, а обычаем похабен».

В своих политических суждениях Даниил исходит из высоко ценимого им значения мудрости в индивидуальной и общественной жизни. Он сторонник «умного», просвещенного единовластия. Мудрость, по мысли автора, есть единственная сила, способная удержать князя в рамках закона и правды. Только действительно мудрый властелин способен понять необходимость сдержанности и умеренности в политике. Автор развивает идеал «богоугодного властелина», столь значимый для древнерусской мысли, но делает это в гораздо более светском варианте. Большой элемент светскости присутствует и в понимании самой мудрости. Она предполагает религиозно-нравственное основание, и все же – на личностном и общественном уровне – это именно человеческая мудрость: мудрость мыслителя, мудрость обычного человека, мудрость властителя. Тем самым Даниил высоко ставит человека,

ценит его достоинство, показывает безграничные возможности личности.

Заключение. Завершая рассмотрение русской философии периода Киевской Руси, необходимо сделать некоторые выводы. На этом этапе произошло становление русской философской мысли и началось ее активное развитие. Были заложены основы философского мышления, сложились основные понятия и категории, усвоены и творчески переработаны элементы византийской, а через нее эллинской и восточной философии. Русская мысль в это время предстала в самых разнообразных формах: в исторических взглядах летописцев, патристической историософии Илариона, светской этике Владимира Мономаха, экзегезе Климента Смолятича, апологии мудрости и учености Даниила Заточника. Эпоха Киевской Руси глубоко вошла в народную память, и «в эпоху собирания древнерусских земель под власть Москвы историческим обоснованием для возвращения утраченных областей единого некогда государства будут служить ссылки на письменные источники старого времени, на общность культуры восточнославянских народов» [5, с. 91].

Литература

1. Громов, М.Н. Типология русской философии / М.Н. Громов // История философии. – М., 2001. – 934 с.
2. Шпет, Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Сочинения. – М.: РОССПЭН, 1989. – 846 с.
3. Радлов, Э.Л. Очерки истории русской философии / А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет // Очерки русской философии. – Свердловск, 1991. – 698 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. – Т. 1. – 741 с.
5. Громов, М.Н. Русская философская мысль X–XVII веков: учеб. пособие / М.Н. Громов, Н.С. Козлов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 632 с.
6. Замалева, А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.) / А.Ф. Замалева. – 3-е изд., дополн. и перераб. – СПб.: Изд.-торг. дом «Летний сад», 2001. – 798 с.
7. Сербиненко, В.В. Русская философия: курс лекций / В.В. Сербиненко. – М.: РГГУ: Омега-Л, 2005. – 461 с.
8. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 607 с.
9. Жданов, И.Н. Сочинения / И.Н. Жданов. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1904–1907. – Т. 1. – 871 с.
10. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978. – 188 с.
11. Голубинский, Е. История русской церкви / Е. Голубинский. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1901–1906. – Т. 1. – 968 с.
12. Лихачев, Д.С. Избранные работы: в 3 т. / Д.С. Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 2.

Поступила в редакцию 11.07.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 101.1:316

Образование понятий естественного и гражданского состояния

Гончаров Д.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Сегодня в политико-правовой и общественной мысли часто употребляются такие понятия, как «гражданское общество», «гражданственность», «гражданское сознание». Данные понятия не имеют единого определения, но связаны с более широким понятием – «гражданское состояние». Понятие гражданского состояния характеризует жизнь человека как члена общества в отличие от его естественного состояния. Понятие «гражданское состояние» способно выступать не только в качестве критерия при характеристике общества. Гражданское состояние близко к такому современному явлению, как гражданское общество. Определение гражданского состояния необходимо для понимания различных аспектов социальных отношений и таких важнейших терминов, как «гражданин», «гражданская позиция», «гражданское сознание». С целью определения феномена гражданского состояния необходимо выяснение значения данного понятия в его историческом развитии, а также сопоставление его с современным пониманием гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское состояние, естественное состояние, гражданское общество, право, власть.
(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 140–145)

The formation of concepts of state of nature and civil status

Goncharov D.N.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

Today in political, legal and social thought such concepts as civil society, civic spirit and civil consciousness are frequently used. These concepts do not have a single definition, but are linked to a wider notion of civil status. The concept of civil status characterizes life of the man as a member of society in contrast to his isolated state of nature. The concept of civil status can serve not only as a criterion for the characteristic of the society. Civil status is close to such modern phenomenon as civil society. The definition of civil status is necessary for understanding various aspects of social relations and such important terms as “citizen”, “civic stand” and “civil consciousness”. In order to define the phenomenon of civil status it is necessary to trace the meaning of this notion in its historical development, and to compare it with modern understanding of civil society.

Key words: civil status, state of nature, civil society, law, authority.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 140–145)

В современной общественно-политической мысли понятия «гражданственность», «гражданское общество», «гражданская позиция», «гражданское самосознание» употребляются при анализе уровня развития политико-правовой культуры общества.

Адрес для корреспонденции: e-mail: agamemnon_131415@mail.ru – Д.Н. Гончаров

ва, его стабильности, целостности, а также при оценке отношений между членами общества и государственной властью. Данные понятия не имеют четкого и единого определения, но связаны с более широким понятием – «гражданское состояние», которое характеризует жизнь человека как члена социума. Гражданское состояние (лат. *status civilis*) – понятие, получившее развитие в европейской социальной философии XVII–XVIII вв., которое характеризует жизнь человека в обществе в отличие от его изолированного естественного состояния [1]. Нам представляется, что понятие «гражданское состояние» способно выступать не только в качестве критерия при характеристике общества, отличного от естественного состояния. Гражданское состояние, в современном его понимании, близко к часто употребляемому сегодня другому понятию – «гражданское общество». Последнее понимается как человеческая общность, включающая добровольно сформировавшиеся негосударственные структуры в сферах жизнедеятельности общества; сфера самоуправления свободных индивидов и добровольно сформированных организаций граждан, защищенная законами от прямого вмешательства со стороны государства [2, с. 40].

Цель данного исследования – определение феномена гражданского состояния, выяснение значения данного понятия в его историческом развитии, а также сопоставление его с современным пониманием гражданского общества.

Материал и методы. Источниками исследования выступают произведения европейской социальной мысли Нового времени. В процессе исследования использованы общелогические методы, герменевтический метод текстологического анализа.

Результаты и их обсуждение. Одним из первых исследователей, разграничивших естественное состояние от гражданского, был голландский философ и общественный деятель Гуго Гроций. Отличие человека от других животных, по Гроцию, в том, что он стремится к общению, причем к спокойному и руководимому собственным разумом общению че-

ловека с себе подобными [3, с. 45]. Таким образом, человек отличается среди прочих живых существ способностью к знанию и деятельности согласно общим правилам. Именно такое соблюдение правил общежития выступает источником права в собственном смысле: воздержание от чужого имущества, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, воздаяние заслуженного наказания. По мысли Гроция, соблюдение договоров предписывается естественным правом (необходимо, чтобы между людьми существовал какой-нибудь порядок взаимных обязательств, иного же способа, более согласного с природой, невозможно изобрести). Из этого и происходят внутригосударственные права [3, с. 46–47]. Сама природа человека побуждает его стремиться к взаимному общению, обуславливая необходимость естественного права; предпосылкой внутригосударственного права является обязательство, принятое по взаимному соглашению. Исходя из того, что соглашения предполагает соблюдение естественных прав, природу можно назвать источником внутригосударственного права [3, с. 48]. Естественное право незыблемо и не может быть изменено даже Богом.

Воля человека рассматривается Гроцием в качестве источника так называемого волеустановленного права, которое бывает человеческим или божественным. Для понимания гражданского состояния представляет интерес такое образование, как человеческое право, которое делится на внутригосударственное и право человеческое в широком и в узком смысле по сравнению с внутригосударственным. Внутригосударственное право исходит от гражданской власти, которая господствует в государстве. Государство является совершенным союзом свободных людей, заключенным ради соблюдения права и общей пользы. Примером человеческого права в узком смысле являются веления отца или господина. «Право же в более широком смысле есть право народов, а именно – то, которое получает обязательную силу волею всех народов или многих из них» [3, с. 74]. Фактиче-

ски под правом народов здесь понимается то, что сегодня называют международным правом.

Верховная власть, согласно Гроцию, – это власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по ее усмотрению. Под чужой властью в данном случае понимается любая власть, кроме собственно носителя верховной власти или его преемника. Рассматривая же сущность гражданской власти, Гроций обращается к античным философам. Он разделяет точку зрения Фукидида, для которого гражданская власть – это нравственная способность управления государством. Для гражданской власти характерны следующие признаки: собственные законы, суды и должностные лица – только при их наличии можно говорить о государстве как об «общественном целом» [3, с. 126]. Правление, осуществляемое главой государства, касается либо государства в целом, либо его частей. В первом случае речь идет об издании и отмене законов. Руководство отдельными частностями относится либо к публичной, либо к частной области. Публичная область весьма обширна: объявление войны и заключение мира, вопросы налогообложения, международное право. Частная область – споры между отдельными гражданами, решать которые государство должно ради общественного спокойствия, осуществляя правосудие [3, с. 127].

Свою теорию перехода общества от естественного к гражданскому состоянию предложил английский философ Томас Гоббс. Он не разделяет суждение о том, что человек от природы способен жить в обществе. Ошибочным он считает и мнение, будто для сохранения мира людям нужно лишь согласиться на условия договора, называемые законами [4, с. 285]. Истинной причиной образования общества является не стремление к пользе или славе, а взаимный страх людей. Отвечая противникам этого тезиса, Гоббс пояснил, что под страхом он понимает любое предвидение будущего зла [4, с. 287].

Причина взаимного страха – в природном равенстве людей и во взаимном желании причинить вред друг другу. Природное равенство достигается тем, что люди по своей физической силе не могут считать себя сильнее других. Неравенство создается уже гражданским законом. Желание нанести вред другому вызвано тщеславием и ложной оценкой собственных сил, желанием завладеть вещью. Из-за всех этих опасностей каждый в силу своих возможностей оберегает собственную жизнь – это первое основание естественного права [4, с. 288–289]. Поэтому человек обладает правом пользоваться всеми средствами, чтобы обеспечить самосохранение. В естественном состоянии у людей есть право на все, мерилом права в этом случае выступает польза. Такое всеобщее право фактически приводит к войне, которая губительна для человеческого рода. Война как «естественное состояние не может обеспечить безопасность людям [4, с. 289–291].

Естественный закон Гоббс называет моральным и божественным. Существует множество естественных законов, основной из которых состоит в необходимости стремиться к миру; в случае, когда это невозможно, нужно искать средства для ведения войны. Важным является и закон переноса или отказа прав на что-либо – в противном случае война была бы постоянной. Действие лиц, взаимно переносящих друг на друга свои права, называется договором, который необходимо соблюдать. Естественные законы не могут сохранить мир, так как человек, воля которого определяется надеждой и страхом, при осуществлении своего права на самозащиту может пользоваться любыми средствами. Это означает право на все – право войны. В случае войны и естественные, и гражданские законы уже не действуют – это уже не просто война, а война всех против всех. Этой войной и характеризуется у Гоббса естественное состояние. Для сохранения мира должны соблюдаться естественные законы, но для соблюдения естественного закона необходима безопасность. Последняя достигается объединением

большинства людей, которые вступают в соглашение. Но даже этого недостаточно: «...общество, созданное только ради взаимной помощи, не обеспечивает вступающим в соглашение, то есть своим членам, искомой нами безопасности... необходимо нечто большее для того, чтобы их, пришедших однажды к взаимному согласию, миру и взаимной помощи ради общего блага, некий страх удержал бы от новых столкновений, когда какое-то частное благо придет в противоречие с общим» [4, с. 329]. Ненависть, зависть, борьба за положение – препятствуют обеспечению безопасности.

Отсутствие единой воли людей не позволяет защитить мир, но проблему может решить подчинение воли всех людей другой единой воле – воле одного человека или собрания – множеству людей, обсуждающих действия, направленные на общее благо. Это возможно в результате соглашения, когда каждый из людей обязуется перед всеми не противиться воле того человека или того собрания, которому он подчинился [4, с. 331].

Именно так происходит переход от естественного к гражданскому состоянию: «Созданное таким образом единение называется государством или гражданским обществом (*societas civilis*), а также гражданским лицом (*persona civilis*). Поскольку в этом состоянии существует единая воля для всех, то она фактически становится властью, отличается от отдельных людей, обладает собственными правами и имуществом. Гоббс делает вывод: ни отдельный гражданин, ни граждане в целом не должны считаться государством. Исходя из этого государство определяется следующим образом: «...государство (*civitas*)... есть *единая личность*, чья *воля* на основании соглашения многих людей должна считаться *волею* их всех, с тем чтобы оно имело возможность использовать силы и способности каждого для защиты общего мира» [4, с. 331].

Таким образом, государство выступает и как гражданское лицо, но в то же время гражданское лицо не является государством. Различные компании и объединения являются гражданскими лица-

ми, подчиненными государству (например, купеческие компании).

Верховной властью, или господством, обладает человек или собрание людей, чьей воле подчинены отдельные лица. Они обладают правом повелевать, которое заключается в том, что каждый гражданин перенес на них свое могущество путем отказа своего права на сопротивление. «Каждый *гражданин*, точно так же как и всякое *подчиненное гражданское лицо*, называется *подданным* того, кто обладает верховной властью» [4, с. 332]. Существует два рода государств: естественные и установленные. Естественное государство основывается на естественном могуществе, когда властитель подчиняет себе граждан (например, деспотическое государство). В установленном государстве граждане своим решением подчиняются господству.

Свою лепту в теорию перехода к гражданскому состоянию внес английский философ Джон Локк. Для него естественное состояние людей – состояние полной свободы. Эта свобода выражается в отношении их действий, а также в отношении распоряжения своим имуществом и личностью [5, с. 263]. В этом состоянии действует закон природы: люди не должны наносить ущерб друг другу, так как все они созданы творцом и существуют до тех пор, пока ему это угодно. В естественном состоянии нет человека, обладающего властью над другими, при этом каждый человек действует согласно закону природы и обладает исполнительной властью. Но как только в отношении какого-либо лица применяется сила или делается заявление о готовности ее применить – наступает состояние войны – состояние вражды и разрушения. Поскольку не существует высшей власти, к которой можно обратиться за помощью, человек автоматически получает право вести войну против своих обидчиков. Люди отказываются от естественного состояния и образуют общество, чтобы избежать состояния войны [5, с. 273]. И в этот момент возникает «политическое общество», каждый член которого передал власть в руки общества, при этом получил право быть защищен-

ным законами, установленными этим же обществом. Теперь общество становится судьей, решает споры; посредством людей, получивших соответствующие полномочия, общество следит за соблюдением одинаковых для всех правил [5, с. 311]. Появляется структура, которой само общество передало властные полномочия. Далее Локк определяет понятие гражданского общества: «Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, *находятся в гражданском обществе*; но те, кто не имеют такого общего судилища... все еще находятся в естественном состоянии...» [5, с. 311]. Именно в этом проявляется начало законодательной и исполнительной власти гражданского общества.

С установлением гражданского состояния исключается возможность продолжения состояния войны, так как спорные вопросы решает власть. Теперь человек находится не в естественном состоянии, а в обществе. И если в естественном состоянии свобода человека заключалась в свободе от какой-либо власти, кроме подчинения закону природы, то в обществе свобода заключается в неподчинении какой-либо власти, кроме установленной по согласию в государстве.

Из этого можно сделать вывод, что Дж. Локк видел суть гражданского состояния в том, что само общество передает права на осуществление управления собой части этого же общества. Данная трактовка актуальна и для современного гражданского общества.

Значительный вклад в понимание феномена гражданского состояния внес французский философ Жан-Жак Руссо. Единственно существующим естественным обществом он считает семью. В ней дети в силу естественной необходимости нуждаются во взрослых. Если по достижению зрелого возраста дети остаются в семье, то она основывается уже на соглашении, а не на естественной необходимости. Семья – прообраз политическо-

го общества, в котором все, рожденные равными, отчуждают свою свободу только для своей пользы [6, с. 153]. Руссо не считает, что право силы дает власть, основной законной власти являются соглашения.

Состояние войны, по Руссо, не является следствием враждебных отношений людей. От природы люди не являются врагами. Войну вызывают отношения вещей, при этом частные лица становятся участниками войны не как граждане, а как солдаты [6, с. 157]. Необходимость перехода к гражданскому состоянию возникает, когда силы, препятствующие людям оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, удерживающие их в нем. Чтобы человеческий род продолжил существование, необходимо было изменить образ жизни. Единственный способ сделать это – заставить силы действовать согласованно. Эту задачу и решает общественный договор: он обеспечивает переход к гражданскому состоянию – такой форме ассоциации, которая защищает личность и собственность ее членов. При этом каждый член такого общества, являясь его частью, остается свободным [6, с. 160]. Суть общественного соглашения: «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [6, с. 161]. Это новое образование в разное время именовалось гражданской общиной, политическим организмом, державой, сувереном, государством. Совокупность членов ассоциации – народ, в отдельности они называются гражданами и участвуют в верховной власти, а также подданными – как подчиняющиеся законам. С целью предупреждения злоупотреблений властью, договор заключается, с одной стороны, между народом в целом, с другой стороны – частными лицами как подданными. Таким образом, если лицо не подчинится общей воле, оно будет принуждено к этому. Следует заметить, что «верховная власть», по Руссо, означает

не монарха или правительство, но общество в его коллективной законодательной правоспособности [7, с. 817]. Мы видим понимание гражданского общества как общества, которое в большей или меньшей степени участвует в управлении государством. Переход к гражданскому состоянию также произвел перемены в отношении свободы человека. В естественном состоянии границами свободы являлась физическая сила и обладание по праву силы, в гражданском – общая воля и собственность, основанная на праве.

Заключение. Гражданское состояние в философии Нового времени рассматривалось как характеристика, отличающая человеческое общество от естественного состояния. Это понятие являлось своего рода критерием, по которому можно было судить о сформированности человеческого общества. Вместе с тем, феномен гражданского состояния близок к такому современному явлению, как гражданское общество. Добровольная передача власти в руки самого же общества, регулирование личностных и имущественных отношений, прав и свобод членов общества посредством закона – все эти признаки гражданского состояния находят отражение в современном гражданском обществе.

Литература

1. Длугач, Т.Б. Гражданское состояние / Т.Б. Длугач // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 551.
2. Азаров, А. Права человека. Международные и российские механизмы защиты / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. – М.: Московская школа прав человека, 2003. – 560 с.
3. Гроций, Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций; пер. с лат. А.Л. Саккетти, А. Желудкова. – М.: Науч.-изд. Центр «Ладомир», 1994. – 868 с.
4. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс; пер. с лат. и англ. / сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
5. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. / Дж. Локк; пер. с англ. и лат. / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 668 с.
6. Руссо, Ж-Ж. Трактаты / Ж-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. – 710 с.
7. Рассел, Б. История западной философии: в 3 кн. / Б. Рассел. – 3-е изд., испр.; подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.

Поступила в редакцию 15.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 811.161.3:39

Канцэпт “слова” ў парэміялагічных адзінках беларускай мовы

Дзядова А.С.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле даследавана этнакультурная спецыфіка прыказак і прымавак беларускай мовы, у межах якіх рэпрэзэнтаваны канцэпт “слова”. Прааналізавана нацыянальна-культурная семантыка парэміялагічных адзінак са значэннем маўленчай дзейнасці, у якіх знайшла адлюстраванне этнапсіхалагічная характарыстыка і рэлігійны светапогляд беларускага народа, чалавек з яго сацыяльным і прыродным акружэннем. У працэсе аналізу нацыянальна-маркіраванага кампанента значэння (анамастычных найменняў, саматызмаў, назваў расліннага і жывёльнага свету) у большасці выпадкаў устаноўлена сувязь вобразаў, пакладзеных у аснову парэмій, са светаўспрыманням носьбітаў беларускай мовы, дадзена характарыстыка культурна-гістарычнага фактару, які абумовіў канатацыю той ці іншай моўнай адзінкі. З улікам сістэмы стэрэатыпаў самасвядомасці і паводзін беларусаў, іх каштоўнасных арыенціраў і нарматыўнай карціны свету даследаваны вобразны змест народных афарызмаў, які з’яўляецца паказчыкам нацыянальна-культурнай спецыфікі маўленчай дзейнасці прадстаўнікоў беларускага этнасу.

Ключавыя словы: канцэпт, канатацыя, маўленчая дзейнасць, нацыянальна-культурная семантыка, парэміялагічная адзінка, саматызм, этнакультурны.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 147–155)

The concept of word in paremiological units of the Belarusian language

Dsyadova A.S.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article presents the study of ethno cultural specificity of Belarusian proverbs and sayings within which the concept of word is represented. National and cultural semantics of paremiological units with the meaning of speaking activity, which illustrate ethno psychological characteristic and religious world outlook of Belarusian people as well as man with his social and nature surroundings, is analyzed. In the process of the analysis of the nationally marked component of meaning (onomastic names, samotisms, names of plant and animal world) connection is established, in most cases, between images, which lie in the basis of paremia, and world perception by Belarusian language speakers; characteristics is given of the cultural and historical factor, which influenced the connotation of this or that speech unit. Taking into account the system of stereotypes in self perception and behavior of the Belarusians, their value orientations and normative picture of the world, image content of folk sayings, which is an indicator of the national and cultural specificity of speaking activity of the representatives of Belarusian people, is studied.

Key words: concept, connotation, speaking activity, national and cultural semantics, paremiological unit, samotism, ethno cultural.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 147–155)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: dedova 69@list.ru – А.С. Дзядова

У айчыннай лінгвістыцы пытанні даследавання беларускай фразеалогіі і парэміялогіі з этнакультурнага пункту гледжання застаюцца сёння ўсё яшчэ недастаткова распрацаванымі і асэнсаванымі, нягледзячы на тое, што асобныя тэматычныя пласты фразеалагічных і парэміялагічных адзінак уяўляюць сабой дастаткова цікавы і арыгінальны моўны матэрыял, які сведчыць пра самабытнасць беларускай мовы і характарызуе яе як спецыфічную этнакультурную з’яву. Трэба адзначыць, што фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі – найбольш каштоўны матэрыял для вывучэння сувязей мовы і культуры, бо яны валодаюць здольнасцю да назапашвання як унутрымоўнай, так і пазамоўнай інфармацыі, якая з’яўляецца дастаткова важнай для дэманстрацыі фактаў нацыянальнай культуры і нацыянальнай карціны свету, што фарміруюцца ва ўмовах дынамічнага развіцця гісторыі народа і яго мовы.

Фарміраванне антрапалагічнай парадыгмы ў сучасным мовазнаўстве прывяло да пераарыентацыі праблематыкі фразеалогіі і парэміялогіі на вывучэнне чалавечага фактару ў мове. Пэўны ўклад у распрацоўку пытанняў этнафразеалогіі беларускай і рускай моў унесла даследаванне А.У. Даніч “Менталітэт беларусаў і рускіх. Адлюстраванне ў міфалогіі, фальклоры, фразеалогіі” (на рускай мове) [1], у якой даследаваны лінгвістычны аспект этнакультурнай спецыфікі паводзін чалавека. У дачыненні да беларускага мовазнаўства даводзіцца гаварыць пакуль пра фрагментарнае даследаванне нацыянальна-культурнай адметнасці парэміялагічных адзінак семантычнага поля “маўленчая дзейнасць чалавека”. Так, правілы маўленчых паводзін і культура зносін беларусаў у сістэме народных выслоўяў закраналіся ў навуковых публікацыях С. Клундук [2] і Ж. Селюжыцкай [3].

У апошнія дзесяцігоддзі назіраецца перамяшчэнне навуковых

даследаванняў у сферу канцэптуальнага аналізу. Па словах В.А. Маславай, “канцэпт – гэта семантычнае ўтварэнне, якое адзначана лінгвакультурнай спецыфікай і якое тым ці іншым чынам характарызуе носбітаў пэўнай этнакультуры” [4, с. 36]. З’яўляючыся адзінкамі нацыянальнай свядомасці і адлюстроўваючы з’явы навакольнага свету і нацыянальнай культуры, канцэпты маюць моўнае выражэнне і рэпрэзентуюцца ў змесце лексічных, фразеалагічных адзінак, а таксама парэміялагічным фондзе той ці іншай мовы.

Семантыка этнакультурнай прасторы даволі выразна мадэліруецца ў межах прыказак і прымавак. Цікавым адлюстраваннем асаблівасцей характару, менталітэту, этнапсіхічнага складу беларускага народа з’яўляюцца парэміялагічныя адзінкі з семантычным полем маўленчых паводзін. Мэта артыкула – выяўленне нацыянальна-культурнай адметнасці парэмій, у межах якіх рэпрэзентуецца канцэпт “слова”, і аналіз сувязі іх этнакультурнай семантыкі са стэрэатыпамі свядомасці і паводзін беларусаў, іх каштоўнасцямі арыенцірамі, традыцыйнымі ўяўленнямі і звычаямі. У парэміялагічным фондзе беларускай мовы дастаткова шырока прадстаўлены народныя выслоўі са значэннем маўленчай дзейнасці чалавека, якія даволі выразна адлюстравваюць асаблівасці нацыянальнай свядомасці і этнапсіхічныя адметнасці беларусаў.

Матэрыял і метады. Аб’ектам даследавання з’яўляюцца зафіксаваныя ў парэміялагічных даведніках беларускай мовы [5–9] прыказкі і прымаўкі, у семантыцы якіх выяўляецца спецыфіка канцэпту “слова”. Асноўнымі метадамі даследавання выступаюць апісальны метады і метады кампанентнага аналізу, дзякуючы якім дадзена характарыстыка нацыянальна-культурнай семантыкі найбольш важных і статусных структурных кампанентаў парэміялагічных адзінак, унутры якіх рэпрэзентаваны канцэпт “слова”.

Вынікі і іх абмеркаванне. Чалавекам даўно была заўважана вялікая сіла слова, якое магло зрабіць яго шчаслівым, прагнаць хваробы, спыніць дзеянне злых духаў, а магло і загубіць, параніць мацней за зброю. Як заўважае І.М. Снегіроў, “...слова з духам народным злучана непарыўным і тайным саюзам, як цела з душою” [10, с. 8]. Помнікамі гэтай веры ва ўсемагутнасць слова засталіся замовы, пры дапамозе якіх людзі жадалі набыць багацце, пазбавіцца хвароб і небяспекі, прываражыць да сябе, забяспечыць добры ўраджай ці нараджэнне здаровых нашчадкаў. З верай у незвычайную сілу слова звязана ўжыванне ў тэкстах замоў вялікай колькасці дзеясловаў: *загрызаю грыжу, пасылаю хваробу* і інш. Ужо само вымаўленне гэтых слоў ёсць дзеянне. Успрыманне слова па сваёй прыродзе архетыпічнае, што знайшло адлюстраванне ў старажытных міфах і біблейскай трактоўцы: “На пачатку было Слова, і Слова было ў Бога, і Слова было Бог”. Верай у магічную сілу слова прасякнуты тэкст Бібліі. У Пасланні Іакава апостал параўноўвае язык з рулём карабля: калі рулём кіраваць правільна, то карабель будзе цэлым і непашкоджаным. Калі ж рулём кіруюць няўмела і няўпэўнена, то карабель чакае крушэнне.

Беларусы ва ўсе часы верылі ў магічную сілу слова. Даволі цікавым з’яўляецца паходжанне фразеалагізма *на ўзвей вецер гаварыць* ‘пустасловіць’, у аснове якога ляжыць міф пра тое, што праз вецер з дапамогай чараўніцтва (вымаўлення дрэнных слоў падчас парыву ветру) можна насылаць хваробы. Яўны адгалосак старажытных язычніцкіх уяўленняў нашых продкаў – іх веры ў Перуна – выяўляюць фразеалагізмы *даваць перуноў* ‘гнеўна, з абурэннем гаварыць, пагражаць’, *ляснуць як Пярун у зацерку* ‘сказаць нешта недарэчна і нетактоўна’. Як бачым, гнеўнае або не да месца сказанае слова параўноўваецца з богам грому і маланкі ва ўходніх славян, бо яно такое ж небяспечнае, як і названая прыродная

стыхія. Прыказка *Хто сам сябе хваліць, няхай таго пярун спаліць* выкрывае ўхваленне чалавекам самога сябе, што сведчыць пра нясціпласць, якая, зрэшты, неўласцівая большасці беларусаў.

Маўленчыя паводзіны людзей падваргаюцца дастаткова жорсткаму рэгламентаванню ва ўсіх сацыяльна значымых сферах жыцця. Канцэпт “слова” семантызуе ў сабе розныя праявы маўленчай дзейнасці людзей, што і знайшло шырокае адлюстраванне ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы. Так, у працэсе суразмоўніцтва чалавек можа гаварыць: *Гаворыць, як з кніжкі бярэ*; пабурчаць: *Калі не ўмееш пабурчаць, то лепей памаўчаць*; кідаць словам: *Кінуў слаўком, як пярком*; баяць: *Хто бае аб пагодзе, а хто – аб прыгодзе*; кпіць: *Больш выкпіў, як з’еў і выпіў*; барабаніць: *Барабаніць, як парожняя бочка*; плесці: *Пляце праз дзвятае ў пятае*; спяваць: *Соладка спявае, ды горка слухаць*; вярзіць ‘гаварыць недарэчнасці, бязглуздзіцу’: *Навёرز сем карабоў* і інш. Як бачна з прыведзеных прыкладаў, семантызацыя маўленчых паводзін чалавека адбываецца найперш за кошт указаных дзеясловаў маўлення.

Корпус прыказак і прымавак са значэннем маўленчай дзейнасці даволі выразна выяўляе ў сваёй семантыцы этнапсіхалагічныя адзнакі беларускага народа. Парэміялагічныя адзінкі, у межах якіх рэалізаваны канцэпт “слова”, служаць не толькі для апісання дзеяння з пункту гледжання суб’екта мовы, але нярэдка ўжываюцца для характарыстыкі псіхічнага стану чалавека, выражэння яго адносінаў да іншых людзей. Экспрэсіўнасць трапных народных выслоўяў дадзенага тэматычнага кола звязана з адлюстраваннем нарматыўнай карціны свету нашага народа, у якой замацаваны пэўны гістарычны вопыт і асаблівасці светабачання. Так, прадстаўнікамі беларускай этнакультуры асуджаецца жаданне пасмяяцца з іншых: *Не смейся*

з людзей – смейся з сябе і сваіх дзяцей; крывадушнасць: *На языку мядок, а на сэрцы лядок*; выхваляння: *Хваліцца – не касіць, рука не баліць*. Станоўча ацэньваецца беларусамі стрыманасць і памяркоўнасць у размовах: *Будзь спачатку выслухачым, а потым апавядачым; Меней гавары – болей ведаць будзеш; Хто гаворыць – сее, хто маўчыць – жне; Ёш пірог з грыбамі, а язык трымай за зубамі*. Носьбіты беларускай мовы станоўча ацэньваюць праўду і адмоўна – хлусню, якая не спрыяе добрым узаемаадносінам. *Хлусня як алей – выйдзе наверх; З брахні не мруць, ды брахунам веры не даюць; Скажаш нягодніку пра вераб’я, а ён людзям – пра каня; Гаварылі за вочы, гаварыце ў вочы*. Аднак у беларускай мове сустракаюцца таксама прыказкі і прымаўкі, у якіх семантызуецца адваротнае разуменне праўды і хлусні. Нездарма кажуць, што ў чалавека за плячамі з аднаго боку сядзіць анёл, а з другога – чорт, які таксама кіруе нашымі ўчынкамі, напрыклад: *Я брашу, як клін чашу, а ты праўду гаворыш, як плот гародзіш; Хто хлусіць, той выш’е і закусіць, а хто праўду кажа, той галодны ляжа*.

Згодна з меркаваннямі беларусаў, маўленне павінна ўзбагачаць асобу духоўна, развіваць яе інтэлект, змяшчаць у сабе элементы павучання. Сказанае слова павінна быць дакладным, узважаным, прадуманым і асэнсаваным. Трэба добра ведаць тое, пра што гаворыш. Пра людзей, якія любяць сказаць не падумаўшы, у народзе кажуць так: *Языкам у Вільні, а розумам за печчу*. Для абазначэння маўленчых паводзін чалавека з мэтай пэўнага ўздзеяння на адрасата выкарыстоўваюцца шматлікія парэміі, напрыклад: *З разумным пагавары – розуму набярэшся, а з дурнем – і апошні страціш*. Беларусы лічаць, што трэба быць асцярожным у выбары слоў, памятаючы, што *Млын меле – мука будзе, язык меле – бяда будзе*. Народная мудрасць перасцерагае: *Невядомая дарога на канцы языка; У добры час*

сказаць, а ў блізі памаўчаць; *Бойся Усявышняя і не гавары лішняга*. Слова, якое “вырвалася” (гэта значыць – сказанае паспешліва ці неабдуманна), можа прывесці да непажаданых вынікаў: *Не ляпай пустога, бо як з цэпа сарвецца, то і галаве дастанецца; Усё казаць – ворагаў нажываць*. Вобразная аснова зместу некаторых парэмій можа стварацца шляхам параўнання: *Конь вырвецца – здагоніш, а слова вырвецца – не зловіш; Слова як птушка: выпусціў не вернеш* (слова такое ж хуткае, як конь ці птушка). Структура некаторых трапных народных выслоўяў заснавана на супастаўленні: *Сліны не падымеш, а слова не вернеш* або супрацьпастаўленні, у аснове якога – нематэрыяльная сутнасць слова, якую нельга ўбачыць ці “злавіць”: *Слова не верабей: вылеціць, не зловіш*.

Для таго, каб размова з іншым чалавекам прыносіла задавальненне, радасць, трэба імкнуцца да ўзаемаразумення з суразмоўцам, правільнага ўспрыняцця слухачом адрасаванай яму інфармацыі. Невыпадкова ў беларускай парэміялогіі сустракаюцца прыказкі і прымаўкі, якія змяшчаюць у сабе папрок удзельнікам гутаркі за нежаданне “прыслухоўвацца” да таго, з кім размаўляеш: *Я яму пра Фаму, а ён мне пра Ярому; Ты яму “стрыжана”, а ён табе “голена”; Хто пра хату, а хто пра лапату; Ты яму гавары, а ён дагары; Я яму пра абразы, а ён мне пра гарбузы і інш.*

Нашы продкі заўважылі, што праўдзівае, шчырае і адкрытае слова прыносіць чалавеку асалоду, радасць, добры настрой: *Не частуй мяне ні піўцом, ні вінцом, а прывітай мяне шчыранькім слаўцом; Ласкавае слова – што дзень ясны; Лепей ад беднага добрае слова, як ад багатага падмога; Добрае слова не забываецца і інш.* Беларусы заўсёды з павагай ставіліся да людзей разумных і кемлівых, якія ўмелі складна гаварыць і “па слова ў кішэнь не лезлі”: *Без прыказкі і з лаўкі не зваліцца; Гаворыць, як крыніца булькоча. У многіх даследаваных*

прыказках і прымаўках фармулююцца правілы маўленчых паводзін, даюцца парады суразмоўцам, рэгламентуюцца камунікатыўныя якасці маўлення. Так, у моўнай карціне свету беларускага народа станоўча ацэньваецца ветлівасць, уменне падтрымаць гутарку, разумна і дасціпна весці яе, выказваць свае думкі ясна, лагічна, дакладна і недвухсэнсоўна: *Можна і не рукацца, але прывітацца; Залатыя словы і сказаны ў пару; Са ўсякім па ўсякаму і гавары; Трэба знаць, дзе што казаць; Калі слова прыроднае, дык яно і добрае.* Між тым, сустракаюцца народныя выслоўі, якія змяшчаюць у сабе папрок таму, хто не валодае пры суразмоўніцтве такімі якасцямі маўлення: *“Дзень добры” свінні з’елі; Гаворыць – як п’яны плот гародзіць; Байка без канца, што кабыла без хваста.* Пра чалавека, які ўвесь час гаворыць пра набалелае або пра тое, што яго турбуе ў дадзены момант, калі размова ідзе зусім на іншую тэму, у народзе кажуць: *Каму што, а Базылю аладкі; Каму што, а свінні месіва; Што каму рупіць, той тое і жупіць; У дзеда адна бяседа: дзе быў, з кім піў, хто каго біў.*

Некаторыя прыказкі і прымаўкі даводзяць, што трэба ўмець гаварыць коратка і сцісла: *Лепш недагаварыць, чым перагаварыць; Гутаркі – тры мяхі, а ладу (толку) ні крыхі; Пра адны дрожджы не гавораць тройчы; Нагаварыў мех і торбу і інш.* Беларусамі адмоўна ацэньваецца жаданне некаторых “аматараў” казаць пра тое, чаго дакладна не ведаеш: *Чуе звон, ды не ведае, дзе ён; За глухім не прападзе: не дачуе, дык прыкладзе.* Як сведчыць жыццёвы вопыт, нярэдка людзі займаюцца пустымі размовамі, абгаворваюць, пляткараць, “перамываючы косці” сваім знаёмым: *Гавораць, гамоняць, а не ведаюць, у якой царкве звоняць; Толькі слухай, чаго накажуць: скажуць, што і масла хлебам мажуць; Раскажаш пра вераб’я, а перакажуць пра жураўля; Погаласку пусцяць, з ветру вярхоўку саўюць, а чалавеку спаць не дадуць.* У той жа час

у многіх парэміях падкрэсліваецца, што *Людзям губа не замкнёна і На чужы раток не накінеш платок.*

Сярод парэміялагічных адзінак, якія адлюстроўваюць этнакультурныя нормы моўных паводзін беларусаў, значную групу складаюць прыказкі і прымаўкі, у якіх замацавалася народнае ўяўленне пра жанчыну як асобу балбатлівую, неразважлівую ў размовах, якая не ўмее захоўваць сакрэты і “трымаць язык за зубамі”: *Карову б’юць за зык, а бабу за язык; Калі сказаў бабцы, то як усёй грамадцы; Кумка кумцы па сакрэту, а кумка – усяму свету; Гэта пагаворка з бабінага падворка; У жонкі язык доўгі, а ў мужыка розум добры; Ні села, ні пала – а ўсяму свету расказала.* Варта адзначыць, што у рускай мове падобных прыкладаў народных афарызмаў не знаходзім.

У народзе заўсёды высока ацэньвалася змястоўнасць маўлення і падвяргаліся асуджэнню марныя, неразважлівыя ці бессэнсоўныя размовы, якія забіраюць шмат часу: *Хлебам не кармі, а пагаварыць дай; Пустая гаворка дарагі час адымае; Ад пустога звону карысці нікому; Дровы палаюць, а гаршкоў не відаць.* Пустыя, нікому не патрэбныя гаворкі таксама перашкаджаюць працы, якую беларусы спрадвеку лічылі першаасновай жыцця, а таму з вялікай адказнасцю ставіліся да яе: *І шыла, і мыла, і прала, і ткала – і ўсё языком; Лепш крышку зрабіць, як багата нагаварыць; Не таму слава, хто на язык лёгкі, а таму – хто ў справе стойкі; На языку – хоць куды, а на працы – нікуды; Работы словам не заменіш; Хто языком штурмуе, не шмат наваюе; Языком сена не накосіш і інш.*

Маральныя каштоўнасці нашага народа, як вядома, фарміраваліся на працягу стагоддзяў. У парэміялогіі знайшлі адлюстраванне ўяўленні беларусаў пра сям’ю як адну з асноўных і найбольш значымых у жыцці чалавека каштоўнасцей. Менавіта таму большасць прыказак і прымавак, якія адначасова адлюстроўваюць ўзаемаадносіны ў сям’і і семантызуюць маўленчыя паводзіны,

валодаюць станоўчай канатацыяй і носяць павучальны характар: *Скраблё цвёрдае, а конь яго любіць – бацькава цвёрдае слова дзетак быць людзьмі вучыць; Трэба, каб і малое ведала, каму казаць “ты”, а каму “вы”;* *Не біце вяроўкамі, навучайце гаворкамі; Не біце дубцамі, навучайце слаўцамі* і інш. Як бачна з прыведзенага моўнага матэрыялу, прыярытэтным у сямейным выхаванні беларусаў спрадвеку лічылася не фізічнае ўздзеянне ці пакаранне, а цвёрдае, павучальнае бацькоўскае слова, якое накіроўвае чалавека на правільны жыццёвы шлях.

Спецыфіка канцэпту “слова” выразна выяўляецца ў парэміялагічных адзінках праз анамастычную лексіку, якая ўваходзіць у іх склад. Асабовыя імёны ў складзе прыказак і прымавак са значэннем маўленчай дзейнасці не толькі сведчаць пра асаблівасці беларускага нацыянальнага іменаслова, але і называюць тыя або іншыя якасці, рысы характару чалавека, выступаюць паказчыкамі пазітыўнага ці негатыўнага стаўлення да асобы з боку іншых. Напрыклад, у моўнай свядомасці нашых продкаў увасабленнем балбатлівасці з’яўляліся імёны *Апанас*: *Мялі, Апанас, цяпер твой час; Іван*: *Мялі, Іване, дакуль ветру стане; Андрэй, Талаш*: *Дзе Андрэй ды Талаш, там цэлы кірмаш.*

Рэпрэзентацыя маўленчых паводзін у прыказках і прымаўках беларускай мовы адбываецца таксама за кошт ужывання такіх саматычных кампанентаў, як *рукі*: *У яго рукі да языка не дастасаваны; галава*: *Тады бясконца язык меле, калі галава пустэля; Галава не ведае, што язык апаведае; рот (вусны, губа)*: *Яму не кладзі пальца ў рот; Няма тае хусты, каб завязаць людзям вусны; У яго з адной губы і горача, і сцюдзёна; Выказанага слова да губы не вернеш; зубы*: *Язык у разумнага ў галаве, у дурнога – на зубах; вочы*: *Гаварылі за вочы, гаварыце ў вочы; Добрая пасловіца ў вочы колецца;*

З вачэй іскры сыплюцца, а з языка мёд цяэ.

У парэміялагічных адзінках беларускай мовы, якія характарызуюць маўленне чалавека, найбольш ужывальным структурным кампанентам з’яўляецца назоўнік *Язык*. І гэта невыпадкова: маўленне ўзнікае ў выніку пэўных рухаў языка. Пры гэтым язык можа *біць*: *Не б’е мужык, але язык* (языку прыпісваюцца дзейны чалавека); *віляць*: *Вільнуў языком, як сабака хвастом; вярцецца*: *Верціць языком, як сабака хвастом* (рухі языка параўноўваюцца з рухамі хваста сабакі); *малоць*: *Млын меле – мука будзе, язык меле – бяда будзе; матляцца*: *Языком матляй, ды рукам волі не давай; хвастаць* ‘бесперастанку гаварыць’: *Язык без касцей, усё хвосчча; хадзіць*: *Язык па-за вушшу ходзіць* (языку надаюцца якасці жывой істоты); *ляшчаць* ‘ляскатаць, хутка, многа і не змаўкаючы гаварыць’: *Язык ляшчыць, як калаўротак трашчыць* (рухі языка прыпадабняюцца да рухаў калаўрота – прылады для механізаванага прадзення льну і воўны ў хатніх умовах); *лапатаць* ‘гаварыць бесперастанку пра нешта малаважнае, нязначнае’: *Лепей памаўчаць, чым языком лапатаць; распускаяцца*: *Распусціўся язык, як фурманскі біч; весці*: *Язык і да Кіева давядзе; дапытвацца*: *Язык і да Кіева дапытваецца* і інш. Сярод прыведзеных парэмій сустракаюцца тыя, якія даюць характарыстыку маўленчай дзейнасці чалавека праз параўнанне языка з пэўнымі рэаліямі і прадметамі побыту, уласцівымі беларусам у мінулыя часы: млынам, калаўротам, бічом (доўгай плеченай вяроўкай), шылам: *Не язык, а шыла ды з перцам* і інш.

Для большасці беларускіх прыказак і прымавак характэрна асэнсаванне языка як органа маўлення, які не “падпарадкоўваецца” волі чалавека: *Языка не прывяжаш; Язык мой – вораг мой*. Разам з тым сустракаецца нямала парэмій, у якіх чалавеку даюцца мудрыя парады, так званыя “правілы кіравання” языком: *Трымай язык на прывязі; Не*

давай волі языку; Як брыдкае слова сказаць, лепш язык выплюнуць. Між тым, у моўнай карціне свету беларусаў замацавалася думка пра тое, што адно з асноўных патрабаванняў да прадстаўнікоў некаторых прафесій – быць “бойкім на язык”, знаходлівым у размовах, красамоўным: *Боцдару трэба рукі, адвакату – язык; Без’языкага за адваката не бяруць*. Як бачым, у дадзеных народных афарызмах выразна семантызуецца думка пра тое, што адвакацкай справай павінен займацца чалавек з добра развітымі камунікатыўнымі якасцямі маўлення.

Прыказкі і прымаўкі са структурным кампанентам-назоўнікам *язык*, у якіх рэпрэзентуецца канцэпт “слова”, у сваёй большасці маюць адмоўную канатацыю. Яны паказваюць, што “праца” языка, як правіла, безвыніковая: *Языкам масла не саб’еш; Языкам бервяна не ачэшаш*. Больш за тое, “працуючы толькі языком”, можна нашкодзіць: *Язык і ў бядзе, і ў дабры можа пашкодзіць*.

Такім чынам, даследаваны парэміялагічны матэрыял сведчыць пра тое, што ў прыказках і прымаўках са значэннем маўленчых паводзін у якасці найбольш распаўсюджаных кампанентаў ужываюцца назвы органаў моўнага апарату. Найбольш ужывальным структурным кампанентам з’яўляецца лексема *язык* (па нашых падліках, 65 парэміялагічных адзінак). Структура парэмій са значэннем маўленчай дзейнасці дазваляе вылучыць сярод іх моўныя адзінкі, пабудаваныя па мадэлі ‘дзеяслоў маўлення + назоўнік *язык*’.

Адметнае месца сярод парэмій са значэннем маўленчых паводзін займаюць народныя афарыстычныя выслоўі, у склад якіх уваходзяць назоўнікі-заонімы. Гэта тлумачыцца тым, што чалавек з даўніх часоў разглядаў і ацэньваў сябе ў непарыўнай сувязі з жывёльным светам, лічыў жывёл сваімі продкамі. Менавіта таму многія парэміялагічныя адзінкі заснаваны на параўнанні чалавека з птушкамі ці жывёламі: сарокай,

салаўём, дзятлам, свіннёй, сабакам, жабай і інш. Так, напрыклад, чалавека, які любіць займацца пустымі размовамі, параўноўваюць з сарокай ці дзятлам: *Не дарма сарока пчабяталала; Сарока калу, а кол усяму сялу* (традыцыйна лічыцца, што сарока – гэта птушка, якая прыносіць весткі); *Хто б дзятла знаў, каб не яго дзюба*. Таго, хто любіць выхваляцца падчас размовы, параўноўваюць з жабай: *Жаба квокча, сваё балота хваліць*. Салавей ва ўяўленні ўсходніх славян з’яўляецца эталонам красамоўства. Адпаведна і чалавека, які ўмее прыгожа выказаць свае думкі, часта параўноўваюць з салаўём. Аднак каштоўнасць любой гаворкі вызначаецца не ўяўнай прыгажосцю сказанага, а яго якасцю і змястоўнасцю. Таму невыпадкова беларусы заўважылі: *У дурнога салаўя – дурная песня*.

У парэміях выключна адмоўную канатацыю мае заонім *свіння*, паколькі гэтая жывёла ў прадстаўнікоў нашага народа з’яўляецца сімвалам шкадлівасці і неахайнасці. Гэтым якраз і тлумачыцца ўзнікненне народнага выслоўя – *Перабіла свіння пацеры, няхай сама гаворыць*, дзе асуджаюцца паводзіны нявыхаванага чалавека, які беспрычынна ўмешваецца ў размову.

Найбольш распаўсюджаным у прыказках і прымаўках са значэннем маўленчых паводзін з’яўляецца параўнанне чалавека з сабакам (па нашых падліках, 12 парэмій). Са старажытных часоў сабака лічыўся сябрам чалавека. Але народныя ўяўленні пра жывёл даволі супярэчлівыя: нярэдка адной і той жа жывёле надаваліся процілеглыя характарыстыкі. У прыватнасці, сабаку маглі прыпісваць не толькі дабрыню, вернасць, але і злосць ці шкадлівасць (гэта захавалася яшчэ ад біблейскага вобраза пакрыўджанай і гнанай асобы). У семантыцы парэміялагічных адзінак беларускай мовы назоўнікавы кампанент *сабака* валодае таксама адмоўнай канатацыяй. Менавіта таму чалавека, які любіць хлусіць, маніць або

распаўсюджвае плёткі, ілжывыя чуткі ці звесткі пра некага, беларусы параўноўваюць з сабакам: *Брахлівага сабаку здалёку пачуеш; Сабака брэша – вецер вее; Лёгкі з языком, як сабака з хвостом; Брахлівы пасол аббрэша многа сёл; Каб з сямі вёсак сабак пазганяў, то з ім не збрэшуцца; Як гаворыш у хаце, так брашы і на кірмашы; Не той сабака, што брэша, а што перабрэхвае* і інш. У некаторых парэміях сабаку прыпісваюцца такія ўласцівасці, як ліслінасць ці двудушнасць: *Не бойся сабакі куслівага, а бойся сабакі звяглівага; Таго сабакі страшней, што лапчыцца, як таго, што брэша*. У нешматлікіх прыказках і прымаўках паводзіны чалавека падчас размовы атаясамліваюцца беларусамі толькі з асобнымі ўласцівасцямі прадстаўнікоў жывёльнага свету: *Языком меле, як хвостом цяля* (характарызуюцца пустыя, бессэнсоўныя размовы); *Языком меле, хвостом зацірае* (пра хітрага ў размове чалавека); *У яго рот воўчы, а хвост лісіны* (пра двудушнага чалавека).

Даследаванне спецыфікі парэміялагічных адзінак са значэннем маўленчых паводзін, у склад якіх уваходзяць назвы прадстаўнікоў жывёльнага свету, паказвае, што ў аснову многіх трапных народных выслоўяў са значэннем маўленчых паводзін лягло параўнанне чалавека з жывёламі. Асноўная маса даследаваных парэмій, якія рэпрэзентуюць канцэпт “слова”, нясе ў сабе адмоўную канатацыю, што знаходзіць адлюстраванне ў семантыцы найперш такіх структурных кампанентаў, як *свіння* і *сабака*.

Заклучэнне. Парэміялагічныя адзінкі разгледжанага семантычнага тыпу, у межах якіх адбываецца рэалізацыя канцэпту “слова”, з’яўляюцца ўнікальнай скарбніцай пэўнай нацыянальна-культурнай і гістарычнай інфармацыі пра беларусаў, сведчаць пра іх этнапсіхалагічныя адзнакі, асаблівасці нацыянальнага характару, спосаб мыслення, маральна-этычныя нормы паводзін. У нацыянальна-

культурнай семантыцы даследаваных прыказак і прымавак выразна прадстаўлена духоўная і матэрыяльная культура беларускага этнасу, яго звычаі, традыцыі, асаблівасці ўнутранага свету, эстэтычныя погляды і маральныя прынцыпы – усё тое, што фарміруе спецыфічную моўную карціну беларусаў.

Даследаванне нацыянальна-культурнай спецыфікі прыказак і прымавак са значэннем маўленчай дзейнасці чалавека дазваляе сцвярджаць, што ў іх носьбіты беларускай этнакультуры выразна вызначылі станоўчыя і адмоўныя якасці маўлення, выказалі сваё разуменне яго ролі ў працэсе працы, паказалі, як яно ўплывае на характар гутаркі, якімі якасцямі павінны валодаць суразмоўцы. У прааналізаваных народных афарызмах выразна адлюстраваны адносіны беларускага народа да пэўных з’яў у паводзінах людзей. Значная частка парэмій, якія характарызуюць маўленчыя паводзіны, мае адмоўную канатацыю. І гэта невыпадкова: беларускі народ заўсёды імкнуўся падкрэсліць негатыўнае ў паводзінах людзей для таго, каб яго выправіць. Найбольш поўна семантызаваны такія адмоўныя якасці чалавека, як балбатлівасць, пустаслоўе, пляткарства, якія выяўляюцца ў працэсе маўлення. Станоўча ацэньваецца беларусамі пры суразмоўніцтве стрыманасць, красамоўства, шчырасць і адкрытасць.

Асэнсаванне народнай мудрасці, схаванай у змесце парэміялагічных адзінак са значэннем маўленчай дзейнасці, дазваляе нам пазбягаць нечаканасцей і непрыемнасцей у сферы камунікацыі, лепш арыентавацца ў складаных жыццёвых сітуацыях і знаходзіць правільныя рашэнні.

Літаратура

1. Данич, О.В. Менталитет белорусов и русских. Отражение в мифологии, фольклоре, фразеологии: учеб.-метод. пособие / О.В. Данич. – Витебск: Изд-во УО “ВГУ им. П.М. Машерова”, 2004. – 84 с.

2. Клуудук, С. Маўленчы этыкет і культура зносінаў у сістэме народных выслоўяў / С. Клуудук // Беларуская фразеалогія і еўрапейскі моўны кантэкст: зб. навук. арт.: у 2 т. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна, Каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі; рэдкал.: М.М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст: Альтернатыва, 2009. – Т. 2. – С. 92–97.
3. Селюжыцкая, Ж. Правілы маўленчых паводзін у беларускіх прыказках / Ж. Селюжыцкая // Беларуская фразеалогія і еўрапейскі моўны кантэкст: зб. навук. арт.: у 2 т. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна, Каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі; рэдкал.: М.М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст: Альтернатыва, 2009. – Т. 2. – С. 31–35.
4. Маслова, В.А. Когнітыўная лінгвістыка: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Мінск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
5. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі / А. Аксамітаў. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 115 с.
6. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 494 с.
7. Іванова, С.Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выказаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў. – Мінск: Беларус. Фонд Сораса, 1997. – 262 с.
8. Лепешаў, І.Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 511 с.
9. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М.Я. Грынблат. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.; кн. 2. – 616 с.
10. Снегірев, І.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / И.М. Снегірев. – Н. Новгород: Братія славяне, Три богатыря, 1996. – 624 с.

Паступіў у рэдакцыю 12.11.2012 г.

Прыняты ў друк 21.12.2012 г.

УДК 811.161.1'373.23

Логико-философские взгляды на личное имя

Скробнева Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Проблемы номинации, начиная с трудов древнегреческих и древнеримских ученых, неразрывно связаны с глубинными аспектами существования мира и Бога, воспринимаются не только как лингвистические, но и как логико-философские. В статье рассматриваются некоторые логико-философские концепции личного имени, оказавшие значительное влияние на развитие ономастики. Основное внимание уделяется философским системам родоначальника античного идеализма Платона, представителей философии имени А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского, ведущего теоретика деконструктивизма Ж. Деррида. Подчеркивается значимость для современной лингвистики наблюдений над языком философов-имяславцев (поворот к антропологической ориентации в изучении языка, повышенное внимание к проблеме символа, раскрытие природы языка внутри философии как общая методологическая основа анализа языкового материала, идеи о ведущей роли языка в формировании культуры).

Ключевые слова: личное имя, логика, номинация, ономастика, связь имени с денотатом, философия.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 156–162)

Logical and philosophical views on the personal name

Skrebneva T.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

Starting with the works by the scientists of Ancient Greece and Rome, the issues of nomination are inseparably linked with deep aspects of the existence of the world and God and apprehended not only as linguistic but also as logical and philosophical ones. Some logical and philosophical conceptions of the personal name, which influenced the development of onomastics, are described in the article. Special emphasis is placed on the philosophical systems created by Plato who was the founder of ancient idealism, A.F. Losev and P.A. Florensky, the representatives of the Name philosophy, and J. Derrida, the leading theorist of deconstructivism. The importance of the research in name-extolling philosophers' language (the turn to the anthropological direction in language study, higher attention on the problem of the symbol, exposure of the language nature in philosophy as the general methodological basis of the analysis of the language material, the idea of the language leading part in the forming of the culture) for the modern linguistic science is accentuated.

Key words: personal name, logics, nomination, the connection between the name and the denoted object, philosophy.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 156–162)

Практически с самых ранних стадий существования языкознания возникает его тесная связь с философией и логи-

кой. Господствующие философские направления той или иной эпохи неизменно оказывали влияние на лингвистическую теорию.

Адрес для корреспонденции: e-mail: skrebnev@gmail.com – Т.В. Скробнева

Ономастика – сравнительно молодая специальная языковедческая дисциплина: самостоятельный научный статус она обрела в 30-е гг. XX в., однако «отношение к имени собственному как к важнейшей составляющей человеческого существа и как к форме его проявления» является одним из «универсальных на-дэтнических культурных архетипов» [1, с. 103], в равной степени значимых для разных типов сознания, начиная с мифологического.

Цель данной статьи – аналитический обзор и систематизация существующих зарубежных и российских концепций личного имени с периода античности до начала XXI века.

Материал и методы. В качестве материала исследования использовались философские сочинения ряда авторов, а также научные работы, посвященные их толкованию (они отражены в списке литературы). Основным методом исследования является дескриптивный, представленный приемами интерпретации и обобщения.

Результаты и их обсуждение. Истоки проблемы когнитивного потенциала имени уходят в спор об истинности имен и пригодности их для обозначения вещей, разгоревшийся в античной философии. Древнегреческие ученые в силу концентрации исследовательского интереса на вопросах методологии познания обычно оперировали нерасчлененной категорией «имя» и противопоставляли принцип «правильности» имен по природе (*Гераклит Эфесский, стоики: Августин, Хрисипп, Кратес Малосский* и др.) теории «договора» (*Демокрит, Аристотель*). С деятельностью стоиков (III в. до н.э.) связывается выделение собственных имен в особый класс слов в противоположность «нарицанию», а также зарождение этимологического анализа, направленного на постижение семантической природы языка. Однако, не выработав твердых принципов этимологических исследований, стоики допускали произвольные толкования первичных значений слов, чем вызвали критичное отно-

шение современников к своим изысканиям [2, с. 13].

Практически все проблемные узлы теории имени обнаружил родоначальник античного идеализма *Платон* (ок. 427 – ок. 347 до н.э.) в «Седьмом письме» и корпусе диалогов «Кратил», «Софист», «Государство», «Федр». Работы, имеющие отношение к имени, представляют собой неотъемлемый компонент философской системы Платона и базируются на следующих предпосылках:

1) имена даны нам или предлагаются нами самими до начала познавательного процесса;

2) как таковые, имена уже располагают некоторым знанием;

3) это знание опосредуется Идеями.

Срединное, опосредующее положение имен, располагающихся между называемой вещью и знанием о ней, имманентным и трансцендентным, наиболее полно проанализировано в «Седьмом письме», где описывается так называемая философская дигрессия, или, иными словами, «лестница познания»: «Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень – это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое – это имя, второе – определение, третье – изображение...» [цит. по: 3, с. 17–18].

В диалоге «Кратил» Платон проследживает два ракурса проблемы посредничества имен: их приложение к объектам / вещам повседневного мира и связь с Идеями. Проблематизация этих ракурсов осуществляется путем столкновения двух различных интерпретаций имени, представленных Кратилом («имя есть выражение вещи») и Гермогеном («имена конвенциональны и имеют значение, по поводу которого согласны те, кто договорился относительно них» [цит. по: 3, с. 19]). Развенчивая указанные точки зрения, отвергающие, хоть и по совершенно разным причинам, само существование ложных имен, Сократ выражает точку зрения Платона. Обращаясь к идее двух языков (обыденного языка, именуемого

«вещи в движении», и языка, обращенного к тому, что относится к «вещам в покое», и выражает Идеи), Сократ подчеркивает, что прямое и непосредственное отношение к Идеям имеют только божественные имена, именованные же, которыми пользуются люди, характеризуются только определенной близостью к Идеям, могут быть существенно удалены от последних. Пригодность имени для номинации измеряется его способностью быть одновременно обращенным к Идею и «вещи в движении» и выражать их обеих. Чрезвычайно важными для теории Платона являются параметры истинности / ложности и правильности / неправильности, исходя из которых устанавливаются типы имен, варьирующиеся от неистинных и неправильных до истинных и правильных. В диалоге «Кратил» обнаруживаются и своеобразные представления автора о мотивировке имен, которые едва ли можно считать научными. Однако, по замечанию Е. Гурко, «...намерения Платона заключаются не в том, чтобы обнаружить полное сущностное знание, содержащееся в именах, а в том, чтобы возвести имена в ранг знания за счет доказательства их связи с Идеями, связи пусть самой отдаленной, но зато первичной...» [3, с. 34].

Семантика привлекала к себе особое внимание во всех философских и лингвистических традициях. На мысли о существовании причинных связей в процессе номинации были основаны «исправления имен» в Китае, когда девиз правления императора в случае, если оно было несчастливом, объявлялся «неправильным» и изменялся. Ибн Джинни, крупный арабский ученый-языковед конца X – начала XI в., исходил из того, что исконную связь с конкретными понятиями имеют комбинации из нескольких согласных звуков независимо от их порядка, в связи с чем предпринимал попытки выявить семантические связи между словами, где в произвольном порядке располагались одинаковые корневые согласные звуки [4, с. 31].

На основе представлений о связи имени с денотатом сложилось несколько полярных концепций, объединяющих философов, лингвистов и логиков разных эпох:

1. Теория, согласно которой собственные имена не имеют значения, в отличие от нарицательных, обозначающих предмет и подразумевающих атрибут (Дж. С. Милл). – Теория, согласно которой собственные имена имеют большее значение, чем нарицательные (стоики, римский грамматик IV в. Диомед, Х. Джозеф, Г. Суит, О. Есперсен, М. Брель).

2. Теория, согласно которой каждое имя исключительно индивидуально (стоики, Дионисий Фракийский, Аполлоний Дискол, римские грамматик Диомед, Донат, Консентий, грамматик Пор-Рояля, Г. Суит). – Теория, согласно которой все имена собственные – синонимы (К. Тоггебу).

3. Теория произвольности собственных имен (О. Есперсен, П. Кристоферсен, А. Гардинер). – Теория строгой мотивированности собственных имен (восходит к греческой теории «по природе», возрождается в XX в. в противоположность концепции произвольности) [5, с. 88].

Перечисленные подходы, ставящие во главу угла противоположные сущностные признаки личного имени, подробно изложены в работах А.В. Суперанской [5, с. 45–91], В.Д. Бондалетова [6, с. 11–15]. Совершенно справедлив вывод А.В. Суперанской о том, что каждый из подходов содержит рациональное зерно и может быть верным «в каких-то условиях, для каких-то лексических групп, при принятии каких-то ограничений» [5, с. 88].

В советский период развития общества из проблемного поля ономастики в силу социально-политических обстоятельств и утилитарно-прагматического отношения к языку была исключена философия имени, концептуальные положения которой получили развитие в

трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева. Философия имени – самобытное течение русской философской мысли начала XX в. – возникла в связи с необходимостью решения вопросов об онтологической природе слова и имени, появившихся в рамках теологического спора о сущности Имени Божия. Поводом для спора послужил выход в свет книги схимонаха Иллариона «На горах Кавказа» (1-е изд. – 1907 г., 2-е изд. – 1910 г.), в которой описывался опыт Иисусовой молитвы и было высказано положение о том, что «в Имени Божиим присутствует Сам Бог – всем Своим Существом и всеми Своими бесконечными свойствами» [7, с. 205]. В результате оживленных дискуссий об оправданности данного тезиса в церкви столкнулись две богословские позиции: имяславие, защищавшее идею о бытовании Божественных свойств в Имени Божиим, а также имяборчество, рассматривавшее ее как ересь идолопоклонства. Несмотря на то, что последняя точка зрения с некоторыми оговорками была принята Святейшим синодом, имяславская доктрина, выйдя за пределы церковно-догматической проблематики, получила дальнейшую разработку в области лингвофилософии. В работах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева философия имени разворачивается вокруг осмысления «магичности» [8, с. 38] как Имени Божия, так и человеческих имен, последовательно раскрывается энергичная связь между словом и обозначаемой им сущностью, между именем человека, его психофизическими особенностями и биографией, между языком и актуальной действительностью культуры. При этом используемые в рамках философии имени категории несут на себе печать влияния Платона, восточнохристианской патристики, западноевропейской философской мысли начала XX в.

Лейтмотивом понимания имени у П.А. Флоренского (1882–1937) может считаться тезис о неотделимости имени от именуемого. Он подчеркивает, что «имена выражают типы бытия личност-

ного»

[9, с. 93], предопределяют личность и намечают идеальные границы ее жизни, не лишая при этом свободы нравственного выбора: «Верхний полюс имени – чистый индивидуальный луч божественного света, первообраз совершенства, мерцающий в святом данного имени. Нижний полюс того же имени уходит в геенну, как полное извращение божественной истины данного имени, но и тут остается инвариантным. Между верхним и нижним полюсом помещается точка нравственного безразличия, тоже по своему предел, около которого ...собираются обыкновенные средние люди» [9, с. 116–117]. П.А. Флоренский называет имя сгущенным словом, которое есть «неустанная играющая энергия духа», и уподобляет его образованиям органическим, «столь же приспособляющимся к внешним условиям, как и неизменным в своем морфологическом типе»: «...оно находит в себе энергию жизни и перерабатывается приспособительно к условиям страны, народности, духа времени, наследственности, даже применяется к своеобразным оттенкам личных отношений. ...Но нечто от имени остается неприкосновенным» [9, с. 118–119]. Это нечто – изначальная духовная форма имени, стоящая над всеми его частными проявлениями. П.А. Флоренский подчеркивает, что имя состоит из трех «элементов», сочетающихся в живом неразрывном единстве: из звуковой оболочки, наших представлений и благодати [10, с. 313]. В своем понимании имени (и шире – слова) он близок к выдающемуся лингвисту В. фон Гумбольдту, рассматривавшему язык в неразрывной связи с духом и культурой народа.

Итогом многолетней работы А.Ф. Лосева по построению диалектической системы слова-имени явились труды «Философия имени» (впервые вышла в 1927 г.) и «Вещь и имя» (написана в конце 20-х гг., опубликована в 1993 г.). А.Ф. Лосев отказывается от традиционной трактовки слова как комплекса звуков, объединенных конкретным значением, на том

основании, что она не раскрывает социальной природы слова. Наиболее приемлемым А.Ф. Лосев считает определение слова как смысла, ведь «дойти до слова и значит дойти до смысла» [11, с. 161]. Имя и слово в «Философии имени» нередко выступают в одном понятийном контексте, не становясь тем не менее синонимами: имя – лишь один из видов слова; если слово есть смысл, понимаемая сущность, то имя – это сердцевина сущности. В нем «сгущена и нагнетена квинтэссенция как человечески-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [11, с. 33]. А.Ф. Лосев трактует имя (слово) как живой нерв реального опыта, мост между субъектом и объектом познания: знать имя – значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле, имя и есть «сама вещь в аспекте своей понятности для других, в аспекте своей общительности со всем прочим» [11, с. 185]. Поскольку все в мире (люди, животные, растения, неодушевленные предметы) являет собой смысл и его выражение, сам мир в свою очередь есть имя и слово, лестница разной степени ономастизма, вершина которой представлена сверхумным именем, а низшая ступень – неживой вещью: «Животное в меньшей мере есть смысл, чем человек; растение в меньшей мере смысл, чем животное... Ум и умное – высшая степень сущности, смысла, имени – в «ином». Ощущение – менее сущность, чем мышление. Раздражение – еще менее сущность, чем ощущение. Но и раздражение есть как-то смысл, и ощущение есть как-то сущность и имя, и мышление есть как-то эйдос первоначальной сущности и ее имени» [11, с. 155–156]. Центральной идеей в «Философии имени» является пришедшее из античности представление о некоем светоподобном сиянии имени как эйдоса (идеи) на фоне меона (инобытия), мрак которого в этом сиянии преодолевается: «Имя перво-сущности сияет во всей своей нетронутости предвечного света в инобытийной своей мощности, преодолевшей тьму меона. ...И нет никакого иного

имени под небесами, кроме этого, о нем же подобает спастися нам» [11, с. 87–88].

На основе изучения данных филологических исследований библейских текстов А.Ф. Лосев в работе «Вещь и имя» постулирует три основных значения имени в этих текстах: эйдетическое (световое), энергийное, телеологическое. Эйдетическое значение выражается в том, что Имя Божие предстает как «свет существа Божия, образ и явление Бога, выражение и начертание неименованной и непостижимой сущности Божией» [12, с. 355]. Энергийное значение предполагает, что Имя Божие понимается как «активная сила и могущество естества Божия» [12, с. 361] (отсюда вытекает магическая функция имени, реализуемая в заклинаниях, при богослужении, совершении таинств). В смысле же телеологическом Имя есть «...то светлое и божественное бытие, к которому движется всякое иное бытие и которое как бы издалека руководит миром и привлекает его к себе» [12, с. 366].

Многие наблюдения философов-имяславцев над языком оказались значимыми для современной лингвистики и ономастики, в первую очередь это раскрытие глубинной природы языка внутри философии как общая методологическая основа анализа языкового материала, поворот к антропологической ориентации в изучении языка, повышенное внимание к проблеме символа, особенно актуальной в философско-культурологическом контексте XX в. в связи с разработками в области герменевтики, семиотики, текстологии культуры, теории сознания; идеи о ведущей роли языка в формировании культуры и т.д.

В последней четверти XX – начале XXI в. религия переживает небывалый в новейшей истории подъем. Обращение к вопросам религии, относящимся к поиску имени Бога и определению его места во всеобщей истории именовании, присуще последнему этапу творчества французского философа Жака Деррида (1930–2004), основоположника и ведущего теоретика деконструктивизма. В про-

тивовес устоявшемуся мнению об анти-религиозной направленности деконструкции, развивающей в том числе идеи нищезанятия, проблема имени Бога занимает центральное место в работах Деррида 80–90-х гг. XX в. «Трилогия имени», «Как избежать разговора: денегации». По мнению Ж. Деррида, Бог – причина всего сущего – инициирует язык, в своем имени и посредством его приглашает нас принять участие в божественной игре, разворачивающейся в языке. Имя Бога выступает наиболее убедительным доказательством существования Бога, образцом любого именования. Исключительно Бог обладает исчерпывающим знанием того, что он еще только собирается создать. Но, даже если вещи как таковые оказываются недоступными человеку, только он, помимо Бога, способен оперировать значениями в целях осмысливания мира. Именованье «вещей», созданных человеком, столь же важно, как и творение их, ибо, удерживая вещи в именах, человек сохраняет свой мир – *différance* – «несуществующий мир не-Бытия» [3, с. 409–432]. Имя собственное в философском проекте Ж. Деррида есть не только имя личное, но чаще всего в глобальном смысле – имя как таковое в той мере, в какой оно соответствует денотату, не искажает его. «Открыть имя – не значит найти что-то в нем; то, что обнаруживается в нем, – не нечто, а ничто, пропасть бесконечности вещи как таковой» [цит. по: 3, с. 340].

Заключение. Таким образом, проблемы номинации, начиная с трудов древнегреческих и древнеримских ученых, оказываются неразрывно связанными с глубинными аспектами существования мира и Бога, воспринимаются не только как лингвистические, но и как логико-философские. В новейших ономастических исследованиях консенсус относительно семасиологической концепции имени пока не достигнут, однако очевидны пробы возвращения отечествен-

ных ономастов к представлениям о языке основоположников философии имени.

Литература

1. Ратникова, И.Э. Имя собственное в разных типах сознания / И.Э. Ратникова // Русский язык и литература. – 2001. – № 1. – С. 103–112.
2. Березин, Ф.М. История лингвистических учений: учебник для филол. спец. вузов / Ф.М. Березин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.
3. Гурко, Е.Н. Божественная ономастология: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции / Е.Н. Гурко. – Минск: Экономпресс, 2006. – 448 с.
4. Алпатов, В.М. История лингвистических учений: учеб. пособие / В.М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 367 с.
5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская; отв. ред. А.А. Реформатский. – 3-е изд., испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
6. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
7. Чупахина, Н.А. «Спор об имени» в русской философии начала XX в. / Н.А. Чупахина // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 6, вып. 3, Философия. Политология. Социология. Психология. Право. Международные отношения. – 2007. – С. 205–210.
8. Комков, О.А. Из истории русской философии имени: раннее творчество А.Ф. Лосева / О.А. Комков // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 37–50.
9. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – СПб.: Авалонь: Азбука-классика, 2007. – 336 с.
10. Флоренский, П.А. Сочинения: в 4 т. / П.А. Флоренский; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 1999. – Т. 3(1). – 621 с.
11. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
12. Лосев, А.Ф. Личность и абсолют / А.Ф. Лосев; сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1999. – 719 с.

Поступила в редакцию 07.02.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 821.161.3.09-32

Філасофскія канцэпцыі *антыэстэтыкі вайны* і *амбівалентнасці Быцця* ў навеле “Госць прыходзіць на золкім світанні” У. Караткевіча

Падстаўленка В.Ф.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле даследуюцца адметнасці раскрыцця Уладзімірам Караткевічам філасофскіх канцэпцый антыэстэтыкі вайны і амбівалентнасці Быцця на матэрыяле навелы “Госць прыходзіць на золкім світанні”. Сцвярджаецца: прааналізаваныя пісьменніцкія канцэпцыі шматаспектна ілюструюць ідэю абароны жыцця, патрабуюць ад чытача ўдумліва ставіцца да вызначэння чалавечай сутнасці, нашых спраў і вышэйшай ролі ў свеце. Развіваючы ідэю амбівалентнасці законаў і праяў рэчаіснасці, Караткевіч заклікаў пазбягаць спрошчаных, павярхоўных ацэнак, бо на паверхні элементарнае і адназначнае можа мець складаную шматвектарную іманентную структуру. Для большай пераканаўчасці дадзеных тэз і іх рэалістычнай доказнасці аўтар мадэлюе мастацкі свет твора шляхам палярнай ці амбівалентнай аргументацыі.

Робіцца вывад: аўтарскія філасофскія ідэі дасягаюць асаблівай глыбіні ў многім дзякуючы разнастайным сувязям з біблейскімі першакрыніцамі, пры гэтым Караткевіч свядома экстэнсіфікуе “вечныя” матывы і вобразы, адаптаваўшы іх пад рэаліі XX стагоддзя.

Ключавыя словы: навела, праблематыка, амбівалентнасць, дэструктыўнасць, біблейскія алузіі.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 163–169)

Philosophic concepts *of antiesthetics of war and ambivalence of being* in the novel “Guest comes in chilly sunrise” by U. Karatkevich

Podstavlenko V.F.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article investigates the features of the disclosure by Vladimir Karatkevich of philosophical concepts of antiesthetics of war and ambivalence of being on the material of the novel “Guest comes in chilly sunrise”. It is stated that the analyzed author’s concepts ascertain the idea of life protection, require the reader’s thoughtful attitude to the definition of human nature, our actions and the highest role in the world. Developing the idea of ambivalence of laws and manifestations of the reality, Karatkevich called to avoid simplified, superficial evaluations since what is elementary and clear on the surface can have complicated, multi vector immanent structure. The given theses to be more convincing and realistic the author models the artistic world of the piece of work by means of polar or ambivalent argumentation.

It is concluded that the author’s philosophical ideas reach particular depth thanks largely to the different connections to the biblical source material, with Karatkevich consciously expanding eternal motifs and images, adapting them to the realities of the twentieth century.

Key words: novel, problems, ambivalence, destructiveness, biblical allusions.

Адрас для карэспандэнцыі: вул. 3-я Прадзільная, д. 38, г. Віцебск, 210002; маб. тэл.: +375-29-590-18-38 (МТС) – В.Ф. Падстаўленка

У класічнай творчасці Уладзіміра Караткевіча, выключна таленавітага Творцы і выключнага жыццялюба, шматгранна даследуецца Космас чалавека. Сярод разнастайных па ступені храналагічнай аддаленасці гістарычных “пляцовак”, заканамерна, што пісьменніцкая ўвага закранала і перыяды грамадскай дэструкцыі, эпахальнага выбару і ўсеагульнага выпрабавання. Прыкладам таму з’яўляюцца і абставіны Вялікай Айчыннай вайны, адлюстраваныя Караткевічам у апавяданнях “Госць прыходзіць на золкім світанні”, “Карней – мышыная смерць”, аповесці “Лісце каштанаў”, рамане “Чорны замак Альшанскі”. Пры ўсёй шматлікасці літаратуразнаўчых прац, прысвечаных творчасці класіка (даследаванні А. Вераб’я, А. Мальдзіса, А. Русецкага, В. Шынкарэнкі і інш.), застаецца малавывучаным навуковым аспектам філасофскі базіс згаданых твораў у сістэме адлюстравання ваеннага хранатопу, што і прадвызначае актуальнасць артыкула.

Мэта дадзенай работы – выяўленне спецыфікі раскрыцця Уладзімірам Караткевічам філасофскіх канцэпцый *антыэстэтыкі вайны і амбівалентнасці Быцця* на матэрыяле навелы “Госць прыходзіць на золкім світанні”.

Матэрыял і метады. Аб’ектам даследавання ў артыкуле стала навела “Госць прыходзіць на золкім світанні” У. Караткевіча як унікальны прыклад распрацоўкі філасофскіх канцэпцый *антыэстэтыкі вайны і амбівалентнасці Быцця* праз прызму ідэі катастрафізму вайны. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэстрыптыўнага метадаў, якія дазволілі аб’ектыўна ахарактарызаваць мастацкі твор.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сыходзячы з гуманістычных пазіцый, вайна магла бачыцца класіку толькі як катастрофа, якая непазбежна закранула кожнага. Такая рэцэпцыя Караткевічам змрочных

гадоў першай паловы 1940-х прывяла да экстэнсіфікацыі ў творах трагічных эпізодаў, фантазмагарычных карцін, элементаў мастацкага псіхааналітызму. Арыгінальнай ілюстрацыяй адзначанага вышэй можа паслужыць навела “Госць прыходзіць на золкім світанні” (1959). Праз драматычны лёс мастака Антося Доўгага, праз канцэптualaнае супастаўленне вайны і мастацтва пісьменнік раскрыў шэраг пазачасава значных пытанняў: імператывы існавання чалавека, эстэтыка жыцця і антыэстэтыка вайны, роля і прызначэнне Творцы, вытокі станаўлення асобы, выратавальная функцыя духоўнасці і інш.

Асэнсаванне катастрафічнай сутнасці вайны ідэйна і тэкстуальна прамаркіравана на працягу ўсяго твора. Нават пачатак навелы мае пагрозліва-містычны характар: “<...> уначы над горадам стаў чорны чалавек, доўга глядзеў на сіняга і чырвонага пеўняў, якія біліся ля яго ног, а потым схапіўся за спічастыя вежы касцёла і перавярнуў зямлю дагары нагамі. І стала цемра” [1, с. 261]. Сімволіка-травесцыйны характар эпізода, думаецца, можна патлумачыць наступным чынам: у час татальнага знішчэння свет страчвае сапраўдны ідэйны базіс і маральныя арыенціры, таму, фігуральна кажучы, усё становіцца дагары нагамі. Адбываецца полюсная трансфармацыя (ці свядомая прафанацыя) магістральных паняццяў і з’яў: добра і ліха, жыцця і смерці, сумлення і хлусні, існага і псеўдамастацтва і г.д.

Фантастычныя выявы насычаюць і далейшы змест навелы. Часткова гэта звязана і са спецыфікай мастакоўскага стылю галоўнага героя. Аднак у даваенны перыяд яго карціны знітоўвалі лепшае з рэчаіснасці з аўтарскімі мроямі, так, прынамсі, у ідэалістычным шэдэўры Антося Доўгага “Горад Сонца” дамінавала “лазурна-сонечная гармонія”, якая сцвярджала магчымасць рэальнага шчаслівага жыцця на зямлі.

Але з “Горадам Сонца” кантрастуюць пазнейшыя замалёўкі Доўгага – жахлівыя карціны дэструктыўнага мастацтва вайны: “<...> на фоне дымна-чырвонага асенняга неба вымалёўваецца ўламак дома <...> ён нагадвае жанчыну-плакальшчыцу на каленях. Галава схілена, рукі <...> ляглі на твар, цень ляжыць у выбоіне, быццам косы рассыпаліся на плечы. Называецца “Плач”.

Вось сабака, пужліва азіраючыся, п’е ваду з уламка водаправоднай трубы; другі – капае сабе лапамі сховішча. Называецца “Новае жыццё”.

А вось зусім фантастычна: абгарэлы крыж вялікага дрэва ва ўнутраным двары разбуранага дома. Ад дома засталіся амаль па кругу ўламкі, падобныя на выкрышаныя зубы <...> Называецца “Модлы руін” [1, с. 265].

Ваенныя карціны Антося маніфестуюць ідэі ўсеагульнай сусветнай бяды і хісткай надзеі для чалавецтва выжыць, а таксама апелююць да маральна-духоўных рэшткаў у душы рэцыпіента.

Увогуле канцэпты “душа”, “сэрца” набываюць у навеле полісемантычны характар інтэрпрэтацыі. Паводле поглядаў Доўгага, жывым з’яўляецца не толькі чалавек (і далёка не ўсе людзі!), а і сам свет, і плён крэатыўнай працы асобы таксама. Так, адносна апошняга моманту ў творы сказана: “Антось ведаў, што архітэктурна – душа чалавечая і таму не можа быць мёртвай” (падкрэслена мною. – В.П.) [1, с. 262]. Герой зразумеў застылую ў камянях душу горада, шчыра палюбіў яе і надзвычай балюча ўспрымаў яе знішчэнне: “<...> назіраў за агоніяй вялікага і багатага месца, цэнтра, сэрца. Сэрца гэта плакала. <...> Горад не хацеў жыць <...> – і таму канчаў самагубствам” [1, с. 261]. Ubачанае Антосем адпаведна адгукнулася і ў ім: “унутранымі слязьмі плакала яго душа і <...> здарыўся пералом у яго жыцці” [1, с. 267].

У апавяданні Караткевіча галоўны герой уяўляе сабой дынамічны вобраз,

здатны да псіхалагічнай трансфармацыі, звышвалявых рашэнняў і самаахвярнасці. Пры гэтым у першапачатковай характарыстыцы персанажа пісьменнікам канстатуецца поўная адсутнасць выключных гераічных патэнцый: “Доўгі не мог абараняцца. <...> ён быў чалавек мяккі і нерашучы, з тыповымі абломаўскімі рысамі ў характары” [1, с. 263]. Але ў час, калі існаванне стала страшнейшым за смерць, не мог не змяніцца і Антось Доўгі, па ўласных словах, “фатограф жыцця”. Замест пакорлівасці і захопленасці жалобнай прыгажосцю Старога Месца ў душы персанажа запанавала “ўстойлівая і пагрозліва-спакойная нянавісць” і “халодная ярасць” да гэтых “гаспадароў”.

Сама змененая рэчаіснасць, пачварная ў сваёй шматварыянтнай дэструктыўнасці, стала звышматывацыйнай для новага этапу творчасці Доўгага. Яго карціны – мастацкія сведчанні часу – з’яўляліся адзіным сэнсам працягу зямнога шляху Антося. Між тым у гэтай штодзённай пакутлівай працы да самазабыцця быў для героя і момант Боскага адкрыцця, момант існага шчасця: “Ён быў нават шчаслівы тым незразумелым шчасцем галоднага і халоднага мастака, які робіць патрэбную справу і больш чым калі-небудзь адчувае сябе змагаром за душу чалавечую” [1, с. 266]. Такім чынам, персанаж адчувае момант своеасаблівага катарсісу, стан відавочна амбівалентны, бо звязаны, з аднаго боку, з поўным замазабыццём і хуткім фізічным знішчэннем, з другога боку – мастацкая святмасць Доўгага сканцэнтравалася на існых духоўных і анталагічных аспектах.

У навеле Караткевіча бліскуча раскрываецца ідэя маральна-духоўнага ўзвышэння вобраза Антося Доўгага. Рэалізацыі гэтай аўтарскай задумы спрыяюць шматлікія **сувязі твора з біблейскімі першакрыніцамі**. Так, напрыклад, апісваючы героя ў разбураным горадзе, аўтар кажа: “<...> ён сам хадзіў па вуліцах, як Ерэмія, і

глядзеў-глядзеў-глядзеў” [1, с. 264]. Параўнанне Антося Доўгага з Ерэміяй – адным з чатырох вялікіх прарокаў Старога Запавету, прадвеснікам Месіі – можна разглядаць як аўтарскую падказку, неабходную для адэкватнай ацэнкі галоўнага героя.

Біблейскія падзеі з жыцця названага прарока апелююць да часоў кіравання цара Седэкіі. Іерусалім тады быў знішчаны вавілянянамі, яго жыхары палонены, таму прароку засталася толькі аплакваць знішчаны горад, што ён і зрабіў у сваіх глыбока кранальных песнях. Сам прарок застаўся ў роднай зямлі, і толькі пасля бунту Ерэмія пайшоў у Егіпет, дзе праз пэўны час памёр.

Як бачна, асноўныя калізіі і характарыстыкі супадаюць: факт знішчэння горада і пакутаў яго жыхароў; непадобнасць да астатніх, выключнасць вобразаў Ерэміі і Доўгага і іх лёсаў; прага абодвух герояў застацца на роднай зямлі; імкненні (ці неабходнасць!) выявіцца ў душэўных, псіхалагічна заглыбленых творах. Істотнае разыходжанне праявілася толькі ў фінальных падзеях: у адрозненне ад біблейскага правобразу герой Караткевіча пераходзіць ад унутранага адмаўлення чалавеканенавісніцкіх тэорый фашызму да ўзброенай барацьбы з іх носьбітамі, а пасля знішчэння многіх ворагаў гераічна загінуў. Такі вынік жыцця пратаганіста быў больш прадвызначаны імператывамі праўдападабенства і жыццёвасці. Аднак, як ужо адзначалася, пісьменнікам канстантна пакідаецца сама ідэя паступовай градацыі, умацавання маральна-духоўнай сувязі Антося Доўгага з вышэйшымі стваральнымі сіламі Сусвету, і таму ў навеле мае месца адпаведнае ўзвышэнне персанажа. Дарэчы, само імя “Ерэмія” ў перакладзе са старажытна-габрэйскай мовы азначае “ўзвышаны Богам”.

Працягваючы разгляд біблейскіх алюзій у тэксце навелы “Госць прыходзіць на золкім святанні”

неабходна адзначыць, што сімвалічнае значэнне ў першым сне героя набывае вобраз неапалімай купіны. Блукаючы на пустэчы, Антось бачыць палаючыя хаты: “І палаў кожны хмыз, як неапалімая купіна” [1, с. 281]. У Караткевіча ўзнікае вельмі моцны па сэнсе і візуальных магчымасцях мастацкі вобраз, які іншасказальна выяўляе незагойную рану сумлення і балючую памяць Антося аб здзейсненых памылках і яшчэ няздзейсненых годных справах.

Глыбокую канцэптуальнасць у кантэксце твора набываюць тэмы чалавечага суду і Боскага суду. Алесь, даведаўшыся аб забойстве фашыстамі выдадзенага ім правакатара, бясконца задаваў сабе пакутлівыя пытанні: “Як я мог так лёгкаважна аддаць яго ў рукі ворагу? Якое права меў я судзіць яго? Якое людзі, наогул, маюць права судзіць тых, што не горшыя за іх” [1, с. 280]. Здзейснены чалавечы суд успрымаецца героем як з’ява абсалютна недапушчальная, аберацыйная, аднолькава згубная для “суддзі” і для “злачынца”, бо ахвярамі нясцерпных пакут сумлення будуць абодва. Матэў *злачынства і пакарання* грунтоўна распрацаваны Караткевічам як у эпізодзе рэальнага жыцця Доўгага, так і ў снах персанажа, дзе зямныя падзеі па філасофску канцэнтруюцца ў іншасказальных карцінах: “Снілася яму, што ён ідзе па пустэчы, што зарасла сіўцом... <...> І былі хаты, і хаты гэтыя палалі, і спевы даляталі стуль. <...> І ён пабег туды, да іх. Ён бег адчайна, шалёна, але гай аддалаўся і аддалаўся” [1, с. 281].

У першым сне Антось бачыць людзей без твараў: “Яны ішлі, і ніхто з іх не глядзеў на яго, Антося, бо твараў у іх не было. Але Антось ведаў, што яны ёсць, толькі не для яго” [1, с. 282]. Ёсць падставы названня вобразы разглядаць як сімвалічную метафару ўсеагульнага пагардлівага стаўлення да персанажа з-за яго лёсавызначальнай памылкі. Мастацкі вобраз людзей без твару стаў асабліва паказальным менавіта ў дачыненні да цэнтральнага вобраза

мастака, які лепш за астатніх умее ўбачыць і адэкватна асэнсаваць кожную дробязную рысу чалавечай мімікі, кожную эмоцыю і думку. І такое “сцёртае” бачанне людзей адлюстроўвае катастрафізм, крызіснасць псіхалагічнага стану Антося Доўгага. Невыпадкова ў гэтай частцы навелы для характарыстыкі героя ўжываецца яшчэ адна біблейская алюзія – згадка пра вобраз першазлачынца Каіна, адрынутага ўсім светам.

У другім сне Антося развіваецца тэма Боскага суду, які, згодна са словамі Святога Пісання, чакае кожнага. Пісьменнік імкнецца ўдумліва і арыгінальна раскрыць дадзены тэматычны аспект, у выніку чаго аўтар доказна канстатуе, што вышэйшы, канчатковы суд – гэта суд сумлення ў чалавечай душы. Выратаванне ад яго ў маральнай, этычнай і духоўнай пераарыентаванасці асобы ў бок існых каштоўнасцей і ў глыбокім адчуванні чалавекам неадназначнай, дуалістычнай сутнасці быцця.

Сістэма алюзій у навеле, апроч прааналізаваных вышэй, дапоўнена таксама міфічнай вобразнай атрыбутыўнасцю (вобраз Харона з чаўном) і згадкамі пра літаратурных персанажаў, што сталі мастацкімі тышамі (Абломаў і Туляга).

Развіваючы **ідэю амбівалентнасці законаў і праяў рэчаіснасці**, Караткевіч заклікаў пазбягаць спрошчаных, павярхоўных ацэнак, бо на паверхні элементарнае і адназначнае можа мець складаную шматвектарную іманентную структуру. І так у любым выпадку, у тым ліку ў міжчалавечых стасунках і характарыстыках. Для большай пераканаўчасці дадзеных тэз і іх рэалістычнай доказнасці аўтар мадэлюе мастацкі свет твора шляхам палярнай ці амбівалентнай аргументацыі. Звернемся да асобных прыкладаў.

Бясспрэчную прэпазіцыю тут займае мастацкая карціна, азначаная ўжо ў назве навелы. **Вобраз госця**, які прыходзіць на золкім святанні, выклікае шэраг асацыяцый, сярод якіх дамінуюць

матывы трывожнасці, непрадказальнасці, трагічнай змененасці ранейшых падзей. У сусветных культурах архетып госця трактаваўся як носьбіт лёсу, як першапачатковы трансфармацыі ўсіх сфер чалавечага жыцця. Унутраная сутнасць вобраза госця грунтуецца на ідэі маргінальнасці, бо, умоўна кажучы, гэта “чужое”, якое імкнецца стаць “сваім”.

У Караткевіча негатыўная градацыя вобраза госця ўзнікае яшчэ і ў сувязі з часам яго з’яўлення. Світанак – няпэўны перыяд, памежны момант паміж ноччу, Цемрай і раніцай, Святлом, а ў спалучэнні з эпітэтам *золкі* азначаны вобраз набывае толькі адмоўную сэнсавую канатацыю. У адпаведнасці з агульнай мастацкай канцэпцыяй быццёнай амбівалентнасці пісьменнік прэзентуе дзве вобразныя мадэлі госця: правакатар і Алесь Доўгі. Абодва персанажы, захоўваючы фрагментарную агульнасць вобразнай схемы, могуць быць ахарактарызаваны неадназначна (у залежнасці ад арыентаванасці асобы рэцыпіента на гуманістычныя ці чалавеканенавісніцкія, фашысцкія імператывы). Дадзеная адметнасць знайшла адлюстраванне і ў мастацкім тэксце навелы, напрыклад, гэта бліскуча прадэманстравана ў наступным урыўку: “Госць прыйшоў на золкім святанні, і скончылася ідылія, і гнеў народа ў вачах Аднаго, і гэты Адзін ёсць народ” [1, с. 286–287]. Тут пісьменнікам самабытна сінтэзуюцца лаканічнасць выказвання з гераічнасцю і іранічнасцю. А дзякуючы апошняй кардынальна мяняецца агульны эпічна-легендарны стыль тэзы.

Ідэя амбівалентнасці поліварыянтна раскрываецца і ў мастацкай сістэме **вобразаў абесчалавечаных людзей**. У першую групу персанажаў уваходзяць трагічныя вобразы ахвяр гэта, якіх прымуова пазбавілі свабоды, фізічнага вобліку і жыцця. Таму ў навеле сцвярджаюцца матывы болю, пакут і спачування ім: “Пасля ён (Антось. – В.П.) доўга плакаў, плакаў не над

знішчанымі, а над уніжэннем чалавечым, над тым, што чалавека можна давесці да такога асвінення” [1, с. 267].

Наступную групу складаюць персанажы-зброднікі, стаўленне да якіх сфармулявана адкрыта і па-біблейску афарыстычна: “Біце яго (збродніка. – В.П.), калі ў авечкі вырастаюць ваўчыныя зубы – яна горш за ваўка” [1, с. 267].

Свядома ці несвядома маральна-псіхалагічная рэдукцыя, дэтэрмінаваная абставінамі вайны, закранае кожнага, і тут не можа быць выключэнняў. Заканамерна, што такім чынам у творы паказаны персанажы, якія вызначаюць яго адзін з асноўных ідэйных канфліктаў і з’яўляюцца антаганістамі, – “аксамітны кот” (адзін з нямецкіх акупацыйных кіраўнікоў) і Антося Доўгі.

Падставай для распрацоўкі ў творы алегарычнага вобраза аксамітнага ката паслужылі шматлікія негатыўныя характарыстыкі персанажа: яго ілжывасць, крывадушнасць, жорсткасць, паталагічнае жаданне весці псіхалагічнае паляванне і смяротныя гульні з людзьмі.

Жахлівая амаральнасць і імпліцытная драпежніцкая сутнасць героя прамаркіравана не толькі на інтраспектыўным узроўні, але і ў партрэтных апісаннях: “Чалавек з’явіўся з-за пальмаў такой нячутнай хадою – быццам мяккія падушачкі былі на яго пятках”, “і голас яго быў бурклівы, мяккі” [1, с. 274]; “быў ён невысокі, даволі кругленькі, ладны, на мяккім твары як прыклееная сядзела самая лагодная, самая дабрадушная ўсешка. І шэрыя вочкі масліліся пад вялікімі верхнімі павекамі. <> Нават кароткія валасы на галаве былі нейкія плюшавыя, мяккія” [1, с. 275]; “ён паціснуў, як мяккімі падушачкамі, руку Антося” [1, с. 280]. У выніку ствараецца абсалютна завершаны алегарычны партрэт (з моцным сатырычным падтэкстам) хлуслівага аксамітнага ката, вытанчанага, “рафінаванага” драпежніка.

Як адзначалася, у час выбару, калі асобу апаноўваюць ярасць і злосць за тое, што ўвесь свет ператвараецца ў фантазмагарычныя, знявечаныя руіны, вымушаны мяняцца і Мастак, трансфармаваўшы свае ў многім ідэалістычныя погляды на “пагрозліва-спакойную нянавісць”. Апалагетыка жыцця і духоўнасці актуалізуе ў характары Доўгага новыя мадэлі паводзін, а архетыпавыя механізмы барацьбы з ворагамі прывялі да сінкрэтычнага спалучэння высокагуманістычных і жывёльных, інстынктыўных пачаткаў. Гэта паслужыла падставай для такіх апісанняў пратаганіста: “Антось быў спрытны, як котка” [1, с. 272]; “Антось нячутна, як кот, перабег да пралому” [1, с. 285]; “ён глянуў на сямейку каламутнымі ад ярасці вачыма” [1, с. 284]; “немец павараціўся і кінуўся бегчы ад гэтага азвярэлага чужога чалавека” [1, с. 286]. Горад мары Антося Доўгага быў ператвораны ў “густы лабірынт каменных каробак”, і тут ужо не было месца для чалавека і чалавечага.

Між тым менавіта ў гэты перыяд герой пачаў перманентна разважаць над вечнымі філасофскімі антаганізмамі: “тры тысячы год чалавек просіць аб адным: каб адчапіліся, каб далі яму магчымасць рабіць і есці хлеб, кахаць жанчын, расціць дзяцей. Не адчэпяцца” [1, с. 279]; “нельга было проста давацца ў рукі хлусні: за стагоддзі яна занадта прызвычайлася да лёгкіх перамог” [1, с. 284]; “столькі зрабілі, а ў душах Залатая арда гуляе па стэпе... Жыццё, жыццё” [1, с. 294]. У апошні момант свайго існавання Антося канчаткова ўпэўніўся, што фашысты – гэтыя чорныя

госці на золкім святанні – ніколі не стануць для сапраўднага чалавека “сваімі”, бо яны “чужыя, ненавісныя, хлуслівыя” [1, с. 297].

Цікавым мастацкім штрыхом выступае тое, што такую ж ацэнку ад нямецкага афіцэра атрымаў і сам

мастак. Гэтым відавочна сцвярджаецца палярнасць усіх жыццёвых канцэптаў і матывацый учынкаў персанажаў, а таксама немагчымасць пагаднення паміж імі.

Заклучэнне. Такім чынам, прааналізаваныя пісьменніцкія канцэпцыі амбівалентнасці Быцця і пачварнай антыэстэтыкі вайны шматаспектна сцвярджаюць ідэю абароны жыцця, патрабуюць ад чытача ўдумліва ставіцца да вызначэння чалавечай сутнасці, нашых спраў і вышэйшай ролі ў свеце. Аўтарскія філасофскія ідэі дасягаюць асаблівай

глыбіні ў многім дзякуючы разнастайным сувязям з біблейскімі першакрыніцамі, пры гэтым Караткевіч свядома экстэнсіфікуе “вечныя” матывы і вобразы, адаптаваўшы іх пад рэаліі драматычнага XX стагоддзя.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Творы: проза, драматургія, публіцыстыка / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 557 с.

Паступіў у рэдакцыю 28.10.2012 г.

Прыняты ў друк 21.12.2012 г.

УДК 812.161.3.0:[811.161.3'38+811.161.3'42]

Лінгвастылістычны аналіз эскіза Івана Пташнікава “Ірга каласістая”

Пісарэнка А.М.

*Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры
і мастацтваў”, Мінск*

Лінгвастылістычны аналіз мастацкага тэксту дазваляе выявіць маўленчыя асаблівасці ідыястылю аўтара – Івана Пташнікава, а таксама спецыфіку літаратурнай мовы ў пэўны перыяд яе развіцця. Фактычны матэрыял эскіза сведчыць, што самымі прадуктыўнымі сродкамі, якія забяспечваюць яго вобразнасць і выразнасць, з’яўляюцца маўленчыя адзінкі лексічнага і сінтаксічнага ўзроўняў, адпаведна – тропы (метафара, параўнанне, эпітэт) і фігуры (інверсія, умоўчванне), а таксама розныя тыпы паўтораў – сінанімічны, таўталогія, паліптот, падхват, рэфрэн. Асаблівая эфатычная інтанацыя эскіза, яго маўленчае багацце забяспечваюцца шматлікімі радамі аднародных членаў сказа.

Вобразныя сродкі мовы, тэматычна абумоўленая лексіка, а таксама тапонімы выяўляюць адметнасць аўтарскага светабачання, забяспечваюць стварэнне высокамастацкіх вобразаў, заключаюць у сабе глыбокі падтэкст, важны для раскрыцця ідэйна-эмацыянальнага зместу.

Ключавыя словы: маўленчая экспрэсіўнасць / вобразнасць, лексічны / сінтаксічны ўзровень мовы, метафара, параўнанне, эпітэт, тапонімы, умоўчванне, інверсія, аднародныя члены сказа, парцэляцыя, таўталогія, падхват, рэфрэн.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 170–176)

Linguo-stylistic analysis of Ivan Ptashnikov’s sketch “Irga kolosistaya”

Pisarenka A.M.

Educational establishment “Belarusian State University of Culture and Arts”, Minsk

Linguo-stylistic analysis of art text reveals speech features of individual style of the author – Ivan Ptashnikov, as well as the peculiarity of the literary language in the specified period of its development. Actual material of the sketch shows that the most productive methods, which provide its figurativeness and expressiveness, are speech units of lexical and syntactic level, respectively – tropes (metaphor, comparison, epithet), figures (preterition, inversion) as well as different types of repetition – synonymous, tautological, poliptot, podhvat, refrain. Particular emphatic tone of the sketch, its verbal richness is created by numerous homogeneous parts of the sentence.

Figurative language facilities, thematically specified vocabulary as well as toponyms show peculiarities of the author’s world outlook, provide the creation of the highly artistic images, contain deep implication, which is important for the disclosure of the ideological and emotional content.

Key words: verbal expressiveness, figurativeness, metaphor, comparison, epithet, toponym, preterition, inversion, homogeneous parts of the sentence, parcelling, tautology, podhvat, refrain.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 170–176)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: alenabogomolova@mail.ru – А.М. Пісарэнка

Даследаванне мовы мастацкага тэксту з’яўляецца актуальным на любым этапе развіцця мовы, пра што сведчаць шматлікія працы айчынных і замежных навукоўцаў, такіх, як В.У. Вінаградаў, М.М. Шанскі, М.Н. Кожына, В.П. Масквін, М.Я. Цікоцкі, Н.В. Гаўрош, Г.М. Малажай і інш. Лінгвістычны аналіз тэксту ўключае не толькі культурамоўны і стылістычны аспекты, але і эстэтычны. У сувязі з гэтым такое даследаванне дэманструе багацце мовы мастацкай літаратуры як “захавальніцы” ўсіх яе моўных нормаў, рэалізацыі ўсіх яе камунікатыўных якасцяў [1, с. 56], у тым ліку яе вобразнасці і экспрэсіўнасці, якія выяўляюць уздзеянне маўленчых сродкаў на фарміраванне светапогляду асобы, што бачыцца нам асабліва важным у час тэхнічных інавацый.

Мэта дадзенай работы – выяўленне маўленчых асаблівасцей ідыястылю Івана Пташнікава праз характарыстыку вобразна-выяўленчых сродкаў эскіза “Ірга каласістая”.

Матэрыял і метады. Аб’ектам аналізу ў артыкуле сталі стылеўтваральныя сродкі вобразнасці і выразнасці праявінай мовы Івана Пташнікава, у прыватнасці эскіза “Ірга каласістая”. Метадалагічнай базай даследавання з’яўляюцца філасофскія прынцыпы адзінства формы і зместу, агульнага і індывідуальнага ў маўленні; у якасці асноўных метадаў вывучэння ідыястылю праявіка былі абраны наступныя: апісальны, метады суцэльнай выбаркі фактычнага матэрыялу, выкарыстаны элементы функцыянальна-стылістычнага, кантэкстуальнага, семантыка-стылістычнага метадаў, што дазваляе ўсебакова ахарактарызаваць маўленчыя асаблівасці твора і выявіць адметнасці праявічнага маўлення названага аўтара.

Вынікі і іх абмеркаванне. Праявічны твор Івана Пташнікава прывечаны рэальнай асобе – Арсену Лісу. Сам аўтар вызначае яго жанр як эскіз, і гэта нам бачыцца натуральным, паколькі

значэнне слова эскіз у дадзеным выпадку – накід, план літаратурнага твора. Значыць, аўтар падказвае нам сваім творам ход думак, эмоцый, уяўленняў, што азначае: падтэкст твора значна глыбейшы, у ім – асноўная думка, якую аўтар хоча данесці да чытача. Трэба нагадаць, што Арсен Ліс – вядомы беларускі навукоўца-фалькларыст, аўтар шматлікіх кніг, артыкулаў пра народную песню, фальклорнае слова. І нам здаецца, што пасля рэмаркі-прысвячэння гаворка пойдзе пра згаданую асобу, тым больш, што тэкст пачынаецца сапраўдным афарызмам аб прызначэнні чалавека на Зямлі: дарэчы, змест афарыстычнага сказа можна суаднесці і з асобай фалькларыста, і з асобай самога аўтара: *Чалавек нараджаецца, каб запаліць у Сусвеце зорку ці пакінуць на зямлі след.* Аднак пасля ўмоўчання (частка тэксту нібы наўмысна прапушчана аўтарам для ўсведамлення сэнсу крылатага выразу) праявічны радок вядзе чытача ў вёску Кур’янаўшчына, што на Вілейшчыне (пазней Лагойшчыне), дзе жыве Леапольд Іванавіч Родзевіч (Лёля) і, варта зазначыць, нарадзіўся ў 1932 годзе Іван Пташнікаў. Аўтар распавядае пра хату, вёску, характар Лёлі і той навакольна свет, што фарміруе чалавека як асобу: толькі асобы запальваюць зоркі, пакідаюць нашчадкаў напісаных кнігі, пабудаваныя дамы, пасаджаныя дрэвы, іншыя, як кажуць, прыходзяць, каб наслэдзіць.

Мова і змест твораў І. Пташнікава заўсёды арыгінальныя: “прадзіва” родных слоў, іх значэнне і гучанне, адметнасць пабудовы сінтаксічных канструкцый дзякуючы аўтарскаму майстэрству трансфармуецца ў высокамастацкія вобразы, сярод якіх няма выпадковых – сам Лёля, яго хата, вобразы роднай прыроды – ветру, неба, хмар, сонца, лесу, сцяжынкі, бацяноў, шпакоў, ластавак і, нарэшце, іргі каласістай. Сонца ўсім аднолькава свеціць і шпакі ўсе падобныя, але аўтарскае захапленне ўсім родным

гаворыць пра тое, што кожны чалавек бачыць і адчувае свет і Сусвет парознаму: асаблівае для яго, як для кожнага, хто прыйшоў пакінуць след, усё ў Кур'янаўшчыне ці ў іншым месцы – свайёй малой Радзіме.

Лексічны ўзровень дэманструе, з аднаго боку, багацце тэматычна абумоўленай лексікі (у творы дамінуюць як агульнамоўныя, так і дыялектныя словы-назвы з'яў прыроды, расліннага свету, назвы вёсак і лексемы, звязаныя з апісаннем вясковага жыцця і побыту). З другога боку, менавіта на гэтым моўным узроўні праяўляецца адметнасць аказіянальнага пераносна-вобразнага ўжывання слова, якое адлюстроўвае нечаканасць асацыяцый і супастаўленняў празаіка. Што да першай асаблівасці, тут чытачу часам неабходна звярнуцца да тлумачальнага слоўніка, каб пашырыць уласны лексікон і ўсвядоміць назвы некаторых паняццяў, напрыклад, *тор, грэбля, хлеў, паркан, котлішча, аселица, лог, пуня, чалеснік, хустка, варыўня* і інш. Аўтар нібы “смакуе” на мілагучнасць і дыялектныя словы, значэнне якіх зразумелае з кантэксту; ён не можа абысціся без *тофеляў* (таполяў), *грумады, бульбеўніку, падалак* (яблыкаў-ападкаў), *перапялёсых* (перапялёстых) крылаў *бацяноў, чарамхі*, слоў *высака, усягды* і інш. Функцыя дыялектных слоў заўсёды вынікае з часу напісання твора, а таксама з таго, у чым маўленні (аўтара ці персанажа) яны выкарыстаны. У дадзеным творы тэрытарыяльна-абмежаваныя словы ствараюць каларыт пэўнай мясцоваці, што надае тэксту яшчэ большую праўдзівасць, выклікае давер да аўтарскага апаведу. Дарэчы, веданне значэння ўсіх слоў у такім выпадку неабавязковае, гэта не ўплывае на агульны эстэтычны эфект, атрыманы ад прачытання твора. Чытач можа, напрыклад, не ўяўляць пэўных раслін з шэрагу ўзгаданых аўтарам: *дзяцельніца, мятліца, вобаратнік*, таму што малюнак роднай прыроды ствараецца найбольш за кошт агульнавядомых назваў, такіх,

як *лаза, журавіннік, чарот, асака, мох, рабіннік, вішня, хвошч, палын, укроп, кмін* і інш., а назву *ірга каласістая* аўтар усё ж тлумачыць, дакладна апісвае расліну, бо гэта вобраз-сімвал, які дапамагае акрэсліць асноўную думку твора. Што ж могуць сімвалізаваць *загранічныя ягады, ужо састарэлыя, але вечна жывыя*, якія не вымерзлі ў той год, калі павымярзала шмат раслін; яе *шарпаюць і калёсы, і трактары, і камбайны, а яна [ірга каласістая] кусціцца, лезе ўверх, чырванеючы круглымі ягадамі*. Адказ фармулюе кожны сам сабе, але напрыканцы твора і мы вернемся да адказу на акрэсленае пытанне пазней.

Найбольш прадуктыўныя тропы, якія дапамагаюць аўтару апісваць і адначасова паэтызаваць прыроду – гэта метафара, параўнанне, эпітэт. Прычым мала які сказ абыходзіцца толькі адным вобразным сродкам, паколькі дэталёвая характарыстыка заўсёды вымагае іх узаемадзеяння. Самы ўжывальны з названых тропаў – метафара: аўтар жыве ў роднай прыродзе, абагаўляе яе і адухаўляе, яна валодае тымі ж магчымасцямі, што і чалавек. Значыць, асноўны від аўтарскай метафары – дзеяслоўная: *Вясна ў Кур'янаўшчыне пачыналася з вялікага сонца. Раніцай яно, чырвонае і блізкае, – адступілася ўжо на ўсходзе на заімгнёным небе ад Хадакоў, над якім вісела ўсю зіму, адбеглася аж на рэпішча-пушчу і пачынала там іграць праз калючыя далёкія яловыя дзіды...* Прырода сапраўды жывая, бо ўсё знаходзіцца ў ёй у гарманічнай зменлівасці: змяняецца надвор'е, час года – тонка рэагуе на гэта наваколле і ўсё гэта адзначае аўтарскі погляд: *зямлю сячэ град; неба рассякае надвае доўгая, у дзве паласы, маланка; застаюцца толькі гарэць чырвоным агнём рабіны; зямля чарсцвее, маразы калючыя замурвалі надоўга падвойныя вокны; а ноччу страляюць вуглы і платы; паўзуць нізкія чорныя хмары; дробненькім крыллем стрыпуць неба сінія ластаўкі; шалее моцны вецер, зносячы стрэхі і ломячы дрэвы; лезуць з*

зямлі **пралескі і сон** – раней за траву; **зямля прасіла плуга; зноў калёсы па дарозе вядуць сваю адвечную на зямлі песню; ціхім сонечным днём пах ліпы з садоў плыў аж у Асавок і за горку ў Сушкава; і над рэчкай звінелі пчолы.** Відавочна, што метафарычны малюнак удакладняецца іншымі тропамі, як правіла, эпітэтамі: важна ўявіць **нізкія чорныя** хмары, **дробненькае** крылле ластавак, **моцны** вецер, **ціхі** сонечны дзень і г.д. Эпітэт аздабляе таксама рэдкасны назоўнікавы від метафары, падкрэслівае аказіянальнасць тропа, арыгінальнасць створанага вобраза: **Ляжыш у капе, паклаўшы галаву на далоні, і глядзіш угару – на растапыраны блакітны васілёк неба.**

Чытач, як і аўтар, мае ўласныя асацыяцыі з часам года ці сутак; напрыклад, восень часам асацыюецца з жаўталісцем сквераў ці бязлістай ліпавай алей; першацвет пачынае вясну; белы колер снегу нагадвае пра надыход зімы. Іван Пташнікаў мае свае метафарычныя сімвалы гэтага ракурсу, і яны прыемныя і зразумелыя чытачу: **настаўніца прыносіць з сабой восень** (восень у многіх атаясамляецца са школай); **вясну прыносяць на крыллі бацяны...** **І ходзяць яны белыя па белым снезе, высака падымаючы ногі, і гінуць...** Як відаць, аўтарская асацыяцыя з пачаткам вясны ў дадзеным творы сумная, але настрой прыроды такі ж зменлівы, як і настрой чалавека, а часам яны ўзаемназалежныя, узаемнаўплывовыя.

Параўнанне, як від тропа, ужывальнае ў праяўным радку эскіза, заснавана, як правіла, на супастаўленні асаблівасцяў жывой і нежывой прыроды: **павісае на дварэ ўгары адна вялікая – зорачкай – чырвоная на сонцы сняжынка; дым збіраецца на балоце пад Задроздем паласой, як туман; ліпы ў аляях, зімой сухія, чорствыя і разгатыя, цяпер высіліся стагамі зялёнага сена; ластаўкі, як маланкі; капа мяккая, як падушка ў ложку; шпакі на ржышчы пералятаюць з загона на загон, чародкамі, нібы маленькія хмаркі. І**

дзеці ў вёсках збіраюцца чародкамі, як шпакі. Па структуры параўнанні злучнікавыя (ужытыя пераважна са злучнікам *як* і бяззлучнікавыя (творны параўнання); дамінуе агульнамоўная разнавіднасць: аўтар ужывае выразы, знаёмыя з дзяцінства і яму самому, і многім чытачам, што дазваляе больш дакладна ўявіць / больш блізка ўспрыняць вобразы.

Эпітэт, як вядома, з'яўляецца адным з самых лаканічных тропаў, таму ён можа выступаць як самастойным вобразным сродкам, так і кампанентам іншых, больш разгорнутых, пераносна-вобразных выказаў, напрыклад, метафары, параўнання, перыфразы: **хата, пастарэлая за свой век, і цяпер стаіць “жывая-здоровая”** (метафара); **сонца звярнула з поўдня і, гарачае, хаваецца ў цёмныя тулягі; два вялікія жоўтыя тулягі вісяць** (метафара; эпітэты разам з назоўнікам тулягі ўтвараюць перыфразы); **высокі шпіль [касцёла] у пагодныя дні можна было бачыць і з Кур'янаўшчыны – доўгай і тонкай, як дзіда, чорнай іголкай у небе** (параўнанне). Выступаючы ў якасці самастойнага тропа, эпітэт можа выражацца якасным прыметнікам з пераносным значэннем (**калючае сонца, капа мяккая, малады мёд, густы перастук цапоў, гарачы лес, сівая пара** і інш.) і метафарызаваным дзеепрыметнікам / дзеепрыметным зваротам (**снег, за апошнія дні добра пад'едзены сонцам, ападаў; а ўсю зямлю, пераспелую за лета, малоцяць цапамі; ён [гіль], падбіты марозам, падае мёртвы на двор – на снег пад ногі; старасвецкія ачарсцвелыя ліпы; хата, пастарэлая за свой век** і інш.); апошняя разнавіднасць эпітэта з'яўляецца арыгінальнай, аўтарскай, дазваляе ўбачыць прыроду жывой / рухомай, як і дзеяслоўная метафара.

Адметнасцю праяўнага маўлення Івана Пташнікава з'яўляецца ампліфікацыя і канцэнтрацыя метафарычнага прыметніка (аказіянальнага ці агульнамоўнага)

эпітэта і прыметніка з прамым значэннем, які можа кваліфікавацца як дакладная, ці народна-паэтычная, разнавіднасць тропа. Пры ампліфікацыі той ці іншы вобраз мае некалькі характарыстык, у той час як пры канцэнтрацыі кожны ўзгаданы ў сказе прадмет мае пры сабе вобразнае / нявобразнае азначэнне. Праілюструем у адпаведнай паслядоўнасці: *А над усёй Кур'янаўшчынай – чыстае высокае блакітнае неба з белымі ціхімі зажуранымі воблакамі... (ампліфікацыя); У Кур'янаўшчыне надыходзяць ціхія цёплыя жнівеньскія дні, з ядранымі зорамі ў небе, з малочным туманам і густой расой на зямлі – не ступіць нагой (канцэнтрацыя)*. Назіральнасць аўтара дазваляе ўбачыць некалькі асаблівасцяў той ці іншай з'явы або назваць асабліва важныя рысы некалькіх з'яў, што акаляюць яго ў пэўны момант. Аднак пра што б ні пісаў Іван Пташнікаў, у кожным тропе, у тым ліку эпітэце, гучыць захапленне малой і, відаць, усёй Радзімай, таму што вобразы, створаныя ў аналізаваным эскізе, знаёмыя і дарагія амаль кожнаму вясковаму беларусу.

Дакладнасць праяваў маўлення эскіза забяспечваецца не толькі праз выкарыстанне канкрэтных дат, назваў падзей, ужыванне слоў з прамым значэннем, у тым ліку тэматычнай лексікі, але і праз стварэнне анамастычнага фону, а дакладней – праз вялікую колькасць тапонімаў – назваў тых населеных пунктаў, якія акалялі Кур'янаўшчыну (Хадакі, Асавок, Сушкава, Ліпнікі, Задроздзе, Крайск і інш.). Назвы населеных пунктаў з дакладным апісаннем іх размяшчэння ўтвараюць цэлыя рады аднародных членаў сказа: *Блізка Кур'янаўшчыны былі яшчэ вёскі Рагозіна, Грыневічы, Дзераўно, Краснаполле, Мязжанка, Стрый, Будзенічы, Баброва, – гэта па другі бок ракі Дроздкі. Па гэты бок – паўночны – Леснікі, Пагост, Жызнава, Даўгынава, Буслава...* Сама ж Кур'янаўшчына – асноўны сэнсавы кампанент тэкставай прасторы, цэнтр,

дзе рух (сюжэт) пачынаецца. Вядома, што функцыя анамастычнага фону кваліфікуецца як другасная, першасная ў сэнсавай прасторы тэксту – функцыя вяхі вылучае самае каштоўнае імя ў дадзеным творы – імя галоўнага персанажа *Леапольда Іванавіча Родзевіча (Лёлі)* [1, с. 169–179].

Сінтаксічны ўзровень прозы І. Пташнікава адметны выкарыстаннем ускладненых і складаных сказаў, звышфразавых адзінстваў, якія, як правіла, уваходзяць у структуру апісанняў. Такія адзінкі тэксту, як апісанні, заўсёды дэталёва характарызуюць рэчаіснасць з падрабязным пералічэннем шэрагу адначасова існуючых аб'ектаў і іх прымет (партрэт, краявід, інтэр'ер і інш.) [2,

с. 226]: *... і расце састарэлая, але вечна жывая ірга каласістая. У нашым баку яе завуць – загранічныя ягады. Высокая, метраў пяці, кусты, як вішаннік, лісце цёмна-зялёнае, увосень чырвона-аранжавая, расла яна пад акном у Родзевіча, адтуль, дзе сонца, ад Хадакоў. З пахнучым белым цветам – цвіце ў маі, гронкамі, з чорна-чырвонымі спелымі ягадамі – спеюць яны ў ліпені, – буйней рабіны, з прэснасалодкім смакам. Апісанні праяваў заўсёды поўныя лірызму, захаплення прыродай, таму і спыняецца аўтар на кожнай дэталі, кожным прадмеце (у шырокім значэнні слова), каб чытач / спадкаемец убачыў непаўторнасць зямлі беларускай: *З Асаўка, з бярэзніку, носяць кошыкамі маладыя баравікі, крамяныя, на высокіх тоўстых ножках; жоўтагаловыя чашчавікі, якія цяжка адрозніць ад падасінавікаў; і з Рэпішча, з пушчы, мяшкамі рыжыкі. Набяруць мех па завязку, ускінуць на плячо і пайшлі...* Як відаць, у апісаннях могуць быць і простыя сказы, аднак маўленчую адметнасць эскіза складаюць тыя простыя сказы, якія роўныя абзацу: *На лагах пачынаюць сцяліць лён; І кратаюць у гэту пару малады лён; Настаўніца прыносіць з сабой восень; Раніцай без шуфля на ганак не выходзь;**

Некалі гэта была і Лёлева дарога ў школу і інш.

Што да стылістычных фігур, прыёмаў, то найбольш часта лірычнасць, экспрэсіўнасць аповеду / эмфатычнасць інтанацыі ствараецца наступнымі іх разнавіднасцямі:

аднароднымі членамі сказа: *За маленькім мастком перад Сушкавам дарога па Калдобінах паварочвала налева, на лажок, парослы дзяцельніцай, мятліцай – гэта, дзе вышэй, а ніжэй да балота – асакой, рабінкай, аерам, хвапчом, высокім, аж у пояс; Цэлымі засталіся толькі загранічныя ягады, групы-дзічкі, рабіны і ліпы. Сад набрыняў пахам дзяцельніцы, укропу, кміну, агурочніку і – ліпавага цвету. Аж, здаецца, зрывае нос...*

інверсіяй: *Зноў паяўляецца ўтары бусел, апускаецца з белым воблакам на лог і накрывае млявым распараным перапялёстым крылом вочы...; Зелянела ўсё наўкола раптоўна, у адзін, здавалася, дзень, і ў сад разам са шпакамі прылятаў салавей...*

умоўчаннем: *Усё змаўкае, толькі пахне ліпавага цвет і палын...; Адчыняй вокны і слухай вясну, не сыходзячы з месца...; Усё змаўкае, толькі пахне ліпавага цвет і палын...*

“назоўным уяўлення”: *Позняя вясна... Дачакацца б хутчэй цяпла і бацянам, і чалавеку; І лаза... Драбналістая, на выгляд прывялая, сухая, яна ўчэпіста трымалася за неўрадлівую кур’янаўскую зямлю;*

парцэляцыяй: *А ў садзе – кінь толькі на яго вокам, – ля дарогі на Хадакі пад старымі ліпамі ля колішняй прызбы чырванее ад ягад ірга каласістая... Як і сто гадоў назад...; І першы гром грывіць сёлета на голы лес, яшчэ са снегам. Не к дабру...*

рознымі відамі паўтораў: паўтор сінанімічны (*Адны групы, дулі, не трэба падпіраць: яны павырасталі вышэй стрэх – асталіся яшчэ старыя, спрадвечныя*); паліптон (*Скрыпяць дзверы ў хаце і ў хлеве, скрыпіць на дварэ снег пад нагамі, скрыпяць палазы,*

скрыпіць сучча ў садзе пад ветрам на марозе...); таўталогія (Быў скрытны Лёля, паўторымся, задумлівы, адзінокі і шукаў яшчэ большую адзіноту і на так ужо адзінокім Кур’янаўскім хутарь); падхват

(... толькі растрэсенае сена па ўсім лажку яшчэ дыміцца парай. Пара падымаецца, збіраючыся ў клубы, ля рэчкі, ля мастка).

Нельга не адзначыць, што кожная са стылістычных фігур не існуе асобна; нават з невялікай колькасці прыкладаў (а прыведзеныя ілюстрацыі можна доўжыць, бо частата іх ужывання якраз і дэманструе маўленчую адметнасць сінтаксічнага ўзроўню твора) відаць іх узаемадзенне, “спляценне”. Так, радкам з інверсіяй, парцэляцыяй, “назоўным уяўлення” ўласціва ўмоўчанне; інверсіяй часам суправаджаюцца сказы з радамі аднародных членаў сказа і г.д.

Рэфрэн як від паўтору прадугледжвае паўтарэнне аднолькавых / падобных па змесце частак тэксту, асабліва важных для выяўлення асноўнай думкі твора. У эскізе “Ірга каласістая” пасля пэўных частак тэксту аўтар нагадвае чытачу пра трываласць, незвычайнасць, прыгажосць расліны. І толькі напрыканцы твора ён нібы “расшыфроўвае” змест аказіянальнага сімвала: *Выжыла ірга каласістая і жыве, як выжыла і жыве і цяпер і ў Крайску, і ў Сушкаве, і ў Задроздзі Родзевічава мова з яго “рабачаямі”, “бразгам”, “тулягамі”, “безгалоўем”, “баязенем”, “падшпаркам”, рудаўкай”, “шлякам” і іншымі, нашымі ласкавымі і амаль забытымі беларускімі словамі...*

Заклучэнне. Такім чынам, лінгвастылістычны аналіз эскіза і экстра-лінгвістычны каментарый дазваляюць зрабіць наступныя вывады: вобраз іргі каласістай, створаны ў дадзеным творы,

з’яўляецца шматпланавым, заключае ў сабе як вобраз-сімвал важную інфармацыю для разумення ідэйна-эмацыянальнага зместу тэксту. Вечна жывая расліна, прыгожая ў любы час

года, увасабляе родную мову, яе
неўміручасць, мілагучнасць.
Вобразнасць і экспрэсіўнасць твора
забяспечваецца пераважна на
лексічным і сінтаксічным узроўнях.
Тэматычна абумоўленая лексіка і тропы,
арыгінальнасць пабудовы сказаў і
стылістычныя фігуры ствараюць
праўдзівыя эстэтычна вартасныя
вобразы, якія адлюстроўваюць і
непаўторнасць аўтарскага ўспрымання
свету, і глыбіню яго пачуццяў, а сярод іх
галоўныя – захапленне і веру.
Нягледзячы на пастаянную зменлівасць
і рухомасць жывога свету вакол нас,

слова роднае вечнае, як і тыя людзі, якія
прышлі, каб пакінуць след на зямлі.

Літаратура

1. Беларуская антрапанімія: вучэб. дапам. / Г.М. Мезенка (наук. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2009. – 254 с.
2. Каўрус, А.А. Стылістыка беларускай мовы / А.А. Каўрус. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Нар. асвета, 1992. – 207 с.
3. Цікоцкі, М.Я. Стылістыка беларускай мовы: вучэб. дапам. для фак. журналістыкі / М.Я. Цікоцкі. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – 294 с.

Паступіў у рэдакцыю 01.10.2012 г.

Прыняты ў друк 21.12.2012 г.

УДК 811.161.1:[378.1(476)-057.875=512.164]

Языковые предпочтения туркменских студентов, обучающихся в Беларуси

Ефимчик О.Е.

Белорусский государственный экономический университет, Минск

В статье анализируются языковые предпочтения туркменских студентов, обучающихся в Беларуси, в коммуникативных сферах, связанных с четырьмя основными видами речевой деятельности (слушание, чтение, говорение, письмо). Сюда входят такие коммуникативные ситуации, как чтение художественной литературы, прессы, литературы по специальности, работа с Интернетом, ведение переписки, просмотр фильмов, спектаклей, общение в семье, беседы на профессиональные и бытовые темы. Материалом исследования служат данные социолингвистического анкетирования, проведенного среди туркменских студентов двух белорусских вузов. Особое внимание уделяется рассмотрению социальной значимости русского языка для туркменских студентов.

Проведенное исследование доказывает, что туркменские студенты, обучающиеся в Беларуси, очень активно используют русский язык (один или наряду с другими языками) не только в коммуникативных сферах, обусловленных жизнью в нашей стране, но и в сферах, не зависящих от места жительства. Большинство опрошенных студентов предпочитают именно на русском языке читать художественную литературу, смотреть фильмы и спектакли, вести переписку, пользоваться Интернетом.

Ключевые слова: *двуязычие, социолингвистическое анкетирование, коммуникативная сфера, коммуникативная ситуация, несбалансированный билингвизм, функциональное разграничение языков.*

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 177–184)

Language preference of Turkmen students studying in Belarus

Yefimchik O.E.

Belarusian State Economic University, Minsk

The article analyzes the linguistic preferences of Turkmen students studying in Belarus, in spheres of communication related to the four main types of speech activity (listening, reading, speaking, writing). This includes communicative situations, such as reading literature, press, professional literature, the Internet use, correspondence, watching movies and performances, family communication, conversations on professional and personal topics. The research material is the data of sociolinguistic survey conducted among Turkmen students of two Belarusian universities. Special attention is paid to the social importance of the Russian language for Turkmen students.

The research proves that Turkmen students, who study in Belarus, use Russian very actively (only Russian or along with other languages) not only in the communicative spheres induced by their life in our country, but also in the spheres which do not depend on the place of living. Most of the interviewed students prefer to read fiction, watch films and performances, correspond, and use the Internet in Russian.

Key words: *bilingualism, sociolinguistic survey, communicative sphere, communicative situation, unbalanced bilingualism, functional separation of languages.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 177–184)

Адрес для корреспонденции: e-mail: olga-efimchik@yandex.ru – О.Е. Ефимчик

Известно, что «интенсивные и долговременные контакты народов приводят к двуязычию» [1, с. 115]. За годы существования Советского Союза в Туркменистане сложился тип туркменско-русского двуязычия – русский язык широко использовался во многих коммуникативных сферах страны. Уровень знания русского языка в стране значительно понизился за годы правления президента С.А. Ниязова: в результате проведения политики «Туркмения для туркмен» русский язык целенаправленно вытеснялся из всех сфер жизни, система русскоязычного образования пришла в упадок, а русскоязычные граждане Туркменистана массово покидали страну. И хотя столица страны Ашхабад и другие крупные города во многом оставались русскоязычными, людей, хорошо знающих русский язык, становилось все меньше [см.: 2, с. 375–379].

Сейчас, в связи с усилением экономического и культурного взаимодействия с Россией, Беларусью и Украиной, с расширением контактов в области образования, уровень использования русского языка в стране вновь начал стремительно расти. Этому способствует и государственная политика Туркменистана последних лет: президент Курбанкулы Бердымухаммедов подписал указ о введении уроков русского языка во всех средних школах страны и в вузах. Теперь во многом само время диктует необходимость знания второго языка, поскольку во многих случаях «деловую информацию», «информацию для специалистов», «массовую потребительскую информацию» [термины см.: 3, с. 23] удобно получать на наиболее близком туркменам мировом языке.

Туркменско-русский билингвизм можно назвать коммуникативно несбалансированным, неравновесным. «В той психологической программе, которая определяет речевое поведение двуязычного индивида, два языка не могут быть функционально тождественны» [1, с. 104] – использование русского или туркмен-

ского языков зависит от конкретной коммуникативной ситуации. В связи с этим представляется интересным исследовать языковые предпочтения туркмен в различных коммуникативных сферах.

Цель настоящего исследования – изучение языковых предпочтений туркменских студентов, обучающихся в Беларуси, в коммуникативных сферах, связанных с четырьмя основными видами речевой деятельности (слушание, чтение, говорение, письмо).

Материал и методы. Был проведен анкетный опрос среди туркменских студентов, обучающихся в двух минских вузах – БГЭУ и БГАТУ. В опросе участвовало 50 студентов БГЭУ и 50 студентов БГАТУ, среди них 27 девушек и 73 юноши. Поскольку при анкетировании информанты отбирались не по этому признаку: главным критерием были национальность и гражданство – можно предположить, что эти цифры отражают примерное количественное соотношение туркменских юношей и девушек, обучающихся в Беларуси. Уровень владения русским языком туркменских юношей и девушек был проанализирован в отдельной статье [4]. Возраст респондентов – от семнадцати до двадцати восьми лет, это, в основном, студенты 1–3 курсов и подготовительного отделения. Время пребывания в Беларуси на момент проведения опроса – от полугода до четырех лет. При составлении анкеты были использованы разработки коллективной монографии «Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси» [4, с. 116], а также монография Т.А. Траханкиной «Языковая ситуация в современном белорусском городе (Новополоцк): опыт регионального социолингвистического исследования» [5].

Анкетный лист включал вопросы о паспортных данных (возраст, пол, национальность, место рождения), о месте обучения, о национальности родителей, о том, на каком курсе обучается студент, а также вопросы языкового плана, выясняющие:

1) уровень владения русским языком на момент приезда в Беларусь и в настоящее время;

2) родной язык, первый усвоенный язык (или языки), язык воспитания и обучения, знание других иностранных языков;

3) степень использования русского языка в бытовом общении, а также в ряде коммуникативных ситуаций;

4) желательный язык школьного обучения;

5) мнение студента об уровне владения русским языком в Туркменистане.

Пункты 13 и 14 анкеты предусматривали выяснение того, какой язык предпочитают живущие в Беларуси туркменские студенты в коммуникативных сферах, связанных с четырьмя основными видами речевой деятельности. Сюда входит чтение художественной литературы, прессы, литературы по специальности, работа с Интернетом, ведение переписки, просмотр фильмов, спектаклей, общение в семье, беседы на профессиональные и бытовые темы. Эти пункты требовали однословного ответа, что облегчало обработку анкетных данных.

Результаты и их обсуждение. Из ста опрошенных студентов, имеющих туркменское гражданство, 96 человек по национальности туркмены, один узбек, один азербайджанец, один русский и один перс. Русский считает своим родным русский язык, узбек – узбекский, азербайджанец и перс – фарси, из 96 туркмен 93 человека считают родным языком туркменский, один – туркменский и русский, двое – только русский язык. Таким образом, родной язык почти для всех опрошенных является необходимым атрибутом национальной самоидентификации, выполняет этническую функцию и практически не оказывает влия-

ния на реальные языковые предпочтения [см.: 6, с. 114].

Большинство информантов очень активно используют русский язык (один или наряду с другими языками) во всех коммуникативных сферах, связанных с четырьмя основными видами речевой деятельности (слушание, чтение, говорение, письмо): чтение художественной литературы, прессы, литературы по специальности, работа с Интернетом, ведение переписки, просмотр фильмов, спектаклей, общение в семье, беседы на профессиональные и бытовые темы.

Некоторые информанты во всех перечисленных ситуациях используют только русский, только туркменский или оба названных языка. Семеро опрошенных указали, что для них предпочтителен во всех случаях русский язык. Все они обучались в русскоязычных школах. Интересно, что только двое из них считают русский язык своим родным языком, один – туркменский и русский. Несмотря на то, что туркменский язык остальными воспринимается как родной, все их общение происходит на русском языке. Еще 11 человек пользуются русским языком во всех коммуникативных ситуациях, кроме общения в семье и общения на бытовые темы. Все они назвали родным языком туркменский.

Лишь один учащийся подготовительного отделения предпочитает во всех коммуникативных сферах туркменский язык, девять человек используют оба языка в равной степени. Семеро из них в бытовом общении предпочитают только туркменский язык (табл. 1).

Далее рассмотрим языковые предпочтения туркменских студентов в каждой изванных языковых ситуаций в отдельности.

Таблица 1

Одинаковые языковые предпочтения во всех коммуникативных ситуациях

	только русс. яз.	только туркм. яз.	оба языка в равной степени
Во всех ком. ситуациях используют	7	1	2

Используют во всех ком. ситуациях, кроме общения в семье и общения на бытовые темы	11	–	7
--	----	---	---

Таблица 2

Использование русского и туркменского языков в различных коммуникативных ситуациях

В коммуникативной ситуации	из 100 опрошенных туркменских студентов предпочитают			
	русск. яз.	туркм. яз.	русск. и туркм. яз.	другое
чтение художественной литературы	35	17	31	17
чтение прессы	32	15	31	22
ведение переписки	35	13	32	20
чтение специальной литературы	45	15	22	18
беседа по специальности	51	9	24	16
просмотр фильмов, спектаклей	47	1	36	16
работа с Интернетом	56	5	20	19
беседа на бытовые темы	20	26	44	10
общение в семье	9	72	17	2

Частоту использования в различных коммуникативных ситуациях русского и туркменского языков можно представить в табл. 2.

При чтении художественной литературы 31 студент предпочитает как русский, так и туркменский язык, 35 – только русский, 17 – только туркменский, 1 – узбекский и русский.

Десять студентов признались, что художественную литературу не читают вообще, шестеро ответить затруднились. Из 35 студентов, предпочитающих читать художественную литературу только на русском языке, 30 владеют русским языком свободно, пятеро определили свой уровень как «могу объяснить».

Из студентов, для которых при чтении литературы приемлемы оба языка, 23 человека владеют русским языком свободно, 6 могут объяснить. Двое указали, что только понимают, но не говорят по-русски. Видимо, они слишком критично оценили свое знание русского

языка или выразили в своих ответах потенциальное желание использовать русский язык при чтении художественной литературы наряду с туркменским.

При чтении прессы предпочитает использовать русский и туркменский языки 31 человек, только русский – 32, только туркменский – 15, узбекский и русский – 1. Двенадцать прессу не читают, 9 затруднились ответить. Из читающих прессу по-русски 28 человек владеют русским языком свободно, трое могут объясниться и один – понимает, но не говорит. Из тех, кто использует два языка, 23 владеют русским свободно, 8 – могут объясниться.

Для ведения переписки 32 студента предпочитают пользоваться двумя языками, 13 – туркменским, большинство (35) использует русский язык, 1 человек пишет письма на туркменском, русском и турецком языках, 2 – на туркменском, русском и английском, 1 – на русском и английском, 1 – на русском и узбекском, 1 –

на русском, туркменском и узбекском. Восемь человек писем не пишет, шестеро ответить затруднились. Из предпочитающих писать письма по-русски 30 владеют языком свободно, четверо – могут объясниться, один – понимает, но не говорит. Из 32 студентов, использующих два языка, 22 владеют русским свободно, 8 – могут объясниться, двое – понимают, но не говорят.

В трех перечисленных языковых ситуациях, связанных с чтением и перепиской, количественные данные сходны: примерно равное количество опрошенных предпочитает русский язык (около трети всех респондентов) или два языка (также около трети). Значительно меньшее число студентов использует только туркменский язык. Большинство из них являются жителями сельской местности, все они по национальности туркмены, за исключением одного (перса). Только четверо из них окончили русскоязычную школу, только пятеро определяют свой уровень владения русским языком как «свободный».

Литературу по специальности большинство туркменских студентов предпочитают читать на русском языке (45 человек), 22 – на русском и туркменском, 15 – на туркменском, 1 – на русском и узбекском, 1 – на английском и немецком, 8 – не читает и 8 затруднились ответить.

Вести беседу на профессиональные темы на русском языке предпочитают 51 человек, 24 – на русском и туркменском и 9 – на туркменском. Четверо – на русском и английском, 1 – на русском и узбекском. Пятеро не разговаривают на профессиональные темы, шестеро ответить затруднились.

Так, в сфере, связанной с будущей профессиональной деятельностью студентов, в большей степени используется русский язык, что обусловлено, конечно, местом получения образования и языком обучения. Из тех, кто использует только русский или два языка, все владеют русским языком свободно или на уровне «могу объясниться». Интересно, что 15 студентов, обучающихся в вузах Белару-

си, предпочитают читать специальную литературу по-туркменски, причем только двое из них являются учащимися подготовительного отделения. Шестеро из них владеют русским свободно, 8 – могут объясниться, один – понимает, но не говорит.

Фильмы и спектакли туркменские студенты предпочитают смотреть или на русском (47 человек), или на русском и туркменском – 36 человек. Только на туркменском – 1, на туркменском, русском и узбекском – 1, на туркменском, русском и английском – 2, на русском и английском – 3, на русском и узбекском – 2, на английском и немецком – 1. Трое фильмы и спектакли не смотрят, четверо ответить затрудняются.

56 человек из опрошенных пользуются Интернетом только на русском языке, 20 – на русском и туркменском, 5 человек предпочитают только туркменский язык. 4 человека – русский и английский, 1 – только английский, 2 – русский, туркменский и английский, 1 – русский, туркменский и азербайджанский, 1 – русский, туркменский и узбекский, 1 – русский и узбекский, 1 – русский, азербайджанский и английский. Четверо Интернетом не пользуются, четверо ответить затруднились.

В двух последних коммуникативных ситуациях только русский или два языка (русский и туркменский) предпочитают студенты с самым разным уровнем владения русским языком. Среди них и те, кто понимает, но не говорит (5 человек). Только на туркменском языке работают в Интернете и смотрят фильмы студенты с уровнем «могу объясниться», за исключением одного – с уровнем «свободно». Этот студент смотрит фильмы и спектакли на двух языках, при этом Интернетом пользуется только на туркменском.

В сфере бытового общения преобладает туркменский язык.

Вести беседу на бытовые темы только по-туркменски предпочитают 26 студентов, 44 – по-туркменски и по-русски, 20 – только по-русски, трое – по-русски и по-

английски, 1 – по-узбекски и по-русски и шестеро затруднились ответить.

У себя на родине в семье на туркменском языке говорят 72 человека, на русском – 9, на русском и туркменском – 17, на узбекском – один и один – на туркменском и фарси.

Сравним в процентном соотношении общее использование русского и туркменского языков в различных коммуникативных сферах (табл. 3).

Большинство туркменских студентов, живущих в Беларуси, очень активно используют русский язык (один или наряду с другими языками) во всех коммуникативных ситуациях: при чтении художественной литературы – 79,8% студентов, читающих книги, пользуются русским языком; при чтении прессы – 81% читающих прессу студентов; литературы по специальности – 81,9%; при использовании Интернета – 89,1%; при просмотре фильмов и спектаклей – 97,8%; в беседах на профессиональные темы – 89,9%; в беседах на бытовые темы – 72,3%; при общении в семье – 26,3%.

При этом туркменский язык преобладает лишь при общении в семье и в беседах на бытовые темы: при чтении художественной литературы – 57,1% студентов используют туркменский язык; при чтении прессы – 58,2%; при чтении литературы по специальности – 44,6%; при работе с Интернетом – 30,4%; при про-

смотре фильмов и спектаклей – 43%; в беседах на профессиональные темы – 37%; в беседах на бытовые темы – 75,5%; при общении в семье – 89,9%.

Большинство опрошенных (89 человек, 89%) смотрят телевизор на русском языке, 81 (81%) – слушают русское радио.

Большинство информантов в ответ на просьбу оценить уровень владения русским языком в их стране указали, что русский язык в Туркменистане знают хорошо, в особенности – жители городов. Из опрошенных студентов только двое не изучали русский язык в школе. Несмотря на это, один из них владеет русским языком свободно. 36 человек учились в русскоязычных школах. 49 человек изучали в школе русский язык как иностранный,

13 – русский язык и литературу.

Студенты чувствуют необходимость знать русский язык. На вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети учились в школе с русским языком обучения?» 89 студентов ответили положительно, восемь человек ответить затруднились и только трое дали отрицательный ответ [см.: 6, с. 117].

Таблица 3

Использование русского и туркменского языков в различных коммуникативных сферах (в процентном соотношении)

В коммуникативной ситуации	из опрошенных туркменских студентов предпочитают	
	русс. яз., %	туркм. яз., %
чтение художественной литературы	79,8	57,1
чтение прессы	81	58,2
ведение переписки	83,7	55,8
чтение специальной литературы	81,9	44,6
беседа по специальности	89,9	37
просмотр фильмов, спектаклей	97,8	43
работа с Интернетом	89,1	30,4

беседа на бытовые темы	72,3	75,5
общение в семье	26,3	89,9

Заключение. Проведенное исследование доказывает, что туркменские студенты, обучающиеся в БГЭУ и БГАТУ, очень активно используют русский язык (один или наряду с другими языками) не только в коммуникативных сферах, обусловленных жизнью в нашей стране, но и в сферах, не зависящих от места жительства.

Большинство опрошенных студентов предпочитают именно на русском языке читать художественную литературу, смотреть фильмы и спектакли, вести переписку, пользоваться Интернетом.

Туркменский язык, являясь исключительно значимым, как фактор национальной самоидентификации, преобладает лишь при общении в семье и в беседах на бытовые темы. «Естественно, что уже одно это обстоятельство (то, что один из двух языков связан с семьей в большей мере) смещает психологическое равновесие языков в сознании билингвов... В их речевой практике за пределами семейного общения также наблюдается тенденция к дифференцированному выбору языка в зависимости от ситуации общения...» [1, с. 105]. У туркменских студентов, обучающихся в Беларуси, в ситуациях за пределами семейного общения преобладает русский язык.

Для неравновесного билингвизма естественной является ситуация закрепления определенного языка за определенной коммуникативной сферой. «При массовом и относительно полном двуязычии использование двух разных языков в тождественных ситуациях является избыточным, функционально неоправданным» [1, с. 105]. Такая языковая ситуация, конечно, еще не вполне сложилась у туркменских студентов, обучающихся в Беларуси (достаточно большое количество опрошенных предпочитает в ряде ком-

муникативных ситуаций использовать два языка), однако можно наблюдать отчетливую тенденцию к функциональному разграничению русского и туркменского языков. При этом русский язык осознается многими туркменами более социально значимым и престижным.

Литература

1. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
2. Виноградов, А.В. О состоянии русскоязычного образования в Туркменистане / А.В. Виноградов // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: материалы регион. науч. конф., Новосибирск, 21 дек. 2008 г. / Рос. акад. наук: редкол.: Е.А. Базылева [и др.]. – Новосибирск, 2009. – С. 375–379.
3. Гегель, Л.А. Социология билингвизма: учеб. пособие / Л.А. Гегель, С.С. Ковалева. – М.: Издательский центр МАТИ, 2008. – 112 с.
4. Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т языкознания, Беларус. респ. фонд фундам. исслед.; под ред. А.Н. Булыко, Л.П. Крысина. – Минск: Беларус. навука, 1999. – 246 с.
5. Траханкина, Т.А. Языковая ситуация в современном белорусском городе (Новополоцк): опыт регионального социолингвистического исследования / Т.А. Траханкина. – Минск: Беларус. гос. аграр. техн. ун-т, 2004. – 244 с.
6. Ефимчик, О.Е. Основные факторы формирования русскоязычной компетенции туркменских студентов, обучающихся в Беларуси / О.Е. Ефимчик // Весн. Мазырск. дзярж. пед. ун-та імя І.П. Шамякіна. – 2012. – № 2(35). – С. 113–118.

Поступила в редакцию 19.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 801.3

Символические значения компонента *глаз* во фразеологизмах

Лапушинская Н.О.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В контексте антропоцентризма рассматриваются соматические фразеологические единицы с компонентом глаз в русском, белорусском, немецком, английском и нидерландском языках как языковые сущности, у которых благодаря референции к культурному знанию создается культурная коннотация, «переводящая» фразеологические единицы в другой семиотический ранг: фразеологические единицы начинают выполнять функцию символа, эталона, стереотипа и т.п., тем самым играют роль культурного знака. В статье дается определение символического значения соматизма, прослеживается фразеологическое выражение нюансов символического смысла лексемы-компонента глаз в русском, белорусском, немецком, английском и нидерландском языках и устанавливаются мифологемы и символические значения данного компонента фразеологических единиц, как общие для пяти языков, так и уникальные, среди которых – ряд символических значений, не фиксируемых словарями.

Ключевые слова: лексема-компонент, соматическая фразеология, соматический код культуры, символический аспект значения фразеологической единицы.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 185–193)

Symbolic meanings of the component of *eye* in phraseological units

Lapushynskaya N.A.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

In the context of anthropocentrism somatic phraseological units with the component of eye are considered in Russian, Belarusian, German, English and Dutch to be linguistic substances which possess cultural connotations due to their reference to cultural cognition which converts phraseological units to another semiotic range: phraseological units begin to function as a symbol, etalon, stereotype and so forth, so that they perform the part of a cultural sign.

In the article symbolic meaning of somatism is defined, the phraseological expression of the peculiarities of symbolic meaning of the lexeme-component of eye are retraced in Russian, Belarusian, German, English and Dutch and mythologems and symbolic meanings of this phraseological unit component are defined as both universal for five languages and unique. Among them a number of symbolic meanings which are not fixed by dictionaries have been revealed.

Key words: lexeme-component, somatic phraseology, somatic code of culture, symbolic aspect of phraseological unit meaning.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 185–193)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lapuschinskaja@mail.ru – Н.О. Лапушинская

Исследование соматической фразеологии в контексте антропоцентризма предполагает изучение особенностей языкового кодирования информации, ее хранения и переработки. Как обширный класс языковых единиц соматические фразеологизмы играют ведущую роль в репрезентации базовых кодов культуры: соматического, временного, пространственного, предметного. «Интерпретация семантики фразеологизмов, в том числе и образной составляющей, включающей доступное для понимания наименование части тела, позволяет выявить особенности национально-культурной специфики концептуализации и категоризации реального мира, в том числе и самого человека, с учетом экспрессивно-оценочных коннотаций» [1, с. 3].

На наш взгляд, именно во фразеологии лучше всего сохраняются сведения о мифах, поверьях, ритуалах, обрядах, обычаях, т.е. о народной духовной культуре. Чаще всего миф свертывается во фразеологизм (т.е. происходит компрессия фоновых знаний), в котором можно увидеть и расшифровать этнокультурную информацию (см. об этом подробно: [2, с. 88–90]). Теоретической основой такого подхода является взгляд на фразеологическую единицу (далее ФЕ) как на один из способов хранения и функционирования мифологических знаний. Мифы порождают фразеологические единицы, мотивированные на образной и символической основе. Словокомпоненты ФЕ воспринимаются субъектом речи не только как языковые сущности с их лексическим значением, но и как имена реальных, приобретших в процессе жизнедеятельности человека особый, культурный смысл. Этот смысл «вычитывается» коммуникантами из слов-компонентов в процессе восприятия фразеологизма. Словокомпонент ФЕ становится своего рода культурным знаком, т.к. несет в себе сгущенный смысл какого-либо упорядочивающего повседневный ход действия, является именем культурной ситуации, именем ритуала, обряда и т.п. Рассматриваемая нами со-

матическая лексема-компонент фразеологизмов *глаз* обладает «символическим» значением именно как единица определенного культурного кода.

ФЕ – языковая сущность, но благодаря референции к культурному знанию у нее создается культурная коннотация, «переводящая» ФЕ в другой семиотический ранг. ФЕ начинает выполнять функцию символа, эталона, стереотипа и т.п., тем самым играет роль культурного знака.

Под символическим значением соматизма мы понимаем тип конвенционально обусловленного значения, который возник на основе механизмов метафоризации и метонимизации, в котором наименование конкретного предмета выступает как означающее для абстрактного значения.

Цель данной статьи – анализ фразеологического выражения нюансов символического смысла лексемы-компонента *глаз* в русском, белорусском, немецком, английском и нидерландском языках.

Материал и методы. Языковым материалом являются 206 русских фразеологических единиц с компонентом *глаз*, 206 белорусских фразеологизмов с компонентом *вока*, 139 немецких ФЕ с компонентом *Auge* 'глаз', 137 английских ФЕ с компонентом *eye* 'глаз' и 156 нидерландских ФЕ с компонентом *oog* 'глаз', отобранных преимущественно из одноязычных фразеологических словарей сопоставимого объема. Данный языковой материал исследуется с помощью метода синхронного сопоставления, описательного метода и метода когнитивно-интерпретативного анализа.

Результаты и их обсуждение. Человеческий глаз – главный канал, через который в мозг поступает информация об окружающем мире, это один из органов познания (80% информации получается через глаза). А потому наиболее ценный и уязвимый инструмент человеческого сознания – самое дорогое (ср. ФЕ: русск. *Пуще / паче глаза / ока / зеницы ока* – 'бдительно, заботливо, тщательно' (беречь, охранять и т.п.); *выцарапать / по-*

выцарапать глаза – 'решительно постояять за кого-л., не дать в обиду'; бел. *як зрэнку вока* – 'очень старательно, заботливо'; *як вока ў ілбе / лобе* – 'самое дорогое'; нем. *ein blaues Auge* – 'синяк, подбитый глаз'; *ein Auge riskieren* – 'взглянуть украдкой'; англ. *the apple of someone's eye* – 'очень любимый человек или вещь'; *one would give one's eyes to...* – 'готов всем пожертвовать, всё отдать, чтобы...'; нид. *wie maar een oog heeft, wrijft het dikwijls* – 'ценное имущество хранят особо бережно'; *de ene kraai pikt de andere de ogen niet uit* – 'коллеги по работе поддерживают друг друга'.

С другой стороны, глаза называют зеркалом души / характера / настроения,местилицем / местом пребывания души [3, с. 232], поскольку в них отражается внутренняя сущность человека. Они выражают все оттенки чувств, состояния души и мыслительных процессов. Глаза бросают вызов, выдают заинтересованность, безразличие или гнев и т.п., являются своеобразными индикаторами эмоционального, психического (реже физического) состояния человека (ср. ФЕ: русск. *Глядеть / смотреть большими глазами* – 'в крайнем изумлении, недоумении'; *глаза на лоб лезут* – 1) 'кто-л. испытывает нестерпимую боль, крайне неприятные ощущения и т.п. '; 2) 'кто-л. приходит в состояние удивления, смятения, сильного испуга'; бел. *вачы павылазілі* – 'кто-л. очень удивлен, сильно испуган'; *цямнее / зелянее у вачах* – 'кому-л. становится плохо'; нем. *jmdm. etw. an den Augen ablesen* (в данной ФЕ *глаза* также метафорически уподобляются тексту, который можно читать) – 'читать по глазам'; *große Augen machen / bekommen* – 'очень удивляться'; англ. *make big eyes* – 'очень удивляться'; *one's eyes stand out of one's head* – 'глаза полезли на лоб' (от боли, удивления и т.п.); нид. *de ogen zijn de spiegels der ziel* – 'глаза – зеркало души'; *grote ogen opzetten* – 'очень удивляться'; многие из этих метафор объясняются психосоматическими реакциями организма на то или иное состояние). Сегодня, когда книгопечатание, искусство фотографии, кино,

телевидение, интернет имеют сильное воздействие на человека, «глаза сделались парадным подъездом души» [3, с. 234]: человек оценивает, любит, ест, путешествует глазами. В современном мире глаз – главная цель, которую стремятся поразить современные медиа и рекламные агентства. *Смотреть прямо в глаза* – символ чистосердечности и открытости (ср. ФЕ: русск. *глядеть / смотреть прямо в глаза* – 'не испытывать угрызений совести, чувствовать себя легко и свободно'; бел. *глядзець прама ў вочы* – 'не испытывать угрызений совести перед кем-л., не стыдиться чего-л. '; *хаваць вочы* – 'избегать смотреть открыто, прямо на кого-л. '; нем. *nicht gerade in die Augen sehen können* – 'бояться смотреть кому-л. прямо в глаза'), но также символ испытания [4, с. 180]. *Смотреть прямо в глаза* означает допытываться, стараться увидеть истину. Такой привилегией обладают сегодня только дети, врачи и начальство. Остальные, согласно правилам хорошего тона, не должны удерживать долгий пристальный взгляд на собеседнике, а тем более на незнакомом человеке. Ср. ФЕ: русск. *взглянуть в глаза и смотреть / глядеть в глаза правде* – 'резво оценивать действительное положение вещей'; *смотреть / глядеть в глаза (чему)* – 'не бояться'; *смотреть / глядеть в глаза (кому)* – 'заискивать, стараться угодить'; бел. *глядзець / глянуць / паглядзець праўдзе ў вочы* – 'резво оценивать действительное положение вещей'; нем. *einer Gefahr ins Auge sehen* – 'посмотреть в глаза опасности, не бояться'; *dem Tod in die Augen schauen* – 'посмотреть в глаза смерти, не бояться'; англ. *look smb. in the eye* – 'посмотреть кому-л. в глаза'; а также русск. *впиваться / впитаться глазами* и *пожирать / есть / поедать глазами* – 'пристально, очень внимательно, не отрываясь смотреть'; бел. *есці вачамі / вачыма* – 'пристально смотреть'; нем. *mit den Augen verschlingen / fast auffressen* – 'очень внимательно смотреть'; нид. *met de ogen verslinden* – 'пристально смотреть'.

Символическое значение *глаза* как органа познания, получения информа-

ции закреплено в языке посредством многочисленных соматических ФЕ: русск. *глаза широко раскрываются*, когда мы бессознательно стремимся получить через них максимум информации; *прищуривать глаза* во время пристального наблюдения или при высокой концентрации мысли; ср. также *завязывать / завязать глаза* – 'сознательно не видеть чего-л., не обращать внимания на что-л.'; бел. *закрываць / заплюшчваць / закрыць / заплюшчыць вочы* – 'намеренно не замечать что-л. важное, значительное'; *вочы адкрываюцца / раскрываюцца* – 'освободившись от ошибочных взглядов, познать настоящий смысл чего-л.'; нем. *jmdm. die Augen öffnen* – 'открыть глаза кому-л. '; *die Binde / der Schleier fällt / die Schuppen fallen von den Augen* – 'с глаз спадает пелена'; англ. *open eyes to* – 'вывести из заблуждения'; *turn a blind eye on / to smth.* – 'закрывать глаза, смотреть сквозь пальцы'; нид. *de ogen openen openen* – 'выводить кого-л. из состояния неведения, непонимания, заблуждения'; *de schellen vallen hem van de ogen* – 'кто-л. узнает правду, действительное состояние дел' и др.

В каждом из исследуемых языков существуют фразеологизмы, общая тенденция которых такова: обманывать кого-л. – это мешать адекватно воспринимать мир, мешать смотреть, не давать получать достоверную информацию: русск. *замазывать / замазать глаза; пускать пыль в глаза; бросать / бросить пыль в глаза*; бел. *замазваць / замазаць вочы; пыл / туман у вочы; пускаць / пускаць пыл / туман / дым у вочы; замывляць / замыліць вочы, сляпіць вочы; жвір у вочы сыпаць*; нем. *jmdm. Sand in die Augen streuen*; англ. *do smb. in the eye*; нид. *zand in de oogen strooien*.

Человеческому глазу доступно лишь настоящее, тогда как всевидящему оку богов подвластно и прошлое, и настоящее, и будущее. Пристальный взгляд богов легко проникает в любые тайны Вселенной, а посему Божье око является символом всевидения, всезнания, мудрости, Провидения, Промысла Божьего и

Судьбы [5, с. 74]. Так, глаз – это также символ всепроникающего знания солнечных богов [6, с. 55], солнца (глаз не мог бы смотреть на солнце, если бы в каком-то смысле сам не был солнцем, ср. также англ. ФЕ *the eye of day / of heaven* – 'дневное светило, солнце') [7, с. 180]. В мифологии нередко солнце воспринимается как благой, а луна – дурной глаз. В германской мифологии солнце предстает как глаз Вотана (Одина). С мифологемой *глаза* «солнце» связаны фразеологизмы *хозяйский глаз* 'надежный присмотр за чем-л.', *без глаза* 'без присмотра' (ср. также нем. ФЕ *Auge des Herrn*). Мифологема «небесные светила» отображена, на наш взгляд, также в следующих ФЕ: русск. *сверкать / сверкнуть глазами; глаз горит / глаза горят; глаза загораются / загорелись; глаза разгорелись; свет меркнет / померк в глазах*; бел. *бліскаць / бліснуць вачамі / вачыма; вока гарыць / вочы гараць; свяціць / пасвяціць вачамі / вачыма*.

Главным отличительным признаком древних богов считался мистический третий глаз, называемый иногда «глазом сердца», символ духовного зрения / совершенного зрения / умения видеть суть вещей / интуиции (ср. нем. ФЕ *das geistliche / innere Auge* – 'духовный взор'; англ. *one's mind's eye* – 'мысленный взор, духовное око'). Наличие пары глаз означает физическую норму, из этого следует, что третий глаз символизирует божественное. У пророков и провидцев также открыт третий глаз, поэтому они обладают мудростью, а легендарные мудрецы часто слепы: они прозревают другим зрением.

Своеобразной противоположностью божественного третьего глаза является дурной глаз – носитель смертоносного взгляда различных фантастических существ, коими так богата мифология древних. В ирландских сагах таким взглядом обладал Балор, мифический правитель фоморов. В восточнославянской мифологии убийственным взглядом наделялся Вий (с украинского *вія* – 'ресница'), повелитель духов.

Дурной глаз – символ деструктивных сил зла [8, с. 245] (ср. также ФЕ: русск. *Дурной / лихой / худой глаз* – 'по суеверным представлениям взгляд недоброжелательного человека, приносящий несчастье'; *колоть глазами* – 'недоброжелательно, зло смотреть'; англ. *the evil eye* – 'взгляд недоброжелательного человека, причиняющий вред'), причем обычно дурным глазом считался левый глаз – «женский». У восточных славян, в основной своей массе голубоглазых, разрушающей силой наделялись черные глаза. У южных же народов, наоборот, – голубые. В народном мировосприятии дурной глаз понимается как сглаз, т.е. глаза толкуются как орган, при помощи которого человек может повлиять на судьбу другого человека. На Руси дурным считался косой, впалый глаз. Вера в дурной глаз зародилась тогда, когда мир, по представлениям древних, был населен духами. Однако при плохом самочувствии мы до сих пор говорим: *это сглаз, кто-то сглазил, недобрый глаз поглядел*. Таким образом, *глаза* – символ энергии и силы, как созидательной, так и разрушительной [9, с. 65], символ сверхчувственности [5, с. 75], спиритуалистической выразительности [10, с. 152], символ гипнотической энергии (ср. нем. ФЕ *magisches Auge* – 'зеленый глазок' (у радиоприемника)). Издавна от сглаза заводили обереги-амулеты, которые изготавливали из драгоценных металлов и камней в форме глаза, что и отображено в ФЕ: русск.

глаз-алмаз; беречь как глаз; возьми глаза в руки; имей глаза; вооруженный глазом (современная форма этого фразеологизма – *невооруженным / простым глазом*); *раскидывать глаза / глазами; рас- терять глаза; играть глазами*; бел. *браць / узяць [свае] вочы ў жменю / у рукі*; нем. *die Augen in die Hand nehmen; mit bewaffnetem Auge; mit bloßem / unbewaffnetem Auge*; англ. *take smb.'s eye; the naked eye; with one's / the naked eye*; нид. *met het blote oog [niet] te zien zijn*. Таким образом, *талисман в виде глаза / магический глаз* отводит зло [5, с. 76], т.е. *глаз* является защитником духовного, внутреннего человека [11, с. 208]. Широко известно и свойство соли охранять от злых сил и сглаза, ср. бел. ФЕ *соль у вочы*.

Зрение традиционно воспринимается как атрибут всех живых существ, а слепота – как символ загробного существования, а также как высшего видения [6, с. 55]. В народных представлениях слепота – это наказание за особо тяжкие грехи. Символом наказания выступает также засорение глаз (ср. ФЕ: русск. *глаза [и уши] запорошило* – 'о потерявшем способность понимать что-л., нормально рассуждать'; бел. *вока не запарушыць* – 'не причинить никакого вреда'). Аномалии глаз – знак принадлежности человека демоническому миру. Двойные зрачки – признак ведьмы [11, с. 209].

О натуре человека мистики судят по размеру, форме, цвету глаз.

Таблица

Символические значения компонента *глаз* в составе соматических фразеологических единиц

Символические значения	Примеры ФЕ
Зрение, поле зрения	русск. <i>острый глаз</i> – 'хорошее зрение'; <i>с глаз 1)</i> 'вон, прочь'; 2) 'так, чтобы не видно было'; 3) 'уйти, скрыться с поля зрения'; бел. <i>лезці ў / на вочы</i> – 'стараться быть на виду, назойливо торчать перед глазами'; <i>з вачэй / воч / вока</i> – 'подальше от кого-л., чтобы не было видно'; нем. <i>scharfe Augen haben</i> – 'иметь острое зрение'; <i>jmdm. aus den Augen gehen</i> – 'уйти с глаз долой'; англ. <i>a straight eye</i> – 'хороший глазомер'; <i>fall under smb's eye</i> –

	'попасться на глаза'; нид. <i>de ogen van de zieke kunnen geen licht verdragen</i> – 'боится тот, у кого совесть не чиста'
Эталон пространственных координат	русск. <i>куда глаза глядят</i> – 1) 'не выбирая пути, куда попало'; 2) 'куда вздумается'; <i>перед глазами</i> – 'в непосредственной близости, рядом'; бел. <i>куды вочы нясуць</i> – 'согласно желанием, куда захочется'; <i>перад вачамі / вачыма</i> – 'рядом, близко'; нем. <i>so weit das Auge reicht</i> – 'насколько хватает глаз'; <i>jmdm., einander Auge in Auge gegenüber stehen</i> – 'стоять очень близко друг возле друга'
Эталон меры	русск. <i>за глаза (хватит)</i> – 'вполне, с избытком'; <i>на глаз глазок</i> – 'приблизительно, примерно'; бел. <i>на вока</i> – 'приблизительно'; <i>ні ў адным воку</i> – 'совсем, нисколько не пьяный'; англ. <i>by [the] eye</i> – 'на глаз'; <i>painted [up] to the eyes</i> – 'размалеванная, сильно покрашенная'
Эталон времени	русск. <i>глазом моргнуть не успел</i> – 'очень быстро, мгновенно, не успел осмыслить'; <i>краем глаза</i> – 'на короткий миг, мельком'; бел. <i>на адно імгненне вока</i> – 'на очень короткое время'; <i>у момант вока</i> – 'сразу же, мгновенно'; англ. <i>in twinkling of an eye</i> – 'очень быстро'
Критерий качественных преобразований	русск. <i>вырастить / вырасти / расти в глазах</i> – 'приобретать уважение кого-л., подниматься, выигрывать в чьем-л. мнении'; <i>в глазах</i> – 'в представлении, по мнению кого-л.'; бел. <i>вырастаць / вырасці ў вачах</i> – 'заслужить уважение, признание'; <i>ва ўласных вачах</i> – 'по собственному мнению'; нем. <i>in jmds. Augen</i> – 'в чьих-л. глазах'; <i>in jmds. Augen steigen / sinken / verlieren</i> – 'вырасти / упасть в чьих-л. глазах'; англ. <i>in smb.'s eyes</i> – 'по чьему-л. мнению'
Человек	русск. <i>между / меж четырех глаз</i> – 'наедине, без свидетелей'; <i>с глазу на глаз</i> – 'наедине'; бел. <i>на чатыры вокі</i> – 'без свидетелей, без посторонних'; <i>у вочы</i> – 'открыто, в присутствии кого-л.'; нем. <i>unter vier Augen</i> – 'с глазу на глаз'; <i>vier Augen sehen mehr als zwei</i> – 'одна голова хорошо, а две лучше'; англ. <i>eyes only</i> – 'лично такому-то'; <i>four eyes see more than two</i> – 'ум хорошо, а два лучше'; нид. <i>vreemde ogen dvingen</i> – 'дети слушаются чужого человека лучше, чем своих родителей'; <i>twee ogen zien meer dan een</i> – 'вдвоем открываешь, обнаруживаешь больше'
<i>Окончание табл.</i>	
Оружие	русск. <i>стрелять / стрельнуть глазами / глазками</i> – 1) 'бросать короткие, быстрые взгляды'; 2) 'кокетливо поглядывать на кого-л.'; бел. <i>страляць / стрэліць вачамі / вачыма / вочкамі</i> – 1) 'бросать короткие, быстрые взгляды'; 2) 'кокетливо поглядывать на кого-л.'; англ. <i>one's eyes flash / shoot fire</i> – 'глаза мечут молнии, глаза сверкают'
Прибор реагирования	русск. <i>и [даже] глазом не ведет</i> – 'никак не реагирует, не обращает внимания'; <i>глазом не моргнул</i> – 'не проявил ни малейшей растерянности; ничем не выдал себя'; бел. <i>і / нават вокам не вядзе</i> – 'никак не реагирует, не обращает внимания'; <i>і / нават вокам не маргнуў</i> – 'не показал никакой растерянности, боязни, ничем не выдал себя'
Опыт	русск. <i>глаз набит / наметан</i> – 'кто-л. достаточно искусен, опытен, чтобы безошибочно определить, распознать что-л.'; бел. <i>набіваць / набіць вока</i> – 'приобретать опыт, умение быстро'

	определить что-л., оценить'; нем. <i>ein Auge für etw. haben</i> – 'глаз набит, наметан'; англ. <i>have [got] an eye for smth.</i> – 'быть знатоком, понимать толк в чем-л.'; нид. <i>oog hebben voor iets</i> – 'иметь представление о чем-л.'
Память	русск. <i>стоять в глазах</i> – 'неотступно зрительно представляться'; бел. <i>стаяць перад вачамі</i> – 'неотступно зрительно представляться'; нем. <i>vor Augen schweben / stehen</i> – 'стоять перед глазами'; англ. <i>camera eye</i> – 'хорошая зрительная, фотографическая память'
Емкость	русск. <i>наливать / налить глаза</i> – 'напиваться допьяна'; <i>заливать / залить глаза</i> – 'напиваться пьяным'; бел. <i>заліць / заліваць вочы</i> – 1) 'напиваться пьяным'; 2) 'напоить кого-л.; довести до состояния опьянения'
Благосклонность	бел. <i>не мець вока</i> – 'испытывать неприязнь, ненавидеть'; <i>не ў воку</i> – 'не нравиться кому-л.'; нид. <i>een kwaad oog op iemand hebben</i> – 'испытывать отвращение к кому-л.'; <i>een [good] oogje op iemand hebben</i> – 'испытывать благосклонность к кому-л., быть влюбленным в кого-л.'
Жадность	бел. <i>вока няпоўнае</i> – 'кто-л. очень жадный'; <i>папоўскае вока</i> – 'кто-л. очень жадный'; <i>жадзён / жадны на вока</i> – 'кто-л. очень жадный'
Эталон идентичности	нем. <i>jmdm. aus den Augen sehen</i> – 'быть похожим на кого-л.'; <i>jmdm. wie aus den Augen geschnitten sein</i> – 'быть вылитым портретом кого-л.'

В законодательстве древних народов принцип «око за око» (ср. ФЕ: бел. *вока за вока [зуб за зуб]*; нем. *Auge um Auge, Zahn um Zahn*; англ. *an eye for an eye and a tooth for a tooth*; нид. *oog om oog, tand om tand*) выражал идею возмездия и кровной мести, т.е. глаз в данном случае воспринимается как нечто ценное и уязвимое.

В СФЕ с компонентом *глаз* отображены и дошли в таком состоянии до наших дней некоторые древние стереотипы поведения: *глаз не отвести* (так нужно было общаться с собеседником); *нельзя глаз отвести*; *не отрывать / не отводить глаз*; *отводить / отвести глаза*; *для отвода глаз*; бел. *[не магчы / нельга] адарваць / адвесці вачэй; для адводу вачэй; адвокат вачэй; адвокатзіць / адвесці вочы; не адрываць / не адвокатзіць / не адарваць / не адвесці вачэй*; нем. *kein Auge abwenden*; англ. *not to take / tear one's eyes*.

Сегодня *глаз* воспринимается как имеющий двоякое символическое значение: с одной стороны, это орган, отражающий внутренний мир человека, с другой – это символ наблюдения и кон-

троля (за другими) / шпионажа [12, с. 276]. Он позволяет наблюдать и контролировать действия людей и даже подглядывать за тем, что они пытаются скрыть от окружающих. Ср. ФЕ: русск. *глаз да глаз* – 'строгий надзор, присмотр'; *в оба глаза* – 'пристально, зорко, внимательно, не упуская ничего из вида'; бел. *вока ды вока* – 'строгий надзор'; *браць / узяць на вока* – 'внимательно следить, наблюдать за кем-л. / чем-л.'; нем. *sein / ein Auge haben* – 'следить, внимательно смотреть'; *seine Augen überall haben* – 'все видеть, ничто не ускользнет'; англ. *a private eye* – 'частный сыщик'; *under the eye of smb.* – 'под наблюдением кого-л.'; нид. *[niet] uit het oog verliezen* – '[не] ускользнуть от чьего-л. внимания, наблюдения'.

Глаз – символ зрячести умерших [4, с. 181], поэтому на хлебах, которые выпекали в дни памяти предков – «родительские субботы», также обязательно присутствовал мотив глаз. Открытые глаза покойника – предвестие еще одной смерти (обычай закрывать глаза умершему отображают следующие ФЕ: русск.

закрывать / закрыть глаза; затворить глаза; смежить глаза; бел. *закрываць / закрыць вочы*; нем. *jmdm. die Augen zudrücken*; ср. также соматические ФЕ со значением 'умереть': русск. *закрывать глаза; закрыть глаза на веки*; нем. *die Augen schließen / zumachen; die Augen auf null gestellt haben; mit brechenden Augen; jmds. Augen brechen*; англ. *close one's eyes*; нид. *de ogen sluiten*).

Как компонент ФЕ соматизм *глаз* получает также символическое осмысление, что отражено в таблице.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, приходим к следующим выводам. Лексема *глаз* обладает богатым неоднозначным символизмом, порой амбивалентным: многие символы наделены не одним, а множеством значений, т.к. содержат идеи, несущие различную смысловую нагрузку, нередко двойственного, антиномичного характера. Проанализировав собранный материал, нам удалось установить символические значения данного компонента фразеологических единиц, общие для пяти языков: ценный и уязвимый инструмент человеческого сознания; зеркало души – индикатор эмоционального, психического (реже физического) состояния человека; орган познания, получения информации; наблюдение и контроль / шпионаж; зрение, поле зрения; человек; опыт. Общие символы в русском, белорусском, немецком и английском языках: критерий качественных преобразований; память. Символы в русском, белорусском и немецком языках: чистосердечность, открытость; эталон пространственных координат. Символы в русском, белорусском и английском языках: эталон меры; эталон времени; оружие. Символы в русском и белорусском языках: прибор реагирования; емкость; наказание. Символ в русском и английском языках: деструктивная сила зла. Символ в белорусском и нидерландском языках: благосклонность. Символ в немецком и английском языках: духовное зрение / совершенное зрение / умение видеть суть вещей / интуиция. Символ в белорусском языке:

жадность. Символ в немецком языке: эталон идентичности.

А также мифологемы: камень-амулет в пяти языках; солнце в русском, немецком и английском языках; небесные светила в русском и белорусском языках.

Литература

1. Щирова, В.С. Соматические фразеологизмы немецкого языка в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / В.С. Щирова; Тамбовск. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2005. – 24 с.
2. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
3. Большая энциклопедия символов и знаков / авт.-сост. Л. Егазаров. – М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2007. – 723 с.
4. Шейнина, Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2002. – 591 с.
5. Жюльен, Н. Словарь символов: ил. справ.; пер. с фр. / Н. Жюльен. – 2-е изд. – Челябинск: Урал, 2000. – 497 с.
6. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 336 с.
7. Баешко, Л.С. Энциклопедия символов / Л.С. Баешко, А.Н. Гордиенко; под ред. О.В. Перзашкевича. – М.: Эксмо; Смоленск: Наше слово, 2007. – 302 с.: цв. ил.
8. Грушко, Е.А. Словарь славянской мифологии / Е.А. Грушко; худож. Н. Антипова. – Нижний Новгород: Рус. купец; Братья славяне, 1995. – 368 с.
9. Словарь символов и знаков / авт.-сост. Н.Н. Рогалевиц. – Минск: Харвест, 2004. – 510 с.
10. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н.А. Истомина. – М.: АСТ: Астрель, 2003. – 1055 с.
11. Vries, A. de. Elsevier's dictionary of symbols and imagery / A. de Vries; revised and updated by Arthur de Vries. – 2nd ed., enlarged. – Amsterdam [etc.]: Elsevier, 2004. – 627 p.
12. Похлебкин, В.В. Словарь международной символики и эмблематики / В.В. Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2004. – 541 с.

Поступила в редакцию 05.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 821.161.3.09

Літаратурнае наследаванне як творчая манера Ігнація Быкоўскага

Гладкова Г.А.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле на матэрыяле паэтычных твораў польскамоўнага пісьменніка Беларусі канца XVIII – пачатку XIX стагоддзя Ігнація Якса Быкоўскага паказана праўдленне традыцыі літаратурнага наследавання ў мастацкім метадазе аўтара. Свядамае кіраванне літаратурнай творчасцю Вальтэра, Ж.Б. Русо, А. Поўпа сталі для пісьменніка школай паэтычнага майстэрства, дазволілі выпрацаваць уласную манеру творчага асэнсавання рэчаіснасці. Упершыню ў айчынным літаратуразнаўстве праведзены пошук крыніц літаратурнага наследавання, вызначаны прычыны частага звароту польскамоўнага пісьменніка да іншамоўных літаратурных твораў, зроблены параўнальны аналіз тэкстаў. Даследаванне мастацкага метаду І. Быкоўскага спрыяе вырашэнню важнай задачы беларускага літаратуразнаўства – пашырэнню інфармацыйных рэсурсаў нацыянальнай літаратуры на розных этапах яе развіцця, у прыватнасці, у перыяд уваходжання беларускіх зямель у склад Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: літаратурнае наследаванне, мастацкі метада, класіцызм, эпоха Асветніцтва, беларуская польскамоўная літаратура, парафраз, арыентальная літаратура, літаратурная традыцыя, літаратурны працэс.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 194–202)

Literary imitation as the creative manner of Ignaty Bykouski

Gladkova A.A.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

On the basis of poetic works by Polish language Belarusian writer of the late XVIII – early XIX centuries Ignaty Yaksa Bykouski the article presents the tradition of literary imitation in the creative method of the author. Tracing the literary activity by Voltaire, J.B. Rousseau, A. Pope became the school of poetic perfection for the author, it made it possible to work out his own manner of understanding the reality. For the first time in home literature studies search is made of the sources of literary imitation, reasons are singled out of frequent application of the writer to foreign language literary works; comparative analysis of texts is made. The study of the creative method by I. Bykouski makes it possible to solve an important task of Belarusian literature studies – widening information resources of the national literature at different stages of its development, namely, in the period when Belarusian lands joined Retch Pospolita.

Key words: literary imitation, creative method, the Age of the Enlightenment, Belarusian Polish language literature, paraphrase, Oriental literature, classicism, literary tradition, literary process.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 194–202)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: anngrin@mail.ru – Г.А. Гладкова

Творчасць польскамоўнага пісьменніка Беларусі канца XVIII – пачатку XIX стагоддзя Ігнація Яксы Быкоўскага мала даследавана айчыннай літаратуразнаўчай навукай. Гэта звязана з недастатковай увагай навукоўцаў да польскамоўнай беларускай літаратуры эпохі Асветніцтва з прычыны доўгага панавання ў савецкім літаратуразнаўстве аднабаковага падыходу да літаратурнага працэсу на беларускіх землях, калі да беларускай літаратуры адносіліся толькі беларускамоўныя творы. Такі крытэрыі адбору спрыяў таму, што з кантэксту беларускай літаратуры доўгі час былі выключаны іншамоўныя мастацкія тэксты літаратараў-выхадцаў з Беларусі, так званых “Białorusinów z pochodzenia” (азначэнне Ф. Сяліцкага) [1]. На сучасным этапе прыярытэтным накірункам развіцця айчыннага літаратуразнаўства з’яўляецца пашырэнне інфармацыйных рэсурсаў па гісторыі беларускай літаратуры эпохі Асветніцтва, што дазваляе стварыць цэласную карціну літаратурнага працэсу на беларускіх землях у адзначаны перыяд.

Мэта даследавання – выяўленне прычын частага выкарыстання і характару літаратурнага наследвання ў творчай манеры пісьменніка.

Матэрыял і метады. Спецыфіка літаратуразнаўчага даследавання ў дадзеным выпадку вымагае выкарыстання параўнальна-супастаўляльнага метаду, які дазволіць выявіць у творчасці пісьменніка факты літаратурных наследванняў. Аб’ектам увагі сталі разнажанравыя мастацкія творы І. Быкоўскага: “Oda do Fortuny”, паэмы “Kościół sławy” і “Próżność Próżności, i wszystko próżność”.

Вынікі і іх абмеркаванне. Як вядома, літаратурнае наследванне (свядомае кіраванне іншай літаратурнай творчасцю) характарызуецца наяўнасцю агульнага падабенства з літаратурным узорам. Часта такі від літаратурнага ўплыву становіцца непазбежнай формай

вучнёўства пісьменніка, які праз наследванне засвойвае літаратурную культуру свайго часу.

У творчай спадчыне І. Быкоўскага ёсць прыклады твораў, якія дэманструюць свядомае кіраванне шырокавядомымі літаратурнымі ўзорамі. Напрыклад, у зборніку паэзіі “Wiersze” (1798) змешчана “**Oda do Fortuny**” (“Ода Фартуне”), у якой праявіліся мастацкія здольнасці Быкоўскага як паэта-транслятара іншамоўнага паэтычнага тэксту.

У рымскай міфалогіі Фартуна была багіняй лёсу, поспеху і шчасця, якая звычайна паўставала ў вобразе сляпой жанчыны. Ода пачыналася са звароту да багіні Фартуны, якой паэт кідаў папрок у неразборлівасці: “Twoia zwodnicza ręka / Złych wznosi, dobrych nęka” (“Твая падманлівая рука / Дрэнных уносіць, добрых непакоіць”) [2, с. 6]. Створаны Быкоўскім вобраз багіні нагадвае вядомы міф пра Фартуну з унікальнага помніка французскай сярэднявечнай літаратуры “Roman de la Rose” (“Раман пра Ружу”), дзе сустракаецца аналагічны папрок: “Так зла Фортуна, что казнит достойных, бесчестит их и мучит, а негодыев всех наверх возносит, им дарит почести и власть, чтоб после их низвергнуть. Вот почему ей в старину повязкою глаза закрыли...” [3, с. 103]. І. Быкоўскі быў абураны неабходнасцю прыносіць багіні “niewinne ofiary” (“бязвінныя ахвяры”), паэт параўнаў такія ўчынкі з паганскімі ахвярапрынашэннямі.

Такім чынам, эмацыянальны, узрушаны пачатак оды, падмацаваны рытарычнымі пытаннямі ў першых трох строфах, задаваў агульны тон усяму твору. Паэт спрабаваў высветліць, які крытэрыі дапамагае адрозніць сапраўдныя заслугі ад ухваленай подласці. З гонарам і павагай І. Быкоўскі прыгадваў імя фельдмаршала расійскіх войск графа Пятра Румянцава, які, па сведчанні паэта, падчас турэцкай вайны вызначаўся справядлівымі

адносінамі да падначаленых: “winnych ostro karał, a uciśnionych ochraniał” (“вінаватых строга караў, прыгнечаных жа ахоўваў”) [2, с. 7].

Развагі прывялі пісьменніка да высновы, што сапраўдным героем можа лічыцца той, хто вызначаецца мудрасцю, а не “pije krew i Lud dręczy” (“п’е кроў і людзей мучае”) [2, с. 7]. Далей І. Быкоўскі падмацоўваў сваё меркаванне прыкладамі з гісторыі, якія з-за жорсткасці кіраўнікоў не павінны быць услаўлены. Аўтарам згадваліся імёны рымскага дзяржаўнага дзеяча і дыктатара, арганізатара крываваых праскрышчый Лукрэцыя Карнэлія Сулы, заваёўніка Аляксандра, учынкі якога паэт параўнаў са злачынствамі варвара Атылы. І. Быкоўскі заўважаў, што часта праз глупства і ўпартасць камандзіраў гінулі тысячы воінаў, у сувязі з гэтым пісьменнік прыгадаў ваенныя пралікі і ўпартасць рымскага консула Гая Тэрэнцыя Варона, якія прынеслі перамогу Ганібалу і смерць сябру – консулу Старажытнага Рыма Луцыю Эмілію Паўлу і пяцідзесяці тысячам рымлян.

Паэт не жадаў славіць і называць дабрачынным разбойнае рамяство ўвогуле, асветнік Быкоўскі пратэставаў супраць дзікіх намераў захопнікаў, якія выракліся чалавечнасці. У гэтым нам бачыцца яркая праява гуманістычных поглядаў пісьменніка, якія сталі вынікам аўтарскага асэнсавання гістарычнага развіцця грамадства і ўплыву перадавых канцэпцый эпохі Асветніцтва.

Пэралік дабрачыннасцей як абавязковых атрыбутаў героя заканчваецца аўтарскай высновай: усе згаданыя рысы (схільнасць сэрца да просьбаў пакрыўджаных, шчодрасць, лагоднасць, адасабленне ад лісліўцаў) спалучыў у сабе імператар Павел. Ён бачыўся паэту праціўнікам крываваых войнаў, ён жа – прыклад пануючым і заступнік прыгнечаным.

Вобраз імператара Паўла супрацьпастаўлены ў творы ўсім тым

кіраўнікам, рукі якіх у крыві. У прыватнасці, у процівагу Паўлу І. Быкоўскі паставіў асобу рымскага імператара Актавіяна Аўгуста, які толькі дзякуючы падтрымцы сената і прадуманым законам здолеў заглушыць памяць народа пра забойствы.

Ода заканчвалася аўтарскай высновай пра асуджанасць крываваых шляхоў непераможных герояў. Карціна смерці такога заваёўніка сцвярджала аўтарскую пазіцыю: непераможнасць, за якую заплочана крывёй людзей, не будзе вечнай, на змену “шчасцю” прыйдзе суровая “бура”, а значыць, трагічны фінал для крывавага героя непазбежны.

Такім чынам, “Ода Фартуне” стала своеасаблівым разважаннем паэта над роляй сляпога выбару Фартуны ў лёсе чалавека, над праблемай маральных прыярытэтаў для лідара, над пытаннем пра адказнасць за свае ўчынкі. У палеміцы з чытачом аўтар імкнуўся знайсці ісціну, вылучыць яе на аснове аналізу гістарычных фактаў і ўласнага вопыту. І. Быкоўскі асуджаў любыя формы дэспатызму, з паэтычнай палымьянасцю выступаў супраць крываваых сутычак, імкненне да якіх дыктуецца рознымі прычынамі, але ніколі не можа быць апраўданым.

Тэксталагічная паралель, праведзеная паміж “Одай Фартуне” І. Быкоўскага і аднайменным творам А. Нарушэвіча (польскамоўнага літаратара і гісторыка Рэчы Паспалітай, сучасніка паэта), дазваляе высветліць першакрыніцу для польскамоўных перапрацовак – “Ode à la Fortune” Жана Баціста Русо [4, с. 121–129]. Як вядома, акрамя польскамоўных аўтараў Рэчы Паспалітай да франкамоўнага тэксту оды ў свой час звярнуліся М. Ламаносаў і А. Сумарокаў, што стала асновай для літаратурнага спаборніцтва перакладчыкаў. На наш погляд, створаныя ў выніку паэтычныя тэксты характарызуюцца наяўнасцю аўтарскіх навацый і рознай ступенню блізкасці да арыгінала. Адзначым, што “Ода Фартуне” І. Быкоўскага дакладна

перадавала сюжэтную напоўненасць “Оды...” Ж.Б. Русо, аднак паэт увёў матыў праслаўлення імператара Паўла I, чым значна павялічыў аб’ём твора. Ад агульных разваг пра ролю асобы ў гісторыі і кошт лаўраў улюбёнца Фартуны аўтар перайшоў да рэалій палітычнай сітуацыі Рэчы Паспалітай канца XVIII стагоддзя, што тлумачыцца мэтай Быкоўскага – выказаць лаяльную пазіцыю ў адносінах да расійскага імператара і ўславіць палітыку апошняга мастацкімі сродкамі панегірычнай паэзіі.

Такім чынам, супастаўленне твора Ж.Б. Русо і наследавання І. Быкоўскага дазваляе гаварыць пра творчы падыход польскамоўнага аўтара да выбранай крыніцы, што сведчыць пра выпрацоўку самастойнай творчай манеры І. Быкоўскага.

Адным з маштабных твораў у спадчыне пісьменніка стала паэма “*Kościół sławy*” (1799) [5]. Як вынікае са зместу твора, І. Быкоўскі працягваў распрацоўваць тэму суадносін учынкаў чалавека і належнага іх шанавання. З гэтай мэтай паэт стварыў вобраз храма славы, дзе кожны за зробленае пры зямным жыцці атрымлівае справядлівае ўхваленне.

Заўважым, што ідэя стварыць храм славы, каб ушанаваць выбітных гістарычных асоб, не вызначалася аўтарскай арыгінальнасцю. Нягледзячы на ўзмоцненае гучанне ў паэме ўласнай пазіцыі творцы, мы знаходзім у гісторыі сусветнага слоўнага мастацтва літаратурныя паралелі да паэмы І. Быкоўскага “Касцёл славы”. Так, пры англіскага паэта XVIII стагоддзя А. Поўпа належалі пераклады на сучасную англійскую мову твораў Д. Чосера, сярод якіх была паэма “Дом Славы” (“*The House of Fame*”). Першакрыніца сярэднявечнага паэта ўяўляла сабой паўалегарычныя трызненні, навеяныя знаёмствам з “Камедыяй” Дантэ. У 1711 годзе “Дом славы” Д. Чосера ў перакладзе А. Поўпа атрымаў назву “Храм Славы” (“*The Temple of Fame*”). Параўнальны аналіз “Касцёла славы” І. Быкоўскага з творами

А. Поўпа і Д. Чосера дазваляе заўважыць канцэптуальную блізкасць літаратурных помнікаў, што праявілася на ўзроўні тэматычнай зададзенасці і ідэйнай накіраванасці твораў. Да агульных момантаў мастацкіх тэкстаў можам аднесці непасрэдна цэнтральны вобраз паэма – храм славы, які неаднаразова прымоўіцца кожнаму з аўтараў, касмічнае разуменне месца Зямлі ў Сусвеце, вобраз багіні Славы і апісанне яе суда над прысутнымі, дэталізацыю ўбранага храма, выкарыстанне сатырычных прыёмаў пры стварэнні вобразаў лісліўцаў, плеткароў і г.д. Агульнасць аўтарскіх падыходаў відавочная: храм славы сімвалізуе для паэтаў справядлівае ўслаўленне выбітных асоб па-за межамі часу і прасторы, у гэтым бачыцца прапанаваная аўтарамі своеасаблівая спроба дасягнення бессмяротнасці. Аднак слава, якой бы вялікай яна ні з’яўлялася, не можа перамагчы вечнасць: з цягам часу імёны герояў змываюцца са скалы, на якой знаходзіцца храм.

Разам з тым у паэмах розная кампазіцыйная будова: “Дом Славы” Д. Чосера складаўся з трох кніг (адпаведна кампазіцыі “Камедыі” Дантэ), паэма І. Быкоўскага не мела такога падзелу. Алегарычны вобраз Арла Юпіцера з залатымі крыламі, які падымае героя-назіральніка на ледзяную скалу, дыялог з Арлом, якія ёсць у паэме Д. Чосера, адсутнічаюць у творы І. Быкоўскага: сярэднявечныя алегорыі, навеяныя “Камедыяй” Дантэ, тут саступілі месца іншым вобразам. Так, у паэме “Касцёл славы” няма падрабязнасцей пра шлях да Храма, паэт пісаў, што “*był wzniesiony*” на неба, адкуль бачыў Зямлю ў планетарным маштабе, і нарэшце трапіў на гару з узведзенай на ёй пабудовай.

Як вядома, мастацкі твор Д. Чосера быў апрацаваны англійскім паэтам эпохі класіцызму А. Поўпам, вольнае наследаванне якога мае значна больш агульных рыс з паэмай І. Быкоўскага

“Касцёл славы”. З поўным правам можна сцвярджаць, што менавіта “Дом славы” А. Поўпа быў асновай для творчай інтэрпрэтацыі польскамоўнага пісьменніка. На аснове параўнальнага аналізу тэкстаў паэм мы можам канстатаваць аналагічнасць кампазіцыйнай будовы і сюжэтных ліній, а таксама агульнасць аўтарскіх трактовак катэгорыі славы. Так, абодва паэты назвалі лепшым сярод іншых мастакоў слова “бацьку паэзіі” Гамера. Пісьменнікам быў блізкі гуманізм старажытнагрэчаскага паэта, які праславіў любоў да радзімы, сяброўства і пачуццё суперажывання. Адносіны І. Быкоўскага да іншых гістарычных персаналій (Сцыпіёна, Сакрата, Брута і г.д.) у цэлым супадаюць з ацэнкамі А. Поўпа: для абодвух паэтаў гуманізм і грамадская карысць служылі галоўным крытэрыем пры вызначэнні ролі асобы ў гісторыі.

Расійская даследчыца творчасці А. Поўпа Л. Сідорчанка сцвярджала, што англійскі паэт пераасэнсаваў чосераўскі ідэал славы, адмежаваўшы славу ад яе “сляпой сястры, непастаяннай Фартуны” [6, с. 70]. І. Быкоўскі таксама прытрымліваўся такой канцэпцыі: яго багіня Славы выступала як увасабленне боскай справядлівасці, таму сапраўднае шанаванне даставалася тым, хто прынёс добрымі справамі карысць грамадству. Адзначым, што і Поўпу, і Быкоўскаму быў блізкім шырока прапагандуемы М. Мантэнем і Ф. Бэканам хрысціянскі тэзіс пра перавагу грамадскага над індывідуальным. Класіцызм ставіў на першае месца грамадскі абавязак, адназначна прыярытэтны ў адносінах да катэгорыі прыватнага. Менавіта з апорай на такое разуменне прызначэння асобы

А. Поўп, а ўслед за ім і польскамоўны паэт будавалі ўласную канцэпцыю справядлівага шанавання выбітных гістарычных дзеячаў.

Поўп разглядаў імкненне да славы як адно з самых моцных і найбольш пашыраных чалавечых памкненняў,

аднак разам з вялікай групай тых, хто прагнуў шанавання, паэт вылучыў невялікую групу сціпла апранутых людзей, якія прасілі не славы, а ўтойвання зробленых добрых спраў, бо магчымасць рабіць дабро дзеля добра – таксама ўзнагарода. І. Быкоўскі сімпатызаваў такім людзям, нават адрасаваў ім пададзены ў заўвагах да паэмы ўласны верш, у якім высока ацаніў такія маральныя якасці, як сціпласць і адсутнасць славалюбства.

Самі аўтары паэм дэманстравалі стрыманасць у жаданні праслаўлення: абодва лічылі, што лепш памерці забытым, чым карыстацца славай, за якую трэба плаціць несумленнымі справамі. Такі фінал паэмы Поўпа і вольнага наследавання Быкоўскага падводзіў вынік аўтарскім разважаням над пытаннем “сумленнай славы”.

У 1799 годзе ў віленскай друкарні піяраў была выдадзена кніга паэзіі І. Быкоўскага “*Rozmyślenia wieśniacze*” (“Вясковыя развагі”). Сярод разнажанравых праявічых і паэтычных твораў у зборніку змяшчалася паэма “*Próznosc Próznosci, i wszystko próznosc*” (“Пустая марнасць – усё марнасць”), якая працягвала шырокавядомы ў эпоху барока песімістычны матыў *vanitas*. Праведзены ідэйна-мастацкі аналіз твора дазволіў знайсці тэксталагічную паралель з паэмай І. Быкоўскага. У дадзеным выпадку крыніцай для літаратурнага наследавання стала вядомая далёка за межамі Францыі, створаная на матыў Эклезіяста паэма Франсуа Мары Аруэ (Вальтэра) “*Precis de l’Ecclesiaste*” (1759) [7].

У 1765 годзе гэты твор быў інтэрпрэтаваны на рускай мове М. Хераскавым (“Пачэрпнутыя думкі з Эклезіяста”) з наступнай дапрацоўкай і перавыданнямі ў 1779, 1786 і 1796 гг. і М. Карамзіным (“Вопытная Саламонава мудрасць, або думкі, выбраныя з Эклезіяста”, 1796 г.). Польскамоўны пераклад “*Precis...*” належаў А. Нарушэвічу і быў апублікаваны ў 1776 годзе ў часопісе “*Zabawy Przyjemne*

і *Pożyteczne*”, пазней у зборніку паэзіі “*Wiersze różne*” (1804).

Даследчык франкамоўнай літаратуры Н. Забабурава адзначала, што Вальтэр успрымаў Эклезіяст у духу арыентальнай культуры, якая складала звыклы фон для філасофскіх *contes* XVIII стагоддзя [8]. Разам з гэтым дэсакралізацыя святой кнігі дазволіла Вальтэру зрабіць вольнае філасофска-паэтычнае асэнсаванне літаратурнага помніка старажытнасці, асветнік стварыў уласны філасофскі сюжэт на аснове арыгінала, ставячы на мэце маральнае павучанне сучаснікаў. Базісным канцэптам вальтэраўскай інтэрпрэтацыі Эклезіяста стала *vanite*, якое па значэнні супадае з першапачатковым біблейскім разуменнем. Параўнальны аналіз арыгінала і “*Precis...*” Вальтэра дазволіў Н. Забабуравай сцвярджаць, што перакладчык поўнасьцю выключыў матыў кругавароту часу і касмічныя вобразы першакрыніцы, замест гэтага філосаф акцэнтаваў увагу на трох чалавечых узростах як межах індывідуальнага чалавечага вопыту (*bouillante jeunesse – l’age mur – vieillesse*).

Аналагічны пачатак мы сустракаем у паэме І. Быкоўскага: маладосць, на думку паэта, характарызуецца пачуццёвасьцю, сталы ўзрост – славай і багаццем, старасць – клопатамі і крызісам пазнання. Далейшы тэкстуальны аналіз дазваляе заўважыць сюжэтныя адпаведнасці паэмы І. Быкоўскага з тэкстам Вальтэра. Так, у абодвух аўтараў знаходзім нараканні на забыццё дабрачыннасці, пагардлівае стаўленне грамадства да працы, рытарычнасць пытанняў адносна сутнасці душы чалавека і іншых жывых істот, песімістычную трактоўку быцця і разам з гэтым выснову пра выкарыстанне кожнага моманту жыцця для дзейнасці.

Параўнаем урыўкі: “*Ils naissent comme nous, ils expirent de meme; / Que deviendra leur ame au jour de leur trepas? / Que deviendra la notre a ce moment su-*

preme? / Humains, faibles humains, vous ne le savez pas”, – чытаем у Вальтэра [7, с. 11]. Фрагмент з паэмы І. Быкоўскага – амаль літаральны адпаведнік “*Precis...*”: “*Równie się z nami rodzą / Y kłóca się i godzą, / Jeden też wszystkich zgon równie czeka. // Co z niemi będzie, gdy skończę życie, / Równie i z naszą duszą, / ... / O Ludzie! nic wy o tym niewiecie!*” [9, с. 24]. Пры гэтым І. Быкоўскі не імкнуўся захаваць страфічную адпаведнасць і метрыку “*Precis...*”. Калі Вальтэр выкарыстоўваў і кальцавую, і перакрываваную рыфмоўку, то ў паэме польскамоўнага аўтара назіраем выкарыстанне толькі кальцавой рыфмы. Быкоўскі вольна абыходзіўся з фармальным бокам твора Вальтэра, пераствараючы тэкст на польскай мове, пісьменнік імкнуўся хутчэй да тэматычнай і вобразнай блізкасці, а не да сляпога калькавання тэксту.

Вальтэр і Быкоўскі аднолькава трактавалі набліжэнне старасці: запамінальны вобраз згорбленага старога, кроў якога ператварылася ў лёд, а вочы засланы покрывам, сустракаецца і на старонках “*Precis...*”, і ў тэксце паэмы “*Próżność Próżności...*”. Заўважым, што старажытны арыгінальны твор не ўтрымліваў падобную трактоўку старасці, Кахелет гаварыў не пра фізічную старасць, а хутчэй пра мудрасць і жыццёвы вопыт.

Фінальны акорд паэмы І. Быкоўскага сугучны настрою Вальтэра: трэба весела праводзіць адведзены Богам зямны час, паніць кожны жыццёвы момант. Вальтэр праз інтэрпрэтацыю старажытнага тэксту меў намер даць урок маральнасці сучаснікам, выхаваўчы акцэнт, пастаўлены французскім асветнікам, падхоплены і пашыраны І. Быкоўскім. У паэме павучальнасць, якая насычае правілы маральных паводзін, гучыць адкрыта: дзеясловы загаднага ладу ўспрымаюцца як заклік да дзейнасці (трымайся меры, памятай пра Бога, думай пра яго законы, не псувай сваю цноту брыдкім адзеннем, будзь міласэрны, спагадлівы да бедных і г.д.).

Як бачым, лагічная структура, ход разважанняў і вобразная сістэма твораў блізкія, што дазваляе гаварыць пра сюжэтную і кампазіцыйную судакранальнасць “Precis...” Вальтэра і паэмы І. Быкоўскага “Próznosc Próżności...”, абумоўленую магчымым непасрэдным уплывам слоўнага мастацтва французскага асветніка на творчы метада польскамоўнага пісьменніка.

Улічваючы, што І. Быкоўскі быў выдатна знаёмы з творчасцю французскага філосафа, перакладаў яго творы на польскую мову, можна з вялікай доляй верагоднасці сцвярджаць, што пісьменнік мог ведаць вальтэраўскую інтэрпрэтацыю матываў Эклезіяста і карыстаўся непасрэдна гэтым тэкстам. Параўнальны аналіз парафраза

І. Быкоўскага і паэмы французскага асветніка дазваляе гаварыць пра амаль даслоўную блізкасць большасці паэтычных фрагментаў. Тым не менш, паэма І. Быкоўскага вылучаецца арыгінальным стылем, што адрознівае твор ад першакрыніцы і яе інтэрпрэтацый: аўтар стварыў уласны метрычны малюнак, аддаў перавагу эмацыянальнай афарбаванасці над абстрагаванай назіральнасцю Кахелета, выкарыстаў яркія вобразы для перадачы сэнсу першакрыніцы. Апрацаваныя Быкоўскім пад уплывам Вальтэра сентэнцыі Кахелета вызначаюцца большай лаканічнасцю, сувяззю з рэаліямі часу, іх трактоўка афарбавана ўплывам традыцыйных для сентыменталізму матываў адзіноты, разгубленасці, песімістычнага ўспрымання быцця.

Сказанае вышэй дазваляе вылучыць адну з характэрных асаблівасцей творчага метаду І. Быкоўскага, якая стала вынікам пануючай у эстэтыцы класіцызму традыцыйнай арыентацыі пісьменніка на вядомыя творы слоўнага мастацтва. Натуральна, у эпоху панавання класіцыстычнага стылю арыгінальнасць твора заключалася не ў стварэнні, а ў адметнасці ідэйна-

эстэтычнай апрацоўкі вядомых сюжэтаў. Гаворачы пра літаратурны працэс на беларускіх землях ў першай палове XVIII стагоддзя, Ж. Некрашэвіч Кароткая адзначала: “Тагачасныя пісьменнікі, асабліва непрафесіяналы, імкнуцца наследаваць найбольш аўтарытэтным узорам, у той час як лінія на самастойнае стварэнне літаратурнага твора застаецца надзвычай рэдкай з’явай” [10, с. 78–79]. Як бачым, І. Быкоўскі кіраваўся старой літаратурнай традыцыяй, ён імкнуўся творча перапрацаваць вядомы сюжэт, адаптаваць яго да рэалій сучаснасці, спалучыць “чужое” і “сваё”.

Падкрэслім, што пытанне пра крыніцу наследавання для І. Быкоўскага ў дадзеным выпадку намі вырашаецца на карысць франкамоўнага тэксту Вальтэра, нягледзячы на храналагічна блізкую наяўнасць польскамоўнага перакладу А. Нарушэвіча і вольных рускамоўных перакладаў М. Карамзіна і М. Хераскава. Абапіраючыся на супастаўляльны аналіз вышэйзгаданых літаратурных твораў Вальтэра, Нарушэвіча, Хераскава, Карамзіна, Быкоўскага, можна вылучыць некалькі тэкстуальных фрагментаў, якія пацвярджаюць падобнае меркаванне. Так, вольныя пераклады М. Карамзіна і А. Нарушэвіча вылучаюцца максімальна дакладнай перадачай сэнсу “Precis...” Вальтэра, напрыклад, аўтары захавалі экзатычны каларыт Эклезіяста, падхоплены французскім асветнікам (вобраз сірэн, упамінанне пра цірскія дываны, кедры, ліванскае віно і г.д.), у той момант як І. Быкоўскі поўнасцю выключыў элементы такога каларыту са сваёй паэмы, відавочна, каб засяродзіць увагу чытача на філасофскім гучанні пастаўленых у паэме праблем быцця. Разам з гэтым І. Быкоўскі захавалі некаторыя дэталі “Precis...” Вальтэра, якія абышлі ўвагай іншыя пісьменнікі. Гаворка ідзе пра выкарыстанне алегорыі “дохлы леў не пераважыць жывую муху”, якая ў старажытнай першакрыніцы гучала як “жывому сабаку лепш, чым

дохламу льву” [11, с. 893]. Акрамя гэтага, паэтычны тэкст Вальтэра і перастварэнне Эклезіяста, выкананае І. Быкоўскім, збліжае даслоўна паўтораны польскамоўным пісьменнікам фрагмент тэксту, згаданы намі вышэй, які інтэрпрэтаваны

А. Нарушэвічам, М. Хераскавым, М. Карамзіным у адвольнай манеры. Фізіялагічныя падрабязнасці працэсу смерці, апісаныя Вальтэрам, падхоплены ўсімі аўтарамі наследаванняў, аднак М. Карамзін пазбегнуў некаторых дэталей, засяродзіўшы ўвагу на агульным матыве дадзенага фрагмента “Precis...”. У цэлым рускамоўная інтэрпрэтацыя

М. Хераскава вылучалася некаторым змякчэннем рэлігійнага скептыцызму Вальтэра, паэт не выкарыстоўваў эпікурайскіх матываў, шырока прадстаўленых у наследаваннях М. Карамзіна, А. Нарушэвіча, І. Быкоўскага.

Як бачым, выяўленыя перастварэнні паэмы французскага філосафа-асветніка характарызуюцца ў цэлым блізкай светапогляднай пазіцыяй аўтараў, аднак адрозніваюцца своеасаблівым інды-відуальным пачаткам, прадыктаваным у першую чаргу спецыфікай аўтарскага выбару мастацкіх прыёмаў.

Відавочны факт знаёмства І. Быкоўскага з вальтэраўскай паэмай-інтэрпрэтацыяй Эклезіяста, якая абумовіла сваім уплывам стварэнне польскамоўнага паэтычнага тэксту на матыву старажытнай біблейскай кнігі. Як вядома, французская літаратура для пісьменнікаў Рэчы Паспалітай была арыенцірам, узорам для наследаванняў, аўтарытэт Вальтэра ў тагачаснай філасофіі і літаратуры быў надзвычай высокім, чым тлумачацца частыя звароты пісьменнікаў іншых краін да яго шматграннай спадчыны. Шукаючы літаратурныя ўзоры для наследавання і вучнёўства, І. Быкоўскі неаднаразова звяртаўся да творчасці французскага асветніка, напрыклад, у драматургіі. Як

адзначана вышэй, для літаратурнага працэсу XVIII стагоддзя было натуральным свядомае арыентаванне, запазычванне, перастварэнне мастацкіх дасягненняў вядомых пісьменнікаў. Гэта традыцыя ў многім сфарміравала мастацкі метада І. Быкоўскага, які паступова ад літаратурнага вучнёўства перайшоў да самастойнай творчасці.

Веданне І. Быкоўскім вольных перакладаў А. Нарушэвіча, М. Хераскава і М. Карамзіна фактычна не пацверджана, але не выключаецца па прычыне храналагічнай блізкасці напісаных мастацкіх твораў і глыбокай літаратурнай дасведчанасці пісьменніка.

Заклучэнне. Праведзены супастаўляльны аналіз паэтычных твораў І. Быкоўскага і вызначаных крыніц літаратурнага наследавання (творы Ж.Б. Русо, А. Поўпа, Вальтэра) дазваляе канстатаваць факт шырокага выкарыстання польскамоўным пісьменнікам папулярных літаратурных твораў іншамоўных аўтараў для выпрацоўкі ўласнай мастацкай манеры. Адзначым творчы падыход І. Быкоўскага да арыгіналаў літаратурнага наследавання: пераствараючы, пісьменнік уводзіў у твор новыя тэмы, рабіў яго актуальным для сваёй эпохі, па-майстэрску спалучаў “чужое” і “сваё”. Адсутнасць прафесійнай крытыкі і літаратурных аб’яднанняў, слабыя кантакты паміж літаратарамі ўскладнялі становішча беларускіх польскамоўных пісьменнікаў эпохі Асветніцтва, таму арыентацыя на прызнаныя ўзоры слоўнага мастацтва часта была адзінай магчымасцю ўдасканалвання літаратурных здольнасцей.

Літаратура

1. Sielicki, F. Literatura białoruska do końca XVIII wieku / F. Sielicki. – Wrocław, 1985. – S. 69–83.
2. Wiersze. Przez Ignacego Bykowskiego Po-ruczniaka Woysk Rossyiskich napisane. –

- Wilno: Druk. XX. Piarow, 1798. – 22 s.
3. Лоррис, Г. Миф о Фортуне / Г. Лоррис // Роман о Розе / Г. Лоррис; пер. Н.В. Забабуровой. – Ростов н/Д, 2001. – С. 93–103.
 4. Rousseau, J.B. Oeuvres: en 5 t. / J.B. Rousseau. – Nouvelle edition. – A Paris, 1820. – Т. 1. – 413 p.
 5. Kościół sławy. Poema przez Ignacego Bykowskiego porucznika Woysk Rosyjskich wierszem polskim ułożone. – W Wilnie: W drukarni XX. Piarow, 1799. – 68 s.
 6. Сидорченко, Л.В. Александр Поуп: в поисках идеала / Л.В. Сидорченко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 185 с.
 7. Précis de l'Écclésiaste, en vers, par Mr. de Voltaire. – A Paris, 1759. – 15 p.
 8. Забабурова, Н.В. Вольтер и Екклезиаст / Н.В. Забабурова // Другой XVIII век: материалы Третьей науч. конф. по проблемам литературы и культуры, Москва, 18–20 апр. 2002 г. / Московск. гос. ун-т; отв. ред. Н.Т. Пахсарьян. – М., 2002. – С. 30–39.
 9. Rozmyślania wieśniacze / przez Ignacego Bykowskiego Porucznika Wóysk Rosyjskich. – W Wilnie: w Drukarni XX. Piarow, 1799. – 70 s.
 10. Некрашэвіч-Кароткая, Ж.В. Нясвіжская Мельпамена: драматургія Францішкі Уршулі Радзівіл / Ж.В. Некрашэвіч-Кароткая. – Мінск: Европ. гуманитар. ун-т; Прапілеі, 2002. – 212 с.
 11. Экклезиаст // Библия. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. – С. 885–896.

Паступіў у рэдакцыю 27.01.2012 г.

Прыняты ў друк 21.12.2012 г.

УДК 821.0

Персоноцентрическая валентность: особый модус художественности

Пасютина Ю.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируется особый модус художественности – персоноцентрическая валентность, компонентами которой являются социоцентризм, индивидоцентризм и персоноцентризм. Для социоцентризма и индивидоцентризма характерно бессознательное отношение человека с миром, однако у социоцентризма оно имеет коллективное, общественное начало, а у индивидоцентризма – индивидуальное, эгоистическое, разрушительное. Напротив, персоноцентризм полагается на сознание, включающее в себя коллективное и личное бессознательное, разум, а значит, и культуру. Употребление данного термина в нашем понимании непосредственно связано с понятием «концепция личности», так как персоноцентрическая валентность является своего рода показателем культурного потенциала художественного произведения, коэффициентом его субъектности. Исходя из этого, правомерно предположить, что пафос, поведенческие стратегии персонажа, род, метажанр, жанр промаркированы более общей категорией – персоноцентрической валентностью.

Ключевые слова: модус художественности, стратегия художественной типизации, персоноцентрическая валентность, социоцентризм, индивидоцентризм, персоноцентризм.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 203–208)

Personality centered valence: a special literary mode

Pasiutsina Y.N.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article deals with a special literary mode of personality centered valence. It consists of social-centered, individual-centered and personality-centered components. The main feature of social-centered and individual-centered components is a person's unconscious relation with the world. However, the social-centered component has collective, social basis while the individual-centered component is based on individual, egoistic, ruinous relations. Contrary to it, the personality-centered component is based on conscience which consists of collective and personal unconsciousness, mind and culture. The usage of this term is connected with the notion “the concept of personality”, because personality centered valence is an indicator of cultural potential in a work of art, the coefficient of its concentration on the subject. It is possible to assume that pathos, the behavioral strategies of the character, metagenre, genre are marked by personality centered valence. It is a general category for them.

Key words: literary modes, strategy of literary typification, personality centered valence, social-centered component, individual-centered component, personality-centered component.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 203–208)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ju_lee@tut.by – Ю.Н. Пасютина

В литературоведении понятие «модуса художественности» занимает одно из основных мест, так как оно – необходимый структурный элемент любого произведения. Н. Фрай, например, данное явление рассматривает как способ существования героя в тексте. В зависимости от способности героя к действию в окружающем его мире исследователь выделяет пять основных модусов: миф, сказание, высокий модус, модус низкий и модус иронический. В отличие от Н. Фрая, не разграничивающего модусы художественности и литературные жанры, В.И. Тюпа понимает их как «всеобъемлющую характеристику художественного целого», «строй эстетической завершенности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но и внутренне единую систему ценностей, и соответствующую ей поэтику» [1, с. 34]. К модусам художественности В.И. Тюпа относит героику, сатиру, трагизм, комизм, идиллику, элегизм, драматизм, иронию.

Существуют и другие точки зрения. Так, В.Е. Хализев все перечисленные выше «феномены человеческого сознания» трактует как «мировоззренческие эмоции», которые связаны с определенными ценностными ориентирами и принадлежащие либо авторам, либо персонажам, а Г.Н. Поспелов рассматривает их в качестве видов пафоса [2, с. 68].

А.Н. Андреев предложил свое видение данной проблемы, на которое мы опираемся в своей работе. Согласно учению литературоведа, художественность состоит из мировоззренческих основ художественного содержания (нравственно-философские стратегии), стиля и модусов художественности (стратегии художественной типизации), где основным термином, с помощью которого передается образная концепция личности, является последнее.

Цель нашего исследования – изучение функционирования одного из основных модусов художественности, персоно-

центрической валентности, определяющего жанровую специфику литературного произведения.

Материал и методы. Предмет изучения в нашей работе – модусы художественности. В частности, анализируется персоноцентрическая валентность как основная стратегия художественной типизации. Для реализации поставленной цели мы обращаемся к структурному методу исследования.

Результаты и их обсуждение. А.Н. Андреев понимает художественное произведение как «творческий акт порождения концепции личности, воспроизводимой при помощи особых модусов художественности», включающих в себя метод (персоноцентрическая валентность, пафос, поведенческие стратегии персонажа), метажанр, род, жанр [3, с. 6]. Основной стратегией художественной типизации является метод в единстве его двух сторон – историко-типологической и конкретно-исторической, потому как он имеет отношение к «“первому” проявлению сущности личности» [3, с. 38]. В целом, употребление понятия «модуса художественности» в таком понимании действительно лишь тогда, когда идейное содержание произведения тем или иным способом связано с термином «концепция личности». Все это подразумевает необходимость исследования литературного произведения с позиции целостности – «качественной информационной характеристики», «сгустка диалектики, внутренние характеристики которой улавливаются сознанием (превращают человека в личность), а внешние – психикой, что передается понятиями и образами» [3, с. 17]. Это означает, что пафос, поведенческие стратегии персонажа (система ценностей человека), род, метажанр, жанр промаркированы более общей категорией – персоноцентрической валентностью. Стиль лишь способствует воплощению выбранных стратегий через ситуацию, сюжет, композицию, деталь, речь, лексико-морфологический, интонационно-синтаксический, фонетический, ритмический уровни текста.

Модус персонцентрической валентности, или «мировоззренческий архетип», состоит из трех компонентов: социотризма, индивидуотризма и персонцентризма и обуславливает гуманистическую направленность всех остальных модусов художественности. Это «индекс персонцентризма, индекс культурного потенциала содержательного ядра произведения», «коэффициент субъектности», степень преобладания отношения познания над отношением приспособления [3, с. 41].

Рассмотрим каждый из элементов модуса персонцентрической валентности. Так, для социотризма и индивидуотризма характерно бессознательное отношение человека с миром, однако у социотризма оно имеет коллективное, общественное начало, а у индивидуотризма – индивидуальное, эгоистическое, разрушительное. Напротив, персонцентризм полагается на сознание, включающее в себя коллективное и личное бессознательное, разум, а значит, культуру. Субъектом социо- и индивидуотризма является человек, поведение которого определяется правилами морали, субъект персонцентризма – личность, живущая по законам нравственности. Примечательно, что социотрическим типом гармонии является героика, индивидуотрическим – ирония, персонцентрическим – «идиллический культ личности», особый «универсальный тип гармонии, позволяющий адекватно сопрягать интересы персоны, индивида и общества» [3, с. 42]. Таким образом, понятно, что персонцентризм – наивысшая форма развития человека, что позволяет сделать вывод о вторичности социотризма и индивидуотризма. Другими словами, они лишь составные части, а точнее, «низшая, первоначальная стадия персонцентрического освоения универсума» [3, с. 43].

Персонцентрическая валентность реализуется в связи с еще одним модусом художественности – пафосом – «идеологическим архетипом», или стратегией художественной типизации, где

эмоциональное, бессознательное превагирует над разумным. А.Н. Андреев выделяет следующие виды пафоса: героика, сатира, трагизм, идиллия (идиллический культ личности), юмор, драматизм, четыре разновидности иронии (трагическая, комическая, романтическая, саркастическая).

Как правило, содержанием того или иного пафоса становятся ценности, идеологические установки, выработанные на протяжении долгого времени. В связи с этим литературовед предлагает использовать термины «Авторитарные Идеалы» (социотрические) и «Гуманистические Идеалы» (персонцентрические), которые являются «полюсами, порождающими различные общественные идеалы и конфликты между ними» [4, с. 75]. Авторитарные идеалы представляют собой своеобразный авторитет, на основе которого формировалась и развивалась личность (родители, государство, власть), в то время как гуманистические идеалы создают духовно и нравственно свободную личность, сознающую свою относительную независимость. Гуманистические и авторитарные идеалы взаимосвязаны: первые допускают существование авторитета, способного реализовать их идеи, в то время, как вторым необходимо самоутверждаться за счет другого начала.

Социотрические пафосы – героика, трагизм, сатира. Так, для героики свойственна установка на общественные интересы, когда личные желания подменяются коллективными. Литература социотрического толка ориентирована на удовлетворение интересов общества, ключевым словом здесь является социум, его ценности и потребности. Социотризм ориентирован на коллективное бессознательное, на нормативную общественную мораль, которые становятся основой героической ментальности, а в центре таких произведений – герой, проблемы, связанные с героизмом.

В трагическом герое присутствуют обе системы идеалов (социотрическая и персонцентрическая), что является причиной внутреннего конфликта, от-

сутствия гармонии. Для него ситуация может разрешиться двумя путями: превратиться в героя в прямом смысле этого слова, но поступиться своими нравственными установками, либо в личность нового типа, где гуманистические идеалы преобладают над авторитарными. Сатирический герой отличается «повышенной» героизацией, что подтверждает его неспособность быть «героем».

Персоноцентрические пафосы: идиллический, драматический, юмористический, возникли на основе гуманистических идеалов. Идиллия предполагает гармоничное совмещение авторитарных и гуманистических идеалов. В драматическом герое авторитарные идеалы все же побеждают гуманистические. У юмористического героя наблюдается сильное стремление к персоноцентризму, а смех «утверждает» его, «отдавая должное его глубокой человеческой состоятельности» [4, с. 83]. Индивидуализм реализуется в пафосе иронии, причем комическая и трагическая на основе авторитарных идеалов, а романтическая и саркастическая – гуманистических идеалов. Следовательно, приведенные выше пафосы отличаются уровнем персоноцентрической валентности: основанные на авторитарных идеалах – социоцентричны, на гуманистических идеалах – персоноцентричны, иронические пафосы – индивидуцентричны.

Метажанр как модус художественности тесно связан с персоноцентрическим и социоцентрическим началами. В соответствии с этим характеры можно разделить на два типа: герои, которые отчаянно борются с собой и обстоятельствами (отношения познания здесь преобладают над отношениями приспособления) и герои, не сумевшие стать личностями (отношение приспособления (социоцентрическое) доминирует), и потому они выполняют функцию «фона» для центральных персонажей или пополняют ряды «типичных характеров».

Модус персоноцентрической валентности играет немаловажную роль в перевоплощении человека в личность, которая предполагает познавательное от-

ношение. Здесь необходимо уточнить, что мы разграничиваем понятия «индивид» и «личность». По мнению, А.Н. Андреева, «между ними – пропасть, располагающаяся в узеньком пространстве, отделяющем разум от интеллекта», который обслуживает потребности психики и в то же время стремится к превращению в разум – высшую ступень сознания, что является последним шагом от природы к культуре [5, с. 37].

Интересен вывод литературоведа: считать разум – языком личности, чувства – языком индивида, так как личность – «субъект разумного типа управления информацией, а индивид – объект бессознательного приложения бессознательно добытой информации» [6, с. 115]. В связи с этим теоретик дифференцирует мораль и нравственность, где первая – система ценностей, регулирующая поведение индивида с точки зрения интересов общества, своего рода свод социоцентрических догм и канонов, обеспечивающих приоритет потребностей социума над потребностями личности. Напротив, нравственность, возникающая из морали, но не отрицающая ее – кодекс личности, в основе которого лежит персоноцентрическая ориентация. Из этого следует, что индивидуализм, и персоноцентризм «аморальны», однако по-разному: «отрицание морали «в пользу» природной регуляции», и культурный, разумный отказ «с сохранением всех положительных моральных достижений, совмещающихся с культурой» [6, с. 115]. Получается, что личность, субъект нравственности, в случае превращения в асоциальный, антиобщественный, аморальный «элемент», станет индивидом, под которым подразумевается «либо результат деградации личности, либо ее природная составляющая, которая стремится к полноценному личностному формату», то есть целостности [6, с. 115].

В своем исследовании мы будем опираться на определение А.Н. Андреева: личность – «совокупность отношений биопсихосоциодуховных, сложный духовно-психофизиологический симбиоз,

комплекс (информационная целостность), в котором определяющей способностью является способность к духовному, разумно-рациональному управлению всем информационным комплексом» [3, с. 27]. Рассуждая о личности, литературовед оперирует такими понятиями, как культура (компоненты которой – разум, сознание) и натура (интеллект, психика). Так, культура противопоставляется «некультуре», природе в широком смысле этого слова (вселенная, стихия). Антиприродное, антинатуралистическое начало культуры стремится гармонизировать отношения человека с природой, то есть натурой. Культура – идеальна, а потому носит объективный характер, культурное в человеке – проявления естественного, некультурного. Культура сама по себе изолирована от человека: это правила, нормы поведения, законы, однако индивид в процессе развития впитывает их в себя, становясь личностью, что говорит о невозможности существования культуры без субъекта. Разум – особого рода интеллект, учитывающий логику бессознательного и превращающийся «в инструмент моделирования идеального смысла» – истины [5, с. 37]. Психика и сознание тесно связаны между собой: психика изображает реальность такой, какой ее выгодно видеть, а сознание является более высоким уровнем управления духовностью человека.

Все перечисленные выше категории существуют в человеке, потому как он целостен, а значит высшие (культурные) измерения включают в себя низшие (природные), сознательное борется с бессознательным, душа спорит с умом. Важными составляющими человека являются три сферы: телесное, душевное и духовное, причем последнее складывается из телесно-душевного (психика) и душевно-рационального (сознание) начал. Именно духовное в человеке способствует формированию в нем личности, содействует его возможности совершенствоваться. Под духовностью теоретик понимает свободу человека формировать себя, свое отношение к миру, к культурным

ценностям, быть ответственным за свое поведение, а определяется она «наследственными психофизическими факторами («витальной основой») и средой (социокультурными нормами и стандартами)», то есть выводится из культуры [3, с. 32]. Личность характеризуется стремлением к культуре, т.е. духовному, следовательно, преодолевает свою натуру (природность), противостоит ей, выстраивает свою жизнь в соответствии со своими представлениями, руководствуясь при этом высшими культурными ценностями (Красота–Добро–Истина). А.Н. Андреев утверждает, что благодаря этим ценностям произошло взаимодействие психики и сознания, что привело в свою очередь к восприятию личности как «средоточию природно-культурной информации» [3, с. 29]. Таким образом, главным в структуре личности является разум, управляющий всей важной для человека информацией. Развитие личности происходит во взаимодействии с другими личностями. Кроме того, разумное начало связывается с началом культурным, так как именно разум ответствен за высшие духовные ценности. Все это означает, что человек становится личностью тогда, когда возникает сознательное, разумное управление информацией, имеющей отношение к человеческому измерению (к триаде тело–душа–дух).

Персоноцентрическая валентность показывает уровень культуры (а значит, сознания и разума) в человеке и в целом произведении, определяя тем самым его специфику жанра. В этом отношении показателен жанр романа, который прошел в своем развитии долгий путь, тем самым продемонстрировав формирование личности на разных этапах ее существования – от психики к сознанию. Тема становления личности, борьба в ней души и ума, культурного и природного – ключевая в современном романе. Развитие романа – своеобразная адаптация жанра под потребности познания, а в его содержании присутствует философия, показывающая роману актуальные

подходы к проблеме духовности человека.

Заключение. Итак, персоноцентрическая валентность – особый модус художественности, компонентами которого являются социоцентризм, индивидуализм и персоноцентризм. Проанализировав данный модус художественности, мы пришли к выводу, что он определяет общую гуманистическую направленность художественного произведения, опираясь при этом на индекс «личностного» начала в нем.

Литература

1. Тюпа, В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В.И. Тюпа. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
2. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 2000. – 398 с.
3. Андреев, А.Н. Лекции по теории литературы. Целостный анализ литературного произведения: учеб. пособие / А.Н. Андреев. – Минск: БГУ, 2012. – 150 с.
4. Андреев, А.Н. Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество: учеб. пособие для студ. фил. спец.: в 2 ч. / А.Н. Андреев. – Минск: БГУ, 2004. – Ч. 1. – 187 с.
5. Андреев, А.Н. Культурология. Личность и культура / А.Н. Андреев. – Минск: Дизайн ПРО, 1998. – 160 с.
6. Андреев, А.Н. Духовно-экзистенциальный феномен / А.Н. Андреев // Беларус. думка. – 2009. – № 9. – С. 112–116.

Поступила в редакцию 07.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 821.111-31.09

Эссеистическое и новеллистическое наследие Г.Дж. Уэллса

Кулик О.П.

*Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»,
Полоцк*

В данной статье рассматриваются особенности эссеистического и новеллистического творчества Г.Дж. Уэллса – основоположника социально-философской фантастики. Автор показывает, какое значение имела для писателя теория Ч. Дарвина и как ее положения отразились в его публицистических и художественных произведениях. В основе взглядов Г. Уэллса лежит принцип комплементарности – использование несходных или противоположных теорий, которые отражают различные взгляды на действительность. Концепция человека, таким образом, формируется на стыке антропоцентристских и антиантропоцентристских теорий. Научно-фантастические новеллы Г. Уэллса стали полигоном, на котором он отработывал приемы, легшие в основу модели классического научно-фантастического произведения. Жанрово-тематические разновидности новеллы включают также романтические, пародийные, авантюрно-приключенческие, криминальные, социально-бытовые новеллы, новеллы-притчи, новеллы-анекдоты. Автор отмечает, что для писателя особенно важна социальная проблематика.

Ключевые слова: Г.Дж. Уэллс, научная фантастика, социально-философская фантастика, новелла, эссе, антропоцентризм, космологический детерминизм.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 209–216)

Essayistic and novelistic heritage of H.G. Wells

Kulik O.P.

Educational establishment “Polotsk State University”, Polotsk

The peculiarities of H.G. Wells’s essayistic and novelistic works are studied in this article (H.G. Wells is a founder of soft science fiction). The author shows the importance of Ch. Darwin’s theory for the writer, and how its propositions are represented in his journalism and fiction. The complementarity principle (using different or opposite theories which demonstrate different views on reality) is the basis of H.G. Wells’s ideas. Thus the concept of man is formed on the fringe of anthropocentric and antianthropocentric theories. H.G. Wells’s sci-fi short stories became a proving ground where he practiced methods which would be the basis for a classical sci-fi text. According to the genre and the subject, short stories can be divided into romantic, parody, adventure, criminal, social ones, parables and anecdotes. The author notes the importance of social subject matter for the writer.

Key words: H.G. Wells, science fiction, soft science fiction, novella, essay, anthropocentrism, cosmological determinism.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 209–216)

Герберт Джордж Уэллс – признанный мастер социально-философской фантастики. В зарубежном литературоведении

его творчество исследовано достаточно хорошо: присутствуют работы, посвященные его биографии, отдельным аспектам

Адрес для корреспонденции: e-mail: olgakulikmag@rambler.ru – О.П. Кулик

его произведений, изучается соотношение с антиутопической традицией, особое внимание уделяется его бурной личной жизни. Но даже сейчас основная часть архива (письма, дневники, вырезки из газет, фотографии, рукописи и копии большинства книг, включая несколько никогда не издававшихся работ [1, с. 28]) хранится в Иллинойском университете и требует дополнительного изучения.

В советском литературоведении крупнейшим специалистом по жизни и творчеству Г.Дж. Уэллса считался Ю.И. Кагарлицкий, первый, кто защитил докторскую диссертацию по Уэллсу, автор книг «Герберт Уэллс. Очерк жизни и творчества»¹ (1963), «Вглядываясь в будущее: Книга о Герберте Уэллсе» (1989). В 1990 году в издательстве Иркутского университета вышла книга А.Ф. Любимовой «Проблематика и поэтика романов Г. Уэллса 1900–1940-х годов», где исследуются естественнонаучные и социально-психологические проблемы, поднимаемые в социально-бытовых романах, на которое внимание уделяется поэтике произведений.

В настоящее время больше рассматриваются социологические и философские разработки Г. Уэллса (А. Яковлева «Политическая теория Г.Дж. Уэллса», И.Б. Кригер «Философия Герберта Уэллса») и подробности его личной жизни.

В 2010 году вышли книги Г. Прашкевича «Герберт Уэллс» (издательство «Вече», серия «Великие исторические персоны») и М. Чертанова «Герберт Уэллс» (издательство «Молодая гвардия», серия «Жизнь замечательных людей»), представляющие интерес для знатоков биографии автора, но недостаточно проясняющие проблемы его творчества. В связи со всем вышеперечисленным, существует необходимость в комплексном исследовании творчества изучаемого автора с позиций современного литературоведения. Цель данной статьи – выявление

особенностей эссеистического и новеллистического наследия Г.Дж. Уэллса.

Материал и методы. В качестве объекта исследования были избраны ранние эссе и новеллы Г.Дж. Уэллса. Методологической базой послужил историко-контекстуальный метод.

Результаты и их обсуждение. Г.Дж. Уэллс начал литературную деятельность в качестве журналиста в студенческом журнале *The Science School Journal*. Первые статьи, принесшие ему широкую известность, были напечатаны в 1891 году в *The Fortnightly Review*, одном из самых важных и влиятельных британских журналов XIX века [2, с. 97], и носили научно-популярный характер.

Рассмотрим философско-мировоззренческие установки, находящиеся в основе взглядов Г. Уэллса на человечество, его историю и развитие. Напомним, что метатемой научной фантастики является человек как вид, соответственно, концепция человека будет рассмотрена в двух аспектах: личность и биологический вид. На мировоззрение Г. Уэллса и его современников оказала большое влияние теория Чарльза Дарвина, и не только потому, что человек лишился уникальности (все живые организмы находятся в эволюционном родстве) и возник вопрос о его соотношении с другими живыми организмами и Вселенной, но и потому, что в практику вошел термин «борьба за существование»², в некоторой степени вступивший в противоречие с понятием гуманности³. Более того, история человечества, Земли и Вселенной оказалась гораздо длиннее, и, если эволюционный процесс можно проследить в прошлом, почему бы не попытаться применить его к будущему [3, с. 4]?

² Ч. Дарвин не считал термин удачным и говорил о широком, метафорическом, понимании: как зависимость живого существа от других существ и от окружающих условий. Г. Уэллс осуществит зримую реализацию метафоры.

³ Г. Уэллс говорил о новой морали, возникшей после работ Ч. Дарвина, в статье «Human Evolution: Mr. Wells Replies» (1897).

¹ Была издана на английском языке Уэллсовским обществом (Великобритания), а ее автор занял почетный пост вице-президента Общества.

У Г. Уэллса была статья «Неподвижная Вселенная» (*The Universe Rigid*), которую отверг Фрэнк Харрис, где автор, по сути, высказывался в пользу космологического детерминизма. Текст эссе не сохранился⁴, но подобные идеи звучат из уст Путешественника во времени (журнальная версия «Машины времени» 1895 года): «From the absolute point of view the universe is a perfectly rigid unalterable apparatus, entirely predestinate, entirely complete and finished. <...> ... a Universe in which things were always the same...»⁵ [3, с. 93–94]. Вторую статью, «Новое открытие единичного» (*The Rediscovery of the Unique, 1891*), Ф. Харрис принял, здесь Уэллс утверждал уникальность любого живого существа и способность к самоопределению. Эти идеи комплементарны: законы эволюции не исключают возможности самоизменения. По мнению Р. Филмуса и Д. Хьюза, в основе взглядов Уэллса лежит именно принцип комплементарности⁶. А упомянутые статьи являются ключевыми для осознания уэллсовской концепции «человек – Вселенная».

Важно отметить, что подобные идеи возникли во время обучения в Южном Кенсингтоне и в последующем углублялись и уточнялись в новеллах и романах.

В 1886 году Герберт Уэллс и его приятель Уильям Бёртон основали *Science School Journal*, в феврале 1887 г. в третьем номере был напечатан коротенький рассказ «Разговор с Медведкой» (*A Talk with Gryllotalpa*) под псевдонимом Септимус Браун – ключ к пониманию творчества Г. Уэллса в частности и научной фантастики как вида литературы в целом. Это небольшой диалог между рассказчиком и его приятелем, Медведкой,

у картины на сюжет «Путешествия Пилигрима в Небесную Страну» Джона Беньяна (встреча христианина и Разрушителя). Медведка придерживается космической точки зрения на место человека во Вселенной: «Man is less than an iota in the infinite universe. He is a Link in an Infinite Chain of Causation and a factor in a Limitless Sum»⁷ [3, с. 19]. Рассказчик защищает антропоцентристский подход, но не очень убедительно, более того он не приводит контрвозражения Медведки из-за того, что предпочитает, чтобы последнее слово оставалось за ним, и, вероятно, он их просто не понял.

В дальнейшем Г. Уэллс развивает антиантропоцентристские идеи в следующих статьях: «Another basis for Life» (возможность существования неуглеродных форм жизни), «Intelligence on Mars» (эти формы жизни могут развиваться до нашего уровня), «Scepticism on the Instrument» (возможно, животные и растения обладают более высокой нервной организацией, чем предполагается, а точность человеческого мозга весьма сомнительна). В целом, писатель неутешительно смотрит на возможности человека.

В 1893–1894 годах выходит ряд статей, где говорится о вымирании человечества и смещении человека более простым, еще не известным видом («The Extinction of Man», «On Extinction», «Zoological Retrogression»). Естественные законы никак не соотносятся с идеалами, присущими человеку, они универсальны и абсолютны (и, безусловно, внеэтичны), поэтому любые утверждения человеком собственной важности беспочвенны и бессмысленны.

Большинство современников Г. Уэллса отвергали идею случайного естественного отбора в пользу естественной телеологии (все заранее предопределено природой). Г. Уэллс (наряду с Ч. Дарви-

⁴ Пересказ присутствует в «Опыте автобиографии».

⁵ С абсолютной точки зрения, Вселенная – совершенно неподвижная, неизменная система, полностью предопределенная и завершенная. <...> ... Вселенная, в которой все неизменно... (здесь и далее перевод наш. – О.К.).

⁶ Использование несходных, порой противоположных принципов или теорий, отражающих различные взгляды на действительность (термин принадлежит Нильсу Бору).

⁷ Человек не более чем песчинка в бесконечной Вселенной. Он лишь звено в Бесконечной Цепи причинно-следственных отношений и всего лишь число в безграничной сумме.

ном и Г. Спенсером), напротив, отстаивал случайный характер изменений, соответственно, вымирание может произойти от недостаточной приспособляемости человеческого вида. В этом плане он придерживался мнения Ж.Б. Ламарка (наследуются случайные изменения и приобретенные в течение жизни характеристики) и отрицал положения А. Вейсмана (невозможность передачи приобретенных изменений – наследуются лишь изменения, произошедшие в зародышевой плазме).

Вместе с тем писатель задумывается о возможности искусственного воздействия на человека: статьи «The Limits of Individual Plasticity», «Human Evolution, An Artificial Process». Насколько человек пластичен сам по себе, насколько эффективно внешнее воздействие (хирургия, медикаменты, гипноз) и ограничено ли это воздействие природной заданностью – вот основной предмет интереса⁸. Главным средством воздействия на отдельного человека и человечество в целом Г. Уэллс считал всестороннее образование, отсюда его стремление говорить о науке простым языком и неоднократные попытки дать целостную картину развития человечества⁹ через призму его научных и культурных достижений.

Рассматривая жанровую природу вышеназванных сочинений, Д. Хьюз и Р. Филмуз назвали их «essayistic short stories and fictional dialogues»¹⁰, подразумевающая значительную роль публицистических элементов в художественном тексте [3].

Чтобы заработать на хлеб, будущий писатель занимается также литературной поденщиной – написанием юмори-

стических зарисовок с советами по разным вопросам (например, *On the Art of Staying at the Seaside*)¹¹. Это не только позволило набить руку в создании ярких и узнаваемых образов современников, но и научило автора очень внимательно относиться к художественной детали. Тематическое разнообразие ранних новелл Г. Уэллса повторяет тематику его эссе, которые

Д. Хьюз и Р. Филмуз разделили на 3 группы: очерки о чудесах и загадках природы, статьи о естественнонаучном образовании и популяризации науки, новые и парадоксальные идеи [3].

Не вдаваясь в полемику по поводу терминологии и жанровой природы рассказа и новеллы, тем не менее, уточним, что мы понимаем под новеллой. Вслед за авторами «Литературного энциклопедического словаря» (1987) [4], «Словаря литературоведческих терминов» (1974) [5] и «Краткой литературной энциклопедии» (1975) [6] мы разводим понятия рассказа и новеллы, подразумевая под последней небольшое эпическое остросюжетное повествование с неожиданным финалом. Традиция подобной трактовки идет от И.В. Гете, который в цикле «Разговоры немецких беженцев» привел основные жанровые признаки новеллы:

- необычность и новизна описываемого события;
- остроумный поворот сюжета, что придает сходство с анекдотом;
- роль случая в разрешении противоречий как внутри персонажей, так и между их намерениями и обстоятельствами жизни;
- отсутствие моральной оценки;
- сочетание традиционности с современностью [7, с. 135–139].

Остросюжетность как основное отличие новеллы от рассказа отмечают М.Н. Эпштейн [4], В. Кожин [5]. «Пуант» новеллы (точка поворота, за которой прежняя ситуация предстает в новом свете [8, с. 112]) и далее будет считаться

⁸ В романе «Остров доктора Моро» прозвучит очевидной ответ на этот вопрос.

⁹ Труды «Очерки истории» (*The Outline of History*, 1920), «Краткая история мира» (*A Short History of the World*, 1922), «Краткая история человечества» (*A Short History of Mankind*, 1925), «Наука жизни» (*The Science of Life*, 1930). Последняя написана в соавторстве с Джорджем Ф. Уэллсом и Джулианом Хаксли.

¹⁰ Эссеистические рассказы и беллетристические диалоги.

¹¹ Большая их часть войдет в сборники «Selected Conversations with an Uncle» (1895) и «Certain Personal Matters» (1897).

основным жанрообразующим признаком [9, с. 49]. Принимая во внимание характерные особенности творчества Уэллса, его целесообразнее относить к новеллистике.

Первый сборник «Похищенная bacilla» (*The Stolen Bacillus and Other Incidents*) вышел одновременно с романом «Машина времени» (*The Time Machine*) в 1895 году и представлял собой произвольный набор новелл, напечатанных ранее в лондонских еженедельниках *The Pall Mall Budget*, *The Pall Mall Gazette*, *The St. James's Gazette* в 1893–1895-х годах. Второй – «История Платтнера» (*The Plattner Story and Others, 1897*) – был издан через два года и включал новеллы 1894–1896 годов. В следующий – «Рассказы о времени и пространстве» (*Tales of Space and Time, 1899*) – входили три рассказа («Хрустальное яйцо», «Звезда», «Чудотворец») и две повести («Это было в каменном веке», «Рассказ о грядущих днях»). Последний оригинальный сборник – «Двенадцать историй и сон» (*Twelve Stories and a Dream, 1903*), остальные, за редким исключением, содержат уже изданные новеллы.

В предисловии к сборнику «Страна слепых и другие истории» (*The Country of the Blind and Other Stories, 1911*) Уэллс называет себя «коммерческим писателем» [10, с. iv], а сами новеллы считает скорее развлечением, художественным экспериментом, упражнениями для ума (и, безусловно, неплохим заработком). Он отстаивает свободу выражения и «странность» сюжета, выступает против строгости формы. Для Г. Уэллса «short story» – это короткое повествование (15–20 минут чтения вслух), трогательное или смешное, заставляющее задуматься или развлекающее [10, с. vi–vii]. Каждую новеллу он предлагал рассматривать как самостоятельную вещь вне ее связи со сборником.

Жанрово-тематические разновидности включают научно-фантастические, романтические, пародийные, авантюрно-приключенческие, криминальные, быто-

вые новеллы, новеллы-притчи, новеллы-анекдоты.

Научно-фантастические новеллы в классическом понимании изображают столкновение с необычными, но потенциально возможными и рационально объяснимыми явлениями природы («Морские пираты», «Цветение странной орхидеи», «В абсерватории Аву» и др.); необычное открытие или изобретение («Человек, который делал алмазы», «В бездне», «Филмер» и др.). Это столкновение / открытие призвано выявить черты характера человека, находящегося рядом: реакцию типичного представителя викторианской эпохи на нечто «из ряда вон выходящее», поведение гениального ученого или инженера.

Научно-фантастические новеллы Г. Уэллса стали полигоном, на котором он отработывал приемы, положенные в основу модели научно-фантастического произведения. Именно он обосновал идею о «дозированном» присутствии фантастического в тексте (вплетение необычного в обычное основывается только на одном допущении). В противном случае читатель не поверит написанному, так как не произойдет эмоционального отклика по причине острой чуждости происходящего. Окончательно формируется новый герой – предельно сосредоточенный на своей работе ученый (классическая разновидность – сумасшедший гений). В связи с нехваткой текстового пространства мы не видим становления этого героя¹² (яркое выражение проблема получит в романах, особенно в «Человеке-невидимке»), но явно просматриваются следующие черты: оригинальный ум, бытовая неприспособленность, фанатизм в работе и равнодушие ко всему, что с ней не связано, некоторая эмоциональная холодность, отношение к научному открытию как к самоцели (редко подразумевается практическое применение) и др. Кроме привычного для научной фантастики ученого / инженера / первопр-

¹² Хотя в «Человеке, который делал алмазы» научная судьба героя напоминает жизненные перипетии Гриффина («Человек-невидимка»).

ходца, Г. Уэллса интересует так называемый «маленький человек» – образ, не совсем характерный для более поздней фантастики.¹³ Решает писатель эту проблему в рамках натурализма: поведение и поступки героя (в том числе реакция на необычное) определяются средой. Интересна манера повествования: голос автора редко звучит напрямую, чаще всего ситуация показана глазами рассказчика, который принимал в ней участие, или всего лишь передает слухи. Вывод в таком случае делает читатель на основе сопоставления манеры рассказчика, его оценки происходящего и косвенных указаний автора.

В то же время уэллсовская научно-фантастическая новелла находится в рамках классической британской новеллы, которая получила окончательное оформление в творчестве Роберта Льюиса Стивенсона, Артура Конан Дойля и Редьярда Киплинга. Хотя, допустим, в отличие от Конан Дойля Уэллс отказывается от цикличности. Ю. Кагарлицкий считал это одной из главных тенденций в развитии жанра. Целостная картина складывается из отрывочных впечатлений и выходит за рамки конкретного сюжета, «общее прочитывается через частное» [2, с. 116]. Научно-фантастическое допущение (*novum* в терминологии Д. Сувина) является не столько сюжетобразующим элементом, сколько той перспективой, которая позволяет взглянуть на человека по-новому. Цель произведений не сводится к показу технических новшеств, важнее влияние прогресса на человека и изменения в социуме. Это позволяет говорить о Г. Уэллсе как об основоположнике социально-философской научной фантастики.

Романтические / чудесные новеллы («Мистер Скелмсдейл в стране фей», «Волшебная лавка», «Хрустальное яйцо») с ничем не ограниченной фантазией и

использованием приема двоемирия (условно можно отнести к фэнтезийным). Характер допущения в этих новеллах иррациональный, мотивировка двойная, что дает право говорить о «завуалированной фантастике» (термин Ю. Манна). Характер конфликта традиционно романтический: столкновение чудесного и обыденного, отказ от возможности жить в другом мире из страха потерять то малое, что имеешь. В «Волшебной лавке» ситуация показывается с точки зрения ребенка (классический прием романтиков) и взрослого, подчеркивая тонкую грань, за которой человек теряет способность непосредственно воспринимать происходящее и начинает смотреть на ситуацию сквозь призму стереотипов.

Новеллы-притчи («Страна слепых», «Дверь в стене») и близкие к ним новеллы, обыгрывающие библейские мотивы («Яблоко», «Искушение Херрингея», «Видение Страшного суда»). «Маленький человек» Г. Уэллса не проходит испытания необычным, здесь отсутствует раскаяние из-за упущенной возможности взаимодействия с другим миром, персонаж скорее сожалеет о том, что, возможно, сорвалась выгодная сделка.

Пародийные новеллы («Правда о Пайкрафте», «Неопытное привидение» и др.) высмеивают идеи мистицизма и многочисленные истории о призраках и восточном колдовстве. В них полемически используются сюжетные ходы, характерные для классического готического романа. Авантюрно-приключенческие новеллы («Триумф таксидермиста», «Страусы с молотка», «Сокровище в лесу», «Джимми – пучеглазый бог» и др.) и новелла-анекдот («Похищенная бацилла») представляют собой разработку уже известных тем. В криминальной новелле («Конус», «Примирение», «Бог Динамо») Уэллс обращается к темным глубинам человеческой психики, ориентируясь, прежде всего, на традицию Э.А. По. В бытовых новеллах («Покинутая невеста», «Катастрофа», «В современном духе: рассказ с печальным концом» и др.) по-

¹³ Фантастика никогда не развивалась отдельно от мейнстрима. В гетто ее загнал Хьюго Гернсбек, сделав упор на технических описаниях и репрезентируя ее в качестве литературы для инженеров.

являются темы и сюжеты, которые в дальнейшем получают развитие в социально-бытовых романах («Образец под микроскопом» и роман «Любовь и мистер Льюишем»).

Заключение. Действуя в рамках классической схемы, Г.Дж. Уэллс не был чужд новаторству: он ввел в новеллу обстановку научной лаборатории (то, что сейчас воспринимается как классический НФ антураж). К. Болдик отмечал, что лабораторные детали не имели значения для развития сюжета как такового [11, с. 160]. В каждой новелле присутствует социальная мотивация, скрытая за развлекательной оболочкой (в поздних романах это будет выражено настолько ярко, что пострадает художественность). В уэллсовской новеллистике вырисовывается не таинственный фантастический мир, а современная ему Британия с ее добропорядочным средним классом, представители которого не видят дальше своего носа, с ее резким социальным расслоением, невниманием к настоящему таланту. Спасать от этого может только ирония, которой щедро «приправлено» каждое предложение.

В эссеистике и новеллах до «Машины времени» и в самом романе преобладает космическая перспектива, затем Г. Уэллс сосредотачивается на человеке, вводя понятие искусственной эволюции, т.е. человек сознательно берет на себя заботу о собственном будущем, формируя социокультурное окружение, которым он может управлять.

Литература

1. Яковлева, А.Ф. Новые миры Герберта Уэллса: монография / А.Ф. Яковлева. – М.: «Управление технологиями», 2006. – 136 с.
2. Кагарлицкий, Ю.И. Вглядываясь в грядущее: книга о Герберте Уэллсе / Ю.И. Кагарлицкий. – М.: Книга, 1989. – 350 с.
3. H.G. Wells: Early Writings in Science and Science Fiction // D.Y. Hughes, R.M. Philmus (editors). – Berkeley, Los Angeles, and London, University of California Press, 1975. – 249 p.
4. Эпштейн, М.Я. Новелла / М.Я. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: «Современная энциклопедия», 1987. – С. 248.
5. Кожин, В.В. Новеллы / В.В. Кожин // Словарь литературоведческих терминов. – М., 1974. – С. 239–240.
6. Михайлов, А.В. Новеллы / А.В. Михайлов // Краткая литературная энциклопедия: в 8 т. / гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1975. – Т. 5. – С. 306.
7. Гете, И.В. Собрание сочинений: в 10 т. / И.В. Гете. – М.: Худ. лит., 1978. – Т. 6. – 480 с.
8. Бент, М.И. Немецкая романтическая новелла: генезис, эволюция, типология / М.И. Бент. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – 120 с.
9. Тюпа, В.И. Аналитика художественного. Введение в литературоведческий анализ / В.И. Тюпа. – М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. – 191 с.
10. Wells, H.G. The Country of the Blind and Other Stories / H.G. Wells. – London, New York, T. Nelson and sons, 1911. – 574 p.
11. Baldick, C. In Frankenstein's shadow: Myth, monstrosity and nineteenth-century writing / C. Baldick. – Oxford: Clarendon press (Oxford university press), 1987. – 207 p.

1. Яковлева, А.Ф. Новые миры Герберта Уэллса: монография / А.Ф. Яковлева. –

Поступила в редакцию 09.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 811.161.1'271

Двуязычие и фонетическая интерференция в публичной речи билингвов

Новикова Л.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Статья посвящена актуальной для Беларуси проблеме фонетической интерференции в условиях близкородственного двуязычия. Материалом исследования послужили записи ста фрагментов интервью с жителями города Витебска, имеющими высшее образование.

К фонетической интерференции в русской публичной речи билингвов приводят некоторые расхождения на фонологических уровнях контактирующих русского и белорусского языков. В статье выделяются наиболее распространенные виды данной интерференции, объясняются причины, вызывающие их. В ходе исследования у 33% респондентов выявлена фонетическая интерференция, наиболее часто встречающимся случаем которой названа субституция: подмена смычного согласного [r] фрикативным [ʏ].

Результаты исследования привлекают внимание к проблеме уровня речевой культуры двуязычных граждан Беларуси, а также позволяют утверждать, что публичная речь в условиях близкородственного двуязычия имеет свою специфику, то есть осложнена интерференцией.

Ключевые слова: двуязычие, билингв, фонетическая интерференция, устная публичная речь.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 217–223)

Bilingualism and phonetic interference in public speech of bilinguals

Novikova L.P.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article is devoted to the relevant for Belarus issue of phonetic interference in the environment of close family bilingualism. As the material for investigation one hundred fragments of interviews with habitants of Vitebsk with higher education were used. Some differences on the phonological level between Russian and Belarusian languages which are in contact lead to phonetic interference in the Russian public speech of bilinguals. In the article the most wide-spread variants of this interference are singled out and the reasons which cause them are explained. In the course of the investigation it has been identified that 33% of respondents have phonetic interference. Substitution was called the most wide-spread case of it: the replacement of conclusive consonant [r] with fricative [ʏ].

The findings of the study draw attention to the issue of the level of speech culture of bilingual Belarusians and make it possible to state that public speech in the environment of close family bilingualism has its particularity which is interference.

Key words: bilingualism, bilingual, phonetic interference, oral public speech.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 217–223)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lidaapril29@mail.ru – Л.П. Новикова

Научное исследование проблем двуязычия началось в конце XIX века.

В начале XX столетия заметно возрастание интереса к проблемам двуязычия, что связано не только с развитием лингвистики, но и с успехами смежных наук: социологии, психологии, этнографии. Как отмечает А.Е. Карлинский в монографии «Основы теории взаимодействия языков», «двуязычие выдвинулось на первый план в период конкурентной борьбы наций» [1, с. 5]. В настоящее время двуязычие относится к числу важнейших социолингвистических проблем.

Проблеме двуязычия и взаимодействия языков посвящены работы У. Вайнрайха, Э. Хаугена, В.Ю. Розенцвейга, Ю.А. Жлуктенко, В.А. Аврорина, Ю.Д. Дешериева, А.Е. Карлинского, Л.П. Крысина и других известных лингвистов. В Беларуси разработка данной проблемы, а также исследование особенностей русско-белорусского билингвизма и интерференции связаны с именами таких ученых, как П.П. Шуба, А.А. Гируцкий, А.А. Лукашанец, Л.Г. Мощенская, Л.П. Кунцевич, Л.А. Мельникова, Л.Н. Чумак и др.

У. Вайнрайх, заложивший основы современной теории взаимодействия языков, в книге «Языковые контакты», вышедшей в 1953 году, определяет двуязычие как «практику попеременного пользования двумя языками», а лиц, «ее осуществляющих», двуязычными [2, с. 22]. Аналогичное определение двуязычию (билингвизму) дает В.Ю. Розенцвейг: «владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения», следовательно «носители двуязычия» – это «двуязычные индивиды (билингвы)» [3, с. 4].

Выделяют четыре основных аспекта изучения двуязычия: 1) собственно лингвистический; 2) социологический; 3) психологический; 4) педагогический [4, с. 28]. При изучении особенностей публичной речи билингвов наибольший интерес представляют собственно лингвистический и социологический аспекты. В лингвистическом аспекте осуществ-

ляется анализ соотношения структур и структурных элементов двух языков, их взаимовлияния, взаимодействия и взаимопроникновения на разных уровнях языка. Важным является исследование особенностей проявления интерференции в области фонетики, фонологии, синтаксиса, лексико-семантической системы и стилистики в процессе применения обоих языков. В социологическом аспекте двуязычие исследуется «в плане выявления того минимума знаний по обоим языкам, которые позволяют их носителям производить акт взаимопонимаемого общения», а также определяется объем «общественных функций и сфер применения каждого из двух языков, которыми пользуется двуязычное население» [4, с. 33].

В научной литературе, посвященной проблеме билингвизма, наряду с вопросом, кто является билингвом, поднимается вопрос о том, какова должна быть степень владения вторым языком, чтобы можно было говорить о билингвизме. В.Ю. Розенцвейг отмечает: «Двуязычие рассматривается нами как континуум, простирающийся от весьма элементарного знания контактного языка до полного и свободного владения им» [3, с. 4].

Некоторые ученые считают, что билингвизм – это приблизительно равное владение двумя языками. Например, В.А. Аврорин при решении данного вопроса за основу принимает соотношение со степенью знания родного языка и утверждает, что «двуязычием следует признать примерно одинаково активное владение двумя языками» [5, с. 51].

Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко предлагают два различных определения двуязычия, исходя из двух аспектов его изучения (собственно лингвистического и социологического) [4].

Проанализировав разные точки зрения по данному вопросу, А.Е. Карлинский предлагает следующее определение понятия «билингв»: «человек, который, используя в своей речевой деятельности два языка, способен породить и понимать новые высказывания на Я² в устной и / или письменной форме без учета их

языковой правильности и сложности» [1, с. 58]. В нашей работе будем придерживаться данного понимания этого термина.

Известно, что «параллельное функционирование в одном обществе двух языков» приводит к «активному взаимодействию систем контактирующих языков», результатом которого становится интерференция, «т.е. проникновение элементов одного языка в речь на другом языке, приводящее к нарушению норм одного языка под влиянием другого» [6, с. 60]. Существенным фактором, влияющим на характер межъязыкового взаимодействия, является «генетическое соотношение контактирующих языков», так как замечено, что в случае их близкого родства «взаимная интерференция, проявляющаяся в речи говорящих, более интенсивна и глубока, нежели в случае генетической отдаленности языков» [7, с. 6].

Данная проблема является актуальной для Беларуси, так как подавляющее большинство ее населения в той или иной степени владеет двумя близкородственными языками – русским и белорусским.

Цель данного исследования – изучение особенностей функционирования русского литературного языка в двуязычной городской среде Беларуси. На данном этапе нашей задачей является выявление интерференции в русской устной публичной речи.

Материал и методы. Материалом исследования послужили сделанные нами записи фрагментов интервью с жителями города Витебска в региональных выпусках новостей (ТК «Скиф», «Беларусь 2»). Проанализированные нами сто фрагментов русской устной речи принадлежат лицам, имеющим высшее образование и занимающим различные должности в Вит-облсполкоме и Витгорисполкоме (29 человек), УВД (17 человек), МЧС (3 человека), военной сфере (3 человека), сфере образования и науки (17 человек), культуры (8 человек), здравоохранения (9 человек), физической культуры и

спорта (3 человека), торговли и услуг (8 человек) и производственной сфере (3 человека). Примерный возраст респондентов составляет 35–65 лет. Основным методом нашего исследования является метод анализа персонифицированных текстов.

Результаты и их обсуждение. Как известно, среди бывших советских республик лишь в Беларуси русский язык имеет статус государственного: в 1995 году вопрос о языках был вынесен на всенародный референдум. 83,3% принявших участие в голосовании высказались за придание русскому языку одинакового статуса с белорусским.

В работе «Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси» основным типом двуязычия названо белорусско-русское [7, с. 7]. Однако там же отмечается, что функции русского языка в стране значительно шире функций языка белорусского, в связи с чем «типичным является так называемое доминантное, или неравновесное, двуязычие» [7, с. 8].

Л.Н. Чумак говорит о русско-белорусском двуязычии: «Характер функционирования языка титульной нации в РБ носит миноритарный характер», а следовательно, «смену языковой ситуации в Беларуси к нач. XXI в. можно определить как переход от национально-русского, т.е. белорусско-русского, к русско-национальному, т.е. русско-белорусскому двуязычию» [8, с. 87].

Мы придерживаемся указанной выше точки зрения. В процессе сбора фактического материала нами был отмечен тот факт, что никто из ста респондентов не отвечал на белорусском языке. Возможно, это связано с тем, что корреспонденты всегда задавали вопросы на русском языке, однако отвечающие все же имели право использовать в ответе любой из двух государственных языков.

Вопрос о лингвистической сущности устной публичной речи (УПР) является одним из широко обсуждаемых в лингвистике. Понимая под УПР устную спонтанную монологическую речь публичного назначения и общественно зна-

чимой ориентации, О.А. Лаптева отмечает, что этот тип литературной речи представляет особый интерес для исследования по причине того, что в нем сохраняются особенности спонтанной устной и книжно-письменной речи. По ее мнению, основные характеристики УПР определяются ее устностью, что позволяет «объединить бытовую и публичную речь в пределах устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка» [9, с. 33]. По мнению Е.А. Земской и Е.Н. Ширяева, литературная разговорная речь (РР) противопоставляется кодифицированному литературному языку (КЛЯ) «на основании трех экстралингвистических бинарных признаков: 1) неофициальность / официальность обстановки; 2) спонтанность / подготовленность коммуникативного акта; 3) непосредственное участие говорящих в коммуникации / отсутствие прямых контактов между говорящим и слушающим» [10, с. 61]. Полемицируя с представленной выше точкой зрения, они утверждают, что устная публичная речь строится на основе системы КЛЯ, а не РР, «хотя и допускает некоторые элементы РР» [10, с. 62].

Необходимо отметить, что для изучения устной публичной речи особый интерес представляет телевизионная речь, которая занимает значительное место в современном информационном пространстве. Нельзя не согласиться с утверждением, что «усиление влияния радио и телевидения как одних из основных средств массовой информации, несущих устную речь, в Беларуси требует более тщательного анализа ее реалий» [11, с. 148].

Собранный нами фактический материал показывает, что в условиях русско-белорусского двухязычия интерференция затрагивает практически все уровни языковой системы. Однако наиболее ярко представлена фонетическая интерференция, которая является результатом отождествления разных фонем контактирующих языков.

Известно, что одним из существенных последствий длительного двухязычия «является установление тесных связей

между обеими фонологическими системами», а также «между их отдельными элементами» [12, с. 85]. Так, Ю.А. Жлуктенко выделяет: 1) идентификацию дифференциальных признаков фонем; 2) идентификацию разноязычных фонем; 3) идентификацию, связанную с различием в дистрибуции фонем; 4) идентификацию на уровне фонологии слова; 5) идентификацию фонологических характеристик. Если двухязычный элемент отождествляет фонему вторичной системы с фонемой первичной и воспроизводит ее по фонетическим правилам первичного языка, возникает интерференция [2]. Таким образом, расхождения на фонологических уровнях контактирующих языков приводят к фонетической интерференции в речи.

Типичным случаем идентификации разноязычных фонем, а также наиболее частым типом фонетической интерференции является субституция, которая обусловлена наличием в обеих системах более или менее подобных фонем. Вследствие своей относительной «безнаказанности», сравнительной безвредности для взаимопонимания субституция широко практикуется двухязычными» [12]. Так, ярким ее примером в русской публичной речи жителей города Витебска является подмена смычного согласного [г] фрикативным [γ], что, естественно, объясняется влиянием белорусского языка. Например: [наш'в'в' у'суд'а'р'ств'в'] (*нашего государства*); [н'а'ду] (*уранаграду*); [γ'в'в'р'ит'] (*говорить*); [п'од'в'и'и] (*подвиги*); [у'сл'у'и] (*услуги*); [м'но'и'х] (*многих*) и т.д. По результатам нашего исследования данный случай фонетической интерференции является наиболее распространенным, встречается у 30 респондентов и составляет 30% от общего числа говорящих.

Распространены случаи фонетической интерференции в русской речи жителей города Витебска, связанные с субституцией согласных, различающихся в контактирующих языках по признаку твердости / мягкости. В публичной русской речи отсутствующие в белорусском языке фонемы /ч'/, /р'/ и долгий /ш'/ заменяются

соответствующими твердыми. Так, в проанализированных нами фрагментах русской речи у 10 говорящих, что составляет 10% от общего числа респондентов, функционирует твердый [ч]. Например: [чтут] (*чтут*); [н'ьслучайнъ] (*неслучайно*); [п'ьлучэ'ийь] (*получение*); [тыс'ьчы] (*тысячи*); [ф_том числ'э] (*в том числе*) и т.д. Важным фактором, препятствующим расширению употребления в русской речи белорусов-билингвов [ч'], считают «маркированность мягкого согласного в фонологической системе языка», которому в белорусском языке соответствует беспризнаковый член оппозиции [6, с. 127].

Долгий [ш':] реализуется как долгий [ш:] в основном в речи тех же лиц, которые произносят твердый [ч] вместо русского [ч'], и встречается у 8 говорящих, что составляет 8% от общего числа респондентов. Например: [ош:ъйь д'эль] (*общее дело*); [апш:эств'ьный] (*общественный*); [вапш:э н^_в'йт'ьпш:ын'ь] (*вообще на Витебщине*); [иш:уш:ый рабóту] (*ищущий работу*) и т.д.

В отличие от белорусского языка, где /р/ не имеет мягкого соответствия, в русском языке существует противопоставление твердой и мягкой фонем /р/ и /р'/. Данный случай фонетической интерференции встречается реже (у 3 говорящих, что составляет 3% от общего числа респондентов), чем случаи, описанные выше, однако также наблюдается в русской публичной речи витебчан. Например: [трóх] (*трех*), [у'ьв^рыт'] (*говорить*), [с_ынв^ра] (*с января*).

Корреляция согласных по глухости / звонкости имеет, как известно, в русском и белорусском языках свои особенности, которые также могут стать причиной фонетической интерференции.

Так, в русском языке звонкий [в] чередуется с глухим [ф], а в белорусском – с [ў], в результате чего на конце слова и перед глухими согласными встречаются случаи произношения в русской речи жителей города Витебска специфического белорусского звука [ў] на месте [ф]: [м'ил'иард'ў] (*миллиардов*), [пр^цэнт'ў] (*процентов*), [к'ъл'икт'иў] (*коллектив*), [п^крóск'ийь] (*Покровская*) и т.д. Наблюдается также произнесение звука [ў] на месте [в] в середине слова, обусловленное тем, что в белорусском языке согласный [в] во всех позициях (кроме позиции перед гласным) произносится как [ў]: [пр^ўд'ив'ьст'] (*правдивость*), [зд^рóўйь] (*здоровья*), [лсн^ўныйь] (*основные*), [н^праўль'ьны] (*направлены*) и т.д. Кроме того, на месте русского предлога *в* под влиянием белорусского языка, в котором ему соответствует предлог *у*, в позиции после гласного также может произноситься звук [ў]: [мы ў_эт'ьм у^д'у] (*мы в этом году*), [ў_п'ьт'ид'ис'атыйь] (*в пятидесятые*). Собранный нами материал показал, что 9% респондентов регулярно произносят в русской публичной речи белорусский звук [ў].

Различием между русским и белорусским языками в корреляции согласных по глухости / звонкости объясняется и произношение звука [х] вместо [к] в тех случаях, когда происходит оглушение [г]: [итóх] (*итог*), [сн'эх] (*снег*), [усл'ух] (*услуг*), [н^лóх] (*налог*) и т.д. Данная интерференция встречается у 6 респондентов, что составляет 6% от их общего числа.

Таблица

Фонетическая интерференция в устной публичной речи жителей города Витебска

Русско-белорусские фонетические соответствия		Примеры фонетической интерференции в русской устной публичной речи респондентов	Количество респондентов, с данным видом интерференции	
Русский язык	Белорусский язык		Человек	%

[г] – [г']	[γ] – [γ']	[н^ура́ду] (<i>награду</i>)	30	30
[ч']	[ч]	[тыс'ьчы] (<i>тысячи</i>)	10	10
[ш']	[ш]	[пл^ш'аткь] (<i>площадка</i>)	8	8
[р] – [р']	[р]	[трох] (<i>трех</i>)	3	3
[в] – [ф]	[в] – [ў]	[пр^цэнт'ў] (<i>процентов</i>)	9	9
[г] – [к]	[γ] – [х]	[н^лох] (<i>налог</i>)	6	6

Необходимо отметить, что из ста проанализированных нами фрагментов телеинтервью в 33 случаях была выявлена фонетическая интерференция, что соответственно составляет 33% от общего числа респондентов. Наиболее часто встречающимся случаем является подмена смычного согласного [г] фрикативным [γ].

Результаты нашего исследования обобщенно представлены в табл.

Заключение. Таким образом, результаты нашего исследования служат подтверждением мнения о том, что с телеэкрана очень часто звучит «интерферированная речь» [11], а также привлекают внимание к проблеме уровня речевой культуры двуязычных граждан Беларуси.

Можно утверждать, что публичная речь в условиях близкородственного двуязычия имеет свою специфику, то есть осложнена интерференцией. Приведенный материал иллюстрирует наиболее распространённые и очевидные виды фонетической интерференции в русской публичной речи жителей города Витебска. Безусловно, дальнейшее исследование позволит выявить и другие особенности УПР в условиях двуязычия.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на занятиях по культуре речи, а также при ведении курса сопоставительной грамматики русского и белорусского языков.

Литература

- Карлинский, А.Е. Основы теории взаимодействия языков / А.Е. Карлинский. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 181 с.
- Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
- Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. – 78 с.
- Дешериев, Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. / под ред. Ю.Д. Дешериева. – М.: Наука, 1972. – С. 26–42.
- Аврорин, В.А. Двуязычие и школа / В.А. Аврорин // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. / под ред. Ю.Д. Дешериева. – М.: Наука, 1972. – С. 49–62.
- Русский язык в Белоруссии / А.Е. Михневич [и др.]; под общ. ред. А.Е. Михневича. – Минск: Наука и техника, 1985. – 272 с.
- Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 1999. – 246 с.
- Чумак, Л.Н. К типологии билингвизма в Беларуси в нач. XXI в. / Л.Н. Чумак // Язык и социум: материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 дек. 2002 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Н. Чумака. – Минск: РИВШ, 2003. – Ч. 1. – С. 86–91.
- Лаптева, О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля / О.А. Лаптева // ВЯ. – 1978. – № 1. – С. 18–37.
- Земская, Е.А. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? / Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев // ВЯ. – 1980. – № 2. – С. 61–72.
- Выгонная, Л.М. Устная речь в свете современной лингвистической ситуации в Беларуси / Л.М. Выгонная, Н.С. Евчик // Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 дек. 2008 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Н. Чумака. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 147–149.
- Жлуктенко, Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

Поступила в редакцию 31.08.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 811.161.1'373.231

Партиципальная характеристика номинативной ситуации в приграничье: роль субъектов-номинаторов в вопросах присвоения имени

Галковская Ю.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В последние десятилетия в рамках формирующегося дискурса теории Приграничья акцент в исследовании данного феномена смещается в сторону изучения социолингвального пространства и осмысления проблемы сосуществования людей в рамках поликультурного мира, что предвещает перспективность лингвистических, в частности антропонимных, изысканий. Большой научно-практический интерес представляет выявление новых социокультурных и языковых формаций, репрезентирующих своеобразный социальный код жизнедеятельности.

Статья посвящена партиципальной характеристике ситуации выбора личного имени жителями приграничных районов Витебской области – проблеме, наименее изученной в ономастической науке. С опорой на эмпирический материал, полученный при проведении очного и заочного анкетирования жителей приграничья (1097 респондентов), автору удалось выявить закономерности, которые в определенной степени отражают некоторые современные процессы: социальные перемены, эмансипированность номинативной ситуации, постепенную партиципальную феминизацию антропонимосферы.

Ключевые слова: приграничье, традиция, партиципация, выбор имени, номинатор.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 224–230)

The participational characteristic of the nominative situation in the border zone: the role of nominators in name giving process

Galkovskaya Y.M.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

Within the framework of the discourse of the formation of the Border studies theory for the recent decades accent in researching of the given phenomenon has been displaced towards the study of social lingual area and comprehension of the issue of people’s coexistence in the polycultural world. In connection with this the perspectives of linguistic in particular anthroponimic studies is of current importance. Revealing new social, cultural and language formations representing a peculiar social code of lifestyle is of great scientific and practical interest.

The given article is devoted to the participational characteristic of the situation of name choosing by the inhabitants of border areas of Vitebsk Region, the problem least studied in onomastics. With the help of the empirical material received during intramural and extramural questionnaire poll (1097 respondents) the author managed to reveal some laws which to a certain extent reflect some modern processes: societal changes, emancipation of the nominative situation, gradual participational feminization of anthroponimosphere.

Key words: border zone, tradition, participation, name choosing, nominator.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 224–230)

Адрес для корреспонденции: e-mail: yulya_galkovskaya@mail.ru – Ю.М. Галковская

Современные исследования феномена приграничья (border studies), несмотря на многолетние дискуссии о методологическом инструментарии и неоднозначности толкования объекта исследования, превратились в сложно организованную научную область, в которой превагирует междисциплинарный подход, предполагающий разностороннее изучение приграничного и пограничного пространств. Научное поле формируют геополитические (географические контуры приграничного пространства и его статусность), юридические (положение иммигрантов, информационный обмен), социальные (трудовая мобильность), экономические (трансграничное сотрудничество), культурологические и этнокультурные проблемы (идентификация населения приграничья сквозь призму ксенофобии и идеологии в рамках двух «границ»: временной и географической, кросс-культурная контактность, межкультурные потоки, когнитивные модели интерпретации «чужой» культуры и др.).

В последние десятилетия акцент в изучении феномена приграничья смещается в сторону исследования ментально-лингвального комплекса личности жителя приграничья. Особенности протекания процессов фило-, этно- и социогенеза, детерминированные территориальной спецификой региона, предвзвешивают перспективность изучения социолингвистического пространства, поскольку сама категория приграничья связана с определенным типом человека и характерного для него индивидуального и группового сознания, в котором сочетаются различные характеристики. Так или иначе, граница перестает рассматриваться как барьер и выступает как репрезентативный и нарративный феномен, а приграничье превращается в контактную зону, где активно протекают процессы взаимодействия языков и культур и происходит зарождение новых социокультурных и языковых формаций.

Степень изученности феномена приграничья языковедами невысока. Исследование северного периферийного субрегиона Беларуси началось сравнительно

недавно, в 90-е гг. XX в. Итогом изучения приграничья Витебщины стала коллективная монография «Белорусское Поозерье: язык и духовная культура» (Минск, 2001), посвященная вопросам историко-культурного и языкового развития территории.

Формированию целостного представления о социолингвальном пространстве приграничья Витебской области может способствовать информация о номинативных приоритетах жителей, что позволит расширить эвристические возможности исследования как лингвистических, так и экстралингвистических процессов в условиях полиязыковой и поликонфессиональной ситуации, сложившейся в результате исторической административно-территориальной трансформации и культурной диффузии сопредельных территорий. Так, исследование номинативной составляющей приграничной проблематики предполагает изучение ситуации именаречения с точки зрения партиципации близкого окружения в выборе личного имени новорожденному, анализ мотивов выбора имени и факторов, детерминирующих ситуацию антропонимного выбора.

Цель данной статьи – анализ ситуации выбора личного имени новорожденному в приграничном ареале, установление роли близкого окружения в вопросах присвоения имени, выявление закономерностей, отражающих современные номинативные тенденции и социальные процессы.

Материал и методы. В качестве метода изучения номинативных приоритетов жителей приграничного ареала Витебской области использовался раздаточный индивидуальный анкетный опрос в очной и заочной формах. В анкетировании приняли участие 1097 представителей разных возрастных групп: 1950-х (293 информанта), 1970-х (342), 1990-х гг. рождения (262); респондентами четвертой группы являлись родители, зарегистрировавшие своих

новорожденных детей в 2009–2012 гг. (200 человек).

Структура анкеты традиционна и состоит из введения (обращение к респонденту) и двух смысловых блоков. Композиция опросника разработана с опорой на общепсихологические принципы составления анкет, предложенные А.Н. Гусевым [1], и технологию социологического опроса, описанную И.Н. Кузнецовым. Содержательное наполнение анкеты сформировано с учетом рекомендаций по проведению социологического исследования по антропонимии и составлению опросного листа, озвученных Н.А. Бельком на Первой Поволжской конференции по ономастике, а также на основании уже известных вопросников [2; 3]. Использовался также метод наблюдения и интервьюирования.

Результаты и их обсуждение. Впервые вопрос о роли субъектов-номинаторов в сфере имянаречения был поднят российским ученым В.А. Никоновым в книге «Ищем имя» (М., 1988). Исследователь, поле деятельности которого связано с разработкой проблемы связи имени и общества, отмечал, что наряду с оставшейся «загадкой» мотивов выбора имени стоит и вопрос об имядателях, но «и здесь картина неполная» [4, с. 56]. Особую актуальность приобретает данная проблематика в наши дни, когда появляется все больше и больше паранаучной литературы по антропонимике, в том числе многочисленных компиляций на тему номинативного эзотеризма, и налицо девальвация социальной значимости имени для человека. Подтверждение сказанному – обширный диапазон интернет-сайтов и форумов, на которых молодые родители «блуждают» в поисках совета и рекомендации по выбору имени своему ребенку, зачастую забывая о том, что выбор имени – сугубо личное решение и ответственный шаг. Вопреки сказанному, известны случаи меркантильного отношения к акту номинации. Так, например, американская корпорация заплатила 12 тысяч долларов будущей матери за право дать ее ребенку имя – электронный адрес интернет-казино

«Golden Palace» GoldenPalace.com. В западных странах особой популярностью пользуется идея продавать имена на аукционе, пришедшая в 2006 г. в голову американскому морскому пехотинцу Коди Бейкеру, по инициативе которого был создан интернет-сайт для торгов. Благодаря интернет-блогам проект немедленно получил резонанс, а посетители сайта различных возрастов, в том числе и молодые родители, за определенное материальное вознаграждение нарекают своих детей именами-номенами либо меняют свои имена на таковые [см. www.choosemyname.com].

Несмотря на меркантильность и «псевдонаучные успехи псевдоономастов» [5] современности, акту присвоения личного имени новорожденному с древних времен отводилась особая роль. В народном самосознании с именем человека всегда связывали дальнейшую судьбу, счастье, силу или, наоборот, злой рок, слабость, несчастье, поэтому всегда с большой ответственностью подходили к его выбору, при этом большую значимость имел человек, непосредственно выбиравший имя. Так, например, у мусульманских народов в роли номинатора, как правило, выступал старейшина. У некоторых африканских племен, среди которых было распространено поверье, что новорожденный – это один из умерших предков данного рода, роль имядателя выполнял знахарь, который, гадая, определял имя «желавшего родиться вновь». В данном случае выбор имени новорожденному был обусловлен субъективно-объективными причинами – стремлением «воскресить» мудрого соплеменника. Наречение ребенка именем предка означает, в общем, не только проявление уважения, а знаменуется как бессмертие души. У алтайцев право имянаречения предоставлялось незнакомому человеку. Имя, выбранное им, должно было принести счастье ребенку [5, с. 36]. Тубалары – тюркоязычный народ на севере Алтайского края – для наречения ребенка приглашали всеми уважаемого старика, оказывая ему тем самым особое доверие и глубокое почте-

ние. После получения ответа на вопрос, нужный (мальчик) или ненужный (девочка) это ребенок, старик называл имя.

У представителей восточнославянских народностей (белорусов, русских и украинцев) номинаторами, как правило, выступали родители. Как свидетельствуют этнографы XIX в. и подтверждают энциклопедические материалы, на территории современных Беларуси и России широкое распространение имела семейная традиция выбора имени, когда выбор антропонима был возложен только на близких родственников (чаще всего мужчин: отца или деда). Зафиксированы случаи, когда свое личное имя «передал» первый встречный человек, которого отец новорожденного ждал, стоя на перекрестке дорог (Шарковщинский район Витебской области) [7, с. 40].

В XIX–XX вв. при выборе имени новорожденному опирались, главным образом, на древние традиции и обычаи, однако постепенно номинативная функция переходила от родителей новорожденного к священнослужителям. По замечанию

М. Смирновой, главная роль в выборе имени для мальчика принадлежала отцу, девочки – матери, однако чаще всего – священнослужителю [8, с. 255], который до событий 1917 г. выступал в роли главного номинатора, выбирая имя в соответствии с церковным календарем. Вместе с тем нередко имя выбирала повитуха, когда впервые купала ребенка и по просьбе родителей давала ему имя, совершая таким образом обряд имянаречения, имевший название «крещение ребенка водой» (Полесье и южные районы Беларуси). Выбор имени у жителей Могилевской губернии в XIX в., например, происходил следующим образом: бабка-повитуха покупала белый хлеб и шла к церковнику «за именем». Придя в дом и положив «подарок» на стол, она ожидала прочтения молитвы и выбора имени [7, с. 41].

В советский период в результате смены культурно-исторической и мировоззренческой парадигм и секуляризации

общественной жизни обязательность церковных канонов была отменена, а родителям, согласно Основам законодательства Союза ССР о браке и семье и Кодексу Белорусской ССР о браке и семье (статья 59), было предоставлено право свободного выбора имени новорожденному. Однако в некоторых районах по-прежнему сохранялись суеверия и отдельные дохристианские верования, связанные с процессом присвоения имени и особой ролью номинатора [10, с. 5].

На современном этапе развития общества правила присвоения имени изложены в законодательных актах, которые служат регуляторами процесса имянаречения. Так, в Республике Беларусь юридическим документом, согласно которому присваивается имя новорожденному, является действующий Кодекс Республики Беларусь о браке и семье. В частности, статья 69 Кодекса содержит следующие правовые установления: «Собственное имя ребенку дается с согласия родителей <...> Орган, регистрирующий акты гражданского состояния, не вправе отказать в присвоении ребенку выбранного родителями собственного имени, если только оно не противоречит нормам общественной морали, национальным традициям» [11, с. 41], т.е. юридически номинаторами выступают отец и мать новорожденного. Однако наряду с правовой детерминацией процедуры присвоения имени новорожденному и его фиксации в метрической записи существуют внутрисемейные и национальные традиции, договоренности, согласно которым имядателями являются, как правило, не только родители.

Квантитативно-кавалитативный анализ эмпирического материала показал, что в период с 1951 по 1960 г. в роли номинаторов выступали: *мать ребенка* (124 – 42,32%); *отец и мать совместно* (76 – 25,94%); *отец ребенка* (36 – 12,29%); *бабушка* (12 – 4,10%); *мать и бабушка совместно* (4 – 1,36%); *тетя новорожденного* (3 – 1,02%); *священнослужители* (в том числе *ксендз*) (3 – 1,02%); *родители и ксендз совместно* (2 – 0,68%); *родители и бабушка совместно* (1 – 0,34%); *мать и*

ксендз совместно (1 – 0,34%); отец и бабушка совместно (1 – 0,34%); врач (1 – 0,34%). 28 опрошенных (9,56%) не указали имядателя.

В 1971–80 гг. с партиципальной позиции картина имянаречения выглядит следующим образом: имядателями являлись мать ребенка (163 – 47,66%); родители (101 – 29,53%); отец (34 – 9,94%); бабушка (14 – 4,09%); мать и бабушка совместно (7 – 2,05%); родители и бабушка совместно (3 – 0,88%); дедушка (3 – 0,88%). Единожды в роли номинаторов выступили крестная мать (1 – 0,29%); крестный отец (1 – 0,29%); крестная мать и мать совместно (1 – 0,29%); дядя (1 – 0,29%); старшая сестра новорожденного (1 – 0,29%); тетя (1 – 0,29%); бабушка и дедушка совместно (1 – 0,29%). 10 респондентов (2,92%) не ответили на поставленный вопрос.

За период 1991–2000 гг. в номинативной практике в процессе выбора имени непосредственное участие принимали мать (119 – 45,42%); родители (87 – 33,21%); отец (20 – 7,63%); мать и бабушка совместно (7 – 2,67%); бабушка (5 – 1,91%), крестная мать (4 – 1,53%); старшая сестра или брат новорожденного (3 – 1,15%); мать, отец, бабушка и дедушка совместно (2 – 0,76%); тетя (2 – 0,76%); родители и бабушка (1 – 0,38%); крестные родители (1 – 0,38%); священнослужитель (1 – 0,38%). Менее 3% опрошенных (10 человек) не обладают информацией о человеке, выбравшем имя.

В 2009–2012 гг. субъектами номинаторами выступили мать (69 – 34,5%); мать и отец совместно (69 – 34,5%); родители и бабушка совместно (14 – 7%); мать и бабушка совместно (11 – 5,5%); бабушка (10 – 5%); отец (6 – 3%); родители, бабушка и дедушка совместно (4 – 2%); крестные родители (4 – 2%); отец и бабушка совместно (2 – 1%). Единожды зафиксированы следующие имядатели: дедушка (1 – 0,5%); тетя (1 – 0,5%); мать и старшая сестра новорожденного (1 – 0,5%); родители, бабушка и старшая сестра новорожденного (1 – 0,5%); мать и ее подруга (1 – 0,5%); мать и ее сестра (1 – 0,5%); крестная мать и

священнослужитель (1 – 0,5%); мать и крестная мать (1 – 0,5%); родители и священнослужитель (1 – 0,5%). В двух анкетах на данный вопрос не был получен ответ.

Анализ анкетных материалов позволил выявить определенные закономерности, которые, на наш взгляд, отражают некоторые современные социальные процессы. Так, ведущая роль номинатора принадлежит матери новорожденного, несмотря на уменьшение процентной доли ее участия в номинативном процессе

(с 42,32% в 1950-х гг. до 34,5% в 2009–2012 гг.). Отцы стали принимать самостоятельное решение по выбору личного имени новорожденному значительно реже (с 12,29% до 3%), при этом число случаев принятия совместного решения возросло (с 25,94% до 34,5%). Ослабление номинативных интенций у отцов может свидетельствовать о большей значимости женщины в вопросах имянаречения, что является неоспоримым фактом с точки зрения бихевиористской теории, согласно которой биологическая (природная) связь матери и ребенка прочнее. Спад активности участия мужчин может также являть собой распространение идеи женской эмансипации на антропонимную практику. Как полагает доктор социологических наук Л.Г. Титаренко, изменения аксиологических приоритетов, стихийно сложившихся в Республике Беларусь, связаны с общемировыми тенденциями эмансипации, гендерного равенства, распространения индивидуализма и личностной свободы во всех сферах жизнедеятельности [12], в том числе номинативной.

Первостепенную роль матери в выборе имени подчеркивают и зарубежные ономатологи, в частности Эдвард Кэфлери – редактор американского издания «Names: A Journal of Onomastics» [13]. Особую значимость женщины в номинативной практике подтверждает и тот факт, что бабушки в среднем в 5 раз чаще выступают в роли главных номина-

торов, чем дедушки (1950-е гг. – 4,10% и 0%; 1970-е гг. – 4,09% и 0,88%; 1990-е гг. – 1,91% и 0%; 2009–12 гг. – 5% и 0,5% соответственно).

Показательна постепенно растущая амплитуда процентной доли участия крестных родителей (совместно или обо-собленно) в вопросах выбора имени: 1950-е гг. – не указаны в качестве номинаторов; 1970-е гг. – 3 случая (0,88%); 1990-е гг. – 5 (1,91%); 2009–2012 гг. – 6 (3%). Данную количественную прогрессию можно объяснить изменением мировоззренческих установок людей и их отношения к религии.

Заключение. Обобщая наблюдения над партиципальной характеристикой ситуации антропонимного выбора с точки зрения диахронии, отметим, что в настоящее время в Республике Беларусь согласно действующему Кодексу РБ о браке и семье юридическое право выбора личного имени и регистрации новорожденного предоставляется родителям, однако в роли субъектов-номинаторов могут выступать и другие члены семьи, преимущественно женщины (бабушки, старшие сестры, тети), знакомые, священнослужители и даже врачи. Доминирование женщин в вопросах номинативной селекции, думается, обусловлено не только психологическими и биогенетическими факторами. В некоторой степени оно идентифицирует ряд процессов: социетальные перемены, в частности численное уменьшение нуклеарных семей, эмансипированность номинативной ситуации и постепенную партиципальную феминизацию антропонимосферы.

Литература

1. Гусев, А.Н. Измерение в психологии: об-щций психологический практикум / А.Н. Гусев, Ч.А. Измайлов, М.Б. Михалева. – М.: Смысл, 1997. – 286 с.
2. Анамастыка беларускага сяла: мета-д. рэкамендацыі для студэнтаў 2-га курса факультэта беларускай мовы і літаратуры да правядзення дыялекталагічнай практыкі / уклад. Г.М. Мезенка, З.В. Рубцова. – Віцебск, 1994. – С. 15–19.
3. Антропонимическая анкета // Вопросы топонимистики. – 1972. – № 6. – С. 101–103.
4. Никонов, В.А. Ищем имя / В.А. Никонов. – М.: Советская Россия, 1988. – 125 с.
5. Ковалев, Г.Ф. И это якобы «все о русских именах» / Г.Ф. Ковалев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.familii.ru/onomastika/antropomica/105-2006-07-19-01-31-54>. – Дата доступа: 25.08.2012.
6. Ивашко, В.А. Как выбирают имена / В.А. Ивашко; под ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд., доп. – Минск: Выш. шк., 1988. – 239 с.
7. Кухаронак, Т.І. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў: канец XIX – XX ст. / Т.І. Кухаронак / АН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
8. Смирнова, М. Родильные и крестильные обряды крестьян села Голицына Курганской волости Сердобского уезда Саратовской губернии / М. Смирнова //
9. Этнографическое обозрение. – 1911. – № 1–2. – С. 252–256.
10. Чучка, П.П. Антропонимия Закарпатья: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.661 / П.П. Чучка; Киевский ордена Ленина государственный университет им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1970. – 42 с.
11. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: К-55, 9 июля 1999 г., № 278-З. – Минск: Амалфея, 2011. – 168 с.
12. Титаренко, Л.Г. Тенденции изменения идентичности и базовых ценностей белорусов / Л.Г. Титаренко // Восточноевропейские исследования. – 2005. – № 2. – С. 87–100.
13. Can't Stop Playing the Name Game [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.uta.fi/FAST/US7/NAMES/namegame.html. – Дата доступа: 23.07.2011.

Поступила в редакцию 07.09.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

УДК 821.161.1-312.09+821.161.3-312.09

Русское и белорусское фантастоведение

Шумко В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье раскрываются теоретические аспекты функционирования русской и белорусской фантастической литературы. Анализируется процесс формирования литературоведческих воззрений на данную тему. Научные работы сгруппированы по степени значимости для развития фантастики. При анализе состояния белорусского фантастоведения указаны основные факторы, определившие подчиненное положение белорусской фантастики к русской литературе в середине XX века. Выявлены особенности подходов критиков при трактовке категории «фантастическое», намечены общие тенденции изучения фантастики в обеих литературах. Исследованы границы понимания фантастического в белорусской критике, указаны типовые ошибки литературоведов. Отмечены качественные изменения в развитии белорусской фантастики последних лет, которые формируют из нее оригинальную область литературы. Белорусская фантастика значительно отличается от русской сплавом философских тенденций конца XX века и «классических» моделей художественных миров авторов начала XX века, являясь особым вариантом «нереальной» прозы.

Ключевые слова: жанр, фантастика, фантастоведение, фантастическое.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 231–236)

Russian and Belarusian fantasy studies

Shumko V.V.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

This article reveals theoretical aspects of functioning of Russian and Belarusian fantasy literature. The process of building up literary views on this subject is analyzed. Scientific works are grouped according to the degree of importance in the development of fantasy. Main factors that determined the inferior status of Belarusian fantasy to the Russian literature in the mid-20th century are specified in the analysis of the state of Belarusian fantasy studies. Peculiarities of the approaches of literary critics in the interpretation of the category of fantastic are identified; general tendencies of studying fantasy in both the literatures are outlined. Borders of understanding of the fantastic in Belarusian criticism are investigated; main errors of literary critics are specified. Qualitative changes are marked in the development of Belarusian fantasy in recent years that form the original field of literature. Belarusian fantasy considerably differs from Russian by the alloy of philosophical tendencies of the late XX century and “classical” models of the art worlds of authors of the early XX century, being a special variant of “unreal” prose.

Key words: genre, fantasy, fantasy studies, fantastic.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 231–236)

Адрес для корреспонденции: e-mail: DAEDRA73@yandex.ru – В.В. Шумко

Фантаствоведение как наука складывается с 1970-х годов XX века с появлением первых диссертационных исследований по этой тематике, однако до сих пор актуальными остаются вопросы раннего периода развития этой науки. Вариативная терминология, неверные классификации, анализ фантастики без свойственных ей периодов жанровых экспериментов – все это затрудняет построение единой картины развития «нереальной» литературы.

Становление белорусской фантастики с 1950-х годов несколько затянулось, белорусское литературоведение методично повторяет ошибки русских исследователей, что делает не менее актуальным теоретическое изучение научного наследия. В статье приводятся основные сведения по данному вопросу, прогнозируются дальнейшие перспективные направления исследования фантастики.

Целью работы является систематизация литературоведческих работ по русской и белорусской фантастике.

Материал и методы. Материалом для данной работы стали литературоведческие труды Р.И. Альбетковой, Е.Н. Ковтун, Б.С. Мейлаха, Е.М. Неелова, И.В. Семибратовой, И.А. Тихонова, М.Б. Храпченко, Т.А. Чебанюк. Методологическую основу статьи составляют сравнительный, конкретно-исторический и типологический методы. Объектом исследования стали работы литературоведов, связанные с анализом фантастической литературы. Предметом исследования стало формирование такой отрасли литературоведения, как фантаствоведение.

Результаты и их обсуждение. Существует ряд высказываний современников литературного процесса первой половины XIX века о чудесных произведениях, которые последовательно приводят исследователи. Но для характеристики фантастических повестей эти обрывки мыслей барона Е.Ф. Розена, С.П. Шевырева и др. малозначительны. Первой осмысленной попыткой выделить фантастические произведения в отдельную группу была статья «Речь о критике»

В.Г. Белинского, где он нарисовал картину исторического развития форм фантастического от мифологии до литературы начала XIX века.

Вторая волна литературоведческих работ о фантастике появляется в начале XX века. Вначале выделяются два направления, где начинает мелькать термин «фантастика»: 1) в первом изучалось идейное своеобразие произведений (П.Н. Сакулин, М.О. Гершензон, В.В. Сиповский, В.В. Гишпиус); 2) во втором исследовалась художественная специфика текстов (символисты В.Я. Брюсов, А. Белый, В.В. Розанов). Кроме того, в 1920-х годах различные аспекты «околофантастических» произведений рассматривались Ю.Н. Тыняновым, В.В. Виноградовым, Б.М. Эхейнбаумом.

В 1930-е годы выходят работы о фантастике, на деле культивирующие упрощенно-социологический подход (В.Ф. Переверзев).

С 1970-х годов издаются действительно плодотворные труды о фантастике. Сначала в описательных статьях авторы затрагивают вопросы эволюции жанра, его этимологии (А.Ф. Бритиков). Работы научно-популярного характера подготавливают более концептуальное обращение к теме фантастического жанра, хронологически продолжаясь до середины 1990-х годов (В.А. Бахтина, Г.И. Гуревич, Б.В. Ляпунов, А.Н. Осипов, Е.И. Парнов, В.А. Ревич и др.).

В 1970–1990-е годы появляются диссертационные исследования Е.М. Неелова, И.В. Семибратовой, И.А. Тихонова, Т.А. Чебанюк. В них рассматриваются частные вопросы функционирования фантастического жанра. Специфические изыскания в области сравнительных исследований свойств фантазии, ее структурных компонентов сделаны в монографии Ц. Тодорова.

С 1990-х годов публикуются научные работы о фантастике в Интернете, характеризующаясь, в подавляющем большин-

стве, популяризаторским подходом к анализу материала.

Подробнее с данным материалом можно ознакомиться в нашем курсе лекций «Фантастический жанр в литературе XIX–XX веков: становление и развитие» [1].

Исследований по белорусской фантастике выходит мало, полноценные библиографии отсутствуют. В литературоведении мы вынуждены констатировать этап «накопления» критического материала о творчестве одного автора, комплексный анализ именно теории жанра, предметный разговор о специфике отечественной фантастической литературы не ведется. Необходимость же подобной «самоидентификации» очевидна и не является прихотью классификационного дробления. Белорусская фантастика значительно отличается от русской сплавом философских тенденций конца XX века и «классических» моделей художественных миров Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, являясь особым вариантом «нереальной» прозы. Бережное исследование и сохранение подобных традиций позволит избежать опасности некоторой коммерческой безликости фантастической литературы нынешнего времени.

Отрадным является в свете вышесказанного факт оживления издательского интереса к отечественной фантастике в самой Беларуси. С 2009 года издается серия «Белорусская современная фантастика», которая насчитывает 23 издания на 2011 год. В 2009–2010 гг. в целевой серии издательства вышли ранее не издававшиеся романы Силецкого, Ануфриева, Новаш, Иванова-Смоленского, а также тетралогия повестей Трусова (Цеханского), авторские сборники Дрозда и Деревянко. Переизданы отдельные произведения Брайдера и Чадовича, Куличенко, Чергинца. Издательство «Галіяфь» приступило в 2011 году к выпуску серии «Калекцыя беларускай фантастыкі». Старт серии дал сборник минского писателя, поэта и переводчика, одного из основателей движения «Бум-Бам-Лит», Сержа Минкевича – «Сад

Замкнёных Гор». В книгу вошли романы «Сад Замкнёных Гор» (квази-фэнтэзи) и «Забаўкі для малодшых» (космическое фэнтэзи), повесть «Гіперновы рабінзон» и несколько рассказов. В издательстве «Мастацкая літаратура» в серии «Млечны Шлях» вышли две антологии, в которых собраны фантастические рассказы и повести разных лет, написанные как на белорусском, так и на русском языках.

Мы намеренно акцентируем внимание на жанровом подходе к фантастике, так как это позволяет избежать некоторой терминологической путаницы: существует академическое понимание фантастики как художественного метода отображения действительности и фантастики как жанра. Нежелательное смешение определений в некоторых работах привело к устоявшейся практике отождествления произведений с «элементами фантастики» и собственно фантастических книг. Так появляется, например, термин «социальная фантастика» (например, «Нос», «Шинель» Н. Гоголя), который сейчас трактуется как название определенного направления в литературе, как стилевой прием, как жанр и т.д., хотя для последнего необходимо наличие специфических конфликта, образности, свойств пространства и времени в целом. Таким образом, понимание фантастики как приема имеет слишком широкие рамки для научного анализа, поэтому наметилась тенденция выделения таких жанровых разновидностей, где слово «фантастика» главенствует, то есть изучаются фантастические произведения, а не произведения с элементами фантастики.

Неофициальную, но пока наиболее полную подборку обзоров белорусской фантастики сделал Раругус на известном портале «Лаборатория фантастики», который четко разграничил фантастику как жанр и прием письма, справедливо указав на излишне широкие рамки для исследователей собственно фантастики в последнем случае. Именно Раругус указал на особенности белорусской литературы, тяготеющей к фантастике: «наиболее удачные произведения у белорусских

писателей отыскиваются в основном где-то в приграничной зоне между фантастической и реалистической литературой» [2]. Действительно, среди современных авторов наиболее распространены такие жанры, как мистика, сказка, утопия, детектив, притча, предание с элементами фантастики. Строго говоря, сами по себе фантастическими эти жанры не являются, но использование целого комплекса жанров в подобном антураже и составляет пока суть белорусской фантастики.

Г. Зенова в работе «Фантастыка ў беларускіх апавяданнях 80–90-х гг.» (1999) дает краткий обзор имен, сопровождая теоретические посылки широким пониманием термина (как фантастическое в целом, жанр, тип литературы) [3]. Определения жанра здесь не дается, отсутствует анализ исследовательской базы.

Г. Воронова началом белорусской научной фантастики (далее – НФ) называет драму К. Крапивы «Брама неўміручасці» (1973), далее развитие НФ связывает с творчеством В. Шитика, где утверждается вера в науку, мощь человеческого разума идеализированного первопроходца [4].

Исследователь указывает, что фантастика 1980–1990-х годов характеризуется разочарованием в техническом прогрессе:

1) в результате экологической катастрофы (произведения В. Гигевича «Пабакі», А. Минкина «Карова», Л. Дайнеки «Чалавек з брыльянтавым сэрцам», Я. Сипакова «Блуканне па іншасвеце», А. Федоренко «Смута ...»);

2) в «иронической» фантастике творчество А. Павлихина;

3) в «космической» НФ: В. Гигевич («Карабель», «Марсіянскае падарожжа», «Кентаўры»), В. Климович («Сістэма Баслі», «Чацвертая ад Рэгула»).

Тогда же возникает белорусская антиутопия (В. Гигевич «Карабель»; А. Минкин «Праўдзівая гісторыя Краіны Хлудаў»), философская фантастика (Я. Сипаков «Тыя, хто ідуць» и «Падары нам дрэва»; П. Васюченко «Белы

мурашнік»), главной чертой которых становится печальная ирония.

Важным является утверждение критика о тематическом изменении современной белорусской фантастики по сравнению с фантастикой 60–70-х годов: возрастает критичность в оценке перспектив человека в связи с развитием науки.

С. Минкевич «по доле фантазии» делит фантастическую литературу на два течения, фэнтэзийное и научное [5]. В последнем распространены следующие разновидности: фантастика предупреждения, социальная фантастика (под этим здесь понимается утопия), киберпанк и др. Корни фэнтэзийной литературы (как магическо-мистической) критик находит в белорусском фольклоре и верованиях, творчестве А. Мицкевича (утраченная фантастическая повесть о Литве 2000-го года), дневниковых записях Я. Дроздовича. Вступление в космическую эру дало новый импульс фантастике (повести В. Шитика). На современном этапе выделяется философской насыщенностью проза В. Гигевича, Ю. Станкевича, И. Шударевой, П. Семинского.

С. Солодовников понимает фантастику как художественную условность и находит ее в сказке, мифе [6]. Художественным методом фантастики является «адваротная мифатворчасць», т.е. переустройство мира. Научная фантастика при этом является новейшей мифологией. Далее под фантастикой понимается специфический художественный образ. Начало белорусской фантастики связывается с XX веком, когда разрабатывался жанр сказки в творчестве Богдановича, Тетки, Бедули, Коласа. В Беларуси первым в жанре НФ стал работать Я. Мавр «Чалавек ідзе» (1920) – история жизни древних людей. Смешения разных теорий, классификаций фантастики здесь очевидны. Далее впервые приводится хронологический ряд произведений белорусской научной фантастики: «Апошняя арбіта» (1962), «Зорны камень» (1967), «Парсекі за кармой» (1970), «У час не вярнуліся» (1975)

В. Шитика. В 1973 году появляется комедия «Брама неўміручасці» К. Крапивы.

А. Павлихин в статье «Ці існуе беларуская фантастыка?» приводит достаточно полный перечень имен писателей-фантастов с конца 1980-х годов [7].

Н. Химардин отмечает нарастающий кризис белорусской фантастики с 2000 годов, указывает на единичность известных авторов [8]. Действительно, на постсоветском пространстве известны имена лишь Ю. Брайдера и Н. Чадовича, работавших в соавторстве. Их первая публикация «Парушальнік» (1983), дальнейшие сборники «Поселок на краю Галактики», «Ад на Венере», романы «Телепатическое ружье», «Евангелие от Тимофея», «Клинка Максара» и др., опубликованные на русском языке, получили признание критики: премии «Странник», «Меч Руматы», «Меч в зеркале». Но на развитие белорусской фантастики творчество указанных авторов в силу их «пророссийской» настроенности напрямую не повлияло.

В современном литературоведении преобладает комплексный подход к такому сложному явлению, как фантастика, что плодотворно реализуется на уровне монографий и диссертационных исследований в широком понимании фантастики как некоей «области литературы». Данное понятие не исключает трактовку «нереальной» литературы и как жанрового комплекса, и как художественной детали.

Белорусская научная фантастика нами понимается в более обобщенном смысле: до распада СССР сюда включаются и книги, издававшиеся белорусскими авторами на русском языке (например, творчество А. Геращенко, В. Гончарова, В. Гусева, Е. Дрозда, В. Козько, Н. Новаш, В. Павлова, А. Потупы, В. Строкина, А. Фомицы и др.). Учитывая некоторую «интернациональность» НФ и официальное двуязычие, это представляется наиболее корректным, а также позволит несколько увеличить исследовательскую

базу, что для Беларуси является критически важным.

Заключение. Степень изученности фантастики не соответствует реалиям современного момента: нет четкой модели эволюции фантастики, что сопровождается терминологической путаницей. До сих пор а) не определены критерии разграничения жанровых разновидностей фантастических произведений (ныне существующие характеризуются формальным подходом и часто включают единицы, состоящие из одной повести); б) не решен вопрос о специфике фантастического творчества отдельных авторов; в) фантастика подается как статичное явление без свойственных этому жанру периодов активности и затухания; г) результаты исследований по отдельным проблемам фантастического творчества не укладываются в общую схему литературного процесса, что обедняет саму значимость исследований.

Перспективными направлениями для литературоведов остаются изучение фантастики как жанра и приема творчества, жанровых модификаций фантастики, выявление специфики русских и белорусских фантастических произведений.

Литература

1. Шумко, В.В. Фантастический жанр в литературе XIX–XX веков: становление и развитие: курс лекций / В.В. Шумко. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – 77 с.
2. <http://fantlab.ru/user33996/blog>.
3. Зенава, Г.М. Фантастыка ў беларускіх апавяданнях 80–90-х гг. / Г.М. Зенава // Весн. Белар. дзярж. ун-та. – 1999. – № 2. – С. 14–17.
4. Воранава, Г. У краіне антыўтопіі / Г. Воранава // Полымя. – 2001. – № X. – С. 267–311.
5. Мінкевіч, С. Па слядах яе вялікасці фантастыкі / С. Мінкевіч // Маладосць. – 2005. – № 3. – С. 115–118.

6. Саладоўнікаў, С. Поплеч з мараю / С. Саладоўнікаў // Маладосць. – 1979. – № 6. – С. 157–163.
7. Паўліхін, А. Ці існуе беларуская фантастыка? / А. Паўліхін // Маладосць. – 2004. – № 5. – С. 142–143.
8. Хімардзін, М. Ці будзе ў Беларусі свая фантастыка? / М. Хімардзін // ЛіМ. – 2005. – 4 сак. – С. 7.

Поступила в редакцию 27.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
 - индекс УДК;
 - название статьи;
 - фамилия и инициалы автора (авторов);
 - организация, которую он (они) представляет;
 - введение;
 - раздел «Материал и методы»;
 - раздел «Результаты и их обсуждение»;
 - заключение;
 - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается короткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможности применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не

-
- принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
 11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
 12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).
 13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
 14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
 15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles

written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
 - UDK index;
 - title of the article;
 - name and initial of the author (authors);
 - institution he (she) represents;
 - introduction;
 - “Material and methods” section;
 - “Findings and their discussion” section;
 - conclusion;
 - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be

-
- identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
 - title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
 - author's home address, telephone number, e-mail address;
 - recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
 - expert conclusion on the feasibility of the publication.
 14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
 15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 14

Компьютерный дизайн	Т.Е. Сафранкова
Корректор	Л.В. Моложавая

Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,01. Уч.-изд. л. 18,65. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.